

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(31)

Москва
2016

ISSN 1681-1062

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелик Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1 (31)

Moscow
2016

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>И. А. Мельчук.</i> Формальное выражение вида в русском глаголе.....	9
<i>Е. В. Урысон.</i> Изменение структуры полисемии и модальных рамок слова: наречие <i>впору</i> в XIX веке и теперь	24
<i>О. Ю. Инькова.</i> Русские предложения типа <i>Как сидел на кушетке, так и покатился со смеху:</i> семантические и синтаксические свойства	62
<i>В. В. Баранова.</i> Конструкции со счетными словами и семантическая одушевленность в русском языке	84
<i>К. В. Осипова.</i> Обозначения жидких молочных продуктов в русских говорах: семантико-мотивационный аспект	101
<i>О. Д. Сурикова.</i> О нетривиальной семантике русских слов с приставкой <i>без-</i>	130
<i>Р. В. Ронько.</i> Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке	158
<i>Т. В. Пентковская.</i> Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу	182
<i>С. М. Кусмауль.</i> Анонимная грамматика XVII в. и книжная справа 1620-х гг.	227
<i>И. И. Макеева.</i> Акцентуация киевских старопечатных изданий «Николина жития»	249

Информационно-хроникальные материалы

Пятая Международная научная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии». (К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе) (<i>А. В. Малышева, Е. В. Колесникова</i>).....	281

Пятая Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития» (<i>Е. А. Мишина, Е. В. Урысон</i>)	292
XLVII Виноградовские чтения в МГУ им. М. В. Ломоносова (<i>Н. К. Ошпенко</i>)	303
Сведения об авторах	308
Правила подачи статей	310

CONTENTS

Articles

<i>Igor Mel'čuk.</i> Formal expression of aspect in Russian	9
<i>Elena V. Uryson.</i> The change of polysemy and of modal frames of the word <i>vporu</i> (from the beginning of the 19th century until now)	24
<i>Olga Yu. Inkova.</i> Russian sentences <i>kak sidel na kushetke, tak i pokatilsja so smekhu:</i> semantic and syntactic properties	62
<i>Vlada V. Baranova.</i> The numeral classifier construction and semantic animacy in Russian.....	84
<i>Kseniya V. Osipova.</i> Names for liquid dairy products in Russian dialects and their semantic motivation	101
<i>Olesya D. Surikova.</i> On the non-trivial semantics of Russian words formed with the prefix <i>bez-</i>	130
<i>Roman V. Ronko.</i> Differential object marking in infinitival clauses in Old Russian.....	158
<i>Tatiana V. Pentkovskaya.</i> The New Testament in the translation of the circle of Epiphanius Slavinskij and the Polish translation tradition of the 16th century: Translation of Summae in the Apostolos	182
<i>Svetlana M. Kusmaul.</i> An anonymous grammar of the 17th century and the correction of Russian liturgical books in the 1620s.	227
<i>Irina I. Makeeva.</i> Accentuation in the old-print editions of the "Life of St. Nicholas"	249

Reports

The Fifth International Conference "Actual problems of Russian dialectology: on the occasion of the 100th anniversary of the Dialectological map of the Russian language in Europe" (<i>Anna V. Malysheva, Elena V. Kolesnikova</i>).....	281

The Aspectual Semantic Zone: Typology of Systems and Scripts of Diachronic Progresses: The Fifth Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists (<i>Ekaterina A. Mishina, Elena V. Uryson</i>).....	292
Highlights of the 47th Vinogradov Conference in Lomonosov Moscow State University (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>).....	303
Authors.....	308
Notes for contributors	310

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. МЕЛЬЧУК

ФОРМАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВИДА В РУССКОМ ГЛАГОЛЕ

1. Постановка задачи

Русскому глагольному виду посвящено астрономическое количество работ. Но, как это ни удивительно, насколько мне известно, ни во всевозможных учебных пособиях, ни в теоретических исследованиях не предлагается эксплицитный, четкий и полный ответ на такой, казалось бы, банальный вопрос:

|| Чем выражается вид в конкретной русской глагольной форме?

Частичные ответы хорошо известны: например, в глаголе *на+пис-[ать]* С(ов.)В(ид) выражен префиксом *на-*, а в глаголе *перепис+ыва(ј)-[ть]*, Н(е)СВ выражен суффиксом *-ыва(ј)-*.

NB: Особенности русской графики — в частности наличие йотированных/смягчающих букв «е», «ё», «ю», «я» — таковы, что для целей морфологического описания словоформ приходится использовать условную запись с «ј» и символом палатализованности «^ʹ»: например, *читај-* (основа глагола *читать*) или *люб^ʹ-* (основа глагола *любить*). Конечный *ј* усекается перед согласными: *переписыва(ј)+л* ⇒ *переписывал*; усекаемый графический элемент показывается круглыми скобками.

Однако, например, каков показатель НСВ у глагола *пис-[ать]* и показатель СВ у глагола *перепис-[ать]*¹? Относительно второго стандартный ответ гласит: префикс *пере-*. Но с точки зрения синхронной **флексивной** морфологии у этого глагола нет префикса: *пере-* является словообразовательным, а не флексивным показателем, и в спряжении глагола ПЕРЕПИСАТЬ, т. е. в построении его флексивных форм, он участия не принимает. (Префикс *пере-* в ПЕРЕПИСАТЬ — это показатель определенного способа

---

¹ Элемент *-а-* в окончании *-ать* (*-и-* в окончании *-ить* и т. д.) — это семантически пустой флексивный суффикс, называемый **те м а т и ч е с к и м**. Он появляется в строго определенных условиях перед консонантными показателями граммем, т. е. перед суффиксами глагола — при построении флексивных форм глагольной лексемы. Подчеркнем: этот суффикс не принадлежит основе глагола.

действия, т. е. Aktionsart; в плане словоизменения он не более, чем «этимологический» элемент.) Аналогично обстоит дело со многими другими глаголами. Так, чем выражен НСВ в *сохн-[уть]*, *состој-[ать]* и *оборудова(j)₁-[ть]* [*Они оборудовали спуск два часа*]? И чем выражен СВ в *куп-[уть]*, *ста(н')-[ть]* и *оборудова(j)₂-[ть]* [*Они оборудовали спуск за два часа*]? А в *переход₁-[уть]* [*Он переходил ферзём*, СВ] vs. *переход₂-[уть]* [*Он переходил улицу*, НСВ]?

Цель настоящей статьи — дать на сформулированный выше вопрос всеобъемлющий ответ (т. е. такой, который годился бы для любой глагольной формы), расширив и развив предложение, высказанное в [Мельчук 2001: 402].

2. Принятые допущения

Предлагаемое описание опирается на следующие посылки (каковые в статье не обсуждаются, а принимаются как постулаты).

1) В русском языке вид — это флективная (= словоизменительная) категория, с двумя граммемами: СВ и НСВ. Любой русский глагол всегда выступает в форме по крайней мере одного из видов: в русском языке глагола без вида быть не может, как не может быть существительного без числа. При этом огромное количество глаголов имеют оба вида, и для таких глаголов говорящий должен всякий раз выбирать вид, нужный ему по смыслу и допустимый в данном контексте.

Общеизвестно, что вид — весьма специфическая флективная категория: со сложной семантикой граммема, с чрезмерным количеством *perfectiva / imperfectiva tantum*, многие из которых семантически необъяснимы, с нерегулярным выражением и т. д. (см., например, [Перцов 2001: 128—138], где перечисляются антифлективные «грехи» русского вида). Однако, поскольку вид в русском языке обязателен и граммама вида может выбираться говорящим, русский вид — категория флективная, имеющая две указанные граммема. Видовые пары устанавливаются по следующему правилу.

Видовые пары в русском языке

Пусть имеются два глагола $V_{СВ}$ и $V_{НСВ}$, которые связаны регулярными морфологическими и морфонологическими отношениями, т. е. имеют одну и ту же морфемную основу², и между которыми исследователь не видит отчетливых семантических различий — за исключением видовых.

² О с н о в а словоформы — это та ее часть, которая не включает флективных (= словоизменительных) знаков; основа может, разумеется, содержать словообразовательные показатели любых типов. На морфемном уровне всякая лексема имеет одну основу, общую для всех ее словоформ. Эта основная морфема содержит одну

Глаголы $V_{\text{СВ}}$ и $V_{\text{НСВ}}$ являются видовой парой — т. е. принадлежат к одной лексеме, если и только если одновременно выполняются два следующих условия:

1. $V_{\text{СВ}}$ не имеет другого $V'_{\text{НСВ}} \neq V_{\text{НСВ}}$.
2. $V_{\text{НСВ}}$ в настоящем историческом полностью синонимичен с $V_{\text{СВ}}$ в **любом** контексте (критерий Маслова: [Маслов 1948]).

Эти условия логически независимы; каждое из них необходимо, но по отдельности не достаточно. Приведем примеры.

- (1) Пара **ПАКОВАТЬ** ~ **ЗАПАКОВАТЬ**: условие 1 не выполнено, условие 2 выполнено.
  - a. **ЗАПАКОВАТЬ** имеет, кроме **НСВ ПАКОВАТЬ**, еще и **НСВ ЗАПАКОВЫВАТЬ**.
  - b. *Он приехал и за три дня **запаковал** все книги. ~ Он приезжает и за три дня **пакует** все книги.*
ПАКОВАТЬ ~ **ЗАПАКОВАТЬ** не образуют видовую пару: это две разные лексемы (весьма близкие по смыслу).
- (2) Пара **РУБИТЬ** [дрова] ~ **ПОРУБИТЬ**: условие 1 выполнено, условие 2 не выполнено.
  - a. **ПОРУБИТЬ** не имеет другого **НСВ**, кроме **РУБИТЬ**: *порубливать.
  - b. *Он приехал и за три дня **порубил** все дрова. ~ Он приезжает и за три дня ***рубит** все дрова.*
РУБИТЬ ~ **ПОРУБИТЬ** не образуют видовую пару: это две разные лексемы (но, как и глаголы предыдущей пары, очень близкие по смыслу).
- (3) Пара **ЕСТЬ** [колбасу] ~ **СЪЕСТЬ** [колбасу]: оба условия — 1 и 2 — не выполнены.
  - a. **СЪЕСТЬ** имеет, кроме **НСВ ЕСТЬ**, еще и **НСВ СЪЕДАТЬ**.
  - b. *Он приехал и за три дня **съел** всю колбасу. ~ Он приезжает и за три дня ***ест** [надо: *съедает*] всю колбасу.*
ЕСТЬ ~ **СЪЕСТЬ** не образуют видовую пару: это две разные лексемы (которые тоже квазисинонимичны).
- (4) Пара **СТРОИТЬ** [дом] ~ **ПОСТРОИТЬ**: оба условия — 1 и 2 — выполнены.
  - a. **ПОСТРОИТЬ** не имеет другого **НСВ**, кроме **СТРОИТЬ**: *постраивать.
  - b. *Он приехал и за три дня **построил** дом. ~ Он приезжает и за три дня **строит** дом.*
СТРОИТЬ ~ **ПОСТРОИТЬ** образуют видовую пару: это флективные формы одной лексемы.

Глаголы, образующие видовую пару, являются словоформами одной и той же глагольной лексемы; глаголы, не образующие видовую пару, являются словоформами двух разных глагольных лексем. Тем самым популярная

или несколько алломорф, в подавляющем большинстве случаев связанных чередованиями; среди них в принципе могут быть и супплетивные алломорфы.

идея о видовых тройках типа *есть* ~ *съесть* ~ *съеда́ть* должна пониматься следующим образом: *ЕСТЬ* [колбасу] — это одна глагольная лексема, не имеющая форм СВ (т. е. это — *imperfectivum tantum*); *СЪЕСТЬ* [колбасу] — это другая лексема, имеющая формы СВ *съесть* и НСВ *съеда́ть*.

2) В русских видовых парах одна форма обычно морфологически проще другой — на аффикс³; общей основой обеих форм является, естественно, основа морфологически более простой формы. В одних случаях форма СВ образуется от основы НСВ, как в *стро́й*-[ить]_{НСВ} ⇒ *по*+*стро́й*-[ить]_{СВ}, а в других — наоборот, как в *оде*-[ть]_{СВ} ⇒ *оде*+*ва*(*ж*)-[ть]_{НСВ}. При этом морфологическая простота не обязательно соответствует семантической. Так, *демонстрирова(ж)-[ть]* морфологически проще, чем *про*+*демонстрирова(ж)-[ть]*, а семантически — сложнее: *Он демонстрировал владение ключикой* значит ‘неоднократно **продемонстрировал**’ или ‘делал то, что надо, чтобы **продемонстрировать**’⁴. Однако для данной статьи интерес представляет только морфологическая простота; семантические отношения между формами вида будут игнорироваться.

3) При описании видовых форм в принципе не должны приниматься во внимание словообразовательные аффиксы в составе глагольной основы: это, как уже было сказано, «этимологические» элементы, нерелевантные для флективной морфологии. Например, словообразовательный суффикс **-ова(ж)-** к видообразованию отношения не имеет: языковой знак **инспектирова(ж)-** является простой основой глагола ИНСПЕКТИРОВАТЬ. Аналогично обстоит дело с **наследова(ж)-** и другими многочисленными глаголами этого типа. В основе **сохн**-[уть] или **мёрзн**-[уть] нет суффикса: **-н-** является здесь флективно незначимым элементом основы (= субморфой⁵). С точки зрения словоизменения основа **доед**- в **доед**-[ть] (⇒ **доес**-[ть]) и **доед**+**а(ж)**-[ть] не содержит префикса **до-**: **доед**- представляет собой флективно простую основу глагола ДОЕСТЬ.

³ Имеется два типа русских глаголов, у которых обе видовые формы имеют одинаковую морфологическую сложность:

— Глаголы, от основы которых оба вида образуются параллельно (посредством суффиксов): **толк**- ~ **толк**+**н**-[уть] vs. **толк**+**а(ж)**-[ть] или **подмиг**- ~ **подмиг**+**н**-[уть] vs. **подмиг**+**ива(ж)**-[ть].

— Так называемые двувидовые глаголы типа АТАКОВАТЬ или РАНИТЬ, у которых обе видовые формы физически тождественны.

⁴ Ср. обратное формальное соотношение в паре **показ**-[ать] ~ **показ**+**ыва(ж)**-[ть], которая квазисинонимична паре **про**+**демонстрирова(ж)-[ть]** ~ **демонстрирова(ж)-[ть]**. О возможных семантико-формальных отношениях между языковыми знаками см. [Мельчук 1968; Mel'čuk 2006: 517 и сл.]

⁵ С у б о р ф а — это незначащий элемент в составе означающего, некоторый морф, выделяемый по причине наличия у него определенных формальных свойств, которые роднят его с аффиксами данного языка; см. [Мельчук 2001: 283—285].

4) Видообразование в русском языке связано с очень богатой алломорфией: разнообразие чередований в основе, префиксах и суффиксах (выпадение гласной, замена $o \Rightarrow a$, усечение конечного $-j/-в/-н'/-м'$ перед согласной, замены $c \sim ш, д \sim ж, т \sim ч, б' \sim бл'$ и т. п., переход $\{б, д, з, т\} \Rightarrow c$ перед $-ть$), использование пустых — так называемых тематических — суффиксов ($-а-, -аj-, -е-, -ej-, -и-, -о-, -у-, -н-$; о них см. [Еськова 1989]) и сдвиги ударения. Эта весьма сложная морфонология описана многократно и детально, начиная с [Jakobson 1948]. Поэтому здесь я могу от нее полностью отвлечься.

5) Построение видовых форм описывается в рамках подхода Смысл-Текст, а именно:

— С точки зрения флективной морфологии, каждая глагольная лексема L представляется в словаре своей основной морфемой $\{L'\}$. **Морфема** — это множество элементарных знаков (морф), которые используются в зависимости от контекста; морфы, принадлежащие одной морфеме, называются ее **алломорфами**.

— Морфеме в принципе ставится в соответствие ее **базовая алломорфа**, из которой ее остальные алломорфы получаются достаточно регулярными чередованиями. Если две алломорфы одной морфемы не могут быть соотнесены с помощью чередований, они обе считаются базовыми; это случаи супплетивизма.

— Морфема обозначается условным именем, имеющим сугубо педагогическую значимость. Для обозначения основной морфемы берется модифицированное имя лексемы, в котором указывается разделение на основу и флективное окончание; аффиксальные морфемы обозначаются именами соответствующих граммем.

3. Непригодность нулевых аффиксов как показателей вида

Возьмем видовую пару $забы-[ть] \sim забы+ва(j)-[ть]$: в $забывать$ НСВ выражен суффиксом $-ва(j)-$; а чем выражен СВ в $забы-$? Если рассматривать только данную пару, то ответ очевиден: нулевым суффиксом $-O_{СВ}$, противопоставленным суффиксу $-ва(j)-$. Но что является показателем НСВ у глагола без видовой пары, такого, как $сто(j)-[ать]$ или $сп-[ать]$? Опять нулевой видовой суффикс, однако на этот раз $-O_{НСВ}$? А как быть с супплетивными видовыми парами типа $сказ-[ать] \sim говор-[ить]$ или $полож-[ить] \sim клад-[ть] (\Rightarrow клас-[ть])$? У первого глагола нулевой суффикс $-O_{СВ}$ или префикс $O_{СВ}$, а у второго, соответственно, — нулевой суффикс $-O_{НСВ}$ или префикс $O_{НСВ}$? Два противопоставленных нулевых аффикса, выражающих две граммемы одной и той же флективной категории, хотя и при разных основах? Сомнительно... (Ср. аналогичные возражения Ф. Ле-

мана против подобных нулевых аффиксов: [Леманн 2002: 121] и [Lehmann 2003: 156]).

Еще хуже обстоит дело с парами типа *вывед*-[ти] ($\Rightarrow$ *вывес*-[ти]) ~ *вывод*-[ить]: действуя так же, как в случае с *забы*-[ть] ~ *забы+ва(я)*-[ть], мы вынуждены постулировать противопоставление нулевых суффиксов -*О_{СВ}*- (при *вывед*-) и -*О_{НСВ}*- (при *вывод*-). Морфы **ВЫВЕД**- и **ВЫВОД**- — алломорфы одной морфемы, связанные морфонологическим чередованием, так что у таких глаголов нулевые аффиксы окажутся противопоставленными при одной основе, хотя и в ее разных морфных вариантах.

И, наконец, совсем неприемлемый случай — это двувидовые глаголы типа *оборудова(я)*-[ть]: здесь тоже получается противопоставление нулевых суффиксов -*О_{СВ}*- и -*О_{НСВ}*-, но уже при физически одной и той же основной морфе.

Определение нулевого знака [Mel'čuk 2006: 470; Мельчук 2006: 340—341] не позволяет усматривать нулевые знаки в таких условиях.

Сходная ситуация наблюдается и для видовых пар типа *строј*-[ить] ~ *по+строј*-[ить]: здесь можно было бы усмотреть в качестве показателя НСВ в исходной форме нулевой префикс *О_{НСВ}*-, но как описывать формы НСВ таких одновидовых глаголов, как *сп*-[ать] или *сид*-[еть]? Префикс *О_{НСВ}*- или суффикс -*О_{НСВ}*-? Нулевой префикс *О_{НСВ}*-, как можно видеть, тоже не помогает. И что делать с такими случаями, как *надавать* — СВ vs. *подавать* — НСВ или *совладать* — СВ vs. *обладать* — НСВ?

Как мы видим, использование нулевых аффиксов как показателей видов невозможно в целом ряде вполне типичных случаев. Я же стремлюсь к решению, единообразно применимому к любой видовой паре.

Если описание в терминах нулевых видовых аффиксов отвергается, то остается ровно один выход: признать, что в большинстве случаев глагольный вид выражается в русском языке самой основой, т. е. кумулятивно с лексическим значением.

4. Кумулятивное выражение вида глагольной основой

Более пятидесяти лет назад Ю. С. Маслов [1963: 10] утверждал: «Именно... видовая основа и является в славянских языках материальным носителем видового значения»; к сожалению, это положение осталось практически неразработанным⁶, хотя именно оно позволяет раз и навсегда решить проблему морфологической маркировки видов в русском языке. Итак:

⁶ Отдельные замечания в данном направлении, разумеется, делались; ср., например, Ф. Леманн: «В русском языке видовую функцию несет лексико-грамматическая основа» [Леманн 2002: 122] или «В видовых парах... у одного из глаголов вид не выражен никаким аффиксом» (перевод мой — И. М.; [Lehmann 2003: 144]).

У большинства русских глаголов основа выражает соответствующий вид слитно с лексическим значением, т. е. кумулятивно; например: **сто(ј)**- ‘стоять; НСВ’, **куп(*)**- ‘купить; СВ’ и т. д.

Тем самым формально отражается признанная особенность русского вида как флективной категории: его тесная связь с лексическим значением глагола. Так, непредельный (= атерминативный) глагол в большинстве случаев существует только в НСВ — например, *боле(ј)*-[ть]. Глагол моментального действия имеет основу, выражающую СВ, например, *взорв*-[ать] (что не мешает ему образовывать формы НСВ со значением повторности — *взрыв+а(ј)*-[ть] ‘взорвать многократно’; **взорв-** и **взрыв-** суть алломорфы одной и той же основы). В этом нет ничего типологически странного: ведь и категория числа существительных также тесно связана с их лексическими значениями; так, существительные, обозначающие вещества и свойства, обычно не имеют множественного числа (*молоко, мясо, белизна, лён* и т. п.)⁷.

Кумуляция флективного значения с лексическим наблюдается в русском языке и в неизменяемых существительных типа *депо, реле* или *какаду*: каждое из них имеет 12 внешне одинаковых словоформ (два числа × шесть падежей), например: **депо** ‘депо; ЕД, ИМ’, **депо** ‘депо; ЕД, РОД’ и т. д.

Подобная кумуляция известна и в других языках; так, в английском целый ряд существительных выражает число самой основой: **sheep** ‘овца; ЕД’ ~ **sheep** ‘овца; МН’ (аналогично — **bison, deer, elk, grouse, moose, salmon, squid, swine, trout**).

Итак, в большинстве случаев основа глагола в русском языке кумулятивно выражает один из видов. Имеются, как было уже сказано, и нейтральные в видовом отношении основы, но их количество весьма ограничено: например, **толк-** [-н+уть vs. -а(ј)+ть], **бод-** [-н+уть vs. -а(ј)+ть], **вывих-, дер(г)-, крик-/крич-, ляг-, миг-, оклик-, смек-, трах-**.

Наличие граммы вида в означаемом глагольной основе имеет два теоретически интересных следствия.

— Сама кумулятивная основа является на морфном уровне не элементарной морфой некоей морфемы, а квазиэлементарной м е г а м о р ф о й [Мельчук 2001: 401—417], выражающей сразу две морфемы: лексическую и видовую. Например, глагол КУПИТЬ:

$$\{\text{КУП-(ить)}\} \oplus \{\text{СВ}\} \Leftrightarrow \text{куп}'.$$

В русском языке, как хорошо известно, существуют и «омонимичные» кумулятивные основы — в случае двувидовых глаголов типа ЖЕНИТЬ:

⁷ Как отмечено в [Гловинская 1982: 48], «истолковать глагольную основу безотносительно к виду невозможно» — в частности потому, что сами толкующие глаголы всегда оказываются в каком-то виде. Аналогично, по этой же причине личную форму глагола невозможно истолковать безотносительно к времени, а существительное — безотносительно к числу.

- {ЖЕН-(ить)}⊕{СВ} ⇔ **жен'** (*В прошлом году Иван женил старшего сына.*)
- {ЖЕН-(ить)}⊕{НСВ} ⇔ **жен'** (*— Что там делается? — Это Иван сына женит.*)

Физически одна и та же основа выражает в одних случаях совершенный, а в других — несовершенный вид.

— Видовой аффикс при кумулятивной основе оказывается морфой с заместительным значением: граммема вида, составляющая означаемое этого аффикса, замещает граммему вида, имеющуюся в означаемом основы (а не просто вводится в ее означаемое, как это бывает с «нормальными» аффиксами при «нормальных» основах); см. [Мельчук 2001: 49—51].

Других аффиксов с заместительным означаемым в русском языке как будто нет.

5. Русские видовые аффиксы

О граммемах вида, выражаемых самой основой глагола, можно говорить только потому, что их существование обеспечивается специальными видовыми аффиксами: СВ и НСВ являются граммемами в силу того, что они в очень многих случаях выражаются независимо, т. е. отдельными аффиксами.

СВ выражается видовыми аффиксами двух типов

• Лексически распределенные алломорфы-префиксы; у всех них означаемое является заместительным:

- воз-** : *воз+мужать*
вы- : *вы+сечь* [*провинившегося ребёнка*]
за- : *за+мочить* [сленг 'убить']⁸
из- : *из+тратить*
на- : *на+писать*
о- : *о+грабить*
от- : *от+лупить*
по- : *по+строить*
про- : *про+демонстрировать*
раз- : *раз+делить* [*сто на пять*]
с- : *с+копировать*
у- : *у+красть*

NB: Образование совершенного вида посредством префиксов принимается не всеми исследователями. Так, например, еще Маслов писал: «О видовых формах

⁸ «Замачивать — неправильное слово, А правильное надо бы — мочить» (В. В. Путин в «Гамлете» Леонида Филатова; <http://www.lib.ru/PXESY/FILATOW/gamlet.txt>).

одного глагола мы будем говорить лишь там, где (при тождестве лексических значений) формы несом. вида являются суффиксальными производными от форм сов. вида» ([Маслов 1963: 4—5]; из последних работ см., например, [Горбова 2015]). Я, однако, не вижу никаких оснований для того, чтобы считать приведенные выше глаголы отдельными лексемами, а не формами СВ тех же самых лексем.

• Суффикс **-н-**:

— С одной стороны, мы имеем *толк+н-[уть]*, где основа **толк-** сама по себе не несет граммему вида, ср. *толк+н-[уть]* — СВ vs. *толк+а(ј)-[ть]* — НСВ; так же: *повер+н-[уть]* vs. *поворач+ива(ј)-[ть]*, *кап+н-[уть]* vs. *кап+а(ј)-[ть]*, *прыг+н-[уть]* vs. *прыг+а(ј)-[ть]*, *привык+н-[уть]* vs. *привык+а(ј)-[ть]* и т. д.

— С другой стороны, в значении одноразовости суффикс СВ **-н-** может присоединяться к основе, выражающей НСВ: *бормот-[ать]* vs. *бормот+н-[уть]*, *крич-[ать]* vs. *крик+н-[уть]*, *шепт-[ать]* vs. *шеп(т)+н-[уть]*, *плева(ј)-[ть]* vs. *плю+н-[уть]* и т. д.

Таким образом, у этого суффикса означаемое бывает как обычным, т. е. аддитивным, так и заместительным.

Наряду с **-н_{СВ-}**, в русском имеется омонимичный (семантически пустой) элемент **-н-**; в основах *сохн-[уть]*, *мерзн-[уть]*, *гибн-[уть]* и т. д. это **-н-** является субморфой, которая усекается (обязательно или факультативно — в зависимости от глагола) при определенных условиях: например, в *мерз / мерзнул, мерзли, мерзнет*.

НСВ выражается аффиксами одного типа — суффиксами **-ај-**, **-вај-**⁹, **-евај-**, **-ывај-** и **-ивај-**:

-ај- : *реш+а(ј)-[ть]*, *покуп+а(ј)-[ть]*, *пожим+а(ј)-[ть]*
-вај- : *уби(ј)+ва(ј)-[ть]*, *нажи(в)+ва(ј)-[ть]*, *оде(н')+ва(ј)-[ть]*
-евај- : *застр'+ева(ј)-[ть]*, *одол'+ева(ј)-[ть]*, *затм'+ева(ј)-[ть]*

⁹ Морфа **-вај-** выступает после основы СВ, которая в результате усечения последней согласной *ј*, *в* или *н'* получает гласный исход: *оде(н')+ва(ј)-*, *уби(ј)+ва(ј)-* и т. д. В [Исаченко 1960: 179 и сл.], а затем — в [Бидер и др. 1978; Еськова 1990], предлагается другая трактовка суффикса **-ај-**: он считается пустым тематическим суффиксом во всех употреблениях; в случаях типа *реш+и-[ть]* ~ *реш+а(ј)-[ть]* и подобных в качестве показателя НСВ принимается морфологическая конверсия, т. е. переход основы глагола из одного тематического класса («и») в другой («ај»). Оба описания эквивалентны друг другу: здесь имеет место ситуация неединственности морфологических решений [Мельчук 1971]. Обоснование выбора между одним и другим описанием выходит, строго говоря, за рамки моей задачи в данной статье; тем не менее, я позволю себе привести здесь два довода в пользу признания суффикса **-ај-** показателем НСВ:

— В русском языке конверсия наблюдается только в «историческом» (неактивном) словообразовании (типы *сед-[ой]* ~ *сед-[еть]*, *ранн-[ий]* ~ *рань* и т. д.), но не в словоизменении.

— Видовые суффиксы **-ај_{НСВ-}** и **-н_{СВ-}** оба имеют омонимы — субморфы **-ај-** и **-н-**; представляется желательным, чтобы этот параллелизм был отражен в описании.

- ывај-** : *показ+ыва(ј)-[ть], обман+ыва(ј)-[ть], замат+ыва(ј)-[ть]*
-ивај- : *сдерж+ива(ј)-[ть], заман'+ива(ј)-[ть], обл'+ива(ј)-[ть]*.

У этих суффиксов — заместительное означаемое, кроме тех случаев, в которых суффикс присоединяется к нейтральной основе и, таким образом, выступает как аддитивный:

прыг+ај-[ть] ~ прыг+н-[уть] или *взраг+ивај-[ть] ~ вздрог+н-[уть]*.

-ај_{НСВ}- тоже имеет омонимичный (пустой) «суффикс» **-ај-**, который выступает в качестве субморфы в составе ряда основ НСВ: **работај-[ть]**, **читај-[ть]**, **хватај-[ть]**.

Теперь я могу ответить на вопрос, сформулированный в начале статьи:

|| Русские виды выражаются либо самой глагольной основой (кумулятивно), либо указанными префиксами и суффиксами.

6. Модель русского видообразования

Приведем набросок формальных правил построения русских видовых форм; эти правила образуют фрагмент модели русского спряжения (о формальных морфологических моделях см. [Мельчук 2006]; опыты таких моделей для русского языка см. в [Еськова и др. 1971; Штернова 1977; Бидер и др. 1978]).

Входом данных правил является глубинно-морфологическое представление желаемой словоформы — т. е. словарное имя соответствующей глагольной лексемы, снабженное всеми граммемами, которые должны быть выражены результирующей словоформой. Например: **ЗАСНУТЬ_{НСВ}**, НАСТ, 3, ЕД или **ИСТРАТИТЬ_{СВ}**, БУД, 3, ЕД.

На выходе правил получается «видовая часть» этой словоформы в нашей условной орфографии: **засыпај-(ет)** и **истрат'-(ит)**.

Правила опираются на словарную морфологическую информацию, сопоставленную каждой глагольной лексеме L:

1) Для глагола L с видово-нейтральной — т. е. некумулятивной — основой задается его основная морфема {L'}, реализуемая базовой алломорфой I (или несколькими базовыми алломорфами в случае супплетивизма). Например, для глагола **ТОЛКАТЬ**:

{ТОЛК-(ать)} ⇔ **толк-**.

2) Для глагола L с кумулятивной основой задается пара «основная морфема {L'} ⊕ видовая морфема {СВ}/{НСВ}», реализуемая соответствующей мегаморфой $\bar{I}$. Например, для глагола **ЛЮБИТЬ**: {ЛЮБ-(ить)} ⊕ {НСВ} ⇔ **люб'-**.

3) Для каждой морфемы и морфы, которая в этом нуждается, задается синтактика — набор сведений о ее сочетаемости; синтактика записы-

вается в виде цепочки нужных признаков в скобках как нижний правый индекс при имени морфемы. По умолчанию алломорфы данной морфемы наследуют ее синтактику. Например, у глагола ЗАСНУТЬ:

$$\{\text{ЗАС-(нуть)}\}_{\langle\text{суф-н}, \text{суф-а}\rangle} \Leftrightarrow \text{зас}_{\langle\text{СВ}\rangle}, \text{засып}_{\langle\text{НСВ}\rangle}$$

Оснóвная морфема глагола ЗАСНУТЬ содержит две базовые алломорфы: ни одна из них не сводится к другой посредством достаточно регулярных чередований — т. е. они признаются супплетивными¹⁰; (неполная) синтактика указывает, что алломорфы данной основы принимают видовые суффиксы **-н-** и **-аj-** (однако при самих алломорфах **зас**_{⟨СВ⟩}- и **засып**_{⟨НСВ⟩}- синтактика не указывается — для упрощения записи).

I. Глубинно-морфологические правила

Эти правила выполняют переход от глубинно-морфологического представления словоформы к ее морфемному представлению.

$$1. L \Leftrightarrow \{L'\}$$

Правило I.1: для глагола с некумулятивной — видово-нейтральной — основой из словарной статьи лексемы L берется ее оснóвная морфема $\{L'\}$.

$$2. L \Leftrightarrow \{L'\} \oplus \{\text{СВ}\}$$

$$3. L \Leftrightarrow \{L'\} \oplus \{\text{НСВ}\}$$

Правила I.2 и I.3: для глагола с кумулятивной видовой основой из словаря берется пара «оснóвная морфема $\{L'\}$ лексемы L $\oplus$ морфема СВ или НСВ».

$$4. \text{СВ} \Leftrightarrow \{\text{СВ}\}$$

$$5. \text{НСВ} \Leftrightarrow \{\text{НСВ}\}$$

Правила I.4 и I.5 ставят в соответствие видовой граммеме выражающую ее морфему.

II. Поверхностно-морфологические морфемные правила

Здесь происходит переход от морфемного представления словоформы к ее морфемному представлению.

$$1. \{L'\} \Leftrightarrow \mathbf{I-}$$

Правило II.1: в соответствии со словарными данными для оснóвной морфемы $\{L'\}$ берется алломорфа **I-**.

$$2. \{L'\} \oplus \{\text{СВ}\} \Leftrightarrow \mathbf{\bar{I}-}$$

$$3. \{L'\} \oplus \{\text{НСВ}\} \Leftrightarrow \mathbf{\bar{I}-}$$

Правила II.2 и II.3: в соответствии со словарными данными для указанной пары морфем берется мегаморфа **Ī-**. Другими словами, у глаголов, не имеющих отдельного, т. е. аффиксального, выражения вида, эти правила обеспечивают слитное выражение основы и вида одной кумулятивной мегаморфой.

¹⁰ Строго говоря, описать данную морфему как имеющую одну базовую алломорфу **зас(н)**- возможно: *засп-* $\Rightarrow$ *зас-* (усечение *п-* перед *-н-*) и *засп-* $\Rightarrow$ *засып-* (вставка *-ы*); вопрос в том, является ли второе чередование достаточно регулярным. Я предпочел здесь более простое описание.

4. {СВ} 1) $\Leftrightarrow$ **воз-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «преф-воз» [$\Sigma(\{L'\})$] — это синтактика морфемы {L'}
- 2) $\Leftrightarrow$ **вы-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «преф-вы»
- 3) $\Leftrightarrow$ **за-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «преф-за»
- .....
- $\Leftrightarrow$ **у-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «преф-у»
- $\Leftrightarrow$ **-н-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-н»
5. {НСВ} 1) $\Leftrightarrow$ **-ај-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-ај» | **не** {V/, j, в, м, н'} ___ [реш+ај-]
- 2) $\Leftrightarrow$ **-вај-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-ај» | {V/, j, в, м, н'} ___ [оде(н')+вај-]
- 3) $\Leftrightarrow$ **-евај-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-евај»
- 4) $\Leftrightarrow$ **-ывај-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-ывај» | **не** {C[+велярный] или [+шипящий] или [+мягкий]/, j} ___ [выбрас+ывај-]
- 5) $\Leftrightarrow$ **-ивај-** | $\Sigma(\{L'\}) \supset$ «суф-ивај» | {C[+велярный] или [+шипящий] или [+мягкий]/, j} ___ [выкрик+ивај-]

Правила II.4 и II.5 ставят в соответствие видовой морфеме выражающую ее алломорфу.

III. Поверхностно-морфологические морфонологические правила (чередования)

Я ограничусь здесь одним примером морфонологического правила.

Усечение указанных элементов перед согласной.

$$\{j, в, м, н'\}+ \Rightarrow \Lambda+ \_ / C/$$

7. Примеры построения видовой формы

1) Построить словоформу ЗАСНУТЬ_{НСВ, НАСТ, 3, ЕД}

Словарные данные для глагола ЗАСНУТЬ:

{ЗАС-(нуть)} («суф-н», «суф-ај») $\Leftrightarrow$ **зас**_{(СВ)-}, **засып**_{(НСВ)-}

Правило I.1 дает {ЗАС-(нуть)} («суф-н», «суф-ај»)

Правило I.5 дает {НСВ}

Правило II.1 дает **засып**_{(НСВ)-} [выбирается алломорфа, нужная для форм НСВ]

Правило II.5.1 дает **-ај-**

Результат: **засыпај-[ет]**; получение суффикса **-ет** здесь не описывается.

2) Построить форму УСПЕТЬ_{СВ, БУД, 3, ЕД}

Словарные данные для глагола УСПЕТЬ:

{УСПЕ-(ть)} («суф-ај») $\oplus$ {СВ} $\Leftrightarrow$ **успеј-**

Правило I.2 дает {УСПЕ-(ть)} («суф-ај») $\oplus$ {СВ}

Правило II.2 дает **успеј-**

Результат: **успеј-[ет]**; получение суффикса **-ет** здесь опять-таки не описывается.

3) Построить форму УСПЕТЬ_{НСВ, ПРИЧ, ДЕЙСТ, НАСТ, ЕД, ЖЕН, ИМ}

Словарные данные для глагола УСПЕТЬ:

{УСПЕ-(ть)}_(«суф-ај») ⊕ {СВ} ⇔ успеј-

Правило I.2 дает {УСПЕ-(ть)}_(«суф-ај») ⊕ {СВ}

Правило I.5 дает {НСВ} [заместительная морфема]

Правило II.2 дает успеј-

Правило II.5.2 дает -вај-

Правило III дает успе+вај- [-ј в конце основы усекается перед -вај-]

Результат: успевај-[ущая]; получение окончания -ущая здесь не описывается.

4) Построить форму ЗАСТРЯТЬ_{НСВ, НАСТ, 3, ЕД}

Словарные данные для глагола ЗАСТРЯТЬ:

{ЗАСТР-(ять)}_(«суф-евај») ⊕ {СВ} ⇔ застр'- | не буд, застрян'- | буд

Правило I.1 дает {ЗАСТР-(ять)}_(«суф-евај») ⊕ {СВ}

Правило I.5 дает {НСВ} [заместительная морфема]

Правило II.2 дает ЗАСТР'-

Правило II.5.3 дает -евај-

Специальное графическое правило стирает «'» перед «е».

Результат: застревај-[ет].

5) Построить форму ПОЛОЖИТЬ_{НСВ, НАСТ, 3, ЕД}

Словарные данные для глагола ПОЛОЖИТЬ:

{ПОЛОЖ-(ить)} ⊕ {СВ} ⇔ полож-

{ПОЛОЖ-(ить)} ⊕ {НСВ} ⇔ клад-

Правило I.1 дает {ПОЛОЖ-(ить)} ⊕ {НСВ}

Правило II.3 дает клад-

Результат: клад-[ет].

Благодарности

Первый вариант настоящей статьи был многократно прочитан Л. Н. Иорданской, чья конструктивная критика позволила существенно улучшить изложение. Последующие версии читали и комментировали Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская и Я. Миличевич; наконец, предфинальную версию прочли П. М. Аркадьев, В. Брой, Е. В. Горбова, И. Б. Иткин, С. А. Крылов и Ф. Леманн. Спасибо вам от всего сердца!

Литература

Бидер и др. 1978 — И. Г. Бидер, И. А. Большаков, Н. А. Еськова. Формальная модель русской морфологии. Ч. I—II. (Предварительные публикации, вып. 111—112). М., 1978.

Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

- Горбова 2015 — Е. В. Горбова. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7—38.
- Еськова 1989 — Н. А. Еськова. К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 50—56.
- Еськова 1990 — Н. А. Еськова. Формальные соотношения между членами видовых пар в русском языке // Z. Saloni, red. Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990. S. 149—158. [Перепечатано: Н. А. Еськова. Избранные работы по русистике. М., 2011. С. 230—241.]
- Еськова и др. 1971 — Н. А. Еськова, И. А. Мельчук, В. З. Санников. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных. (Предварительные публикации, вып. 15.) М., 1971.
- Зализняк, Микаэлян 2014 — А. А. Зализняк, И. Микаэлян. Русская глагольная имперфективация и проблема видовой парности // Mundo eslavo. 13. P. 19—33. 2014.
- Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. II. Братислава, 1960.
- Леманн 2002 — Ф. Леманн. Отношения между лексико-грамматической основой и грамматической категорией (глагольный вид в кругу других грамматических категорий) // Основные проблемы русской аспектологии. Ред. Е. Коленова и др. в русской части, СПб., 2002. С. 119—127.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 7: 1948. № 4. С. 303—316.
- Маслов 1963 — Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963.
- Мельчук 1968 — И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 27: 1968. № 5. С. 426—438.
- Мельчук 1971 — И. А. Мельчук. К проблеме описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 211—220.
- Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том IV. Часть пятая: морфологические знаки. М.; Вена, 2001.
- Мельчук 2006 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том V. Часть шестая: морфологические модели. Часть седьмая: принципы морфологического описания. М.; Вена, 2006.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Штернова 1977 — О. А. Штернова. Модель русского глагольного формообразования (в системе АРАП). (Предварительные публикации, вып. 99.) М., 1977.
- Jakobson 1948 — R. Jakobson. Russian Conjugation // Word. 4. 1948. № 3. P. 155—167.
- Lehmann 2003 — V. Lehmann. Grammatical Derivation (Aspekt, Genus verbi, Komparation, Partizip und andere Phenomene zwischen Flexion und Wortbildung) // T. Berger & K. Gutschmidt, eds. Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen, München, 2003. S. 139—162.
- Mel'čuk 2006 — I. Mel'čuk. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin; New York, 2006.

Резюме

Большинство русских глагольных основ выражают вид кумулятивно с лексическим значением и, тем самым, являются мегаморфами. Предлагается минимодель русского видообразования: морфологические правила построения видовых основ русского глагола.

Ключевые слова: глагольный вид, нулевые аффиксы, кумулятивное выражение, мегаморфа

Статья получена 19.06.2015

IGOR MEL'ČUK

FORMAL EXPRESSION OF ASPECT IN RUSSIAN

The majority of Russian verbal stems express verbal aspect cumulatively in combination with the lexical meaning. They are, therefore, megamorphs. The present paper proposes a mini-model of Russian aspect inflection: morphological rules for constructing aspectual stems of the Russian verb.

Keywords: verbal aspect, zero affixes, cumulative expression, megamorph

Received on 19.06.2015

Е. В. УРЫСОН

**ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМИИ
И МОДАЛЬНЫХ РАМОК СЛОВА:
НАРЕЧИЕ *ВПОРУ* В XIX ВЕКЕ И ТЕПЕРЬ***

0. Введение

Предлагаемая работа посвящена наречию *впору*. Оно заинтересовало нас потому, что еще в языке XIX — начала XX века имело специфические значения, утраченные в современном литературном языке. Ср.

- (1) *Иван Васильевич узнал впору об опасности и поспешил в Новгород осенью 1474 года* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй (1862—1875))¹.
- (2) *Из Петербурга высылаемы были запасы в большом количестве, но по недостатку подвод не могли поспевать впору* (Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846—1849)).

В этих примерах *впору* значит ‘вовремя’. Семантическая связь слова *впору* с идеей времени очевидна: наречие *впору* образовано от существительного *пора*, а оно указывает на определенный период, отрезок времени; ср. *осенняя пора*, *пора сбора урожая*, *пора любви*. Однако слово *впору* в XIX веке употреблялось и в совершенно иных контекстах, не связанных с идеей времени. Ср.

- (3) *Раз девка вышла замуж — она уж не слуга; ей впору детей родить, а не господам служить* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина (1887—1889)).
- (4) *Вдруг — смотрю: моя Саша с шарманкой, в полливной, одета мальчиком, песни поет, а что слышит — впору нашему брату, мужчине.*

---

* В предлагаемой работе частично используется описание слова *впору*, предложенное в работе: Е. В. Урысон. Неотрицаемые предикаты: наречие *впору* // Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и ее приложениям ДИАЛОГ 2013. М., 2013.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (грант 16-18-02054).

¹ Ссылки на примеры даются по НКРЯ.

Сами изволите знать, место какое; что ни шаг, то грех да соблазн (И. Т. Кокорев. Саввушка (1847)).

- (5) *В буржуазном обществе ребенок тиран: он пришел и потребовал от отца и матери огромного к себе внимания, тогда как им самим впору только каждому гнать свою линию* (Г. И. Успенский. Кой про что (1885)).
- (6) *[Нам] и самим-то с своего наделу впору с голоду помирать* (А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)).

Требуется, во-первых, описать семантику слова *впору* в языке XIX века и, во-вторых, эксплицировать семантическую связь между его разными значениями, в частности — между временным значением и тем, которое представлено в примерах (3)—(6).

В современном русском языке слово *впору* употребляется гораздо более ограниченно. По данным Т. В. Крыловой [АС], в современном языке для этого наречия характерны два следующих типа контекстов:

- (7) *Куртка ему впору; Сапоги пришлись впору.*
- (8) *Такая тоска — впору утопиться.*

Правда, в цитируемой словарной статье [АС] оказался неохваченным довольно большой пласт употреблений слова *впору* в современной публицистике, где вполне сохраняется его семантика, выражаемая в примерах (3)—(6). Ср.

- (8а) *Тема спортивных менеджеров — предмет отдельного разговора, об этом впору диссертации писать* (А. Ванденко. «Ищу работу, а нахожу приключения». Юрий Красножан рассказал о своих неожиданных увольнениях // Советский спорт, 2013.01.14).

Заметим, что это публицистическое употребление слова *впору* не фиксируется и в других толковых словарях (исключение составляет [ТСРРР]). По-видимому, данное употребление слова *впору* начало активизироваться относительно недавно, причем лишь в определенной стилистической разновидности языка; не все, даже искушенные, носители языка свободно владеют этим значением слова *впору*. Можно было бы думать, что изменения, которые претерпело слово *впору*, сводятся к угасанию или росту употребительности тех или иных его лексем. Однако это не так.

Даже, казалось бы, в самых простых контекстах типа *Эта шляпа мне впору, Туфли ей впору*, где речь идет о размере одежды или обуви, слово *впору* теперь ведет себя не совсем так, как раньше. В частности, в современном языке наречие *впору* плохо сочетается с частицей *не*². По данным

² Такие примеры очень редки. Ср. *За минувший год певец сильно прибавил в весе и, как говорят [...], страшно переживал из-за этого. Мол, даже старые концертные костюмы стали не впору* (М. Ремизова. Басков похудел на 20 килограммов // Комсомольская правда, 2007.02.09).

основного подкорпуса НКРЯ и результатам опроса, как минимум неудачны высказывания типа:

(9) ^{???} *Эта куртка мне <ему> не впору.*

Между тем в языке XIX века слово *впору* в подобных контекстах нормально сочеталось с отрицанием. Ср.

(10) *Ветхое ситцевое платье всегда было ей [горничной] не впору и сильно стесняло могучие юные формы* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

(11) — *Мой фрак тебе не впору... — Впору. Вот не впору!* — *перебил Тарантьев* (И. А. Гончаров. Обломов).

Встает задача описать те семантические изменения, которые затронули как структуру полисемии слова *впору* в целом, так и его отдельные значения.

Мы попытаемся показать, что слово *впору*, вследствие некоторых особенностей его семантики, уже в языке XIX века тяготело к определенным контекстам. Закрепление слова *впору* за этими контекстами и привело к его семантическому сужению. Но и возрождение этого слова, наблюдаемое в современной публицистике, тоже имеет семантические причины. Будет продемонстрировано, что слово *впору* обладает широкой и вполне абстрактной семантикой; это слово не относится к обозначениям ни ушедших реалий, ни устаревших понятий. Ему на смену не пришло никакое другое слово, которое могло бы его заменить в контекстах типа (3)—(6). Важность понятия, обозначаемого словом *впору*, и способствует, на наш взгляд, возрождению этого слова в современной публицистике.

Слово *впору* будет описываться полексемно, т. е. мы будем описывать каждое его значение отдельно³. Сначала рассматривается семантика той или иной лексемы в языке XIX века, а затем — та семантика, которую эта же лексема имеет в наши дни. Наша основная цель — представить логику развития семантики слова *впору* и логические связи между его лексемами, так чтобы была ясна структура его полисемии и ее изменения во времени.

Задача диахронического описания слова *впору* в этой работе не ставится. Поэтому мы оставляем в стороне вопросы о первом вхождении в НКРЯ той или иной лексемы *впору*, а также о частотности лексем или их контекстов в тот или иной период.

Как показывает НКРЯ, слово *впору* встречается далеко не у всех авторов XIX века, и это, скорее всего, свидетельствует о его стилистической окраске — как кажется, слово *впору* тяготеет к разговорной речи (это от-

³ В соответствии с терминологией, принятой в московской семантической школе, мы будем называть слово, взятое в одном из своих значений, лексемой. Многозначное слово представляется как набор лексем. Слово, взятое в его конкретном значении, в отечественной лингвистике называют также лексико-семантическим вариантом (термин А. И. Смирницкого).

ражают примеры, приводимые в работе). Стилистическая принадлежность слова *впору* остается за рамками предлагаемой статьи.

1. Лексема *впору 1* ‘в нужный момент’

Наречие *впору* образовано от существительного *пора*, поэтому исходным, т. е. логически первым значением этого наречия естественно считать то, в котором сохраняется указание на время, ср. (1)—(2). Аналогичный пример:

- (12) *Эта выходка не впору (сейчас), будет впору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, как начал* (А. С. Грибоедов. Избранные письма (1824)).

Назовем данную лексему *впору 1*. В самом первом приближении, *впору 1* = ‘вовремя’. Однако наречие *вовремя* имеет два близких, но не тождественных значения⁴:

вовремя 1 = ‘в установленное время’, ср. *Нужно вовремя приходить на работу, Занятия начались вовремя*;

вовремя 2 = ‘в подходящий или в нужный момент’, ср. *Вовремя подсуетился, Ты очень вовремя пришел — как раз пирог испекся*.

Лексемы *вовремя 1* и *вовремя 2* различаются сочетаемостью: *вовремя 2* сочетается с интенсификатором *очень* (ср. *очень вовремя* ‘в очень подходящий момент’), с отрицанием *не* (ср. *Вечно что-нибудь не вовремя скажет* ‘в неподходящий момент’); *вовремя 1* с этими словами не сочетается, но зато сочетается с *почти*, ср. *Спектакль начался почти вовремя*. Синонимом лексемы *вовремя 2*, но не *вовремя 1*, является наречие *кстати*; подробнее см. [АС].

Очевидно, что обсуждаемая лексема *впору 1* сближается с *вовремя 2* ‘в подходящий или в нужный момент’; ср. примеры (1)—(2), (12), а также следующие:

- (13) *Выстрелим друг в друга, но так, в сторону, мимо, понимаете? (...). После выстрела я попрошу у вас извинения. (...) После все станут кричать: вот истинно храбрые, благородные люди; один умел сознаться в своей ошибке, а другой остановиться впору* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)).
- (14) *Черито дебютировала в новом балете: «La fille de marbre» — мраморная девица, так сказать, и явилась очень впору. Два месяца сряду принуждена была здешняя публика освистывать все новые водевили (...)* (П. В. Анненков. Парижские письма (1846—1847)).

⁴ Наличие этих двух значений у слова *вовремя* впервые, по-видимому, отмечено Е. С. Яковлевой [1994]. Данные две лексемы описаны И. Б. Левонтиной в [АС]. Заметим, что [Словарь Ушакова] выделяет два аналогичных значения у наречия *своевременно*, семантически близкого слову *вовремя*, но не у самого слова *вовремя*.

Отвлекаясь от возможных тонких семантических различий между *во-время 2* и *впору 1*, примем, что *впору 1* = ‘в подходящий или в нужный момент’. Однако для дальнейшего нам понадобится более глубокое семантическое разложение лексемы *впору 1*. Попытаемся уяснить, что такое ‘подходящий или нужный момент’.

Лексемы *вовремя 2* и *впору 1* указывают на момент (или отрезок) времени, которому хорошо соответствует ситуация, о которой идет речь: данный момент — «подходящий или нужный» для этой ситуации. Разумеется, ситуация соответствует данному моменту потому, что он «заполнен» определенным положением дел — описываемая ситуация хорошо подходит, хорошо соответствует имеющемуся положению дел.

Понятия ситуация и положение дел обсуждаются в книге [Урысон 2011а: 22—23]. Сейчас заметим только, что под положением дел понимается совокупность ситуаций, имеющих место в данный момент времени и как-то связанных друг с другом. Так, текст: *Начался дождь (P). Все побежали к метро (Q), и парк быстро опустел (R)* описывает положение дел, состоящее из трех ситуаций — P, Q и R. Аналогичным образом, высказывание *Когда идет снег (P), я всегда вспоминаю Москву (Q)* описывает положение дел, состоящее из ситуаций P и Q.

Как понятие ситуации, так и понятие положения дел тесно связаны с идеей времени — ситуации естественно привязываются к тому или иному моменту времени. Однако в лексемах *вовремя 2* и *впору 1* идея времени играет менее тривиальную роль. Предлагаем следующее предварительное семантическое разложение лексемы *впору 1* (и синонимичной ей лексемы *вовремя 2*, а также выражения *в подходящий момент*):

- (15) *A1 имеет место впору* $\approx$ ‘ситуация A1 начинает иметь место в тот момент, когда она лучше всего соответствует имеющемуся положению дел’.

Требуется уяснить значение предиката ‘соответствовать’ из выражения (15).

Если ситуация начинает иметь место тогда, когда она лучше всего соответствует положению дел, то положение дел не просто меняется — благодаря данной ситуации оно становится хорошим или лучше, в то время как при отсутствии этой ситуации оно могло измениться к худшему или стать плохим. При этом важно, что ситуация имеет место именно в данный момент: в другое время она если бы и изменила положение дел к лучшему, то в гораздо меньшей степени. В самом первом приближении:

- (16) *A1 имеет место впору* $\approx$ ‘существование ситуации A1 в данный момент времени делает имеющееся положение дел хорошим; в другой момент времени существование A1 не привело бы к такому хорошему положению дел’.

Легко видеть, что компоненты выражения (16) являются семантически примитивами или близки уровню примитивов.

Заметим, что в русском языке идея соответствия выражается не только глаголом *соответствовать*, но и целым рядом других слов, в частности — одной из лексем глагола *подходить* (именно он участвует в толковании лексемы *вовремя 2* — ‘в подходящий или в нужный момент’). Однако ни одно из этих слов не выражает в точности ту же семантику что и слово *впору*. Предикат *соответствовать* в этой группе слов обладает наиболее общим значением, поэтому он и выбран для экспликации семантики *впору*.

Специфика лексемы *впору 1* (как и *вовремя 2*) состоит в объединении идеи времени и идеи соответствия ситуации имеющемуся положению дел. Такое соответствие оценивается положительно, поэтому в значение лексемы *впору 1* входит еще и оценочный компонент ‘хорошо’. Ассоциация этих идей в языковой картине мира (в семантической системе языка) вполне закономерна.

В нашем сознании отрезки времени мыслятся не как «голые» фрагменты абстрактной временной оси, а как периоды, заполненные определенными положениями дел — природными процессами, событиями, той или иной деятельностью и т. п. Это «наполнение» определяет характер временного отрезка. Ср. *Наступили трудные времена* (характеризуются не столько координаты отрезка на временной оси, сколько наступившее положение дел); *Это был период его влюбленности в Зою* (слово *период* указывает на отрезок времени, когда имела место ситуация ‘его влюбленность в Зою’, причем положение отрезка на временной оси не сообщается). Существенно, что в природе многие положения дел регулярно повторяются. Ср. смену времен года и, как следствие, годовой цикл жизни растений; рождение, а затем взросление, старение и умирание живых существ и т. д. Поэтому в человеческом сознании представление о таком регулярно повторяющемся положении дел ассоциируется с представлением о том времени, в который данные ситуации закономерны. Вследствие этого многие обозначения временных отрезков предполагают указание на процессы, события, действия и т. п., обычные на подобном отрезке. Так, слово *время* в контексте типа *Наступило время жатвы* указывает на отрезок времени, в который закономерна жатва. В контексте *время жить и время умирать* это же слово указывает на период (возраст), характеризующийся таким состоянием человека, когда закономерно, чтобы он активно жил (или, наоборот, умирал) — данному возрасту соответствует жизнь (или смерть). Аналогичным образом устроено и существительное *пора*, ср. *пора жатвы*, *пора любви <свадеб>*. Заметим, что все эти слова имеют семантический (и синтаксический) актанта, указывающий на положение дел, которое естественно в данный отрезок времени. Данная проблематика подробно исследуется в книге Е. С. Яковлевой (1994). При этом соответствие закономерности или обычному порядку вещей оценивается положительно, а нарушение обычного порядка вещей оценивается отрицательно — это, по-видимому, общее свойство человеческого сознания (см. работы о понятии нормы в метаязыке семантики [Вольф 1968; Апресян 1974; Урысон 2011а]).

Связь идеи времени с идеей соответствия и, как следствие, с оценкой ‘хорошо’ прослеживается в этимологии некоторых слов.

Слова *годиться*, *годный* выражают идею соответствия и положительную оценку: в самом общем виде их семантика сводится к идее ‘подходить чему-л., соответствовать чему-л.’. Ср. *Этот фасон годится для выпускного платья — Этот фасон подходит для выпускного платья* или, в более общем виде: *Этот фасон соответствует нашим представлениям о выпускном платье; Он годится для службы в армии — Он подходит для службы в армии* или, в более общем виде: *Состояние его здоровья соответствует требованиям, предъявляемым к человеку, который может служить в армии*. Между тем, слова *годиться*, *годный* этимологически восходят к слову *год*, обозначающему отрезок времени [Фасмер]. Идея времени и здесь «сцепляется» с идеей соответствия, однако временной компонент в этой ассоциации утрачивается: слова *годиться*, *годный* (и их производные, например, *негодный*, *негодяй*) идеи времени не выражают.

Слово *подобать* в самом первом приближении тоже выражает идею соответствия и положительную оценку этого соответствия. Ср. *Вам подобает быть вежливым — Вашему положению соответствует вежливость; Молодому человеку не подобают такие привычки — Молодому возрасту не соответствуют такие привычки*. (Слово *подобать* выражает еще и идею долженствования, вытекающую из идеи соответствия, что для нас сейчас не важно.) При этом этимологически *подобать* восходит к о.-слав. *doba ‘время, пора’ [Фасмер; ЭССЯ]. Как видим, идея времени в этом случае тоже связывается с идеей соответствия, но, как и в предыдущем случае, утрачивается: современное слово *подобать* указания на время не содержит.

Итак, наречия *вовремя 2* и *впору 1*, выражающие одновременно идею времени и идею соответствия, вполне подчиняются общей закономерности.

В современном русском литературном языке лексема *впору 1* практически утрачена; из словарей 20 века ее приводит как разговорную [Словарь Ушакова] с примерами: *Пришел впору; Приезд не впору мой?* (А. С. Грибоедов)⁵.

В других лексемах слова *впору* идея времени уже отсутствует — эти лексемы выражают почти исключительно идею соответствия (сближаясь в этом отношении со словами *годиться*, *годный*, *подобает*).

Одни из этих лексем слова *впору* имеют достаточно абстрактное значение, причем близки по смыслу; они представлены в примерах (3)—(6). Мы объединяем эти лексемы в блок, который назовем *впору 2*. Еще одна лексема слова *впору* более конкретна — она указывает на соответствие разме-

⁵ Мы находим эту устаревшую лексему у А. И. Солженицына: *Номер нашему брату — один вред, по нему издали надзиратель тебя заметит, и конвой запишет, а не обновить номера впору — тебе же и кондей: зачем об номере не заботишься?* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)).

ра одежды (обуви) размеру человека, ср. *Пиджак оказался впору*; назовем эту лексему *впору 3*.

Структура полисемии слова *впору* будет рассматриваться особо. Сейчас перейдем к блоку *впору 2*.

2. Лексемы блока *впору 2*: соответствие ситуации свойствам (состоянию) ее субъекта или имеющемуся положению дел

Контексты, которые мы сейчас будем анализировать, по семантике и синтаксису естественно разбиваются на два класса. Первый класс представлен примерами (3)—(6). Ср. слегка модифицированный пример (3):

(3а) *Замужней [X] впору детей родить [Y] (а не господам служить)*.

В общем виде, здесь речь идет о том, что субъекту ('замужней женщине'), по его свойствам или состоянию, соответствует данная ситуация ('детей родить'). В этом классе контекстов представлена лексема *впору 2.1*.

Во второй класс контекстов входят примеры типа:

(17) *Совет да любовь! Впору пропеть: «vivant omnes virgines!» [...] Они опять чокнулись, и звонкий смех Кантакова разнесся по всей зале (П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900))*.

В (17) слово *впору* указывает на соответствие ситуации 'пропеть «vivant...»' имеющемуся положению дел. Последнее охарактеризовано в предтексте; представление о нем видно из пожелания 'совет да любовь!'. Здесь представлена лексема *впору 2.2*.

По данным НКРЯ первый класс контекстов гораздо многочисленнее второго, это и обусловило предлагаемое расположение лексем в блоке.

2.1. Лексема *впору 2.1*: соответствие ситуации свойствам или состоянию человека (неодушевленного объекта)

Лексема *впору 2.1* выступает в двух основных типах контекстов. В первом из них ее синтаксис условно описывается так:

(18) X-у *впору* Y-овать.

Ср. пример:

(3а) *Замужней [X] впору детей родить [Y] (а не господам служить)*.

Аналогичные примеры: (4)—(6).

Во втором классе контекстов синтаксис лексемы *впору 2.1* представляется так:

(19) X-у *впору* Y.

Ср. следующий пример:

- (20) *Сны ее [Александры Ивановны] отличались постоянно какою-то необыкновенною пустотой и невинностью, — семилетнему ребенку впору* (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Этот второй тип контекстов синтаксически близок контекстам типа *Куртка ему впору*, где речь идет о размере одежды (обуви). Однако семантически контексты (18) и (19) не различаются (по крайней мере, очень близки), поэтому мы их объединяем. Для удобства изложения рассмотрим случаи (18) и (19) по очереди.

2.1.1. Первая синтаксическая конструкция с лексемой *впору* 2.1:

Замужней [X] впору детей родить [Y]

В самом общем виде:

- (21) *X-у впору Y-овать* = ‘Человеку X соответствует действие, деятельность, поведение, занятие или состояние Y’ [это соответствие объясняется свойствами субъекта или всего положения дел: именно они определяют, что подходит субъекту, а что — нет].

Такое соответствие — в самом широком смысле — выражает слово *впору* и в примерах (3)—(6)⁶.

Для наглядности приведем еще некоторые примеры:

- (22) *Мы, батюшка, старухи старые, слепенькие, нам впору божественные книжки читать, а не то чтоб переписываться* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856—1857)).
- (23) *Он (министр С. С. Уваров) толковал о славянской поэзии IV столетия, на что Каченовский ему заметил, что тогда впору было с медведями сражаться нашим праотцам, а не то, что песнопеть о самофракийских богах и самодержавном милосердии* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть первая. Детская и университет (1853—1860)).
- (24) *Самый последний из мещан настолько углубился в свою специальность, что буйствовать стало уж некогда, а впору было платить дани и шапки снимать* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Игрушечного дела людишки (1886)).

Легко заметить, что во всех приведенных примерах выражено или подразумевается противопоставление. Так, в (3) действие, соответствующее

⁶ В примере (6) [*Нам*] и *самим-то с своего наделу впору с голоду помирать* (А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)) речь идет о соответствии субъекту (‘мы’) процесса ‘помирать’.

субъекту, противопоставлено другим его возможным действиям⁷. Ср. *Замужней впору детей родить, а не господам служить*. В (4) субъект, которому соответствует определенное действие, противопоставлен другим людям, которым это действие не годится. Ср. *Такие речи слышать впору нашему брату, мужчине (а не девушке)*.

Противопоставление данного действия другим возможным действиям может быть оформлено с помощью особой конструкции, отсутствующей в современном литературном языке; ср. (22)—(23):

(25) *X-у впору ИНФ1, а не то что/чтоб(ы) ИНФ2.*

Но это противопоставление может и выводиться из контекста, как в (24), ср. *мещанину впору было платить дани и шапки снимать, а не буйствовать*.

В некоторых случаях это противопоставление далеко не так явно. Ср.

(26) *«Господи! скука какая! — говаривала она [...], — хоть бы кто-нибудь заехал, что ли?» Но, как назло, никто не заезжал, никто и не думал рассеять скучающую вдову, потому что кругом жили тоже всё вдовы, расстроенные и скучающие, которым впору было совладать со своей собственной скукой (М. Е. Салтыков-Щедрин. Глуповское распутство (1857—1865)) [ср. Этим вдовам впору было совладать со своей собственной скукой, а не развлекать других].*

Противопоставление субъекта, которому подходит данное действие, другому человеку (или людям) тоже может выводиться из контекста, как в (4), ср. *А что слышит [моя Саша] — впору нашему брату, мужчине*. Однако это противопоставление может быть выражено явно. Ср.

(27) *Не тебе у меня, мне у тебя впору помощи и заступы просить (Н. Э. Гейнце. Людоедка (1898)).*

(28) — *На кой мне чёрт книжный магазин? — Капитал поместите... — Чепуха! Это [капитал поместить] Хребтову впору... а не мне (Максим Горький. Мужик (1899)).*

(29) — *Чтой-то вы, Марья Петровна, — заговорила она, — ну, разве можно вам в услужение идти? (...) — Отчего же нельзя? — Да ведь это только нашей сестре впору, а вам-то и дело оно совсем непривычное, да и... неприлично даже (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части 1—3 (1864)).*

⁷ Здесь и ниже мы для краткости называем действием все то, что обозначается глаголом (как это принято в традиционной и школьной грамматике), то есть деятельность, занятие, поведение и т. п.

Это противопоставление может также выражаться с помощью слов *сам*, *только* и подобных, которые выделяют объект из множества однотипных⁸. Ср.

- (30) — *Я послан к тебе от боярина Вельского с поклоном и спросом. — За поклон откланиваюсь, — отвечал атаман, — а за делом и самому боярину впору было бы ко мне явиться* (Ф. В. Булгарин. Дмитрий Самозванец (1830)) [данное действие соответствует боярину, а не его посланнику].
- (31) *Мы поехали на Эскольту, есть сорбетто, то есть мороженое. Я [...] попробовал — нет, разве только тагалам впору есть такое мороженое. Кто приехал из Европы, тому трудно глотать этот подслащенный снег* (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)).

Итак, в разбираемых нами контекстах возможны два противопоставления:

- (32А) X-у *впору* Y-овать (а не делать что-л. другое) = ‘Человеку X соответствует действие, деятельность, поведение или занятие Y (и не соответствуют другие действия, деятельности, занятия и т. п.)’ [ср. *буйствовать стало уж некогда, а впору было платить дани и шапки снимать*].
- (32Б) Y-овать *впору* X-у (а не какому-л. другому человеку) = ‘Действие, деятельность, поведение или занятие Y соответствует человеку X (и не соответствует другим людям)’ [ср. *Такие речи слышать впору нашему брату, мужчине (а не девушке)*].

По схеме (32А) устроены примеры (3), (5), (22)—(24), (26). По схеме (32Б) устроены примеры (4), (27), (30), (31). Схемы различаются коммуникативной организацией: в первой из них в фокусе действие, деятельность и т. п. субъекта, а во второй — сам субъект.

Лексема *впору* 2.1 как бы готова разделиться на две отдельные единицы, которые находятся в отношении конверсии друг к другу. Действительно, обе единицы являются двухместными предикатами, причем они выражают практически одну и ту же семантику. Однако в (32А) в фокусе внимания — действие Y-овать: именно оно противопоставляется другим действиям. А в (32Б) в фокусе внимания — субъект действия. Подобная семантическая лабильность, когда в фокус внимания может попадать то один, то другой компонент значения лексемы, свойственна многим словам естественного языка [Падучева 2004; Урысон 1997; 2000]. Для нас сейчас, однако, важно, что лексема *впору* 2 безусловно тяготеет к контекстам противопоставления. Этот факт требует объяснения.

На наш взгляд, сообщение вида «Человеку X соответствует действие Y» в обычной, неэкспрессивной речи уместно, в частности, в двух случаях. Во-первых, оно нормально, если собеседники имеют в виду некоторое

⁸ О слове *сам* см. работу [Урысон 1995]; одно из первых описаний слова *только* в интересующем нас значении содержится в работе [Жолковский 1964].

множество действий, причем не все из них подходят X-у. Действительно, если X-у подходят (соответствуют) не только Y, но и все другие действия, то сообщение вида «Человеку X соответствует действие Y» неинформативно (по Грайсу). Во-вторых, такое сообщение уместно, если собеседники имеют в виду некоторое множество людей, причем не всем из них подходит действие Y. Как и в предыдущем случае, если действие Y подходит (соответствует) всем людям, то постулат информативности в таком сообщении оказывается нарушен. В противопоставительном контексте идея, что не все действия подходят данному человеку или что не всем людям подходит данное действие, выражается совершенно естественно. Итак, тяготение данной модификации лексемы *впору 2* к противопоставительным контекстам обусловлено ее собственной семантикой.

Лишь очень небольшое число контекстов (по НКРЯ) с лексемой *впору 2.1* как будто не содержат противопоставления. Ср.

- (33) — *Тебе, мирскому человеку, и отдохнуть впору... Тоже намаялся дорогой-то* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)).
 (34) *Я-то уж потом догадался и вперед с мужичками насчет земли словечка два закинул. — Вот умница! — похвалил гость. — Это и мне так впору догадаться...* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).
 (35) *Ох, много и хороших и худых людей он пережил, так что впору и самому помирать* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)).

Обратим, однако, внимание на то, что в каждом из этих примеров есть частица *и*. В (33) она выделяет действие субъекта ('отдохнуть') из множества ожидаемых. В (34)—(35) частица *и* выделяет самого субъекта из множества других людей (ср. *и мне впору догадаться*)⁹. Выделение элемента из множества подобных — первый шаг к его противопоставлению другим членам множества. Таким образом, контексты типа (33)—(35) тоже выражают идею противопоставления, хотя и не столь эксплицитно, как другие примеры выше.

2.1.2. Вторая синтаксическая конструкция с лексемой *впору 2.1*:

Такие сны семилетнему ребенку впору

Этот класс контекстов иллюстрируется примером (20) выше, а также следующими:

- (36) *Я здоров, я мало состарелся, мне никогда не бывает скучно, и я способен даже теперь совершать некоторые exploits, которые впору человеку лишь самой цветущей молодости* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом»)) (1873—1884)).
 (37) *И часто случается, что истинному и самому восторженному поклоннику красоты выпадет на долю такой нравственно безобраз-*

⁹ Подробное описание частицы *и* дано в работе [Урысон 2000].

ный идол, что только дым кухонного очага ему впору, а он, простота, курит перед ним чистейший фимиам (Т. Г. Шевченко. Художник (1856)).

В подобных случаях лексема *впору 2.1* указывает на соответствие ситуации человеку; ср. толкование (32Б) из предыдущего раздела. Но в данных случаях эта ситуация выражается не инфинитивом, а существительным. Оно, однако, является «свернутым» обозначением ситуации. Ср.: *Такие сны впору семилетнему ребенку = Такие сны впору видеть семилетнему ребенку; Такие exploits впору человеку лишь самой цветущей молодости = Совершать такие exploits впору человеку лишь самой цветущей молодости*. В (37) именная группа *дым кухонного очага* обозначает не дым как таковой, а ситуацию, противоположную ситуации *курить чистейший фимиам*.

Данная синтаксическая конструкция с лексемой *впору 2.1* тоже естественным образом тяготеет к контекстам с противопоставлением. Так, (20) содержит противопоставление: ‘Такие сны впору семилетнему ребенку, а не взрослой девушке’; в (36) с помощью частицы *лишь* выражено противопоставление: ‘некоторые exploits впору человеку самой цветущей молодости, а не людям, вышедшим из этого возраста’. В (37) дым кухонного очага противопоставлен чистейшему фимиаму.

2.2. Лексема *впору 2.2*: соответствие ситуации имеющемуся положению дел

Эта лексема представлена в примере:

(38) *Отхватал я, брат, в эту ночь верст тридцать с лишним. <...> все иду и все о чем-то думаю, хоть истинной думы и нет во мне. Все это как во сне — от одного к другому переходит: и Маша-то тут, и не едал-то я, и сена вон стог в поле стоит, и ночь-то была впору холодная да темная* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Развеселое житье (1857—1863)).

Здесь *впору* указывает на то, что холодная и темная ночь соответствует общему состоянию субъекта.

(39) *<...> ведь и сказать-то мы ничего не хотим, а только так, зря выбрасываем слова из гортани, потому что на языке болона выросла. Стало быть, тут речи без подлежащего, сказуемого и связки приходятся именно как раз впору* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863—1874)).

В (39) речь идет о том, что «речи без подлежащего, сказуемого и связки» соответствуют нежеланию и неумению субъекта сказать что-то нужное.

В общем виде:

(40) Y ; *впору* X = ‘Имеет место положение дел Y ; имеет место ситуация X ; ситуация X соответствует положению дел Y ’ [это соответствие объясняется свойствами как ситуации X , так и положения дел Y].

Рассмотрим синтаксис лексемы *впору* 2.2.

Лексема *впору* 2.2, как и *впору* 2.1, является предикатом с двумя семантическими актантами: «что соответствует» (ключевая ситуация; X) и «чему соответствует» (положение дел; Y). Однако *впору* 2.2 не накладывает на выражение своих семантических актантов строгих синтаксических ограничений.

Так, актанта «ключевая ситуация» (X) может выражаться целиком предложением, внутри которого находится слово *впору*, — таков пример (38), где данный семантический актанта лексемы *впору* — ‘ночь была холодная да темная’. Однако этот же актанта может выражаться и именной группой, находящейся внутри этого предложения и являющейся «свернутой» предикацией, — таков пример (39), где обсуждаемая «ключевая ситуация» обозначена именной группой *речи без подлежащего, сказуемого и связки*. Эта группа является именной частью сказуемого, вводимой глаголом *приходиться*, ср. *речи <...> приходятся впору*.

Кроме того, оба актанта лексемы *впору* 2.2 могут выражаться именными группами внутри одного предложения. Ср.

- (41) *К моему положению как раз впору приилась «философская поэзия» г-жи Аккерман <...>. Чрезвычайно приятно было читать ее ругательства божеству за сотворение мира и человечества <...>* (П. В. Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (1852—1874)).

Здесь актанта «положение дел» выражен именной группой *к моему положению*, управляемой глаголом *прийтись*, а «ключевая ситуация» обозначена именной группой *«философская поэзия» г-жи Аккерман*.

В других случаях лексема *впору* 2.2 синтаксическим поведением напоминает лексему *впору* 2.1. Ср. пример (17) выше, а также следующий:

- (42) *У нас тихо, и на дворе стоит настоящий петербургский день: двенадцать часов дня, — но, пожалуй, впору зажечь лампы* (В. Г. Короленко. Письма 1900 г. (1900)).

Здесь речь идет о соответствии ситуации ‘зажечь лампы’ общему положению дел ‘темно, несмотря на то, что стоит день’ (мы не обсуждаем тонкую семантику этого примера и вклад в нее союза *но*). Синтаксически этот пример сближается с примерами типа (32А) X-у *впору* Y-овать (*а не делать что-л. другое*). Однако фрагмент *впору зажечь лампы* в (42) — это предложение с обобщенно-личным субъектом, что и заставляет усматривать в нем лексему *впору* 2.2: речь здесь идет не о том, какие действия подходят субъекту, а о том, что данная ситуация соответствует имеющемуся положению дел.

Аналогичный пример:

- (43) *Чуть только начнет оттепель, как со всех концов и углов гнилого, пробрьзшего дома начинала стекаться сюда мутная, грязная вода, <...> и вот к весне изо всего этого образовывалось такое болото, по которому впору ходить было только в охотничьих са-*

пожищах (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 5. (1867)).

В целом, лексема *впору* 2.2, в отличие от *впору* 2.1, как будто не нашла «своего синтаксического лица».

Существует одна особенность, присущая обоим лексемам блока *впору* 2, — они могут выступать в близком контексте с частицей *хоть*, которая акцентирует смысл, выражаемый *впору*. Рассмотрим эти контексты.

2.3. Контексты типа *хоть* (бы) *У*-овать, так (и то) *впору* и *хоть* (бы) *Х*-у, так *впору*

Примеры:

- (44) *Страшно жигану стало, хоть сквозь землю провалиться, так впору бы* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 4 (1864)).
- (45) *Вот, например, крепостное право [...] уничтожено, а там-то и там-то поступлено так, что хоть бы и при крепостном праве так впору* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма о провинции (1863—1871)).

Встреча в одном контексте лексемы *впору* и частицы *хоть* неслучайна: они выражают очень близкую семантику, и оборот, содержащий оба эти слова, подчеркивает данный смысл. Кратко охарактеризуем лексему *хоть*, представленную в данных контекстах.

Прежде всего заметим, что слово *хоть* многозначно. В первом значении это уступительный союз, близкий по значению союзу *хотя*. Ср. *Хоть я и гнусь, но не ломаюсь* (И. А. Крылов). В наших примерах представлена другая лексема слова *хоть*. В основной массе контекстов она сочетается с глаголом в неопределенной форме или в форме повелительного наклонения [МАС; Словарь Ушакова]; ср. *Стыдно, хоть сквозь землю провалиться; Тоска — хоть убегай назад в Москву*. В этих примерах речь идет о том, что состоянию субъекта лучше всего соответствует вторая ситуация («сквозь землю провалиться», «убежать назад в Москву») — при том что она выходит далеко из ряда обычных, обыденных ситуаций. Как видим, *хоть* выражает здесь ту же идею соответствия, что и слово *впору*, — с той разницей, что *хоть* указывает на в высшей степени необычную, не ожидаемую в норме ситуацию. Норма в данном случае нарушается из-за очень сильного воздействия на субъекта — оно выражено первым предикатом в высказывании («стыдно», «тоска»). Именно поэтому первый предикат в подобных контекстах часто сопровождается словами *так*, *такой*, которые указывают на высокую степень воздействия. Ср. *Так стыдно, (что) хоть сквозь землю провалиться; Такая тоска, (что) хоть назад в Москву убегай*. Подобные высказывания с *хоть* легко дополняются сочетанием *так впору* или *и то впору*, вынесенным в конец предложения: *так впору* или *и то впору* как бы вводятся в готовое предложение, содержащее *хоть*. Ср. (44) с (44а):

- (44а) *Страшно жигану стало, хоть сквозь землю провалиться.*

Аналогичная пара примеров:

(46a) *Улыбка [у нее] такая, что хоть слезами от нее обливайся.*

(46) *Улыбка [у нее] такая, что хоть слезами от нее обливайся и то впору...* (Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)).

В других случаях дело обстоит несколько иначе: здесь, наоборот, частица *хоть* как бы вводится в готовое высказывание, уже содержащее *и то впору* или *так впору*. Ср.

(47) *Иногда, бывало, хоть бы голову разбить и то впору... Такая скука заедала...* (Н. Э. Гейнце. Людоедка (1898)).

Данное высказывание останется нормальным, если удалить из него *хоть бы*. Ср. *Иногда бывало голову разбить и то впору*. Так же обстоит дело и в случае (45): при отсутствии в этом высказывании *хоть бы* пример остается нормальным:

(45a) *Вот, например, крепостное право [...] уничтожено, а там-то и там-то поступлено так, что и при крепостном праве так впору.*

Как видим, сочетания *хоть (бы)* и *так (и то) впору* не «срастаются» в единый оборот: выражая близкое значение, они могут употребляться и порознь, однако употребляясь вместе, подчеркивают данное значение.

Частица *хоть (бы)* очень характерна в контекстах, близких к типа X-у *впору* Y-овать, но с опущенным инфинитивом. Ср.

(48) *И полюбился мне тут один чиновничек молоденький; на гитаре, я тебе говорю, он играл хоть бы нашим запевалам впору* (А. Ф. Писемский. Масоны (1880)).

Ср. *хоть бы нашим запевалам впору так играть.*

Аналогичный пример:

(49) *Она, действительно, была девочка красивая, умная и бойкая, хоть и мальчику ее лет, так впору* (Т. Г. Шевченко. Несчастный (1855)).

Ср. *Мальчику впору быть таким — Иметь такие свойства впору мальчику.*

Частица *хоть (бы)* характерна и в контекстах X-у *впору* Y. Ср.

(50) *Кадриль, танцуемая в Малиннике, в этом вертепе крайнего разврата и безобразия, отличается образцовой скромностью и приличием, так что хоть бы впору любому пансиону «благородных девиц»* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 5. (1867)).

(51) *Как видите, сцены такие, что впору хоть бы и Лондону* (Г. И. Успенский. Письма с дороги (1887)).

Отметим, что в примерах (45), (51) представлена лексема *впору* 2.2, а в остальных — более частая лексема *впору* 2.1.

3.0. Судьба лексем блока *впору* 2

Начнем с менее «развитой» в языке XIX века лексемы *впору* 2.2, указывающей на соответствие ситуации имеющемуся положению вещей.

В современном языке данная лексема сохраняется в конструкции *впору* *У-овать* с обобщенно-личным субъектом. Такие контексты хорошо представлены в публицистике, в частности, в газетном подкорпусе НКРЯ. Ср. пример (8а), а также следующие:

- (52) *Дополнительная проверка, выполненная медиками, показала, что он [препарат] (...) совершенно безвреден для человека. Впору было, казалось, бить в литавры* (В. Полищук. Угодна ли природе химическая чистота, или История с гибберсибом // «Химия и жизнь», 1985).
- (53) *Сейчас, когда на экраны выходит последний фильм о Гарри Поттере, впору обернуться и посмотреть, какой след оставит эта франшиза* (Л. Пашкова. История Гарри Поттера закончилась // РБК Дейли, 2011.07.13).

Что касается контекстов типа (38) *Ночь-то была впору холодная да темная*, то они, по-видимому, ушли из языка.

Лексема *впору* 2.1 сохранилась гораздо лучше. Прежде всего отметим, что в основном подкорпусе НКРЯ можно найти примеры (после 1950 г.), которые практически не отличаются от контекстов XIX века. Ср.

- (55) *Пехота — это русский соломенный Ваня, царь полей, которому впору сеять и жать, девок любить, самогон пить* (В. Тучков. Русская книга военных // «Новый Мир», 1999).
- (56) *Мне теперь, на подаче (кирпичей) для двоих (печников), было впору только поворачиваться* (А. Т. Твардовский. Печники (1953—1958)).
- (57) *Да, впору было заснуть, но сон только почудился и не пришел: слишком уж он взвинчен был происходившим* (К. Симонов. Живые и мертвые (1955—1959)).

В этих примерах речь идет о том, что действие, обозначенное инфинитивом, хорошо соответствует свойствам или состоянию субъекта.

Данная лексема хорошо представлена в газетном подкорпусе НКРЯ. Ср.

- (58) *«Брокерским конторам впору принимать ставки: придет или нет Аяцков в Минск», — шутили журналисты* (М. Виноградов, Е. Головина. Аяцков вновь не доехал до Минска // Известия, 2007.12.24).
- (59) *После перерыва наставнику чехов впору за валерьянкой бежать для подопечных — детские ошибки они допускают на ровном месте, не выдерживая прессинга родных трибун и мощи противника* (К. Беляков. Чехи в шоке, мы в полуфинале! Наши молодод-

гвардейцы уверенно переиграли хозяев турнира // Советский спорт, 2008.01.04).

Примеры (58)—(59) устроены по типу (32А): X-у *впору* Y-овать (а не делать что-л. другое). Сохраняются, однако, и контексты типа (32Б): Y-овать *впору* X-у (а не какому-л. другому человеку). Ср.

- (60) *В одном из интервью ваш папа (актер Андрей Ургант. — Ред.) на вопрос корреспондента, мол, какие советы даете сыну, ответил: «Ваня уже достиг такого уровня мастерства, что мне уже впору спрашивать его совета!»* (М. Ремизова. Ивану Урганту — 35! // Комсомольская правда, 2013.04.18).
- (61) *Этот человек во время встречи с президентом вел себя так уверенно и по-хозяйски, что занервничать, а может, и поверить в Деда Мороза впору было самому Путину. — Проходите-проходите! — обратился к президенту Дед Мороз, приглашая в столовую* (А. Латышев (Великий Устюг). Что подарил Путин Деду Морозу // Известия, 2008.01.10).

По-видимому, такие употребления слова *впору* начали активизироваться относительно недавно, причем в основном в публицистике. При этом во многих из них, в отличие от примеров из текстов XIX — начала XX в., не выражено противопоставление; ср. (52)—(53), (55). Не исключено, что «старые» лексемы *впору* 2.1 и *впору* 2.2 в современном языке указывают на нарушение ожидания, рутинного порядка вещей.

Перейдем к другим современным контекстам, в которых слово *впору*, хотя и восходит к описанным лексемам *впору* 2.1 и *впору* 2.2, но подверглось существенным семантическим трансформациям.

Напомним, что по данным [АС], в современном языке сохраняются контексты типа

- (8) *Такая тоска — впору утопиться; Ужасно скучно. Впору запить.*

К этим контекстам близки многочисленные примеры из публицистики. Ср.

- (62) *Почти каждая третья легковушка в Сибири — с правым рулем. Впору переходить на чужое левостороннее движение* (А. Тулеев. Внутренняя угроза (2003) // «Независимая газета», 2003.03.31).
- (63) *Парки и лесопарки [в районе Сочи] настолько многочисленны и обширны [X], что впору говорить о культурных ландшафтах в прибрежной зоне [Y]* (Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997)).

Есть и другие, вполне употребительные современные контексты со словом *впору*. Ср.

- (64) *Ему жениться впору (а он балбесничает).*
 (65) *Ей впору министром быть (а не кастрюли мыть).*

Слово *впору* в контекстах (62) и (63) напрямую восходит к лексеме *впору 2.2*, а в остальных этих примерах — к лексеме *впору 2.1*. Рассмотрим семантические изменения этих «старых» лексем слова *впору*. Начнем со случаев (64)—(65), а затем перейдем к контекстам (8), (62)—(63).

3.1. Современные контексты типа Ему впору жениться

В контекстах этого типа речь идет о возрасте человека и, следовательно, о том, что подобает данному возрасту. Ср. (60), а также:

(64) *Ему уже впору деньги зарабатывать.*

(65) — *Как выросла... Впору замуж... А чего же...* (Б. Екимов. Высшая мера (1995)).

Слово *впору* в данных контекстах указывает на то, что действие (деятельность, занятие) ‘У-овать’ подходит субъекту — эта ядерная часть значения слова *впору* сохраняется и теперь. Однако в современном языке такое высказывание уместно, если при этом подразумевается, что действие ‘У-овать’ не имеет места в реальности, причем субъект не думает о нем, не собирается так делать. При этом часто это действие противопоставляется тому, что имеет место, что реально делает субъект. Лексемы «старого» блока *впору 2* на это не указывали, ср.

(66) *Одна в доме; ребят да скотину впору опекать* (Н. С. Лесков. Житие одной бабы (1863)) [речь идет о том, что субъект заботится о детях и скотине и не в состоянии делать ничего другого].

Кроме того, современное слово *впору* в этих контекстах синонимично слову *пора*. Ср. *Ей пора замуж, Ему уже пора деньги зарабатывать*. При этом слово *впору* в подобных контекстах обычно предполагает молодой активный возраст и активные действия, которые противопоставляются детству и детским играм. Поэтому в современном языке нормально высказывание *Ей уже пора уходить на пенсию*, но не стандартно высказывание *Ей уже впору на пенсию уходить*. (Последнее высказывание уместно в контексте: *Все забываю, ничего не успеваю — впору на пенсию уходить*, где представлена другая лексема *впору*, см. ниже раздел 3.3.) В целом, в этих контекстах неожиданным образом оживает идея времени, выражавшаяся совершенно устаревшей лексемой *впору 1* ‘в нужный момент’.

Наконец, высказывания рассматриваемого типа вряд ли возможны от первого лица. Плохо ^{??}*Мне впору деньги зарабатывать*; ^{??}*Мне впору замуж выходить (а я тут с вашими детьми нянчиться должна)*. В значении «старых» лексем *впору* этого ограничения не было. Ср. уже приводившиеся примеры:

(22) *Мы, батюшка, старухи старые, слепенькие, нам впору божественные книжки читать, а не то чтоб переписываться* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856—1857)).

- (6) [*Нам*] и *самим-то* с *своего* наделу *впору* с голоду помирать (А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)).

Этот запрет имеет семантическую подоплеку. На наш взгляд, данная лексема *впору* выражает мнение говорящего о субъекте: говорящий считает, что сам субъект не осознает, что ему уже подходит действие Р. Следовательно, сомнительное высказывание типа ^{??}*Мне впору деньги зарабатывать* содержит противоречие: с одной стороны, говорящий утверждает, что действие Р ему соответствует, а с другой стороны, сообщает, что он это не осознает.

Смысловые отличия данного случая от «старых» лексем *впору* достаточно велики, и это заставляет считать, что в контекстах типа (64)—(65) представлена особая, современная лексема слова *впору*.

В первом приближении эту лексему можно истолковать так:

- (67) *Человеку X впору Y-овать* [*Ему впору жениться*] ‘Человеку X соответствует действие Y-овать, потому что X достиг такого зрелого возраста и состояния, в котором по общепринятым представлениям человеку соответствует это действие; по мнению говорящего, X не осознает этого; X не совершает данное действие’.

Последний компонент (‘X не совершает данное действие’) хорошо согласуется с предыдущим (‘X не осознает, что ему соответствует действие Y-овать’) и, возможно, вытекает из него.

Структура значения (67) наводит на мысль, что данная лексема выражает еще и какую-то оценку субъекта. В самом деле, достижение субъектом активного взрослого возраста и возможность совершать действие ‘Y-овать’ прагматически оценивается положительно. С другой стороны, отсутствие ожидаемого действия, тем более подходящего субъекту, прагматически оценивается отрицательно. И действительно, некоторые контексты с данной лексемой *впору* выражают положительную оценку, ср. (65). Но другие контексты с этой лексемой, напротив, хорошо сочетаются с неодобрительной просодией и безусловно выражают отрицательное отношение к субъекту; ср. *Ему жениться впору* (а он балбесничает); *Ему деньги зарабатывать впору* (нечего с ним нянчиться). Естественно считать, что данная лексема *впору* сама по себе не выражает оценочного значения, но создает условия для выражения того или иного отношения к субъекту. Ср. пример (58) *Ему уже впору деньги зарабатывать*, который одинаково свободно сочетается и с одобрительной, и с неодобрительной просодией. (Тяготение рассматриваемой лексемы *впору* к выражению оценки тоже затрудняет употребление ее в контекстах от первого лица).

Как уже было отмечено, данная лексема *впору* подразумевает противопоставление действия, соответствующего субъекту, но не имеющего места, тем его действиям, которые имеют место в реальности. Однако противопоставление субъекта другим людям, столь характерное для «старой» лек-

семьи *впору 2.1*, в современном языке не встречается. Заметим впрочем, что такое противопоставление было нормально еще в языке первых десятилетий XX века. Ср. примеры (68)—(69) из [Словарь Ушакова], а также (70):

- (68) *На деревья впору только мальчишкам лазить.*
 (69) *Такую порцию впору лишь обжоре съесть.*
 (70) *С голоду не забастуешь / мятежами заниматься впору лишь сытым* («Возвращение Максима», к/ф (1937)).

Подобные контексты не удержались в языке¹⁰. Обратим, однако, внимание на то, что в них выражено неодобрительное отношение к занятию субъекта — это модальная «добавка» сближает их с современными контекстами типа (62), (64)—(65). Как мы убедимся ниже, подобные модальные наращения очень характерны для всех лексем современного слова *впору*.

П р и м е ч а н и е. В современном языке можно найти другие контексты, в которых слово *впору* синонимично слову *пора*; однако при этом оно не указывает на возраст. Ср.

- (71) *Мы так долго друг друга шутиливо называли «старик», что не заметили, как юмор этого обращения испарился. Теперь уж впору, шутки ради, называть друг друга «юнец»* (В. Аксенов. Негатив положительного героя (1996)).
 (72) *«Иностранцы» [иностранцы, т. е. закупленные за границей самолеты] уже вылетали ресурс, их впору заменять* (М. Махлин. Самолеты без денег не летают // «Российская газета», 2003).

В этих примерах «старые» лексемы *впору 2.1* (в (71)) и *впору 2.2* (с обобщенно-личным субъектом инфинитива в (72)) помещены в контекст с ярко выраженной идеей времени. На это указывает, в частности, частица *уже* или *уж*, а в первом примере еще и противопоставление ‘так долго до сих пор’ vs. ‘теперь’. В этих контекстах вновь сплетаются идея времени и идея соответствия. По-видимому, в сознании носителей современного языка данная лексема *впору* может ассоциироваться со словом *пора* и не указывая на возраст.

3.2. Современные контексты типа *Ей впору министром быть*

Синтаксически этот случай не отличается от материала из предыдущего раздела. Данные два типа контекстов сближаются и семантически: действие ‘У-овать’ в обоих случаях не имеет места в реальности, но при этом подходит субъекту. Однако между этими случаями есть и существенные различия.

Во-первых, в отличие от случая из предыдущего раздела, в контекстах данного типа нет указания на возраст субъекта. Во-вторых, на наш взгляд,

¹⁰ Впрочем, мы находим такое употребление слова *впору* у В. А. Солоухина: «Лешовка» — зовут у нас такие яблони, подчеркивая, что только лешему, то есть хозяину леса, впору есть (...) кислые, вяжущие плоды (В. А. Солоухин. Капля росы (1959)).

в подобных контекстах задается шкала возможных действий субъекта, и действие ‘У-овать’ занимает на ней крайнее, полярное положение — как самое подходящее субъекту, но при этом и как самое неожиданное.

Действительно, возьмем высказывание с нейтральным действием ‘У-овать’, например:

(73) *Петру Ивановичу впору в школе природоведение преподавать.*

Это высказывание прагматически нормально в двух случаях: субъект (Петр Иванович) настолько плохо знает естественные науки, что ему подходит быть лишь учителем природоведения, при том что он занимает гораздо более высокое положение (например, является доцентом геологического вуза); либо, напротив, субъект, неожиданно для говорящего, обладает настолько обширными сведениями по естественным наукам, что ему подходит учить детей в школе, при том что его все считают малограмотным деревенским дедом. При этом высказывание (73) не имеет «нейтрального» прочтения, не выражающего неожиданности соответствия субъекту действия ‘У-овать’ и, как следствие, оценки.

Заметим, что слово *впору* употреблялось в аналогичных контекстах и в XIX веке. Ср. пример (66) выше, а также следующий:

(74) *Вам впору быть губернатором либо в министерстве что-нибудь такое... а не здесь, не у нас!* (Н. Д. Телешов. Против обычая (1894)).

Однако в этих примерах слово *впору* не выражает модального значения или оценки, не указывает на то, что У — наименее ожидаемое занятие (деятельность) субъекта.

У данных современных контекстов есть еще одна специфическая черта: подобные высказывания невозможны от первого лица. Плохо: *??Мне впору быть президентом фирмы.* Это ограничение сближает данные контексты со случаем из предыдущего раздела. Мы объясняем этот запрет аналогичным образом: в значении лексемы есть компонент ‘субъект не осознает этого’.

Перед нами, очевидно, еще одна современная лексема слова *впору*. Ее возможное толкование (упрощенно):

(75) *Человеку X впору У-овать [Ей впору министром быть]* ‘Человеку X соответствует действие У-овать; X не осознает этого; из всех действий, которые мог бы совершать X данное действие является наименее ожидаемым; X не совершает данного действия’.

Слово *впору* указывает на «полюсное» положение действия ‘У-овать’ на шкале возможных действий субъекта и в следующих примерах:

(76) *По идее, нынешним производителям виагры впору учредить фонд, аналогичный нобелевскому* (Коммерсант — Власть, 2000, №40) [пример из ТСРРР].

(77) *За это не ругать, а стрелять впору* (Б. Екимов, Пиночет) [пример из ТСРРР].

- (78) *Подобным экспортным вариантом Минсельхозу не гордиться, а стыдиться в пору* (А. Капков. Из крестьян в люмпены // «Время МН», 2003).

(Последние два примера требуют некоторой модификации толкования (75), на которой мы не останавливаемся за недостатком места.)

Как и в случае из предыдущего раздела, структура значения данной лексемы создает благоприятные условия для выражения прагматической оценки. С одной стороны, соответствие субъекту действия 'У-овать' может оцениваться положительно. С другой стороны, тот факт, что субъект не совершает этого действия, прагматически оценивается отрицательно. Кроме того, неожиданность действия 'У-овать' может тоже «притягивать» какую-то оценку. В результате подобные высказывания, как правило, сочетаются с ярко выраженной оценочной просодией — одобрительной или неодобрительной.

3.3. Современные контексты типа

Такая тоска — в пору утопиться

Другие типичные примеры:

- (79) *У нас жарница, в пору ходить в плавках и сидеть по горло в воде* (Ю. Даниэль. Письма из заключения).
 (80) *В пору головой в омут, такие случились дела за последнюю неделю...* (В. Белов. Привычное дело (1967)).

Данная лексема *в пору* предполагает две ситуации: X и Y. В (79) ситуация X — 'у нас жарница'; ситуация Y — 'ходить в плавках и сидеть по горло в воде'. В (80) ситуация X — 'такие случились дела за последнюю неделю', ситуация Y — 'броситься головой в омут'. Как и во всех случаях выше, лексема *в пору* указывает здесь, прежде всего, на то, что ситуация Y соответствует ситуации X. Однако значение данной лексемы *в пору* богаче: она указывает еще и на то, что первая ситуация ('жарница' в (79), в (80) — 'такие случились дела за последнюю неделю') очень сильно воздействует на имеющееся положение дел, так что естественно, чтобы имела место ситуация Y (т. е. — 'ходить в плавках и сидеть по горло в воде'; или — 'броситься головой в омут'). Существенно, что при обычном положении дел ситуация Y невозможна или как минимум ненормальна.

При этом оба примера (79) и (80) подразумевают, что ситуация X воздействует на пациенса (возможно, не названного в пропозиции X), а он совпадает с субъектом ситуации Y. Важно, что пациенс и субъект обычно совпадают с говорящим. Действительно, высказывание типа *Ему там страшно скучно, в пору запить* содержит ярко выраженную эмпатию к субъекту. В связи с этим выражение *в пору У-овать* может выразить несобственно-прямую речь, ср.

- (81) *В поездах «Красная стрела» и «Экспресс», трепетно любимых москвичами, Дуня провела столько времени, что в пору застре-*

литься (Д. Смирнова. Октябрьская железная дорога (1997) // «Столица», 1997.05.13).

Естественно, что субъект (или пациенс) ситуации X в подобных высказываниях может не выражаться — в этом нет необходимости. Что касается субъекта ситуации Y, то его выражение даже недопустимо. Неудовлетворительно высказывание: *Там страшно скучно, мне впору запить*, при том что субъект совпадает здесь с говорящим; еще хуже высказывание **Там страшно скучно, ему впору запить*.

Предлагаем следующее толкование данной лексемы *впору*:

- (82) X, *впору* Y ‘Ситуация X влияет на субъекта так сильно, что он готов совершить действие Y; по его мнению, Y — это единственное, что соответствует ситуации X и что он может сделать при наличии X; при обычном положении дел действие Y для него невозможно или ненормально; субъект совпадает с говорящим’.

Семантический актант Y выражается инфинитивом, зависящим от наречия *впору*. Что касается семантического актанта X, то он может быть выражен очень разными способами — в частности, второстепенным членом предложения, в котором находится и сама лексема *впору*. Ср.

- (83) *От этих мыслей впору прийти в отчаянье.*
 (84) *Его [Пригожего] впору к рангу святых причислять за бескорыстие, безотказность и чрезмерную доброту и порядочность* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)).

Теперь требуется объяснить, почему мы считаем контексты типа *Такая тоска — впору утопиться* современными и противопоставляем их контекстам XIX — начала XX века. Ведь подобное употребление вполне характерно и для языка XIX века. Ср.

- (85) *Иногда такая нападает тоска, что впору бритвой хватить по горлу!* (И. С. Никитин. Письма (1853—1861)).
 (86) — *Ежели, господа, каждый пассажир будет на капитана с кулаками лезть, так ему впору самому высадиться* (П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)).

Однако слово *впору*, точнее лексема *впору 2.1*, выражает здесь лишь идею соответствия, а «экстремальность» ситуации Y выражается контекстом. Действительно, в языке XIX века такие же контексты могут иметь другое лексическое наполнение и не содержать указания на «экстремальность». Ср.

- (87) *Неужели Серафимой Ефимовной и держалась вся здешняя жизнь и его служба (...)? Этот вопрос захватил его врасплох, и так ему стало жутко — впору пробраться на балкон и отхлебнуть из графинчика: авось отойдет* (П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)).

Ситуация Y ‘пробраться на балкон и отхлебнуть из графинчика’ является, видимо, вполне обычной для героя повествования (почему он и думает «авось отойдет»).

Можно предположить, что в дальнейшем за подобными контекстами закрепляется идея «экстремальности», так что случаи типа (87) становятся невозможными. Лексема *впору* как бы вбирает в себя семантику контекста, которая становится частью ее лексического значения.

Выражая идеи соответствия и экстремальности, данная современная лексема *впору* синонимична частице *хоть* (см. о ней раздел 2.1); ср. *Тоска страшная — впору с моста прыгнуть* и *Тоска страшная — хоть с моста прыгай*. В языке XIX — начала XX века, когда лексема *впору* сама по себе не выражала идею экстремальности, встречается сочетание лексемы *впору* с частицей *хоть*:

- (88) *Такая страшная скучища, что впору хоть повеситься* (В. А. Шомпулев. Записки старого помещика (1897—1908)).

Сочетание лексемы *впору* с частицей *хоть* в современном языке аномально.

«Публицистическая» модификация данной лексемы *впору*

Она представлена в следующих примерах:

- (89) *Что же касается пришельцев, захватывающих нашу планету, то таких фильмов было снято столько, что впору писать отдельную энциклопедию* (А. Гусятинский. Провалиться нам на этом месте // Комсомольская правда, 2012.12.12).
- (90) *Вы такие кошмары рассказываете, что впору бункер на даче копать и продукты туда складывать...* (Е. Беляков. Известный биржевой аналитик Степан Демура: «Грядет кризис — покупайте золото, тушенку и патроны» // Комсомольская правда, 2012.10.27).

В данных случаях речь идет о сильном влиянии ситуации не на пациента, а на общее положение дел и — в связи с этим — на воспринимающего наблюдателя. Аналогичным образом устроены примеры (62) и (63), приведенные выше.

На наш взгляд, в подобных случаях представлена модификация лексемы *впору*, рассмотренной выше:

- (91) X, *впору* Y ‘Ситуация X влияет на имеющееся положение дел так сильно, что ему соответствует ситуация Y; при обычном положении дел ситуация Y невозможна или ненормальна’.

Эта модификация абстрактнее основного случая (82) и в силу этого ближе «старой» лексеме *впору* 2.1.

Как видим, «старая» лексема *впору* 2.1 представлена в русском языке, главным образом, россыпью мелких лексем, употребляющихся каждая в

своим лексико-семантическом контексте. Эти лексемы, кроме общей идеи соответствия, выражают еще и дополнительные, часто модальные смыслы. Одна указывает на возраст (*Ему жениться впору*), а две других указывают на неожиданность или даже ненормальность, экстремальность ситуации, подходящей субъекту при данном положении дел. Ниже мы убедимся, что подобные модальные наращения свойственны и последней лексеме слова *впору*, представленной в контекстах типа (1) *Куртка ему впору*. К ним мы и переходим.

4. Лексема *впору* 3 и ее судьба в современном языке

В современном языке данная лексема *впору* употребляется только в предикативной позиции, однако это ограничение появилось относительно недавно. Ср. следующие примеры — в первом *впору* выступает в функции атрибута (несогласованного определения) существительного, а во втором — в функции обстоятельства:

- (92) *У Ватажко нашлись высокие охотничьи сапоги впору Жоржу* (С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов (1898)).
 (93) — *Крой новый кафтан, да к старому почаще прикидывай, а то, пожалуй, не впору сошьешь* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875—1881)).

В современном языке употребление *впору* в функции атрибута выглядит устаревшим. Ср.

- (94) *Электричество горит, трамваи ходят, вода из кранов льется, печки топятся. У меня на ногах — башмаки впору* (Л. К. Чуковская. Прочерк (1980—1994)).

Сужение синтаксических функций лексемы свидетельствует о том, что она уходит из языка.

Однако данная лексема *впору* изменила и свое значение. Выше уже отмечалось, что современная лексема *впору* ‘подходить по размеру’ плохо сочетается с отрицанием; ср. ^{??}*Эта куртка ему не впору*. Еще недавно этого ограничения не было, ср. примеры (10)—(11), (93).

Кроме того, в современном языке данная лексема *впору* не сочетается с показателями высокой степени. Неудачно: **совсем впору*, **совершенно впору*, **как раз впору*. Раньше этого запрета не было. Ср.

- (95) *Ба! как раз впору!* — *сказал он, надевши легкое пальто Райского и садясь в нем на кровать* (И. А. Гончаров. Обрыв (1869)).
 (96) *Оказалось, что пара была совершенно впору; все было прилично, плотно застегивалось доверху, воротник, как из кордона, высоко подпирал подбородок* (Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)).

- (97) *Сибарит* ⟨...⟩ *немного женировался тем, что хозяйский стюртук был не совсем впору и сильно тянул его руки назад* (А. Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (1851)).

На наш взгляд, эти запреты носят семантический характер. Попытаемся это обосновать.

Рассматриваемая лексема *впору* в первом приближении толкуется так:

- (98а) *X впору Y-у* ‘Одежда, обувь или головной убор *X* подходит по размеру человеку *Y*’.

Или, в более общем виде:

- (98б) *X впору Y-у* ‘Одежда, обувь или головной убор *X* соответствует по размеру человеку *Y*’.

Это толкование вполне подходит для лексемы *впору* 3 языка XIX — начала XX века. Современный запрет на сочетаемость данной лексемы с отрицанием, а также с показателями высокой степени может быть обусловлен появлением какого-то оценочного компонента в ее значении. Ср. толкование этой лексемы в [МАС; Словарь Ушакова]: ‘как по мерке, как раз’, которое безусловно содержит оценку. Заметим, что предикаты *как по мерке* и *как раз* плохо сочетаются с теми же показателями степени. Ср. **совсем как по мерке*, **совсем как раз*, **совершенно как раз*, **совершенно как по мерке*. Сомнительно (в неэкспрессивной речи) сочетание этих предикатов и с отрицанием, ср. *??Пиджак был не как по мерке*, *??Сапоги не были как раз*. Ср. нормальные высказывания: *Пиджак — как по мерке! Сапоги как раз*.

Мы предлагаем толковать современную лексему *впору* через оценочный компонент ‘в точности’ или, если воспользоваться менее идиоматичными выражениями, через компонент ‘абсолютно’. (Выбор того или иного из этих компонентов не влияет на ход дальнейшего рассуждения.) Уточненное толкование этой лексемы в современном языке таково:

- (99а) *X впору Y-у* ‘Одежда, обувь или головной убор *X* в точности подходит по размеру человеку *Y*’.

Или, в более общем виде:

- (99б) ‘Одежда, обувь или головной убор *X* в точности соответствует по размеру человеку *Y*’.

Семантический компонент ‘в точности’ указывает на высшую степень характеризуемого свойства или состояния *P* — в данном случае на высшую степень соответствия. Поэтому он не допускает никаких иных показателей степени при *P*. Невозможно: **как раз в точности*, **совсем в точности*, **совершенно в точности* и даже **очень в точности*. Покажем теперь, что этот же компонент мешает сочетаться данной лексеме *впору* с отрицанием.

Представим себе возможный смысл ‘не в точности подходит’ или ‘не в точности соответствует’. Что здесь отрицается? Или, более точно, какова сфера действия отрицания ‘не’? Логически здесь возможны два варианта.

А) Отрицается целиком смысл ‘не в точности подходит’. Более формально, сфера действия отрицания здесь такова: ‘не (в точности подходит)’, или ‘не (в точности соответствует)’. Иными словами, отрицается и точность соответствия, и само соответствие. Но такая организация смысла противоречит постулату коммуникативности Грайса «не говори лишнего». Действительно, если отрицается соответствие, то заведомо отрицается и точное соответствие. Значит, достаточно отрицать соответствие, т. е. сказать *не подходит*. С этой точки зрения сочетание **не впору* не употребляется, так как в его семантической структуре содержится лишний компонент.

Б) Отрицается только компонент ‘в точности’. Тогда сфера действия отрицания такова: ‘подходит не в точности’, или ‘соответствует не в точности’. Однако в языке имеется специальное слово для выражения смысла ‘не в точности’ и аналогичных смыслов ‘не абсолютно’, ‘не совершенно’. Это слово *почти*. Для того чтобы подвергнуть отрицанию компонент ‘в точности’ данной лексемы *впору*, его нужно «извлечь» из значения лексемы, и полученный смысл ‘не в точности’ выразить словом *почти*. Иными словами, отрицание *не* воздействует на компонент ‘в точности’ значения лексемы *впору*, почему и невозможно сочетание **не впору*. Вместо этого сочетания употребляется сочетание *почти впору*. Ср.

(100) *Маскхалат мне почти впору, правда, брюки несколько коротки*
(В. Богомолов. Иван (1957)).

Предложенный анализ можно подтвердить языковым материалом.

Предикат *почти P* задает множество ситуаций, очень близких *P* [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Григорьева 2004а; 2004б]. Например, предложение *Обед почти готов* в принципе описывает множество разных состояний объекта (обеда), но все эти состояния близки к состоянию, описываемому предложением *Обед готов*. Напротив, предикаты *в точности P*, *абсолютно P*, *совершенно P* и т. п. отсекают подобные ситуации. Эти предикаты плохо сочетаются с отрицанием ‘не’.

Действительно, нормально:

(101) *Абсолютно идеальное лицо; совершенно гладкая поверхность; характер в точности такой же, как у отца.*

Однако в нейтральном контексте странно:

(102) *Не абсолютно идеальное лицо; не совершенно гладкая поверхность; характер не в точности такой же, как у отца.*

Подобные выражения допустимы лишь в полемическом контексте, как возражение на реплику собеседника, причем говорящий ее как бы повторяет, цитирует. Ср.

(103) — *У Евы абсолютно идеальное лицо. — Нет, у нее не абсолютно идеальное лицо.*

Ответная реплика может значить, что лицо вообще неидеальное, ср.

(102) *Ну нет, у нее не абсолютно идеальное лицо, посмотри, какой нос!*

Подобное высказывание требует особой, полемической просодии, с сильным выделением слова *абсолютно*.

Но эта же ответная реплика (возможно с несколько иной просодией) может значить, что лицо близко идеальному, но не абсолютно идеально. Однако этот смысл в нейтральном, не полемическом контексте выражается словом *почти*, ср.

(104) *У нее почти идеальное лицо.*

Аналогичные примеры:

(105) — *Это совершенно гладкая поверхность. — И не совершенно гладкая — местами даже шершавая* [возражение] vs. *Это почти гладкая поверхность* [нейтральное высказывание].

(106) *Зал совершенно пустой — Не совершенно пустой, пришли десять зрителей!* [возражение] vs. *Зал почти пустой, пришли десять зрителей* [нейтральное высказывание].

Примечание. Сам предикат *почти* тоже плохо сочетается с отрицанием. Нормально: *почти абсолютно идеальное лицо; почти совершенно гладкая поверхность; характер почти точно такой же, как у отца*. Однако лишь в очень полемическом контексте возможно: *не почти абсолютно идеальное лицо; не почти совершенно гладкая поверхность; характер не почти точно такой же, как у отца*. Действительно, в выражении *не почти абсолютно идеальное лицо* может иметься в виду: (а) либо то, что лицо вообще далеко от идеального, — и тогда данный смысл выражается словами *неидеальное лицо*; (б) либо то, что лицо не близко идеалу, а полностью ему соответствует, — но данный смысл выражается словами *абсолютно идеальное лицо*.

Вернемся к нашей лексеме *впору*. В современном русском языке она содержит оценочный компонент, указывающий на абсолютное соответствие размера одежды или обуви размеру субъекта. В языке XIX века данная лексема *впору* не содержала этого компонента, почему и возможно было сочетание *не впору*.

Заметим, что общее высказывание типа *Обувь должна быть впору* вполне подвергается отрицанию, ср. *Обувь не должна быть впору — лучше покупать туфли на размер больше*¹¹. Но отрицание ‘не’ относится здесь все-таки к предикату ‘должен быть’, а не предикату ‘впору’.

Есть и еще одно, менее существенное изменение данной лексемы. Раньше она могла характеризовать не только предметы одежды или обувь, но и помещение — в современном языке это практически невозможно. Ср.

¹¹ Благодарим за это замечание И. Б. Левонтину.

- (107) *О. Панкратий нашел, что (...) весь этот дом, со всеми принадлежностями, как раз будет впору ему одному, и предоставил остальному причту жить в наемных хатах* (И. Н. Потапенко. Шестеро (1890—1895)).

Покажем теперь, что остальные современные лексемы наречия *впору* тоже не взаимодействуют с отрицанием.

5. Современное наречие *впору* — неотрицаемый предикат

Выше продемонстрировано, что современные лексемы *впору*, представленные в контекстах *Ему впору жениться*, *Ей впору министром быть* и *Такая тоска — впору утопиться*, кроме идеи соответствия, выражают еще достаточно богатые смыслы. Они и блокируют сочетание лексемы с отрицанием¹².

Начнем со случая *Ему впору жениться*. Напомним, что лексема *впору* в этих контекстах указывает не только на достижение субъектом активного взрослого возраста и соответствие субъекту действия ‘жениться’, но и на мнение говорящего: он считает, что сам субъект этого не осознает, почему он и не совершает данного действия. Компонент, указывающий на мнение говорящего, будучи модальной рамкой, не подвергается отрицанию. Не подвергается отрицанию и вытекающий из него компонент ‘субъект не совершает данное действие’.

Возьмем теперь потенциальное высказывание **Ему не впору жениться*. Что могло бы в нем отрицаться? Очевидно, то, что субъект достиг взрослого возраста, и то, что ему соответствует данное действие. Что касается модальной рамки, а также связанного с ней компонента ‘субъект не совершает данное действие’, то они по определению не подвергаются действию отрицания. Следовательно, высказывание **Ему не впору жениться* сообщает, во-первых, что субъект не совершает какое-то действие, и, во-вторых, что это действие ему не подходит. Однако такое высказывание неинформативно. Оно было бы информативно, если бы в нем сообщалось, что субъект не совершает какого-то действия, при том что оно ему подходит; или наоборот — субъект совершает действие, которое не соответствует его свойствам или состоянию. Таким образом, в потенциальном высказывании **Ему не впору жениться* нарушается постулат информативности Грайса «не говори лишнего». По-видимому, это и является причиной семантической аномалии высказывания.

Лексема *впору*, представленная в случае *Ей впору быть министром*, содержит аналогичную модальную рамку и не сочетается с отрицанием по той же причине.

---

¹² Эти же дополнительные смыслы, по-видимому, блокируют и сочетаемость данных лексем с показателями высокой степени.

Несколько иначе обстоит дело в случае *Такая тоска — впору утопиться*. Такое высказывание может подвергаться отрицанию целиком (оставляем в стороне специфическое «цитатное» произнесение выражения *впору утопиться*), ср.

(108) *Ну, не такая тоска, что впору утопиться, но довольно скучно.*

В подобном высказывании отрицается сильное влияние ситуации ‘такая тоска’ на ее субъекта: тоска не влияет на него так сильно, что он готов утопиться.

Возьмем теперь потенциальное высказывание **Ужасная тоска, но не впору утопиться*. Попробуем объяснить причину его аномальности.

В принципе это высказывание могло бы значить следующее: тоска влияет на субъекта очень сильно, но не так, что он готов утопиться. Сам по себе этот смысл вполне нормален. Однако, лексема *впору* содержит еще и модальную рамку, которая не подвергается отрицанию: по мнению субъекта, утопиться — это единственное, что можно сделать при данной ситуации. Таким образом, в высказывании **Ужасная тоска, но не впору утопиться* содержится противоречие между основной частью его смысла и модальной рамкой лексемы *впору*. Такое противоречие является причиной семантической аномалии высказывания ([Апресян 1995]; в этой работе описан целый ряд других предикатов, которые не сочетаются с отрицанием из-за возникающего противоречия между модальной рамкой и остальной частью значения).

Поскольку основные современные лексемы *впору* не сочетаются с отрицанием, то сочетание *не впору* даже вне контекста может восприниматься как аномальное. Непривычность этого сочетания может быть причиной его неупотребительности и в случаях, когда явного семантического запрета на отрицание как будто нет.

Постулаты Грайса в их классическом виде объясняют речевое поведение говорящих в диалоге, при повествовании и т. п. Наше предположение состоит в том, что постулаты Грайса могут объяснять и семантическую аномальность высказывания. Вопрос требует дальнейшего исследования.

6. Изменение структуры полисемии слова *впору*

Уход из языка лексем *впору 1* ‘вовремя, в подходящий момент’ (*Иван Васильевич впору узнал об опасности*) и тенденция к закреплению бывших лексем блока *впору 2* в ограниченном круге лексико-семантических контекстов (*Ему впору жениться*, *Ей впору быть советником президента*, *Такая тоска — впору повеситься*) привели к радикальной перестройке структуры полисемии слова *впору*.

Действительно, логически исходной, корневой (по Падучевой) лексемой слова *впору* естественно считать ту, которая семантически непосред-

ственно связана со словом *пора*, т. е. указывает на время. (Напомним, что идея соответствия, тоже выражаемая этой лексемой, логически производна от идеи времени, точнее совпадения во времени.) Следующими в иерархии лексем слова *впору* естественно считать те лексемы, которые выражают лишь идею соответствия. Из этих лексем на второе место в структуре полисемии претендуют те, которые имеют более абстрактное значение (соответствие ситуации ее субъекту или общему положению дел). На последнем месте в иерархии оказывается лексема с наиболее узким, конкретным значением — она указывает на соответствие субъекту по размеру одежды или обуви. Именно в этой последовательности мы описывали лексемы «старого» слова *впору*. Ср. упрощенное представление его структуры полисемии:

Впору 1: X впору 'ситуация X имеет место в подходящий момент': Иван Васильевич узнал впору об опасности.

Впору 2.1: X-у впору Y-оватъ 'свойства или состояние человека X таковы, что ему подходит действие Y': Замужней впору детей родить; Такие сны семилетнему ребенку впору.

Впору 2.2: X впору Y-у 'ситуация X соответствует положению дел Y': И ночь-то впору была холодная да темная.

Впору 3: X впору Y-у 'одежда или обувь X подходит по размеру человеку Y': Он [Ваничкин сюртук] будет впору его милости (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)).

С уходом из языка лексемы *впору 1* утрачивается исконная связь слова *впору* с идеей времени, и приведенная структура полисемии слова *впору* расшатывается. Данное современное слово представляет собой пример, когда на выбор первой лексемы в структуре полисемии претендует более одного кандидата.

В самом деле, с теоретической точки зрения первое место в иерархии лексем занимает семантически исходная лексема, так что остальные лексемы слова можно представить как результат деривации (возможно опосредованный) этой исходной лексемы [Падучева 2004]. Однако с практической (лексикографической) точки зрения первое место в структуре полисемии занимает самая употребительная и стилистически нейтральная лексема (ср. принципы выбора доминанты синонимического ряда в работе Ю. Д. Апресяна [2004]). Разумеется, эти две точки зрения могут противоречить друг другу, и тогда лексикограф принимает решение по своему вкусу, возможно привлекая некоторые дополнительные критерии.

На роль логически исходного значения слова *впору* могли бы теперь претендовать лексемы блока *впору 2*: они выражают достаточно абстрактную идею соответствия, и тогда лексема *впору 3* могла бы рассматриваться как логически производная от них. Семантическая деривация интерпретировалась бы (с логической точки зрения) как конкретизация, сужение значения исходной лексемы.

Действительно, в современном языке сохраняется «старая» лексема *впору 2.1*, выражающая абстрактную идею соответствия, ср. (8а), (55)—(57). Однако такие контексты, по-видимому, находятся на периферии языка; данная лексема *впору* не фиксируется в современных толковых словарях. С лексикографической точки зрения подобная малоупотребительная лексема не может претендовать на роль первой в иерархии значений. Остальные лексемы современного блока *впору 2* выражают, наряду с идеей соответствия, разнообразные модальности. Эти лексемы экспрессивны и жестко закреплены за своими лексико-семантическими контекстами. С теоретической точки зрения ни одна из них не может считаться исходной в структуре полисемии слова *впору*. Правда, одна из этих новых лексем неожиданно содержит указание на время (*Ему впору жениться*), что сближает ее с бывшей корневой лексемой *впору 1*. Однако это указание имплицитно: в целом, связь слова *впору* с идеей времени в современном языке достаточно слаба. Поэтому данная современная лексема не может претендовать на первое место в иерархии лексем, которое занимала «старая» лексема *впору 1*.

С лексикографической точки зрения, на роль первой лексемы слова *впору* может претендовать его самая употребительная и неэкспрессивная лексема — это бывшая лексема *впору 3*, указывающая на соответствие человеку по размеру одежды или обуви. Именно такое решение принимается в современных словарях. Таким образом, структура полисемии современного слова *впору* такова (в упрощенном виде):

- Впору 1*: X *впору* Y-у ‘одежда или обувь X в точности подходит по размеру человеку Y’: *Туфли оказались ей впору.*
- Впору 2.1*: X-у *впору* Y-овать: ‘Человеку X соответствует действие Y-овать, потому что X достиг такого возраста и состояния, в котором по общепринятым представлениям человеку соответствует это действие; по мнению говорящего, X не осознает этого; X не совершает данное действие’: *Ему впору жениться.*
- Впору 2.2*: X-у *впору* Y-овать: ‘Человеку X соответствует действие Y-овать; X не осознает этого; из всех действий, которые мог бы совершать X данное действие является наименее ожидаемым; X не совершает данного действия’: *Ей впору генеральным директором работать.*
- Впору 2.3*: X, *впору* Y: ‘Ситуация X влияет на субъекта так сильно, что он готов совершить действие Y; по его мнению, Y — это единственное, что соответствует ситуации X и что он может сделать при наличии X; при обычном положении дел действие Y для него невозможно или ненормально; субъект совпадает с говорящим’: *Такая скука — впору водку пить.*

Что касается «старой» лексемы *впору 2.1*, представленной в случаях типа (55) *Пехота — это русский соломенный Ваня, царь полей, которому впору сеять и жать, девок любить, самогон пить*, то в этой иерархии она могла бы «поместиться» между лексемами 2.1 и 2.2.

Отметим, что [Словарь Ушакова] фиксирует некоторую промежуточную структуру полисемии слова *впору*. Первое место занимает «старая» лексема *впору 1* ‘в подходящий момент’ (*Пришел впору*). На втором месте — «старая» лексема *впору 3* ‘как по мерке, как раз’ (*Костюм пришелся впору*). На третьем месте — уже уходящая «старая» лексема *впору 2.1*: *На деревьям впору только мальчишкам лазить*.

Как видим, перестройка структуры полисемии слова тесно связана с изменением употребления его лексем. Лексема перестает употребляться вполне свободно и закрепляется за определенным кругом контекстов. Это влечет некоторую перестройку ее значения: лексема как бы вбирает в себя некоторые компоненты контекста. Благодаря этому ее значение обогащается новыми элементами. Они, в свою очередь, препятствуют возможному употреблению лексемы в других контекстах. В результате лексема еще жестче привязывается к определенному типу контекстов и ее употребление еще больше сужается.

Лексемы блока 2 слова *впору*, в силу своей семантики и в соответствии с постулатами Грайса (см. с. 33—34), тяготеют к противопоставительным контекстам. В целом, противопоставительный контекст — это принадлежность разговорной речи. Но разговорные слова, как правило, выражают, помимо всего прочего, экспрессивные и оценочные значения. Лексемы слова *впору*, закрепляясь в разговорном языке, обогащаются такими компонентами значения. Одновременно некоторые лексемы жестко закрепляются в специфичных экспрессивных контекстах, ср. современные лексемы *впору 2.1*, *впору 2.2* и *впору 2.3*. Такое сужение употребления лексемы может свидетельствовать о ее уходе из языка. Как бы то ни было, лексемы слова *впору* становятся семантически более сложными, более конкретными и, как следствие, более лингвоспецифичными.

Однако «старые» лексемы слова *впору*, выражающие абстрактную идею соответствия, по-прежнему так или иначе присутствуют в языке; ср. (8а), (55)—(57). Причина, на наш взгляд, в том, что данная семантика достаточно важна для того, чтобы иметь удобное словесное выражение: в языке нет других слов с подобной абстрактной семантикой.

Если наше предположение верно, то на судьбу слова *впору* влияют два противоположных фактора. Один из них вытесняет некоторые лексемы слова *впору* в жесткие лексико-семантические контексты, благодаря чему эти лексемы семантически обогащаются. Другой фактор, наоборот, удерживает в языке «старые» лексемы с их прежней абстрактной семантикой. В результате иерархия значений современного слова *впору* в принципе допускает разные описания, не вполне согласующиеся друг с другом: теоретический и практический принципы описания полисемии дают здесь разные результаты.

Слово *впору* демонстрирует перестройку структуры своей полисемии. Заметим, что перестройка структуры полисемии слова — не такое редкое явление в языке. Однако в некоторых случаях мы можем восстановить ги-

потетическую первоначальную иерархию значений слова лишь умозрительно, исходя из логики семантической деривации [Урысон 2000; 2003]. Наречие *впору* замечательно тем, что гипотеза о перестройке его семантической структуры подтверждается реальным языковым материалом, причём относящимся к языку XIX — XX веков¹³.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Языковая аномалия и логическое противоречие // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995. С. 598—621.
- Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. Изд. 2. М.; Вена, 2004. С. XXII — LII.
- АС — Активный словарь русского языка. Т. 2. В — Г. М., 2014.
- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 — А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Вольф 1968 — Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1968.
- Григорьева 2004а — С. А. Григорьева. Словарная статья «СОВЕРШЕННО 1, АБСОЛЮТНО, СОВСЕМ 1» // Новый объяснительный словарь русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004. С. 1072—1075.
- Григорьева 2004б — С. А. Григорьева. Словарная статья «ПОЧТИ, БЕЗ МАЛОГО, ЧУТЬ НЕ, ЕДВА НЕ» // Новый объяснительный словарь русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004. С. 812—817.
- Жолковский 1964 — А. К. Жолковский. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. / I Московский гос. Пед. ин-т иностранных языков. Труды института. М., 1964. С. 67—103.
- МАС — Толковый словарь русского языка в 4-х томах. М., 1985—1990.
- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории построения моделей «СМЫСЛ — ТЕКСТ». М., 1974.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
- ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. А—И. М., 2015.
- Урысон 1995 — Е. В. Урысон. Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 1995. С. 82—125.
- Урысон 1997 — Е. В. Урысон. «Несостоявшаяся полисемия» и ее типы // Облик слова. М. 1997. С. 113—121.

¹³ В поэтическом языке (и, возможно, в некоторых других подъязыках) слово *впору* может сохранять «старые» лексемы, причём читатель может воспринимать их не как уходящие или устаревшие, а как поэтические: *Вперед то под гору, то в гору / Бежит прямая магистраль, / Как разве только жизни впору / Все время вратясь вверх и вдаль* (Б. Л. Пастернак. Дорога (1957)).

Урысон 2000 — Е. В. Урысон. Русский союз и частица И: структура значения // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 97—121.

Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М., 2003.

Урысон 2010 — Е. В. Урысон. Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия // Проспект активного словаря русского языка / Отв ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010. С. 677—726.

Урысон 2011a — Е. В. Урысон. НОРМА, ОБРАЗЕЦ, ЭТАЛОН, СТАНДАРТ, ШАБЛОН: заметки о полисемии // Слово и язык. М., 2011. С. 347—356.

Урысон 2011b — Е. В. Урысон. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1986.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М. 1974—.

Яковлева 1994 — Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.

References

Apresyan 1974 — Ju. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika. Moskva, 1974.

Apresyan 1995 — Ju. D. Apresyan. Jazykovaya anomalija i logicheskoe protivorechie // Ju. D. Apresyan. Izbrannye trudy. T. II. Moskva, 1995. S. 598—621.

Apresyan 2004 — Ju. D. Apresyan. Lingvisticheskaya terminologija slovarja // Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod obshhim rukovodstvom Ju. D. Apresyana. Izd. 2. Moskva; Wien, 2004. S. XXII — LII.

AS — Aktivnyy slovar' russkogo yazyka. T. 2. V — G. Moskva, 2014.

Baranov, Plungyan, Rahilina 1993 — A. N. Baranov, V. A. Plungyan, E. V. Rahilina. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka. Moskva, 1993.

Grigor'eva 2004a — S. A. Grigor'eva. Slovarnaya stat'ya «SOVERSHENNO 1, ABSOLJUTNO, SOVSEM 1» // Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka / Pod obshhim rukovodstvom Ju. D. Apresyana. 2-e izd. M.; Wien, 2004. S. 1072—1075.

Grigor'eva 2004b — S. A. Grigor'eva. Slovarnaya stat'ya «POCHTI, BEZ MALOGO, CHUT' NE, EDVA NE» // Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka / Pod obshchim rukovodstvom Ju. D. Apresyana. 2-e izd. Moskva; Wien, 2004. S. 812—817.

MAS — Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah. Moskva, 1985—1990.

Mel'chuk 1974 — I. A. Mel'chuk. Opyt teorii postroeniya modeley «SMYSL — TEKST». Moskva, 1974.

Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004.

Slovar' Ushakova — Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1935—1940.

TSRRR — Tolkovyy sovar' russkoy razgovornoy rechi. Vyp. A—I. Moskva, 2015.

Uryson 1995 — E. V. Uryson. Slovarnaya stat'ya mestoimeniya SAM: problemy opisaniya leksicheskoy mnogoznachnosti // Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya: opyty sistemnogo opisaniya leksiki / Otv. red. Ju. D. Apresyan. Moskva, 1995. S. 82—125.

Uryson 1997 — E. V. Uryson. “Nesostoyavshayasya polisemiya” i ee tipy // Oblik slova. Moskva, 1997. S. 113—121.

Uryson 2000 — E. V. Uryson. Russkiy soyuz i chastica i: struktura znacheniya // Voprosy yazykoznanija. 2002. № 6. S. 97—121.

Uryson 2003 — E. V. Uryson. Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike. Moskva, 2003.

Uryson 2010 — E. V. Uryson. Fokus vnimaniya govoryashhego, sdvig semanticheskogo akcenta i polisemiya // Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka / Otv red. Ju. D. Apresyan. Moskva, 2010. S. 677—726.

Uryson 2011a — E. V. Uryson. NORMA, OBRAZEC, ETALON, STANDART, SHABLON: zametki o polisemii // Slovo i yazyk. Moskva, 2011. S. 347—356.

Uryson 2011b — E. V. Uryson. Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Moskva, 2011.

Vol'f 1968 — E. M. Vol'f. Funkcional'naya semantika ocenki. Moskva, 1968.

Zholkovskiy 1964 — A. K. Zholkovskiy. Leksika celesoobraznoy deyatelnosti // Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika. Vyp. 8 / I Moskovskiy gos. ped. In-tinostrannykh yazykov. Trudy instituta. Moskva, 1964. S. 67—103.

Fasmer — M. Fasmer. Jetimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah. Moskva, 1986.

JeSSJa — Jetimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. M. 1974—.

Jakovleva 1994 — E. S. Jakovleva. Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira: modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya. Moskva, 1994.

Резюме

Объект этой работы — семантика наречия *впору* в языке XIX—XX вв. В языке XIX в. слово *впору* сохраняло семантическую связь с идеей времени (ср. слово *пора*), а кроме того, его семантика была более абстрактной. В современном языке слово *впору* в его некоторых «старых» значениях употребляется в газетном стиле, однако теперь это слово, в целом, является принадлежностью разговорного языка, причем на смену его «старым» значениям пришли другие, семантически более богатые, обладающие сложными модальными рамками. В результате наречие *впору* в современном языке, в отличие от языка XIX в., с трудом соединяется с отрицанием, а также с некоторыми другими частицами. Обсуждается вопрос об изменении структуры полисемии данного слова. Сделана попытка дать аналитическое толкование разным значениям слова *впору* и показать их изменение в XIX—XX вв. Рассматривается общая проблема иерархизации значений многозначного слова и представления иерархии значений полисемичного слова в словаре.

Ключевые слова: структура полисемии, иерархизация значений, семантические изменения, модальная рамка, оценка, отрицание, семантическая аномальность, постулаты информативности Грайса

Статья получена 29.07.2016

ELENA V. URYSON

THE CHANGE OF POLYSEMY AND OF MODAL FRAMES OF THE WORD *VPORU* (FROM THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY UNTIL NOW)

The subject of this paper is the Russian adverb *vpору* 'fitting' in the language of the 19—20th centuries. In the 19th century the word *vpору* retained an association with the idea of time (cf. *pora* 'time to do smth. '), and its semantics was more abstract. In the modern language the word *vpору* is still used in some of its "old" meanings in newspaper

---

style, but in general this word belongs to the colloquial language and its “old” meanings have given way to semantically richer ones characterized by intricate modal frames. As a result, in contemporary Russian the word *впору* can be combined with negation and certain other particles only with difficulty. The paper discusses changes in polysemy structure of the word and attempts to explicate various meanings of the word *впору* in the language of the 19th century and today. The general issue of hierarchization of meanings of polysemantic words and their representation in a dictionary is also discussed.

Keywords: polysemy, meaning structure, hierarchization of meanings, semantic drifts, modal frame, evaluation, negation, semantic anomaly, Gricean maxims

Received on 29.07.2016

О. Ю. ИНЬКОВА

**РУССКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА
КАК СИДЕЛ НА КУШЕТКЕ, ТАК И ПОКАТИЛСЯ СО СМЕХУ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА**

1. Вводные замечания

Настоящее исследование посвящено анализу формальных и семантических свойств русских предложений, проиллюстрированных примерами (1)—(2)¹:

- (1) *Как* сел на стул, придя к Соне, *так и* сидел, не двигаясь, до нужной секунды: ни раньше, ни позже (Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976));
- (2) *Как* был врагом, *так* им *и* остался? (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)).

До настоящего времени предложения данного типа не привлекли особого внимания исследователей. Так, насколько нам известно, нет ни одного исследования, специально посвященного этой конструкции. Симптоматично также, что в детальном анализе «агрегата» *так и* в его разнообразных значениях, в том числе в корреляции с *как*, интересующая нас конструкция упомянута лишь вскользь [Veugens 1986: 41]. Предложения данного типа вовсе не упоминаются в грамматиках (см., например, [Гвоздев 1968; Крючков, Максимов 1977; Скобликова 2006; Галкина-Федорук и др. 2009; Диброва 2011; Garde 1998] и др.), за исключением «Русской грамматики» (в дальнейшем — РГ-80; II, § 2843), где они рассматриваются в разделе, посвященном сложноподчиненным предложениям, в которых определительное значение выражено через сравнение с квалифицирующим значением. Автор раздела, И. Н. Кручинина, уточняет, что речь идет о «специфической форме выражения квалифицирующего значения, в которой действие или состояние, выраженное глаголом-сказуемым главного предложения, в придаточном характеризуется как непосредственно продол-

---

¹ В работе использованы примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru), за исключением (6), (20) и (39), а также примеров, заимствованных из [РГ-80], что указано особо.

жающее действие или состояние того же субъекта, причем это может быть либо естественное продолжение, неизменность состояния (...), либо неподготовленная и резкая смена». Примером «неизменности состояния» может служить (2), в качестве примера «резкой смены» в [РГ-80, II, § 2843] приводится фраза:

(3) Ребятишки *как* возились на полу, *так* и заснули.

Среди формальных особенностей конструкций со значением «непосредственно продолжающегося действия» отмечается фиксированный порядок следования главного и придаточного предложений («обычно» главное следует за придаточным), видовременное соотношение предикатов (а именно, прошедшее время несовершенного вида для придаточного и прошедшее время совершенного вида для главного), а также тот факт, что «связь между главным и придаточным обычно реализуется после того, как получит выражение общий для них субъект» [РГ-80, II, § 2843]. По-видимому, последнее свойство позволяет В. А. Белошапковой [1967: 74, сноска 1] говорить о «нечленимо[м] сказуемо[м], которое имеет специфическое модально-экспрессивное значение длительной поглощенности субъекта действия одним и тем же действием». На этом основании, а также с учетом того, что лексическое наполнение данной конструкции также имеет ограничения, В. А. Белошапкова квалифицирует ее как «фразеосхему».

Однако, как показывает пример (4), который по своей семантике подходит под разновидность «непосредственно продолжающегося действия» данной семантической конструкции, главное и придаточное предложения могут не иметь общего подлежащего:

(4) Десять лет гниют у них эти ящики, и никому до них нет никакого дела. *Как* привезли их в двадцатых годах заколоченными, *так* они и стоят, а все нас ругают за беспорядок! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)).

Речь действительно идет об одном «субъекте», ящиках, но в придаточном предложении он выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения, являясь подлежащим только в главном. Кроме того, общий субъект далеко не всегда занимает в таких предложениях начальную позицию; ср. (5):

(5) *Как* он родился в Армавире, *так* в нем и вырос и учился ловить мышей (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)).

Из этого же примера видно, что оппозиция совершенный vs. несовершенный вид явно недостаточна для описания ограничений на форму предикатов: оба предиката являются здесь глаголами совершенного вида. Наконец, с семантической точки зрения, вряд ли здесь можно говорить о «поглощенности субъекта одним и тем же действием», как предлагает В. А. Белошапкова, так как действия, описанные предикатами (*родился*, *вырос* и *учился ловить мышей*), явно различны.

Анализ предложений данного типа представляет определенную сложность также в связи с полисемичностью связующих средств, при помощи которых они образованы. Как известно, *как* может иметь как сравнительное, так и временное значение, а также значение временной обусловленности:

- (6) Она говорила себе, что все это пустяки, что Балагин *как* появился, *так и* исчезнет из круга ее жизни (М. Арцыбашев. Роман маленькой женщины, lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/roman.txt);
- (7) А Наум Нефедов *как* вошел в горницу, *так и* сделался сумрачен (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889));
- (8) Опять Иоська пьяный. (...) Парикмахер закрыл дверь на засов и задернул занавеску. «*Как* увидит кого в парикмахерской, — объяснил он со вздохом, — *так* сейчас же зайдет и будет петь, танцевать и плакать» (К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)).

Так, в (6) *как... так и* оформляют один из видов сравнительных отношений, отношение аналогии, причем *как* и *так*, выполняя связующую функцию, являются здесь одновременно и обстоятельствами образа действия; в (7) то же связующее средство оформляет высказывание с временным значением: в нем выражается значение мгновенной смены предшествующей ситуации последующей (*как* $\approx$ *как только... так сразу*); наконец, в (8), в связи с отсутствием временной локализации предикатов, отношение между описываемыми ситуациями можно определить как временную обусловленность (*как* $\approx$ *если*). Не случайно поэтому исследователи относят интересующие нас конструкции то в разряд предложений со значением времени [Завьялов 2009: 133], то в разряд сопоставительных вместе с предложениями типа *Как* думал, *так и* говорил [Федорова 2004: 121—124]. Кроме того, не всегда можно четко провести границу между несколькими допустимыми интерпретациями одного и того же высказывания, оформленного *как... так и*; ср. (9):

- (9) «Сумка моя...» — сказала тихо. «А в тумбочке, — ответила соседка. — *Как* привезли тебя без памяти, *так и* сумку туда» (И. Грекова. Перелом (1987)).

Идет ли речь о значении «быстрой смены» ситуаций, выражаемом *как... так* с временным значением, или же об аналогии двух ситуаций относительно временного параметра: *когда... тогда и*?

Вторая часть коннектора, оформляющего высказывания данного типа, состоящая из *так* и частицы *и* (которая может находиться по отношению к *так* как в контактном, так и в дистантном положении), также многозначна. При этом, согласно словарям, которые различают *так и* — вторую часть союза — и *так и* частицу, последняя может выражать прямо противоположные значения. Так, согласно СЕМ [I: 44], *так и* в первом из своих значений употребляется для выражения внезапности, интенсивности действия, а также неожиданности, моментальности смены состояния (*Дождь так и*

хлещет. От испуга так и замер), а во втором своем значении выражает, наоборот, «неизменность длящейся ситуации» (*Ждали, но он так и не пришел*). БАС, в статье, посвященной *так и*, квалифицирует второе из этих двух значений как выражение «итога, результата каких-л. действий. *Долго звонил по телефону, но так и не дозвонился*» (ср. также [Veugenc 1986: 31]). Схожей позиции придерживается и С. М. Колесникова [2014], для которой данные построения выражают значение «завершения или выявления предшествующего состояния» и которая сближает это значение *так и* со значением интересующих нас конструкций. Завершая свой анализ, Колесникова [2014: 64] отмечает, что значение построений с *так и* «уясняется в результате сопоставления их с построениями типа *как упала, так и лежит; как сел, так и не поднимался весь вечер; как жил бедняком, так и умер*». В работе [Veugenc 1986: 41—44] также высказывается мнение, что в высказываниях типа *Я так и не понял, Мать так и не узнала об этом* речь идет о семантических конструкциях с имплицитной первой частью, соответственно *Как не понимал, так и не понял* (= продолжал не понимать); *Мать, как не знала, так и не узнала* (= продолжала не знать). Иными словами, высказывания данного типа построены на соотносении фаз одного и того же процесса, приуроченных к следующим друг за другом промежуткам времени.

За *так и* как второй частью союза словари закрепляют значение «подчеркивания» непосредственного следования действия, описанного в главной части [Бурцева 2010; Морковкин 1997; Ефремова 2004].

Можно, таким образом, предположить, что особая семантика интересующего нас типа высказываний является результатом взаимодействия комплекса факторов, среди которых основную роль в создании той или иной интерпретации высказывания, оформленного *как... так и*, играет соотношение видовременных характеристик и семантики предикатов главного и придаточного предложений. С анализа этих параметров мы и начнем наше исследование.

2. Соотношение видовременных характеристик и семантики предикатов главного и придаточного предложений

Как было отмечено выше, «оппозиция совершенный vs. несовершенный вид» оказывается недостаточной, чтобы определить семантику высказываний, являющихся предметом нашего анализа, а указанная И. Н. Кручининой [РГ-80: II, § 2843] комбинация — прошедшее время несовершенного вида для придаточного и прошедшее время совершенного вида для главного — является далеко не самой распространенной. Действительно, данные высказывания характеризует разнообразие сочетания видов как в прошедшем, так и в настоящем (реже — в будущем) времени: НСВ прошедшего времени в придаточном — СВ прошедшего времени в главном (19); СВ прошедшего времени в придаточном — НСВ настоящего времени в глав-

ном (10); НСВ прошедшего времени в придаточном — НСВ настоящего времени в главном (11); СВ прошедшего времени в придаточном — СВ прошедшего времени в главном (12):

- (10) Я поворачиваюсь уходить, а Кемал *как* сел у печки, *так и* сидит (Ф. Искандер. Сандро из Чегема. Книга 3. (1989));
- (11) *Как* трудилась Америка по единым правилам рынка, *так и* продолжает трудиться (А. Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04);
- (12) Он ушел, а я *как* села за стол, *так и* просидела до утра (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут. Часть 2 (1975—1977)).

Важным, однако, представляется тот факт, что, в каком бы виде ни были употреблены предикаты главного и придаточного предложения, для возникновения интерпретации «непосредственно продолжающегося действия» они должны находиться в определенном семантическом и видовременном соотношении, распределяясь по двум типам:

1) длящееся в момент наблюдения действие или состояние субъекта, описанное в главном предложении, непосредственно продолжает то же действие или то же состояние субъекта, описанное в придаточном;

2) длящееся в момент наблюдения действие или состояние субъекта, описанное в главном предложении, является результатом ситуации, описанной в придаточном предложении.

Определяющим фактором являются, следовательно, не сами по себе видовременные и семантические характеристики предикатов главного и придаточного предложений, а соотношение этих характеристик, которое будет различным в высказываниях, относящихся к тому или другому из двух выделенных типов.

2.1. Длящееся в момент наблюдения действие или состояние субъекта, описанное в главном предложении, непосредственно продолжает то же действие или то же состояние субъекта, описанное в придаточном

Для возникновения данной интерпретации — продолжение действия или состояния субъекта, описанного в придаточном предложении, — наиболее распространенным соотношением предикатов является следующее: предикат придаточного предложения в НСВ прошедшего времени описывает состояние или действие (процесс) субъекта, предикат главного предложения также в НСВ, но настоящего (13) или будущего времени (14) описывает то же состояние или то же действие (процесс) того же субъекта, которое длится в момент наблюдения:

- (13) Он у меня *как* сидел, *так и* сидит (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996));
- (14) И *как* не был служителем культа, *так и* не буду! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)).

Если предикат придаточного предложения употреблен в настоящем времени НСВ, что встречается гораздо реже, предикат главного стоит в будущем времени НСВ:

- (15) Ну, работников меньше, ну, меньше ручной работы, а алка-зельтцер *как* стоит двадцать тысяч, *так и* будет стоять (Р. Арифджанов. Светлое будущее московских таблеток (1997) // «Столица», 1997.09.02).

Перечисленные соотношения временных характеристик предикатов придаточного и главного предложений являются неотъемлемым условием для реализации данной интерпретации, описывающей «неизменность состояния» субъекта.

В главном предложении могут употребляться различные фазисные глаголы, выражающие идею незавершенности действия через указание на то, что оно не достигло своей конечной фазы, например, *продолжать, оставаться* и под., последний особенно часто в сочетании с предикатом *быть* в главном предложении:

- (16) Творческий труд *как* был, *так и* остается уделом единиц (Н. Зарубина. Проклятое благо // «Отечественные записки», 2003).

Фазисные глаголы также стоят в форме НСВ, но, в отличие от других глаголов, могут употребляться в том же времени, что предикат придаточного предложения; ср. в этом отношении, с одной стороны, (11) выше и (17) с обычным для данной интерпретации соотношением времен, а с другой — (18), где оба предиката НСВ стоят в прошедшем времени (при невозможном **как сидел, так и сидел*):

- (17) «*Как* блокировали, *так и* будут продолжать блокировать доступ к неудобным ресурсам», — уверен эксперт (А. Кленин. Зона доступа (2008.08.04) // <http://www.rbcdaily.ru/2008/08/04/media/366668.shtml>, 2008);
- (18) Калтыгин *как* сидел на табуретке, *так и* продолжал сидеть, не желая подчиняться (А. Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002).

Единственный фазисный глагол, встретившийся в нашем корпусе в СВ в сочетании с предикатом главного в НСВ, это глагол *остаться*; ср. (2) выше. Однако в силу своего явно результативного значения (а значит, актуальности результата в момент наблюдения) СВ этого глагола не нарушает семантику конструкции.

Идея незавершенности действия может быть выражена и другими лексическими средствами, например, при помощи глаголов, указывающих на неизменность текущего состояния. Так, в (19) «не двинулся» интерпретируется как *остался сидеть*:

- (19) Макс *как* сидел, *так и* не двинулся (М. И. Цветаева. Живое о живом (Волошин) (1932)).

Что касается того или иного значения НСВ, то в данной конструкции, как в придаточном, так и в главном предложениях, возможны все основные частновидовые значения НСВ, за исключением общефактического. Это вполне объяснимо, так как его событийное и — часто — результативное значение несовместимо с данной интерпретацией конструкции: неизменность действия или состояния субъекта, описанных в придаточном и в главном предложении.

При употреблении НСВ с итеративным значением предикаты главного и придаточного предложений могут описывать не только состояния и процессы, но и события, которые как повторялись в прошлом или в настоящем, так и будут повторяться, что равносильно «неизменности поведения» субъекта. Ср.:

- (20) Но это сидит внутри меня и иногда терзает, *я как* изменял, *так и* продолжаю [<http://vk.com/wall-32105769?offset=20>].

Наконец, данная интерпретация не накладывает практически никаких ограничений на семантический класс, к которому относятся предикаты НСВ придаточного и главного предложений. Единственное, что предполагает семантика данной конструкции, это то, что состояние могло бы измениться, а процесс прекратиться. Поэтому предикаты типа *светать*, *вечереть*, описывающие «необратимые процессы», вряд ли (и скорее по прагматическим соображениям) могут быть употреблены в данной конструкции: (^{??}*Как вечерело, так и вечерет*; ^{??}*Как светало, так и будет светать*), как не могут быть употреблены и предикаты, описывающие заведомо изменяющиеся физиологические состояния: ^{??}*Ему как было 10 лет, так и осталось*. Данная фраза может быть, впрочем, употреблена в переносном значении.

2.2. *Длится в момент наблюдения действие или состояние субъекта, описанное в главном предложении, является результатом ситуации, описанной в придаточном предложении*

Наиболее распространенным соотношением видовременных и семантических характеристик предикатов является следующее: предикат придаточного предложения стоит в прошедшем времени СВ с результативным значением, предикат главного предложения стоит в прошедшем или настоящем времени НСВ; при этом состояние субъекта, описанное в главном предложении, мыслится как результат ситуации, описанной в придаточном. Речь может идти об одном и том же действии, но в разных его фазах (начало и продолжение), как в (10) выше: «сел» — действие, породившее результат «сидит», который имеет место в момент наблюдения. Или же в придаточном описывается некоторое действие, спровоцировавшее результат, описанный в главном предложении и имеющий место в момент наблюдения. Ср.:

- (21) *Как* пришла на Маяковку в «Современник», *так* и оставалась в нем (Е. Яковлева. Следует жить. Исторические хроники: 22—28 января (2002) // «Известия», 2002.01.21).

Предикат придаточного предложения «пришла» (речь идет о Лидии Постниковой) имеет своим результатом ‘быть на Маяковке в Современнике’. В главном предложении говорится о том, что это результативное состояние продолжается («оставалась в нем» означает ‘продолжала быть’).

Важным для семантики высказываний с данной интерпретацией является именно результативное значение предиката придаточного предложения, которое «переключает внимание на конечный результат действия» [Шелякин 2007: 66]. Употребление в придаточном предложении глаголов других семантических классов, т. е. только со значением ограниченности действия во времени (например, *прокричать*, *мелькнуть*, *дозвониться* и др.) не создают необходимой семантической основы для возникновения данной интерпретации: наличие результативного состояния.

Для возникновения этой интерпретации, также как и в высказываниях с интерпретацией первого типа, в главном предложении могут быть употреблены различные лексические средства, выражающие неизменность состояния субъекта:

- (22) Жандармы уже скрылись, уже таял вдали мягкий перестук копыт, а Оля *как* села на баул, *так* до сей поры никак не могла подняться (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988));
- (23) Вечер он провел у грустной Волчихи (отец Андрей *как* ушел тогда, *так* и не показывался) (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 3 (1978)).

В (22) предикат главного предложения «не могла подняться» (в данном случае понимаемый как ‘продолжала сидеть’) сохраняет результат предиката придаточного предложения «села» (‘? сидеть’), тогда как в (23) предикат главного предложения «не показывался» (= ‘его в данном месте по-прежнему нет’) сохраняет результат предиката придаточного предложения «ушел» (‘? его нет’).

К этому же типу интерпретации можно, по-видимому, отнести высказывания типа (4), где результат действия, описанного предикатом придаточного предложения («их привезли заколоченными»), относится не к субъекту действия, а к прямому дополнению, которое в главном предложении становится подлежащим, носителем результативного состояния: «они стоят (заколоченными)».

Модификацией данной интерпретации можно считать высказывания, где длительность результата ситуации, описанной в придаточном предложении, ограничена во времени, т. е. имеет место не в момент наблюдения, а внутри определенного отрезка времени, как, например, в (12). В таких случаях в обеих частях предложения употребляется СВ, причем в главном предложении, как правило, используются глаголы СВ прошедшего време-

ни с приставкой *про-* с пердуративным значением. Для таких высказываний типично также присутствие в главном предложении обстоятельств времени, которые обозначают момент завершения резульативного состояния, начало которого задается предикатом СВ придаточного предложения. Так, в (12) результат *сидеть*, возникший в результате осуществления действия *сесть*, длится «до утра».

Данная интерпретация, при определенных семантических условиях, допускает также употребление СВ с резульативным значением в обеих частях предложения, как в (24) и в (25):

- (24) Бажова и еще одна дама, которая, разволновавшись, *как* подняла руку «за», *так и* не опустила ее, когда голосовали «против» (В. Войнович. *Иванькиада*, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976));
- (25) Так он *как* ушел на процедуру, *так и* не пришел... а вместо него этого привели — вот он и давит ухо с тех пор (А. Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001).

В (24) осуществление действия, обозначенного предикатом СВ прошедшего времени придаточного предложения «подняла руку», приводит к результату ‘рука поднята’. Предикат СВ главного предложения, употребляясь в отрицательной форме и являясь антонимом предиката придаточного предложения, сохраняет этот результат («не опустила ее» = ‘рука остается поднятой’). Схожую ситуацию можно наблюдать в (25): предикат главного предложения в отрицательной форме в СВ прошедшего времени с резульативным значением также является антонимом предиката придаточного предложения с резульативным значением: действие «ушел» имеет в качестве результата ситуацию ‘его нет’, а «не пришел» сохраняет этот результат (‘его по-прежнему нет’).

Таким образом, несмотря на различные комбинации видовых характеристик предикатов придаточного и главного предложения, определяющим фактором является их семантическое соотношение, совместимое с интерпретацией «продолжающегося результата».

2.3. Случаи, не подпадающие под описанные интерпретации

Под описанные выше две интерпретации — действие или состояние субъекта, описанное в главном предложении и имеющее место в момент наблюдения, либо 1) продолжает то же действие или состояние того же субъекта, описанное в придаточном, либо 2) является результатом действия, описанного в придаточном, — не подпадают некоторые из примеров, приведенные в [РГ-80, II, § 2843] в качестве иллюстрации для данного типа высказываний: ср. (3) выше и примеры, объединенные в (26), и (27):

- (26) А грозный адмирал *как* сел в кресло, *так и* закаменел в нем (К. Станюкович);
Я *как* поглядела на него, *так и* пошевелинуться не могу (А. Куприн);

- (27) Нам сразу удалось сбить один из «Мессеров» — *как* он был в развороте, *так и* упал на землю (В. Каверин).

На первый взгляд, в данных высказываниях не соблюдены условия, необходимые для возникновения интерпретации «продолжающегося действия или состояния»: предикаты главного предложения ни продолжают действие или состояние, описанное в придаточном, ни являются его результатом. РГ-80 (§ 2843) относит эти высказывания к такой разновидности «квалифицирующего значения», когда происходит «неподготовленная и резкая смена» состояния субъекта. Эта формулировка является, однако, слишком широкой, и под нее подпадают также высказывания (28) и (29), где, кроме того, *так и* не является обязательным:

- (28) Еще в начале, *как только* князь вошел в гостиную, он сел как можно дальше от китайской вазы, которую так напугала его Аглая (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869));
- (29) Мать *как* узнала — очень расстроилась, думала, придется за карты платить (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980—2006)).

Вряд ли также тот факт, что в высказываниях «непосредственно продолжающегося действия или состояния» речь идет о действии и состоянии одного субъекта, позволяет четко провести границу между интересующими нас высказываниями, с одной стороны, и (30) с одним и тем же субъектом («гимназист») в придаточном и в главном предложениях и (31) с разными субъектами («вы» и «она»), с другой:

- (30) Гимназист *как* вошел, *так и* стал посреди комнаты, торопливо вытаскивая что-то из кармана шинели, что цеплялось там и упорно не хотело вылезать на свет (М. П. Арцыбашев. Паша Туманов (1901));
- (31) Вы *как* привезли подарки, *так* она *и* захотела, чтоб я тоже ехала. За счастьем... (В. Ф. Панова. Сестры (1965)).

Оба они, как и высказывания, объединенные в (26), могут получить временную интерпретацию: быстрая смена одной ситуации последующей. Эта интерпретация может быть эксплицитно выражена соответствующими лексическими средствами и в тех случаях, когда речь идет об одном и том же субъекте:

- (32) Княгиня, *как* вошла, *так сейчас же* поспешила сесть в самом темном месте гостиной (А. Ф. Писемский. В водовороте (1871)).

Если, однако, обратиться к семантике образующих данные высказывания связующих средств — *как* и *так* — и к глубинной семантической структуре данных высказываний, то представляется возможным отнести и некоторые из них к высказываниям, выражающим идею неизменности действия или состояния субъекта.

3. Семантика связующих средств: отношение аналогии

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что связующие средства в описанных двух интерпретациях в значительной степени сохраняют свои обстоятельственные наречные значения как в первой (33)—(34), так и во второй интерпретации (35)—(36):

- (33) Шацкий, *как* сидел *откинувшись вполоборота* к Карташеву, *так* и остался, точно окаменел в своей позе... (Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895));
- (34) Силантьев *как* сидел *с открытым ртом*, *так* и остался (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928—1940));
- (35) Агеев *как* сел на перила, *обхватив рукой столбик*, *так* больше и не шевельнулся до темноты, пока не выступило во всей своей жемчужности созвездие Кассиопеи (Ю. Казаков. Адам и Ева (1962));
- (36) А Щербатов, *как* сел за стол, *сжав голову руками*, *так* и сидел, окаменевший (Г. Я. Бакланов. Июль 41 года (1964)).

Данные высказывания не просто описывают продолжение состояния *сидеть*, но и то, как именно сидит субъект высказывания. Например, в (33) «так и остался» включает в себя не только значение «сидел», но и его качественную характеристику «откинувшись вполоборота», о чем свидетельствует сравнительное придаточное, следующее за главным предложением «точно окаменел в своей позе»; ср. также причастие «окаменевший» в (36).

Кроме того, соотносительная структура со значением «непосредственно продолжающегося действия или состояния», оформляемая *как... так*, сохраняет и сравнительную семантику (ср. выше тот факт, что РГ-80 считает их разновидностью сложноподчиненных предложений со сравнительным значением). Такие высказывания действительно близки по значению к сравнительным высказываниям с обратным порядком следования предложений (главное — придаточное), т. е. к каноническим сравнительным конструкциям, вводимым союзом *как*:

- (37) А он за столиком сидит, *как* сидел, бледный, растерянный, весь битым стеклом осыпанный (Д. Рубина. Монологи (2000));
- (38) Механик остался сидеть за столом, *как* сидел в ожидании приезда посетителя (Ф. Кнорре. Родная кровь (1962)).

Однако в (37) и в (38) в коммуникативную цель говорящего входит определить «образ действия» — то, как именно сидел субъект; главное предложение имеет свою самостоятельную значимость, а придаточное «выражает образ сравнения, имеющий смысл лишь в отношении к этой первичной данности» [Черемисина 2006: 29].

Семантика соотносительных структур с препозитивным придаточным, оформляемых *как* и *так*, иная. Они построены по логико-семантической

модели, характеризующей высказывания аналогии, семантического отношения сравнения, основанного на сходстве, соответствии двух положений вещей в некотором отношении: *Как С к D, так А к В*.

- (39) *Как с самого начала притупилось обоняние, так со временем затухали другие чувства* (К. Федин. Необыкновенное лето, www.litmir.co/br/?b=8597&p=118).

В (39) в каждой из частей сложного предложения можно выделить по два элемента, связанных определенным отношением:

<i>То, что сравнивают</i>	<i>То, с чем сравнивают</i>
A = другие чувства	C = обоняние
B = со временем	D = с самого начала

Заменяя термины в исходном высказывании (39) *Как с самого начала притупилось обоняние, так со временем затухали другие чувства*, мы получаем: А связано с В таким же отношением, каким С связано с D, а именно ‘уменьшаться’ (предикаты *затухать* и *притупляться* являются синонимами и соотносимы с общим гиперонимом ‘становиться менее сильным’). Особенность аналогического сравнения состоит, таким образом, в том, что оно является не отношением сходства, как уподобляющее сравнение или отношение тождества, а сходством отношения. Поэтому ни главное, ни придаточное предложение не имеют здесь коммуникативной самостоятельности, а составляют единый коммуникативный блок (подробнее, в частности о различиях между отношениями тождества и аналогии, см. [Инькова 2014; Inkova 2014: 288—346; Инькова 2016]).

Кроме того, в силу своей семантической структуры предложения аналогии характеризуются обязательным тернарным составом каждого из двух связанных этим отношением предложений. Такую же структуру мы находим и в высказываниях «непосредственно продолжающегося действия или состояния». Так, в высказываниях с интерпретацией первого типа, например (13), которое мы воспроизводим здесь для удобства изложения под номером (40):

- (40) Он у меня *как* сидел, *так и* сидит (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)),

элементы, связанные отношением аналогии, таковы: A = он₁; B = t₂; C = он₁; D = t₁, где t₁ — незамкнутый промежуток времени, на котором имеет место действие или состояние, описанное в придаточном предложении; t₂ — незамкнутый промежуток времени, на котором имеет (или будет иметь) место действие или состояние, описанное в главном предложении. А и В, С и D связаны в (40) общим отношением «сидеть», причем t₁ всегда предшествует t₂, а элементы А и С являются общими (в данном случае кореферентными) для обоих предложений. Таким образом, общее состояние *си-*

деть, характеризующее одного субъекта «он», имеет место как на отрезке времени t_1 , так и на отрезке времени t_2 , следующим за ним.

Данная семантическая структура определяет соотношение семантики и видовременных форм предикатов, описанное выше для этой интерпретации, синтаксическую структуру (моносубъектное полипредикативное предложение), порядок следования частей предложения (придаточное всегда предшествует главному), а также само значение конструкции: непрерывность действия или состояния субъекта.

Под эту же семантическую схему можно подвести примеры (3) и (27), цитируемые РГ-80. Но здесь, с одной стороны, необходимо учесть обстоятельственную семантику показателей связи, а с другой — пресуппозиции, связанные с каждой из частей высказывания. Для предложения *Ребятишки как возились на полу, так и заснули* отношение аналогии будет установлено на уровне экзистенциальной пресуппозиции 'быть на полу', следующей из придаточного предложения «Ребятишки возились на полу», которая и будет тем общим отношением, которое связывает элементы, участвующие в аналогическом сравнении: $A = \text{ребятишки}_1$, $B = t_2$; $C = \text{ребятишки}_1$, $D = t_1$. Значение «непосредственно продолжающегося действия или состояния» (состояние 'быть на полу' имеет место как на временном промежутке t_1 , так и на следующем за ним временном промежутке t_2 , когда ребятишки заснули) создается именно на основе такой семантической структуры, и лишь на поверхностном уровне (т. е. на уровне предикатов *возиться* и *заснуть*) можно говорить о «неподготовленной, резкой смене» состояния, как это предлагает РГ-80.

Обстоятельное значение показателей связи хорошо видно в следующем примере:

- (41) Хвалынцев раньше его собрался с мыслями после столь неожиданного поражения и, как сидел на кушетке, так и покотился со смеху (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 1—2. (1869)).

Состояние Хвалынцева 'сидеть на кушетке' на отрезке времени t_1 продолжается и на отрезке времени t_2 , когда имеет место его действие *покатиться со смеху*, которое, следовательно, происходит при тех же обстоятельствах. То же в (27) выше: «Мессер» упал на землю в таком положении, в каком и был, т. е. в развороте.

Необходимо, однако, уточнить, что в данных семантических структурах показатели связи, несмотря на свою обстоятельственную семантику, никогда не являются членами предложения, обстоятельствами образа действия, как в других высказываниях с отношением аналогии, которая имеет общим элементом как раз образ действия. Ср. в этом отношении, с одной стороны, (42)—(43) с аналогией по образу действия, а с другой — (44) со значением «непрерывности действия»:

- (42) 1821 г. как начался для него, так и окончился: бурно (Ю. Н. Тынянов. Французские отношения Кюхельбекера (1939));

- (43) *Как жили, так и живите* — кроты (В. Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов (1970));
- (44) *Как жили у меня с матерью, так и живут...* (Г. И. Успенский. Из путевых заметок (1889)).

В первых двух примерах *как* и *так* выполняют двойную синтаксическую функцию: связующую и обстоятельства образа действия. Именно по этому общему признаку — в (42) год начался и закончился одинаково: «бурно»; в (43) люди будут жить так, как и жили: «как кроты» — устанавливается аналогия между двумя ситуациями. В (44), напротив, общим элементом, связывающим две ситуации, является не то, как именно «они жили у меня с матерью», а то, что однородный процесс «жить у меня с матерью» имеет место на двух разных, но следующих друг за другом, промежутках времени. Именно он является основой аналогии, устанавливаемой между двумя сопоставляемыми ситуациями.

Для анализа высказываний со второй интерпретацией также необходимо привлечь имплицитную информацию: результат ситуации, описанной в главном предложении. В наиболее простых для анализа случаях, таких как (36), в придаточном употреблен глагол СВ с результативным значением (*сесть*), а в главном — глагол НСВ, описывающий состояние (*сидеть*), являющееся результатом данного действия. Семантическая структура таких высказываний может быть описана следующим образом: А = субъект; В = t_2 ; С = тот же субъект; D = t_1 , общее отношение — результат ситуации, описанной в придаточном предложении. При этом, если временная последовательность промежутков t_1 и t_2 остается той же (t_1 предшествует t_2), и если t_2 остается незамкнутым промежутком времени, t_1 является точечной величиной, обозначающей начало возникновения результативного состояния. Иначе говоря, результативное состояние, возникшее в момент t_1 , продолжается на временном промежутке t_2 . В (36) начало результативному состоянию 'сидеть за столом', характеризующему субъекта главного предложения и являющемуся основанием для отношения аналогии, положило действие 'сесть' того же субъекта, описанное в придаточном предложении.

Как мы видели в модификациях данной интерпретации (12) и (35), временной промежуток t_2 может быть и замкнутым, но должен всегда иметь определенную протяженность, т. е. не может быть точечным, как t_1 .

Тот факт, что результативное состояние продолжается с момента, обозначенного предикатом придаточного предложения, часто выражается лексически, при помощи обстоятельств времени типа *с тех пор*, *с того времени* и др.:

- (45) Сальва *как* в двенадцать лет взял в руки камеру, *так с тех пор* и не выпускает, за исключением разве краткого периода в конце 80-х, когда его посадили в тюрьму по обвинению в растлении малолетних (Р. Волобуев. Мужчина, где глазки брали? «Джипперс-Крипп

перс» — самый правильный хоррор последних лет (2001) // «Известия», 2001.10.14).

Так, в (45) начало результативному состоянию ‘держать в руках камеру’ положено действием, описанным предикатом придаточного предложения «в двенадцать лет взял в руки камеру», и это состояние «с тех пор» продолжается: Сальва «не выпускает ее» из рук.

Такую же семантическую структуру имеет (4). Результативное состояние ‘стоять / быть заколоченным’ субъекта главного предложения «ящички», имеющее место на временном промежутке t_2 , вызвано действием, описанным предикатом придаточного предложения *привезти (ящички) заколоченными*, являясь его пресуппозицией. По такой же семантической схеме построено и (5). Предикат придаточного предложения «родился в Армавире» кладет начало результативному состоянию ‘быть в Армавире’, а предикаты главного предложения «вырос в нем» и «в нем учился ловить мышей» имеют в качестве пресуппозиции состояние ‘быть в Армавире’. Иначе говоря, начало состояния *быть в Армавире* было положено рождением кота и продолжается в момент осуществления им действий, описанных в главном предложении. Такая интерпретация данного высказывания тем более оправдана, что эта фраза произнесена хозяйкой армавирского черного кота в качестве его оправдания: он никогда не покидал этого города и не имеет отношения к бесчинствам, учиненным другим черным котом, Бегемотом.

Таким образом, в основе обеих интерпретаций высказываний со значением «непрерывности действия или состояния» лежит отношение аналогии, которую можно определить как результативную. Даже если в первой интерпретации в придаточном предложении описывается действие или состояние, а не ситуация, создающая определенный результат, тем не менее, в большинстве случаев, онтологически и процессы и состояния, по крайней мере, связанные с хронологической осью времени, являются результатами некоторой предшествующей ситуации.

От высказываний, соответствующих определению «непосредственно продолжающегося действия или состояния» и построенных по модели «некоторое состояние или действие субъекта имело место / возникло в момент t_1 и продолжается в следующий за ним момент t_2 », необходимо отличать высказывания, также выражающие отношение аналогии, но построенные на основе другого общего элемента:

- (46) Уже давно наступил день, лакей принес кофе и не удивился тому, что Саблин *как* пришел с похорон, *так и* сидел и постель не тронута; за окнами шумела улица, и солнечные лучи ложились на шторы (П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922));
- (47) Когда ты уехала тогда с Сашей и пришла от тебя телеграмма, то бабушка, *как* прочла, *так и* упала; три дня лежала без движения (А. П. Чехов. Невеста (1903)).

В (46) гомогенный процесс «сидел» не может быть интерпретирован как результат действия, описанного в главном предложении «пришел». Это действие служит для обозначения момента времени t , с которого начинается процесс «сидел». Аналогия, выражаемая связующими средствами *как... так и*, устанавливается на основе этого общего элемента: действие или состояние, описанное в главном предложении, начинает иметь место в тот момент времени t , в который завершается действие, описанное в придаточном. То же и в (47): действие «упала», описанное в главном предложении, имеет место тогда, когда завершается действие «прочла телеграмму» придаточного предложения.

К этому же типу аналогии надо, на наш взгляд, отнести примеры из РГ-80, объединенные выше под номером (26). Здесь речь идет действительно о «неподготовленной смене» событий, но предикат главного предложения не описывает состояние, являющееся результатом осуществления действия, описанного предикатом придаточного. Поэтому предикат придаточного должен быть в СВ, но не обязательно с результативным значением: достаточно просто действия, ограниченного во времени, как например в (48):

- (48) *Как первый раз сходил я в атаку, так и отпал от веры* (А. Веселый. Россия, кровью умытая (1924—1932)).

Таким образом, аналогия строится здесь не на основе общего для придаточного и главного предложений результативного состояния, а на основе общего момента реализации, а точнее окончания одного и начала второго из двух событий, как в (47) и (48), или события и состояния, как в (46). Внимание переключается здесь на конечную фазу события, описанного в придаточном предложении, и на начальную фазу события, описанного в главном.

Интересен в этом отношении следующий пример, где объединены оба типа аналогии:

- (49) *А вот ты посмотри, вот ты искал ручку и все как вытащил, так и бросил, так оно и останется здесь валяться, если я не уберу* (Е. Гришковец. Город (2001)).

В первой структуре, оформляемой *как... так и*, устанавливается аналогия по времени: действие «все бросил» осуществляется в момент завершения действия «все вытащил». Это же действие «все бросил» имеет своим результатом «все, что бросил, лежит в беспорядке (валяется)», возникающим в момент t_1 . Это результативное состояние будет продолжаться и в следующий момент времени t_2 , если ему не положат конец: «если я не уберу».

Поскольку в высказываниях с аналогией по времени речь может идти о действиях и состояниях разных субъектов, то они не требуют оформления в виде моносубъектной полипредикативной конструкции, обязательной для высказываний, выражающих аналогию результативного состояния².

² Единственным исключением, как мы видели в (4), являются случаи, когда результативное состояние, возникшее в результате осуществления действия, описан-

Ср. в этом отношении (30) и (31), которые оба относятся к аналогии по времени реализации. К высказываниям, устанавливающим аналогию по времени реализации ситуаций, относятся и примеры из РГ-80, объединенные под (26).

С другой стороны, соотносительные предложения, оформляемые *как* и *так* с временным значением, не всегда устанавливают отношение аналогии по времени реализации ситуаций, описанных в придаточном и в главном предложении. Это типично для высказываний, где оба предиката СВ обозначают единичные события. На первый план в них может выходить значение мгновенной смены предшествующей ситуации последующей, с акцентом на отсутствии временного интервала между ними, чему способствует, в частности, семантика СВ и семантика *как*, фокусирующего конечную фазу реализации действия, описанного в придаточном предложении:

- (50) Я ведь *как* пришел, *так сразу* сообразил как и что (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 2 (1978)).

Частица *и* аналогии в таких высказываниях отсутствует. Заметим при этом, что ее употребление перед предикатом в (50) (*так сразу и сообразил*) сместило бы акцент на общность временного отрезка для реализации двух действий — «прийти» и «сообразить», а само высказывание получило бы интерпретацию, схожую с (48). Аналогично, если убрать частицу *и* из (48), то исчезнет и аналогия по времени, и высказывание приобретет интерпретацию быстрой смены событий.

Еще одно формальное различие между высказываниями временной аналогии и быстрой смены событий заключается в возможности отсутствия коррелята *так*, который, напротив, является обязательным в высказываниях с отношением аналогии, как временной, так и результативной. Его могут заменять наречия *сразу*, *тут же* и подобные, подчеркивающие мгновенную смену событий:

- (51) Он, *как* вошел, *сразу* стал так громко отдуваться и пыхтеть, как будто только что вынырнул из воды и опять готовился погрузиться в нее: п-пуфф, п-пу-ф-ф! .. (Ф. Д. Крюков. Шквал // «Русское Богатство», 1909).

В предложениях данного типа *как* может, кроме того, сочетаться с *только* и заменяться на синонимичные средства (*лишь только*, *чуть только*):

- (52) Но *как только* операция закончилась, Борька побледнел так, что это было заметно даже в полутьме (А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Эти лексические средства позволяют снять неоднозначность высказываний, оформляемых *как... так и* и допускающих обе интерпретации: ана-

---

ного предикатом придаточного предложения, касается его прямого дополнения, которое становится подлежащим главного предложения.

логия по времени и быстрая смена двух завершившихся ситуаций. Ср. (53) и его модификацию (54):

- (53) *Как* пришел на ночное дежурство, *так* стул *и* вынес сюда (В. Брагин. В стране дремучих трав (1962));
- (54) *Как только* пришел на ночное дежурство, (*так*) *сразу* стул (*и*) вынес сюда.

Следует, однако, заметить, что высказывания со значением аналогии по времени и высказывания со значением быстрой смены двух завершившихся ситуаций далеко не синонимичны: сближаются по семантике лишь предложения, оформленные *как... так и* с предикатами в СВ. В некоторых случаях трансформация исходных высказываний с отношением аналогии по времени, даже отвечающих данным критериям, представляется менее естественной или существенно меняет его смысл; ср. (9) и его трансформацию (55), смещающую акцент на быструю смену событий, в отличие от перифразы с *когда... тогда и*:

- (55) «Сумка моя...» — сказала тихо. — «А в тумбочке, — ответила соседка. — *Как только* привезли тебя без памяти, *так сразу и* сумку туда».
- (56) *Когда* привезли тебя без памяти, *тогда и* сумку туда положили.

Отметим также, что замена *как... так и* на *когда... тогда и* невозможна в высказываниях с резульативной аналогией ни в одной из характерных для них интерпретаций (2.1 и 2.2), что лишний раз подтверждает нашу гипотезу об их семантическом устройстве.

Таким образом, примеры, приведенные в РГ-80 [II, § 2843] как относящиеся к высказываниям со значением «непосредственно продолжающегося действия или состояния того же субъекта», построены на самом деле по двум разным семантическим моделям. Некоторые из них (ср. (3) и (27)), за которыми мы и предлагаем закрепить данный термин, построены на основе резульативной аналогии в двух ее разновидностях: «некоторое (результативное) состояние субъекта имело место *или* возникло в момент времени t_1 и продолжается в следующий за ним момент t_2 ». Общими элементами для двух сопоставляемых ситуаций являются «состояние / действие (процесс)» и «субъект этого состояния / действия».

Другие (ср. объединенные в (26)) построены на основе временной аналогии: действие, описанное в главном предложении, начинает иметь место в тот же момент времени t , в который завершается действие, описанное в придаточном. Общим элементом для двух сопоставляемых ситуаций является момент времени t . Субъект действий (в широком смысле термина), описанных в главном и в придаточном предложениях может быть различным (ср. (31)). Мы предлагаем не распространять термин «непосредственно продолжающееся действие или состояние того же субъекта» на этот тип высказываний.

Общим же для обоих типов высказываний является отношение аналогии, и на этом основании их можно отнести к одному, более широкому, семантическому классу: классу высказываний, выражающих различного рода сравнительные отношения.

4. Заключительные замечания

Проведенный анализ показал, что трудности описания высказываний, которые, согласно РГ-80, имеют значение «непосредственно продолжающегося действия или состояния того же субъекта», связано, в первую очередь, с полисемичностью образующих их связующих средств — *как* и *так*, которые могут иметь как сравнительное, так и временное значение. Интересующее нас значение «непосредственно продолжающегося действия или состояния» формируется на основе сравнительного значения, а именно значения результативной аналогии, при выполнении следующих семантических и морфосинтаксических условий:

- предикаты главного и придаточного предложений должны находиться в определенном семантическом соотношении: либо они описывают одно и то же действие (ср. (11) или (17)) — или же одно и то же состояние (ср. (3) или (41)) на разных временных фазах, либо предикат главного предложения воспринимается как результат действия, описанного в придаточном предложении, как например (21) или (24);
- предикаты главного и придаточного предложений должны находиться в определенном видовременном соотношении, зависимом от их семантических характеристик (см. раздел 2);
- высказывание должно быть оформлено в виде моносубъектной полипредикативной конструкции, либо, как правило в интерпретации типа 2.2 с результативным значением предиката придаточного предложения, прямое дополнение придаточного становится подлежащим главного; ср. (4);
- высказывания данного типа имеют фиксированный порядок следования частей: придаточное предложение, оформляемое *как*, всегда предшествует главному, вводимому *так* в сочетании с частицей *и* аналогии;
- образующие данные высказывания корреляты *как... так и* не встроены в синтаксическую структуру главного и придаточного предложений и имеют в них только связующую функцию; их присутствие обязательно для создания значения «непосредственно продолжающегося действия или состояния», так как именно они «заставляют» искать аналогию между двумя описанными в высказывании ситуациями.

При несоблюдении данных условий высказывания, оформляемые коррелятами *как* и *так*, могут иметь другие значения: значение сравнения-анalogии, построенной на основе другого общего элемента (например, качественной или временной), значение быстрой смены двух завершившихся ситуаций или значение временной обусловленности.

Л и т е р а т у р а

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. / Под ред. В. И. Чернышева. М.: Л., 1948—1965.

Белошапкина 1967 — В. А. Белошапкина. Сложное предложение в современном русском языке. Некоторые вопросы теории. М., 1967.

Бурцева 2010 — В. В. Бурцева. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2010.

Галкина-Федорук и др. 2009 — Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. М., 2009.

Гвоздев 1968 — А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. М., 1968.

Диброва 2011 — Е. И. Диброва (ред.). Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. М., 2011.

Ефремова 2004 — Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2004.

Завьялов 2009 — В. Н. Завьялов. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке. Дисс. ... докт. филол. наук, Владивосток, 2009.

Инькова 2014 — О. Инькова. *Come* и *как*: опыт сопоставительного исследования сравнительных конструкций в итальянском и русском языках // О. Inkova & al. (éds). *Architettura del testo*. Alessandria, 2014. С. 91—122.

Инькова 2016 — О. Инькова. К вопросу о классификации русских местоимений: местоимения тождества // *Russian Linguistics*. 40 (1). 2016. С. 33—57.

Колесникова 2014 — С. М. Колесникова. Русские частицы. Семантика, грамматика, функции. М., 2014.

Крючков, Максимов 1977 — С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977.

Морковкин 1997 — В. В. Морковкин (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

СЕМ — Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М., 1998.

Скобликова 2006 — Е. С. Скобликова. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 2006.

Федорова 2004 — Е. М. Федорова. Омокомплекс «так» и его функции в современном русском языке. Дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2004.

Черемисина 2006 — М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. М., 2006.

Шелякин 2007 — М. А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2007.

- Garde 1998 — P. Garde. Grammaire russe. Phonologie et morphologie. Paris, 1998.
 Inkova 2014 — O. Inkova. La corrélation en russe: structures et interprétations. Berne, 2014.
 Veyrenc 1986 — J. Veyrenc. L'agrégat 'tak i' en russe contemporain // Les particules énonciatives en russe contemporain. Paris, 1986. P. 13—51.

References

- BAS — Slovar' sovremenogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tt. / Pod red. V. I. Chernysheva. Moskva; Leningrad, 1948—1965.
 Beloshapkova 1967 — V. A. Beloshapkova. Slozhnoe predlozhenie v sovremenom russkom yazyke. Nekotorye voprosy teorii. Moskva, 1967.
 Burceva 2010 — V. V. Burceva. Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka. Moskva, 2010.
 Cheremisina 2006 — M. I. Cheremisina. Sravnitel'nye konstrukcii russkogo yazyka. Moskva, 2006.
 Dibrova 2011 — E. I. Dibrova (red.). Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovye edinic. V 2 ch. Moskva, 2011.
 Efremova 2004 — T. F. Efremova. Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka. Moskva, 2004.
 Fedorova 2004 — E. M. Fedorova. Omokompleks «tak» i ego funkcii v sovremenom russkom yazyke. Diss. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2004.
 Galkina-Fedoruk i dr. 2009 — E. M. Galkina-Fedoruk, K. V. Gorshkova, N. M. Shanskiy. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis. Moskva, 2009.
 Garde 1998 — P. Garde. Grammaire russe. Phonologie et morphologie. Paris, 1998.
 Gvozdev 1968 — A. N. Gvozdev. Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. Ch. II. Sintaksis. Moskva, 1968.
 In'kova 2014 — O. In'kova. Come i kak: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya sravnitel'nykh konstrukciy v ital'yanskom i russkom yazykakh // O. Inkova & al. (éds). Architettura del testo. Alessandria, 2014. S. 91—122.
 In'kova 2016 — O. In'kova. K voprosu o klassifikacii russkikh mestoimeniy: mestoimeniya tozhdestva // Russian Linguistics 40 (1). 2016. S. 33—57.
 Inkova 2014 — O. Inkova. La corrélation en russe: structures et interprétations. Berne, 2014.
 Kolesnikova 2014 — S. M. Kolesnikova. Russkie chasticy. Semantika, grammatika, funkcii. Moskva, 2014.
 Kryuchkov, Maksimov 1977 — S. E. Kryuchkov, L. Yu. Maksimov. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya. Moskva, 1977.
 Morkovkin 1997 — V. V. Morkovkin (red.). Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka. Moskva, 1997.
 RG-80 — Russkaya grammatika / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1980.
 SEM — Russkiy semanticheskiy slovar' / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. T. I. Moskva, 1998.
 Shelyakin 2007 — M. A. Shelyakin. Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola. Moskva, 2007.
 Skoblikova 2006 — E. S. Skoblikova. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya. Moskva, 2006.

Veyrenc 1986 — J. Veyrenc. «L'agrégat 'tak i' en russe contemporain» // Les particules énonciatives en russe contemporain. Paris, 1986. P. 13—51.

Zav'yalov 2009 — V. N. Zav'yalov. Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisanija struktury sojuzov v sovremennom russkom yazyke. Diss. ... doktora filol. nauk, Vladivostok, 2009.

Резюме

В статье рассматриваются малоизученные в русской грамматике высказывания, оформляемые коррелятами *как... так и*, со значением непосредственно продолжающегося действия или состояния того же субъекта. Автор относит их к семантическому классу высказываний, выражающих отношение аналогии, и показывает, что их значение складывается из совокупности семантических и синтаксических факторов, таких как соотношение семантических и видовременных характеристик предикатов придаточного и главного предложения, семантика и синтаксическая функция связующих средств, определенная синтаксическая конструкция. При нарушении данных условий высказывания, оформляемые коррелятами *как и так и*, приобретают другие значения, а именно качественной или временной аналогии, значение быстрой смены двух завершившихся ситуаций или значение временной обусловленности.

Ключевые слова: семантика, вид, соотносительные предложения, *как... так и*

Статья получена 12.09.2015

OLGA YU. INKOVA

RUSSIAN SENTENCES

***КАК СИДЕЛ НА КУШЕТКЕ, ТАК И ПОКАТИЛСЯ СО СМЕХУ:* SEMANTIC AND SYNTACTIC PROPERTIES**

The article describes a syntactic structure insufficiently explored in the study of Russian grammar: the combination *kak... tak i*, expressing a continuing action or state in which one and the same argument (the common subject) is involved. The author proposes to treat the semantics of this correlative structure as a special kind of relation of analogy. It will be shown specifically that the meaning of this structure results from a combination of different semantic and syntactic factors: i) correlation of semantic, aspectual and temporal characteristics of the predicates of the subordinate and the main clauses; ii) semantic and syntactic functions of the correlates *kak... tak i*; iii) the specific type of syntactic construction. When these conditions are not met, the sentences with *kak... tak i* acquire other meanings, namely, that of qualitative or temporal analogy, of quick shift from one situation to another or of temporal conditionality.

Keywords: semantics, aspect, correlation, *kak... tak i*

Received on 12.09.2015

В. В. БАРАНОВА

КОНСТРУКЦИИ СО СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

1. Введение

В языках с морфологическим множественным числом нередко существует открытый список слов для счета неисчисляемых имен, указывающий на типичные свойства имени: объем / форму (*буханка хлеба*), количество (*бутылка вина*), типичный способ хранения (*пучок укропа*), меру измерения (*литр молока*, *X rounds of coffee*) или собирательность (*букет цветов*). Подобные слабограмматикализованные элементы часто являются языковыми метафорами (*головка чеснока*) и отражают классификацию объектов в наивной картине мира. В число считаемых с помощью счетных слов имен втягиваются абстрактные существительные и включаются грамматически счетные имена (*X штук яиц*).

В русскоязычных исследованиях при описании этих единиц используют термины классификаторы, квантификаторы [Рахилина, Су-Хён 2009], счетное слово, присчетные слова [Добрушина Е. 2013] и др. Термин «классификаторы» в применении к языкам с морфологически выраженным числом сближает счетные конструкции со специальной группой грамматикализованных имен в ряде языков, оформляющих сочетания числительного с именем. Сходство проявляется в наборе семантических критериев для классификации¹; в частности, классификатор позволяет сделать доступным для исчисления несчитаемые имена [Bisang 1999]. В данном случае вопрос номинации представляется не столь важным; ниже будут использоваться термины счетное слово, нумеративная конструкция и квантификатор для описываемого явления, тогда как

---

* Пользуюсь случаем поблагодарить участников конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» разных лет, особенно А. Мель и М. Холодильову за ценные замечания, высказанные при обсуждении первой версии работы.

¹ См., например, выделенные В. Крофтом иерархии классификаторов для одушевленных и неодушевленных имен: Animacy {animate/human < Status Inanimate/nonhuman < Shape < orientation < nature [Croft 1994: 152].

термин классификатор — лишь в узком значении при апелляции к грамматической системе, характерной для многих языков Юго-Восточной Азии.

Отношения между исчисляемыми и неисчисляемыми именами в языках с морфологически выраженным числом представляют собой не дихотомию, а, скорее, шкалу. Средняя часть этой шкалы включает множество случаев нерегулярного образования форм множественного числа или дополнительных значений плюралей форм и, в частности, предполагает возможность включения исчисляемых существительных в нумеративную конструкцию (ср. *пять яиц — пять штук яиц*). В разговорной речи интерпретация имени как «более» или «менее исчисляемого» связана с задачами говорящего, дискретным или недискретным восприятием объекта [Ляшевская 2004: 36].

В синтаксическом отношении отчасти сходными элементами являются грамматикализованные имена, выражающие большое или малое количество и отягощенные семантическими или прагматическими коннотациями: выражение множества *a bunch of* несет отрицательную оценку [Brems 2003], редкие способы выражения малого количества *bit of, flicker of, jot of, scintilla of, scrap of* и др. ограничены определенными дискурсивными контекстами [Brems 2007]. В русском языке, как отмечают Ли Су-Хён и Е. В. Рахилина, генетивные конструкции типа *гора, море, ворох* образуют своего рода категорию «лексической множественности», различающей объекты по качественным признакам, таким, например, как разнородность составляющих объектов, их упорядоченность, оценочность и др. [Рахилина, Су-Хён 2009]. Зона малого количества представлена в русском языке меньшим набором грамматикализованных имен (*капля, крошка* и др.); некоторые входящие в нее имена сближаются собственно со счетными именами в нумеративной конструкции: если квантификаторы *гора, море, ворох* и под. не сочетаются с числительным (*5 *ворохов бумаг*), то *капля* может выражать неопределенно-малое количество (как в (1)) и указывать на меру (2):

- (1) *Паре повернулся и замер: на дне котелка чадило лишь несколько капель почерневшей от огня жидкости* (С. В. Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2007).
- (2) *«Пойду приму триста капель эфирной валерьянки! — и, повернув к Поплавскому совершенно заплаканное лицо, добавил: — Вот они, трамвай-то»* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)).

В данной статье рассматривается сеть близких нумеративных конструкций Num счетное слово N_{gen} , предполагающих возможность дискретного восприятия объектов, с квантификаторами *штука, единица, человек, душа* и др. В фокусе внимания преимущественно расширенные употребления счетной конструкции, не обусловленные необходимостью согласования с числительным; неисчисляемые существительные в нумеративной конструкции рассматриваются в качестве фона. В задачи работы входит,

с одной стороны, описание данной нумеративной конструкции или близких конструкций в русском языке, а с другой, — анализ используемых в ней имен. Что, кроме значения «считать поштучно», можно выразить таким образом? С какими существительными сочетаются счетные слова? Как соотносятся между собой разные квантификаторы? До какой степени десемантизируются эти единицы в разговорной речи? Особое внимание уделяется употреблению счетного слова *штука* в составе конструкции Num *штука* N_{gen} с одушевленными существительными, как в (3):

- (3) *Кузнец с кузнечихой нарожали восемь штук детей и живут по-старому* (Н. С. Лесков. Житие одной бабы (1863)).

Счетные слова рассматриваются в теоретической перспективе грамматики конструкций [Goldberg 1995; Лингвистика конструкций 2010], согласно которой конструкция в целом не сводится к семантике входящих в нее лексических элементов. Грамматика конструкций предполагает, что близкие по значению конструкции образуют сеть, в которую могут включаться новые элементы. Отдельный вопрос состоит в том, сводимо ли многообразие счетных слов в русском языке к одной конструкции или в русском языке представлено семейство близких счетных конструкций, наиболее продуктивной из которых является Num *штука* N_{gen}. Менее частотные квантификаторы *душа*, *человек*, *пара*, *единица*, *голова* встречаются в той же синтаксической позиции Num (квантификатор) N_{gen}. Некоторые из них могут считать только небольшой класс объектов (как *сто голов скота*) или стилистически ограничены (квантификатор *единица* отчетливо связан с официальными документами), другие, особенно *штука*, обладают более широкой сочетаемостью.

Статья организована следующим образом: в Разделе 2 проанализированы употребления квантификатора *штука* с разными числительными; в Разделе 3 рассматриваются свойства считаемых таким образом существительных; в разделе 4 делаются некоторые выводы о семантике конструкции Num *штука* N_{gen} с точки зрения иерархии одушевленности; затем в разделе 5 свойства данного счетного слова сопоставляются с другими квантификаторами (*человек*, *душа*, *единица*); в Разделе 6 представлены выводы о семантике и функциях счетной конструкции в современном русском языке.

Для анализа использованы материалы Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и данные запросов в поисковой системе Google (во всех случаях орфография и пунктуация приведена к нормативной).

2. Счет и квазисчет в *штуках*

Исследователи разговорной речи отмечают частое употребление слова *штука* в устной речи наряду с другими «словами-заменителями» [Земская 1987: 91] с максимально широким значением; в том числе, возрастает

употребление слова *штука* в качестве квантификатора. Исходное значение лексемы *штука* предполагает дополнительное значение точности, определенности счета, — таковым оно и является в сочетаниях вроде *X штук яиц*, но не характерно для других считаемых таким образом объектов по материалам НКРЯ. Данные корпуса показывают, что счет в *штуках* (в конструкции Num *штук* N_{gen} и просто при счете со словом *штука*) используется как раз в контекстах **приблизительного указания на количество**, а не точного / поштучного счета.

Во-первых, конструкция Num *штук* N_{gen} часто употребляется с круглыми числительными. В Таблице 1 показано использование некоторых круглых и некруглых числительных по материалам НКРЯ в сочетании со словом *штука* во всех контекстах, а не только в составе анализируемой конструкции; поскольку такие числительные, как 23, сами по себе встречаются реже, чем 20, 40 и под., то указана частотность соответствующих числительных по данным Нового частотного словаря русского языка [Ляшевская, Шаров 2009].

Таблица 1

Числительные в сочетании со словом Num *штук* / *штука* Num N_{gen}

числительное	Частота, ipm по [Ляшевская, Шаров 2009]	Употребления числительного в сочетании <i>X штук</i> или <i>штука X</i>	Соотношение с общей частотой в корпусе
два, 2	1285,1	162	0,12
три, 3	596,7	186	0,31
четыре, 4	232,7	120	0,51
пять, 5	284,3	366	1,28
семь, 7	103,0	96	0,93
десять, 10	197,4	273	1,38
двадцать, 20	175,8	192	1,09
тридцать, 30	106,5	99	0,92
сорок, 40	99,5	82	0,82
пятьдесят, 50	71,1	87	1,22
сто, 100	120,7	139	1,15

Данные Таблицы 1 показывают, что количество употреблений слова *штука* с круглыми числами *пять*, *десять*, *двадцать*, *тридцать*, *сорок*, *пятьдесят*, *сто* выше, чем с числительными *два*, *три*, *четыре*, *семь*. При контроле данных по частоте соответствующего числительного без счетного слова (правая колонка в Таблице 1) наиболее высокие показатели (в порядке убывания) у числительных *десять*, *пять*, *пятьдесят* и *сто*. Подобные числительные, кратные 5 и 10, в разговорном употреблении указывают скорее на порядок, на приблизительное количество или просто на множе-

ство (*сто, пятьсот, тысяча*), а не на точное число объектов. М. Крифка сформулировал принцип круглой интерпретации круглых чисел (*round numbers round interpretation*): в аппроксимации предпочтительно используются круглые числа, в семантике которых уже содержится представление об «округлении» числового компонента, ухода от точного выражения значения [Krifka 2009]. Это обстоятельство осознается и носителями языка, ср.:

- (4) *Не два и не три, а именно груды — штук сорок* (В. Каверин. Два капитана (1938—1944)).

Во-вторых, счетное слово *штука* часто сочетается с различными способами выражения аппроксимации. Наиболее частым способом выражения аппроксимации в русском языке, как показала А. Мель [2011], является аппроксимативная инверсия. Другие способы — интервалы (*пять-шесть штук*), дизъюнкция (*пять или шесть штук*) и лексические средства (*около, свыше, более*) могут использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с инверсией. Конструкции со счетным словом *штука* допускают два типа аппроксимативного порядка слов: собственно инверсию числительного и счетного слова (*штука Num* и *штука Num N_{gen}*, как в примере (5)) и порядок слов, при котором исчисляемое имя находится в начальной позиции (*N_{gen} штука Num*), как в примере (6).

- (5) *Бабка с дедом, четверо их детей да штук десять внуков* (М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007)).
 (6) *Он — миллионер в баксах, у него небось и виллы по всему свету, и машин штук десять, и квартир* (А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)).

Выраженная порядком слов аппроксимация часто сочетается с круглыми числами, как показано в Таблице 2.

Таблица 2

Прямой и обратный порядок слов в сочетаниях со словом *штука*

числительное	прямой порядок		обратный		Итого
два, 2	134	91%	13	9%	147
три, 3	156	83,9%	30	16,1%	186
четыре, 4	96	80%	24	20%	120
пять, 5	185	51%	181	49%	366
десять, 10	127	47%	146	53%	273
пятьдесят, 50	54	63%	33	37%	87

Итак, в конструкции *Num штука N_{gen}* чаще используются числительные, обозначающие круглые числа (такие как *десять, сорок, сто, тысяча*) и имеющие в разговорной речи значение указания не на точное, а на приблизительное число объектов или неопределенно-большое множество, в соче-

тании с различными средствами выражения аппроксимации. Значения точности счета до единицы, «штучности» и квантованности объектов, содержащиеся в исходной семантике слова *штука*, оказываются в этих случаях нерелевантными:

- (7) *Сколько квадрильонов штук крыс в Европе?! (Б. А. Пильняк. Третья столица (1922)).*

Десемантизация счетного слова в нумеративной конструкции свойственна и другим, менее частотным квантификаторам. Например, в конструкции Num *единиц* N_{gen}, в корпусе представлено 182 случая употребления круглого числа и 96 некруглого (всего 278). Кроме того, 87 из них содержат те или иные указания на аппроксимацию — лексические средства (*около, почти, до, свыше, порядка, больше*) или обозначение интервала *от... до...* (*единица* не допускает наиболее распространенного в русском языке способа аппроксимации — инверсии).

Если во многих случаях носители русского языка используют счетное слово *штука* не для указания на точность счета, то какую же семантику несет (сохраняет или приобретает) счетное слово в конструкции Num *штук* N_{gen}? Для ответа на этот вопрос рассмотрим объекты, попадающие в конструкцию поштучного счета, и в первую очередь — одушевленные существительные.

3. Одушевленные существительные в конструкции Num *штук* N_{gen}

Конструкция Num *штук* N_{gen} с точки зрения нормативного подхода к языку относится только к неодушевленным существительным, однако в разговорной речи регулярно встречаются случаи распространения этой конструкции на одушевленные имена. Рассмотрим русские существительные с точки зрения использования в конструкции Num *штук* N_{gen}. Ниже принимаются во внимание только случаи счетной конструкции Num *штук* N_{gen}, а не все случаи исчисления одушевленных имен в *штуках*. Возможность счета в штуках с эллиптированным счетным словом (ср. примеры 8а—8б) допускает более широкий круг референтов.

- (8а) *Наташа. — Какая Наташа? Я штук семь знаю.*

- (8б) **Я знаю семь штук Наташ.*

Типологически хорошо известно, что по разным грамматическим свойствам имена образуют иерархию, при которой имена собственные и личные имена находятся выше в иерархии одушевленности (см., например, [Dixon 1994: 85; Dahl 2000]). Это характерно и для числовых противопоставлений в языках, в которых есть расщепленное кодирование множественности; как показывает К. Корбетт, числовое маркирование затрагивает прежде всего верхние уровни иерархии следующего вида:

- (9) speaker > addressee > 3rd person > kin > human > animate > inanimate [Corbett 2000: 56].

В НКРЯ представлено 93 случая употребления конструкции Num *штук* N_{gen} с одушевленными существительными, из них с личными — 20. Хотя количество употреблений личных существительных в конструкции Num *штук* N_{gen} невелико, можно заметить тенденцию к увеличению в современных текстах: из 20 случаев 14 встретились в текстах XX—XXI вв., 6 — в текстах XVIII—XIX вв. (неличные одушевленные распределены примерно одинаково — 38 в XX в. и 35 в XIX в.). Ниже рассматриваются не только данные НКРЯ, но и результаты поиска в системе Google, чуть шире представляющей данное явление. Можно сформулировать следующие утверждения о группах одушевленных существительных, попадающих в конструкцию.

Личные местоимения, имена собственные и имена родства, находящиеся на вершине иерархии и часто имеющие прагматические ограничения на образование форм множественного числа в принципе, не встречаются в конструкции Num *штук* N_{gen}: **X штук его/их*, *X штук Петров, *X штук сестер.

Иногда используются генерические личные одушевленные существительные, обозначающие взрослых людей (*мужчина, женщина, человек, девушка, парень*):

- (10) *Ещё парней будет сто штук* (www.womanstory.ru).

Конструкция Num *штук* N_{gen} может по-разному взаимодействовать со значениями многозначного слова: в *штуках* можно считать друзей в социальных сетях, но не реальных людей.

Личные существительные женского рода несколько легче используются в конструкции Num *штук* N_{gen}. Ср.:

- (11) *Нет, тетки, меня этим не проймешь, десять лет отпахал в браке, имел пять или шесть штук любовниц и делаю вывод: все бабы одинаковые* (www.forum.nedug.ru/showthread.php); ср. крайне малоупотребительное **X штук любовников*;
- (12) *Выходят штук пятьдесят мамзелей таких, красавицы такие, что... ну уж... не то, что твоя жена... и всё, братец, как есть...* (А. А. Потехин. Чужое добро впрок не идет (1855)).

Слова, обозначающие профессии, социальное положение, национальность или свойства (типа *сибарит*), могут использоваться в рассматриваемой конструкции. Чаще всего с квантификатором *штука* сочетаются обозначения низкостатусных социальных групп (пример 13) и названия некоторых профессий, предполагающих массовость (например, *солдаты, милиционеры*):

- (13) *Мари воспитывалась на руках этой няньки, двух мамушек и десяти штук горничных девок* (А. А. Григорьев. Один из многих (1846));
- (14) *Первый дроздовский полк. Семьсот штук кадетов и пушка одна* (Б. А. Лавренев. Ветер (1924)).

В интернете представлены и единичные случаи использования высоко-статусных профессий в составе конструкции, предполагающей в таких случаях явный пейоративный контекст:

- (15) *Да я таких президентов уже 20 штук пережил* (<http://www.belaruspartisan.org/life/220654/>).

Интересно сопоставить подобное семантическое распределение с поведением существительных, допускающих сочетания с собирательными или количественными числительными: по данным Н. Р. Добрушиной и С. А. Пантелеевой, с числительным *два* чаще используются имена, обозначающие высокий социальный статус, тогда как с формой *двое* чаще встречаются имена с отрицательной оценкой; собирательные числительные тяготеют к коллективным именам и наименованиям, предполагающим массовость, но не используются с именами собственными [Добрушина Н., Пантелеева 2008].

Дети существенно чаще встречаются в конструкции со счетным словом *штука*, чем взрослые²:

- (16) *У него все девчонки, пять штук девчонок, на пучки можно продавать* (И. С. Шмелев. Богомолье (1930—1931)).

Ср. противопоставление счетных слов для взрослых жертв и для детей в примере (17):

- (17) *Какой-нибудь из «несчастных», убивших каких-нибудь двенадцать душ, заколовший шесть штук детей, единственно для своего удовольствия* (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Кроме того, в конструкции Num *штука* N_{gen} используются неличные одушевленные существительные, особенно часто в *штуках* считается рыба, мелкие звери (вроде *крыс*) мелкий домашний скот (неиндивидуализированный, такой как *овцы* или *свины*), реже встречаются *коровы* или *лошади*):

- (18) *Одним словом, в воскресенье поехали в колхоз, закупили пятьдесят штук поросят, привезли их на работу и запустили в пристройку* (Л. Измайлов. Свинство (1986)).

4. Конструкция Num *штука* N_{gen} и иерархия одушевленности

Семантический анализ имен, хотя бы иногда встречающихся в конструкции Num *штука* N_{gen}, показывает, что одушевленные существительные могут встраиваться в конструкцию для счета неодушевленных объектов,

² За исключением имен родства (*дочь*, *сын*). Имеющиеся в НКРЯ примеры использования в конструкции слова *дети*, обозначающие родственный статус, а не возрастную группу, не являются детьми говорящего, хотя примеров слишком мало, чтобы делать какие-то выводы.

однако это не относится к занимающим высокие позиции в иерархии одушевленности личным местоимениям (обозначающим как участников речевого акта, так и 3 лицо), именам собственным и именам родства. Возможность счета в *штуках* для одушевленных существительных отражает субъективную оценку статуса объекта и его положение в иерархии одушевленности. На примере употребления имен в счетной конструкции Num человек N_{gen} видно, что иерархия одушевленности оказывается более дробной в данном фрагменте языковой системы:

генерические имена (взрослые мужчины) <
 генерические имена (взрослые женщины) <
 дети < социальный статус (низкий) <
 названия крупных (домашних) животных <
 мелкие животные, насекомые.

Семантически одушевленность понижается, что проявляется в нейтральном использовании конструкции Num *штуки* N_{gen} с именами из нижних уровней и затруднении с именами, находящимися на верхних уровнях иерархии. В рамках языковой игры эти имена примерно в такой последовательности (справа налево) могут быть использованы в конструкции Num *штуки* N_{gen} , особенно в сочетании с порядком слов N_{gen} Num *штуки*.

(19) *Человек работу потерял, у него одних дочерей одиннадцать штук...* (Д. Рубина. Во вратах твоих (1992)).

Почти для всех личных существительных из правой части шкалы носители языка допускают возможность счета в *штуках* с порядком слов N_{gen} Num *штуки* или аппроксимативной инверсией. Уход от указания на точность счета, нерелевантный при аппроксимации, дает возможность выражения различных коннотаций. Порядок слов сигнализирует, что *штука* означает не точность счета, а что-то другое.

Квантификатор в данной конструкции десемантизирован лишь частично: значение неодушевленности объекта у слова *штука* сохраняется, что позволяет говорящему творчески использовать конструкцию для отрицания признания одушевленности у одушевленного референта:

(20) *Да и вообще никто из почетных гостей не прибыл в кухмистерскую (было приглашено: **пятьдесят штук тайных советников, сто штук действительных статских советников**, один бегемот, два крокодила и до двухсот коллежских асессоров, для танцев* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке (1881—1882)).

В рамках языковой игры даже существительное из верхних уровней иерархии может быть использовано в конструкции Num *штуки* N_{gen} , позволяющей деиндивидуализировать объект. Косвенно этому способствуют негативные коннотации, свойственные формам множественного числа некоторых имен в русском языке (или использованию множественного числа

при описании единичного объекта). Счет в *штуках* позволяет в дополнение к этому снизить одушевленность объекта, что для имен, исходно занимающих высокие позиции в иерархии, означает пренебрежительное или ироническое отношение говорящего. Ср. похожий механизм упоминаемой И. Л. Микаэлян «ресемантизации» одушевленных существительных как неодушевленных (*две жены тому назад*) [Микаэлян 2012: 441].

Отдельную проблему, не затрагивающуюся здесь для краткости, представляет собой согласование глагола с конструкцией Num *штук* N_{gen}. В русском языке сочетания с числительными допускают как согласование с числительным, так и употребление среднего рода ед. ч. прош. времени. Нейтральным является употребление ср. рода, а согласование с группой счетного слова зависит от информационной структуры [Andersen 2006: 65]; другая интерпретация предполагает влияние одушевленности имени, порядка слов и дополнительно свойств числительного [Krasovitsky et al. 2009]. В конструкциях Num *штук* N_{gen} преобладает средний род, как в (21)—(22):

- (21) *Десять тысяч икринок погибло, пятьдесят штук уцелело* (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000));
 (22) *Костя Малинин не успел пикнуть, как к нему и ко мне подошло штук десять муравьёв* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)).

В последнем случае согласование по форме среднего рода обусловлено частым для конструкции приблизительным счетом³. Счетное слово *штука* в сочетании со средним родом дополнительно способствует интерпретации имени как «менее одушевленного» (как в примере (23)):

- (23) *Смотрю, а в буфетную уж штук двадцать женихов из Ножовой линии напозло* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке (1881—1882)).

5. Другие квантификаторы: человек, душа и единица

В русском языке представлено еще несколько счетных слов для одушевленных существительных: для счета личных существительных используются квантификаторы *человек* и *душа*, для счета животных — специализированное счетное слово *голова*⁴; кроме того, в разговорной речи иногда встречается счетное слово *единица* с одушевленными существительными. Рассмотрим, с какими лексемами они сочетаются.

³ Я благодарю анонимного рецензента за указание на связь между ср. р., информационной структурой и приблизительностью числа в примерах.

⁴ Сочетания Num *голов* N_{gen} используются только для счета домашнего скота и птицы и далее не рассматриваются.

Конструкция Num человек N_{gen} широко представлена в старых текстах и часто сочетается с обозначениями профессии, социального статуса и под.:

- (24) *Убито 300, в том числе предводитель их, Барын-Табынской волости старшина Биктимер, и 4 человека начальников* ([И. И. Михельсон]. Военно-походный журнал командира карательного корпуса подполковника Михельсона И. И. (1774));
- (25) *Сам идет с двумя солдатами по дороге, а в пятидесяти шагах позади его идут еще 4 человека солдат* (А. Н. Радищев. Офицерския упражнения (1773—1774)).

Кроме того, в текстах XIX в. достаточно регулярно встречается тавтологическое сочетание *Num человек людей*, воспринимаемое современными носителями как странное, устаревшее; сейчас носители языка оценивают такие сочетания как избыточные. Ср.:

- (26) *Правительство, успокаивая народ, объявило, что сделан шар, который полетит, на нем до 50-ти человек людей, и с него будут поражать неприятеля, а малым шаром делали уже и пробу* (Д. М. Волконский. Дневник. 1812—1814 гг. (1812—1813));
- (27) *Целая деревня киргизов: сорок человек мужчин, женщин и детей...* (kuzbassnews.ru).

В современном языке использование квантификатора *человек* чаще всего обусловлено грамматически (как в (28)):

- (28) *Банк Barclays решил сократить как минимум 250 человек персонала в индийском подразделении* (www.profit-finances.ru/rossiya/news/16553.htm).

Счетная конструкция X душ N_{gen} применяется только к людям, причем используется с чрезвычайно ограниченным набором имен (*крестьяне, крепостные, рабы, дети*), занимающих низкое положение в иерархии одушевленности:

- (29) *Я ничего не думаю, я знаю только, что этот Иван Иванович, у которого всего-навсего пятьдесят душ крестьян, ухаживает за нашей дочерью* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842—1850));
- (30) *У него оказалось 10 душ детей, да нас было 5, не было возможности поместиться* (П. С. Пушкин. Дневник (1812)).

Наиболее продуктивна эта конструкция в текстах XIX в., а в настоящее время используется крайне редко и преимущественно при описании старого времени, как в примере (31). В НКРЯ представлено 24 примера XX века, 73 — XVIII—XIX вв., всего — 97⁵.

⁵ В самых старых текстах, кажется, чаще используется классификатор *человек*, а не *душа*.

- (31) *Некрасов, выиграв как-то в карты 126 (сто двадцать шесть) души крепостных, тотчас дал всем вольную* (Г. Брониславский. ЖЗЛ. Факты, события, мнения // «Родник», 1989).

В качестве счетного слова *душа* синонимична другим квантификаторам (*штука* и *человек*), однако по ряду свойств отличается от других единиц, используемых в счетной конструкции. В частности, *душа* допускает безобъектное употребление под отрицанием (*ни души*), характерное для квантификаторов, выражающих идею малого объема (случаи эллипсиса в примерах вроде *ни грамма*, *ни капли* или конверсия в сочетаниях *ни капли не боюсь*), но несвойственное именам в счетной конструкции: *ни штуки, *ни человека, *ни единицы, ?? *ни пары*.

Счетная конструкция X единиц N_{сеп} характерна для бюрократического языка и сочетается с ограниченным набором имен (*бронетехника*, *техника*, марками транспорта и под.) однако в разговорной речи иногда встречается с одушевленными существительными (в НКРЯ только 10, в интернете несколько чаще). Ср.:

- (32) *И фото выводка хорошеньких щенков, помеси алабая с кавказцами. Девять убойных единиц друзей человека. Один краше другого!* (Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011));
- (31) *В считанные дни был издан приказ, гласивший: «В подготовляемый аттракцион «Среди хищников» ввести 4 единицы рабочих и двух ассистентов»* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998—2004)).

Как правило, семантическая мотивировка счета в *единицах* легко реконструируется: это может быть отсылка к официальному дискурсу и сочетаниям *штатная единица* или счетное слово *единица*, по аналогии со *штука*, способствует непризнанию одушевленности и/или деиндивидуализации объекта, как в примере (34):

- (34) *Поступил груз без обозначения станции отправления и оформленных бумаг, значащийся в общей накладной сопровождения как группа малолетних преступников в количестве двадцати трех единиц мужского и женского пола, список прилагаю* (А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)).

Счетное слово *единица* менее грамматикализовано по сравнению с другими представителями конструкции: в частности, *единица* не допускает аппроксимативную инверсию (**единиц пять бронетехники*, ср. *штук пять машин*).

Выводы

В русском языке представлено несколько счетных слов, используемых в нумеративной конструкции. Вопреки ожиданиям, использование счетного слова *штука* (и отчасти *единица* и др.) для сочетания с числительным не-

исчисляемых слов (*одна штука ситца*) не является самой распространенной функцией. Другое ожидание — что с исчисляемыми именами счетное слово передает дополнительный акцент на точность, поштучность счета — также не вполне подтверждается корпусными данными об употреблении конструкции Num *штук* N_{gen} в русском языке. Сочетания с разными числительными и широкое использование аппроксимативных средств, прежде всего инверсии, показывает, что конструкция во многих случаях используется в контексте заведомо приблизительного количества.

Анализ имен, используемых в конструкции Num *штук* N_{gen}, показывает, что с одушевленными существительными счетное слово *штука* используется для понижения статуса объекта, негативной оценки путем непризнания одушевленности референта. Семантически иерархия одушевленности в русском языке образует более сложную классификацию, чем синтаксически. Возможность считать в *штуках*, т. е. использовать счетное слово для неодушевленных объектов в нумеративной конструкции с одушевленными именами, отражает возможность игры с семантикой одушевленности в современном русском языке. Сочетаемость с тем или иным классификатором и сохраняющиеся даже в устной речи ограничения дают дополнительные сведения для описания семантической категории одушевленности в русском языке, отражающей языковую картину мира.

Для счета одушевленных существительных в нумеративной конструкции используются несколько счетных слов: сочетание Num *душ* N_{gen} уходит из употребления, сокращается сфера употребления сочетания *X человек* N_{gen}, наиболее распространенной является Num *штук* N_{gen}, используемая иногда и с одушевленными, в том числе личными существительными. По аналогии со словом *штука* иногда с одушевленными существительными употребляется и *единица*.

В отличие от счетного слова *штука*, квантификаторы *человек* и *душа* используются для счета только личных существительных; не встречаются расширенные употребления с другими одушевленными именами (**пять человек кошек / *пять душ соболей*), что свидетельствует о сохранении исходной семантики. Диахронически сокращается употребление обеих конструкций (хотя и в разной степени). По-видимому, в современном русском языке утрачивается возможность асемантического употребления счетной конструкции с большинством личных существительных, особенно относящихся к прототипическим именам людей (регулярное в старых текстах сочетание *Нит человек людей* сейчас сомнительно, квантификатор *штука* с ними не сочетается или возможен только в рамках языковой игры). Окаzionale использование счетного слова *единица* с одушевленными существительными вызвано, по-видимому, аналогией с употреблениями квантификатора *штука*.

При описании семантических процессов, сопровождающих грамматикализацию, принято говорить о десемантизации, понимаемой как утрата значения, размывание семантики: ср. метафоры «обесцвечивания»

(bleaching) и под. (ср. возражения Б. Хайне по поводу такого подхода в [Heine 1993: 88—95]). На примере слова *штука* видно, что в составе конструкции становятся нерелевантными одни признаки (указание на точное количество, квантованность объектов), однако другой семантический признак — неодушевленность — осознается говорящими, что проявляется, с одной стороны, в виде ограничений на сочетаемость, а с другой — в возможности языковой игры и «понижения одушевленности». Как кажется, этот процесс выбора (и сохранения) одной семантической черты, характерный, по всей видимости, и для других квантификаторов (см. [Рахилина, Су-Хён 2009; Brems 2007]), отличается от десемантизации.

Л и т е р а т у р а

Добрушина Е. 2013 — Е. Р. Добрушина. Существительные в функции «присчетных форм» в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9—12 апреля 2013 г. СПб., 2013. С.70—75.

Добрушина Н., Пантелеева 2008 — Н. Р. Добрушина, С. А. Пантелеева. Собирательные числительные: коллектив как индивидуализация множественности // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia, 34) / А. Мустайоки и др. (ред.). Хельсинки, 2008. С. 107—124.

Земская 1987 — Е. А. Земская. Русская разговорная речь. М., 1987.

Лингвистика конструкций 2010 — Лингвистика конструкций / Ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.

Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М., 2004.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

Микаэлян 2012 — И. Л. Микаэлян. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 429—446.

Мель 2011 — А. Мель. Аппроксимативные конструкции русского языка. Доклад на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». СПб., 24—26.03.2011.

Рахилина, Су-Хён 2009 — Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 13—40.

Andersen 2006 — Н. Andersen. Some Thoughts on the History of Russian Numeral Syntax // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. № 1—4. P. 57—67.

Bisang 1999 — W. Bisang. Classifiers in East and Southeast Asian languages: Counting and beyond // Numeral Types and Changes Worldwide / J. Gvozdanović (ed.). Berlin, 1999.

Brems 2003 — L. Brems. Measure Noun Constructions: An Instance of Semantically-Driven Grammaticalization // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 8 (2). P. 283—312.

- Brems 2007 — L. Brems. The Grammaticalization of Small Size Nouns: Reconsidering Frequency and Analogy // *Journal of English Linguistics* 35. 2007. P. 293—324.
- Corbett 2000 — Greville G. Corbett. *Number*. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, 2000.
- Croft 1994 — W. Croft. Semantic universals in classifier systems // *Word*. 45. 1994. P. 145—171.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. Animacy and the notion of semantic gender // *Gender in grammar and cognition. I: approaches to gender*. Berlin, 2000. P. 99—115.
- Dixon 1994 — Robert M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge, 1994.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions. A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Heine 1993 — B. Heine. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. New York; Oxford, 1993.
- Krasovitsky et al. 2009 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett, P. Williams. Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // *Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus*. München; Berlin; Wien, 2009. P. 109—121.
- Krifka 2009 — M. Krifka. Approximate interpretations of number words: a case for strategic communication // *Theory and evidence in semantics / Stanford*, 2009.

References

- Andersen 2006 — H. Andersen. Some Thoughts on the History of Russian Numeral Syntax // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 28. № 1—4. P. 57—67.
- Bisang 1999 — W. Bisang. Classifiers in East and Southeast Asian languages: Counting and beyond // *Numeral Types and Changes Worldwide / J. Gvozdanović (ed.)*. Berlin, 1999.
- Brems 2003 — L. Brems. Measure Noun Constructions: An Instance of Semantically-Driven Grammaticalization // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 8 (2). P. 283—312.
- Brems 2007 — L. Brems. The Grammaticalization of Small Size Nouns: Reconsidering Frequency and Analogy // *Journal of English Linguistics* 35. 2007. P. 293—324.
- Corbett 2000 — Greville G. Corbett. *Number*. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, 2000.
- Croft 1994 — W. Croft. Semantic universals in classifier systems // *Word*. 45. 1994. P. 145—71.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. Animacy and the notion of semantic gender // *Gender in grammar and cognition. I: approaches to gender*. Berlin, 2000. P. 99—115.
- Dixon 1994 — Robert M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge, 1994.
- Dobrushina E. 2013 — E. R. Dobrushina. Sushchestvitel'nye v funkcii «prischetnykh form» v russkom yazyke // *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funkcional'noy grammatiki: Sb. materialov konferencii 9—12 aprelya 2013 g. St.-Peterburg, 2013*. S. 70—75.
- Dobrushina N., Panteleeva 2008 — N. R. Dobrushina, S. A. Panteleeva. Sobiratel'nye chislitel'nye: kolektiv kak individualizaciya mnozhestvennosti // *Instrumentarij rustistiki: korpusnye podkhody (Slavica Helsingiensia, 34) / A. Mustayoki i dr. (red.)*. Khel'sinki, 2008. S. 107—124.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions. A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.

Heine 1993 — B. Heine. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. New York; Oxford, 1993.

Krasovitsky et al. 2009 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett, P. Williams. *Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // Diachronic Slavic Syntax. Gradual Changes in Focus*. München; Berlin; Wien, 2009. P. 109—121.

Krifka 2009 — M. Krifka. *Approximate interpretations of number words: a case for strategic communication // Theory and evidence in semantics / Stanford, 2009.*

Lingvistika konstrukciy 2010 — *Lingvistika konstrukciy / Red. E. V. Rakhilina*. Moskva, 2010.

Lyashevskaya, Sharov 2009 — O. N. Lyashevskaya, S. A. Sharov. *Chastotnyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka (na materialakh Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka)*. Moskva, 2009.

Mel' 2011 — A. Mel'. *Аппроксимативные конструкции русского языка. Доклад на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»*. St.-Peterburg, 24—26.03.2011.

Mikaelyan 2012 — I. L. Mikaelyan. *О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие союзы. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. Moskva, 2012. S. 429—446.

Rakhilina, Su-Khen 2009 — E. V. Rakhilina, Li Su-Khen. *Semantika leksicheskoy mnozhestvennosti v russkom yazyke // Voprosy yazykoznanija*. 2009. № 4. S. 13—40.

Zemskaya 1987 — E. A. Zemskaya. *Russkaya razgovornaya rech'*. Moskva, 1987.

Резюме

В статье рассматривается нумеративная конструкция со счетными словами в русском языке «Num + счетное слово + Ngen» на примере использования наиболее частотного счетного слова *штука* (Num *штук* Ngen) в сравнении с близкими вариантами (*человек, души, единицы*). Показано, что счетное слово *штука* десемантизируется: во-первых, оно используется преимущественно для аппроксимативного счета и, во-вторых, в разговорной речи сочетается с одушевленными именами. Однако анализ имен, встречающихся в составе конструкции, показывает, что сохраняются определенные ограничения на сочетания с одушевленными, особенно личными, существительными. Использование счетного слова *штука* для исчисления одушевленных, особенно личных, существительных, отражает семантическую иерархию одушевленности в русском языке.

Ключевые слова: счетная конструкция, квантификатор, одушевленность, иерархия одушевленности, грамматикализация

Статья получена 14.09.2015

VLADA V. BARANOVA

THE NUMERAL CLASSIFIER CONSTRUCTION AND SEMANTIC ANIMACY IN RUSSIAN

The paper examines the Russian construction Num + classifier + Ngen formed specifically with the numeral classifier *штука* (Num *штук* Ngen); this classifier occurs more frequently than other classifiers (*chelovek, dush, edinic*). I argue that the classifier *штука*

undergoes a process of semantic bleaching: it occurs in the context of approximation (despite the literal meaning of the word *штuka* 'a single thing') and animate nouns appear in this construction in colloquial speech. The paper focuses on the usage of the counting construction with the classifier *штuka* with animate nouns in spoken Russian. Some restrictions on the usage of the numeral classifier *штuka* with animate nouns are revealed. There is also substantial evidence in favor of a gradated semantic hierarchy of animate nouns.

Keywords: counting construction, numeral classifiers, animacy, animacy hierarchy, grammaticalization

Received on 14.09.2015

К. В. ОСИПОВА

**ОБОЗНАЧЕНИЯ ЖИДКИХ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ
В РУССКИХ ГОВОРАХ:
СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ***

В традиционном рационе русских значимое место занимали молоко и молочные продукты, названия которых в диалектах многочисленны и дифференцированы. На Русском Севере существуют отдельные наименования для утреннего и вечернего удоя, вчерашнего молока, парного, отстоявшегося, слегка подкисшего, цельного и обезжиренного, первого молока после отела, даже для молока, в которое для его охлаждения опущена лягушка; ср., например, арх. уст.¹ *вечёрник* (волог. ник. *вечёрочник*) ‘молоко, надоенное вечером’ [АОС 4: 33; СВГ 1: 67], костром. вохом. *холодянка* (*холодяночка*) ‘молоко, в которое опускали лягушку, чтобы оно осталось холодным’ [ЛКТЭ] и пр. Поскольку молоко трудно было сохранить свежим, особенно в летнее время, распространение получили кисломолочные продукты и продукты тепловой обработки молока — простокваша, топленое молоко, творог, ряженка, масло, сыворотка, сметана.

К обозначениям жидких молочных продуктов можно отнести названия кислого молока на различных стадиях скисания, снятого молока, из которого обычно готовили простоквашу, топленого молока и ряженки (результат заквашивания топленого молока). Между этими лексическими группами наблюдаются регулярные межвидовые переходы (ср. волог. кадн. *кйслое молоко* ‘простокваша’, волог. хар. ‘ряженка’ [СРНГ 13: 234; СВГ 3: 60]; омск. *пестрокіша* ‘простокваша’, ‘снятое молоко; обрат’: «Пестрокіша бежит отдельно, сливки — отдельно» [СРНГ 26: 317]), объясняемые связанностью денотатов: например, простоквашу чаще всего готовили

---

* Работа выполнена в рамках реализации программы повышения конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)». Автор искренне благодарит А. Е. Аникина, А. Ф. Журавлева и Е. Л. Березович за ценные советы и замечания, высказанные при подготовке статьи.

¹ Географические пометы приводятся в соответствии со Словарем русских народных говоров [СРНГ], Расшифровку сокращений в названиях районов см. в конце статьи.

именно из снятого молока, а ряженка, как и простокваша, получалась в результате скисания молока. На номинативном уровне общность названий жидких молочных продуктов выражается в том, что для каждого из них типичны наименования, включающие компонент *молоко*, ср. простокваша — волог. у-куб. *ссéдлое молоко* [СВГ 10: 113], обезжиренное молоко — волог. устюж. *брíтое молоко* [СГРС 1: 185], ряженка — вят. *варёное молоко* [СРНГ 4: 51], топленое молоко — арх. *печёное молоко* [СРНГ 26: 348]. Все они мыслятся как этапы модификации молока, которая вызывается или его ферментацией-скисанием, или нагреванием.

Помимо этого, группу названий жидких молочных продуктов скрепляют сквозные семантико-мотивационные модели. Так, для названий кислого и снятого молока характерен семантический переход ‘жидкая, некачественная пища’ → ‘снятое молоко; кислое молоко’, ср. куйбыш. *бурдамáха* ‘прокисшее молоко’ и ‘плохая, прокисшая похлебка’ [СРНГ 3: 283], свердл. *бардá* ‘обезжиренное молоко’ [КЭИС] и волог., свердл., перм. *бардá* ‘мутное питье, бурда; напиток плохого качества; плохо приготовленная похлебка, щи’ [СРНГ 2: 111—112]. Общность тематической группы формируется и за счет этимологического родства входящих в нее лексем: нередко они существуют в пределах одного этимологического гнезда. В связи с этим объектом исследования стали также обозначения молозива — первого молока после отела — и блюд из него, которые, как и наименования простокваша, могут относиться к гнезду **syr-* (ср. севернорус. *сырóе молоко* ‘молозиво’ [СРНГ 43: 161], пск. *сыроквáша* ‘простокваша’ [Дмитриева 1999: 40]) или **mold-*, ср. волог. *молодóе молоко* ‘молозиво’ и ‘начинающее закисать молоко, простокваша’ [КСГРС]. Семантико-мотивационный анализ обозначенной лексической группы нацелен на выделение характерных для каждого из молочных продуктов мотивов номинации, нетривиальных семантических переходов, индивидуальных и типичных семантико-мотивационных моделей, что будет способствовать прояснению фактов с «темной» этимологией.

Наиболее полно в статье представлена лексика севернорусских говоров — Архангельской, Вологодской и Костромской областей (география распространения лексем этого региона уточняется преимущественно до районов), а в качестве дополняющего материала, который позволит уточнить обнаруженные семантические переходы и выявить их универсальность, приводится лексика других диалектов, а иногда — иных славянских языков.

Собранный материал обнаруживает, что в системе диалекта наиболее широко представлены обозначения кислого молока, которые являются и самыми разнообразными с мотивационной точки зрения. В статью вошли как обозначения процесса скисания молока, так и слова с признаковой и субстантивной семантикой: например, арх., волог. *ссéсться* ‘скиснуть (о молоке)’, волог., костром. *молодой* ‘кислый (о молоке)’ [КСГРС; ЛКТЭ], волог. ник. *билíжа* ‘простокваша’ [СГРС 1: 113].

Простокваша, кислое молоко

Ведущую роль в формировании лексики брожения, скисания играют корни **kvas-/*kys-/*kyš-* с этимологическим значением ‘кислый; киснуть, кваситься’, ср. рус. общенар. *кислое молоко*, *квашня* ‘опара’, *квашеная капуста*. От них образуются и наиболее распространенные названия простокваши: дон., моск. *квашенка*, *квашонка* [СРНГ 13: 163], арх. онеж. *кислица* [СРГК 2: 352], волог. вологод., гряз. *кислое молоко* [СВГ 3: 60], брян., курск. *кислуха* [СРНГ 13: 233], волог. выт., моск., новосиб. *кислушка* [СРГК 2: 353; СРНГ 13: 234], карел. (рус.) *кйшеный* ‘кислый (о молоке и т. п.)’ [СРГК 2: 355], ср.-урал. *укйслитья* ‘скиснуть (о молоке)’ [КЭИС]. В подобных наименованиях заключена как перцептивная семантика корней *кис-/квас-* (собственно кислый вкус простокваши), так и семантика ферментации, поскольку простокваша образуется в результате заквашивания молока. В этом значении прил. *кислый* противопоставляется прил. *пресный* и *сладкий*, обозначающим свежее молоко — например, иркут., новосиб. *солодкое молоко* ‘пресное, не кислое молоко’: «А мы солодкое молоко зовем пресное, которое, ну, обыкновенное», новосиб. ‘парное молоко’ [СРНГ 39: 284], арх. шенк. *пресное молоко* ‘свежее молоко’ [СРНГ 18: 235].

Повсеместно в диалектах распространены лексемы, формально и семантически близкие общенародному *простокваша*: арх. пин. *простокваши* [СРНГ 32: 248], диал. широко распространенное *простокйиша* [СРНГ 32: 248; СРГК 5: 300], диал. широко распространенное *простокйиши* [СРГК 5: 300] и др. Существуют они в нескольких вариантах, которые построены по сходной словообразовательной модели, но на основе разных корней.

Вторая часть слова представлена корнями *квас-* и *киш-*²: арх., иркут., новг., перм., том. *простокваши* (*простоквашиечка*, *простокйишечка*, *простокйишка*), семипалат., том., удм. (рус.) *построкйиша* [СРНГ 30: 240], карел. (рус.) *простокйишний* ‘такой, как простокваша’ [СРНГ 32: 248; 249], свердл. *спростокйишиться* ‘скиснуть (о молоке)’ [КЭИС]. Подобная вариативность объясняется тем, что корни **kvas-/*kys-/*kyš-* принадлежат одному гнезду со значением ‘кислый’, однако на современном этапе в русском языке продолжения корня **kyš-* преимущественно содержат семы ‘кишеть’, гораздо реже — ‘киснуть’. В большинстве случаев они теряют связь с вкусовой категорией, изменяя значение от ‘кваситься’ к ‘подходить на дрожжах; шевелиться, разбухать’, отсюда, далее, с одной стороны — ‘тайно возиться, копошиться’, ‘кишеть’, с другой — ‘долго пребывать в одном состоянии’ [ЭССЯ 13: 278]. Наиболее распространенные значения континуантов корня **kyš-* в русском языке — процессуальные, связанные с идеей «кишения», ср. ворон. *кишевня* ‘толкотня; толпа’, новосиб. *кишеть* ‘ухаживать, возиться с большим количеством детей’, иркут., омск. *киши*

² Вариант *каш-* в калуж., моск. *протвокйиша* [СРНГ 32: 239] появился в результате метатезы на основе народно-этимологического сближения с общенар. *каша*.

кишетъ ‘кишмя кишеть’ [СРНГ 13: 249]. Лишь минимальное количество диалектных лексем, в том числе *простокіша*, сохраняет значение ‘заквашенный, кислый’, ср. нижнепечор. *выкішетъ* ‘стать кислым, приобрести нужную кислоту’ [СРГНП 1: 106], *кіша* ‘закваска, частица кислого теста’ [Даль 2: 111], карел. (рус.) *кішеный* ‘кислый (о молоке и т. п.)’ [СРГК 2: 355].

Варианты первой части слов, называющих простоквашу, более разнообразны и воплощают разные мотивационные признаки. Широко распространены формы с частью *прост-*, отражающей естественность скисания (без закваски), самостоятельность и легкость приготовления: волог., костром. вохом. *простокіш(к)а* [ЛКТЭ; СВГ 8: 96], карел. (рус.), ленингр. *простокішка* «Бывало, придет нищий и скажет: “Степановна, дай простокішки замарать кишки”» (карел. рус.) [СРГК 5: 300], новосиб., перм. *прострокіша* [СРНГ 32: 254], а также вариант с метатезой — *постр-*: свердл., семипалат., том., удм. (рус.) *построкіша* [КЭИС; СРНГ 30: 240]. Корень *прост-* встречаем в варианте *прист-* в том., кемер. *пристоква́ша*, *пристокіш(к)а* [СРНГ 31: 418]. Тот же мотив естественности скисания содержит корень *сам-* в брян. *самоква́ска* «Самоквашу каждый день хлебаем» [СРНГ 36: 88].

Вариант с корнем *сыр-* (*сырой*) в наименованиях простокваши встречается преимущественно в среднерусских и западнорусских говорах — брян., курск., новосиб., орл., пск., смол., яросл. *сыроква́ша* [Дмитриева 1999: 40; СРНГ 43: 163], а также пск. *сыро́жня*, *сыро́ыха* ‘простокваша’ [Дмитриева 1999: 40]. В данном случае *сырой* нужно интерпретировать как ‘некипяченный’ (этим простокваша отличается от ряженки, которая готовится путем заквашивания топленого молока) и ‘связанный с выделением влаги, сыворотки’ (ср. волог. м-реч. *ссыворóтиться* ‘скиснуть (о молоке)’ [СВГ 10: 114], т. е. буквально «выделить сыворотку»). Брян., калин., смол., том. *сороква́ша* [СРНГ 40: 23], свердл. *сараква́ша* ‘простокваша’ [КЭИС] можно считать фонетическим вариантом диал. *сыроква́ша*, учитывая пересечение части ареала их распространения (брян., смол.).

Низкую калорийность и водянистость простокваши отражают компоненты *пуст-* и *болт-* в костром. галич. *пустоква́ша* [СРНГ 33: 148] и пск. *болтокіша*, *болтакіша* [СРНГ 3: 82], быстроту скисания — корень *скор-* в *скорокіша* (без указ. места) [СРНГ 38: 98].

Наиболее загадочным в названиях простокваши выглядит компонент *пестр-* в том., омск. *пестрокіша* (*пестрокішечка*, *пестрокішка*) ‘простокваша’, омск. ‘снятое молоко’ [СРНГ 26: 317]. Ж. Ж. Варбот предполагает, что, рассматривая сущ. *простокваша*, *пестроква́ша*, *пестрокіша* ‘простокваша’, мы имеем дело с таким случаем народной этимологии, когда на ее базе можно «определить не зафиксированное еще изменение значения корня, использованного в преобразованной форме» [Варбот 2001: 6]. Синонимия приведенных лексем «при сохранении старого значения свидетельствует, вероятно, об ослаблении в значении прилагательного *простой* семантического элемента ‘несложный, достигаемый легким путем’, при возрастающей роли другого элемента — ср. *простой* ‘пустой, ничем

не занятый' [СРСГСП 3: 53], что изменило мотивацию связи корней *прост-* и *кис-/киш-* и способствовало преобразованию корня *прост-*. Что же касается его замены корнем *пёстр-*, то, кажется, подстановка последнего произошла не чисто механически (парадоксально) и позволяет предполагать в данном случае развитие в *пёстр-* нового значения, отмеченного в других говорах, — 'скудный, голодный' (см. арх. *пёстрые дни* 'постные дни', казан. *пестрый год* 'голодный год' [СРНГ 26: 319]). Эта гипотеза подтверждается соотношением измененной мотивации *простокваша* *'пустая (=несытная) кислая еда' и мотивации *пестрокваша* *'скудная, голодная кислая еда'» [Варбот 2001: 6].

Однако, кажется, в толковании корня *пестр-* не стоит отказываться и от цветовой семантики, которая наиболее характерна для его продолжений, ср. *пестрить*, *пестрядь*, *пестрый* и др. Неоднородная по консистенции простокваша состоит из свернувшегося белка и кажущейся более темной, синеватой сыворотки, что при перемешивании дает вполне «пеструю» картину. В диалектах, в том числе севернорусских и сибирских, где записано название *пестрокиша*, цвет простокваши соотносится с небом, пестрящим облаками, цветом пестрой курицы или светлых, голубоватых глаз, ср. волог. в-у. «Всё небо — как простокишка, облачками покрыто белыми» [СВГ 8: 96], ленингр. *простокішний* 'рябой': «Скажут: рябушечка-курочка — простокишна, а така чёрненька, беленька», карел. (рус.) 'такой, как простокваша': «Дождик будет, тут забелело, простокишная туча ходит, белая такая», новосиб. 'бесцветный, бледный': «Она белоглаза, простокишные глаза, не любил ее», тобол. 'светло-голубой, светло-серый (обычно о глазах)' [СРГК 5: 300; СРНГ 32: 249]. Простокваша вполне может быть названа *пестрой* из-за необычного цвета, отличающего ее от свежего молока. К тому же «цветовые» мотивы характерны и для названий других молочных продуктов, например, обезжиренное молоко воспринимается как *серое*, *синее* или *зеленое* (см. далее). Вероятно, к цветовым наименованиям относится и волог. ник. *биліжа* 'простокваша' [СГРС 1: 113], для которого можно восстановить корень *бел-*, в словообразовательном плане сопоставив, например, с арх. шенк. *беліжна* 'белое пятно на какой-нибудь темной ткани или одежде' [СРНГ 2: 212]. Семантическую параллель находим в с.-х. *бѣливо* 'молочные продукты' [ЭССЯ 2: 67], якут. *бѣлое* 'молочные продукты' [СРНГ 2: 219], диал. широко распространенное *забѣла* 'сметана, сливки, молоко как приправа к пище' [СРНГ 9: 250].

Следующая группа названий мотивирована традицией собирать, *к о - п и т ь п р о с т о к в а ш у*. В заквашенном виде молоко сохраняли во время постов, сливая в кадки, кринки, чтобы потом приготовить творог и сметану, отсюда *ка́днее молоко́* арх. 'кислое молоко', волог. 'молоко из кадки, в которую его сливают во время говения', арх., волог. гряз. 'творог; сыр' [КСГРС; Подвысоцкий: 61; СРНГ 12: 299], волог. м-реч. *ка́дное молоко́* (*ка́дня*) 'простокваша' [СВГ 3: 30]; волог. в-у. *кринка* (*криночка*) 'молоко, сквашенное для получения сметаны' [СРНГ 15: 258]. Ср. дон. *сбірочное*

молоко, сб́ирочный творог ‘гуща кислого молока’: «Квасят, а потом в сумку откидывают и слаживают на зиму в кадушечку или в горшок. Это и сб́ирочное молоко» [СРНГ 36: 175].

Одно из наиболее ярких внешних изменений — отделение белкового сгустка от сыворотки — осмысливается в нескольких мотивационных моделях. Группа названий образована от глаголов с общим значением ‘резать, сечь’ с семантическим переходом ‘отделяться, рассекаться’ → ‘скисать’, ср. континуанты основ **rězati* ‘резать, сечь’: волог. *обрéз-лый* ‘кислый (о молоке)’ [КСГРС]; **briti* ‘резать’: пск. *побриту́ха* [Дмитриева 1999: 40]. К этой основе восходит и ленингр. *брéтик* ‘кислое молоко’, ср. арх. онеж., карел. (рус.) *брéткий* (*бр́мткий*) ‘острый’, карел. (рус.) *брéться* ‘бриться’ [СРГК 1: 114]. Примеры данного семантического перехода нечасто встречаются в русском языке, но зато имеют славянские параллели. Словац. *seknút’ sa* ‘скисать’ А. Е. Аникин предлагает «объяснить как генетически единое слово со словац. *seknút’ sa* ‘рубануть, разрубить’ (<**seknŏti se*). Семантическая эволюция ‘киснуть, свертываться’ < ‘резать, разделять, отделять’ общеизвестна, ср. хотя бы чеш. *razit* ‘прорубать’: *sraziti se* ‘столкнуться, схватиться’, ‘свернуться, о молоке’; дат. норв. *skille* ‘резать, разделять’, ‘свертываться, о молоке’, греч. *σχίζω* ‘разрывать, разделять’, *σχίζω γάλα* ‘сворачивать молоко’ и др.» [Аникин 1988: 286—287]. К праслав. **seknŏti* ‘резать, рубить’ относятся и болг. *пресека̀*, *преси́чам* ‘сквашивать (молоко)’ [БЕР 6: 593], *пресéчено мля̀ко* ‘свернувшееся молоко’ [Горячева 1975: 95 со ссылкой на Болгарско-русский словарь С. Б. Бернштейна]. Мотив разделения может быть связан не только с расслоением молока на сыворотку и белок, но и с отделением жира, сметаны, а потому наглядно проявляется в значениях ‘снятое молоко’ (см. далее).

Семантическая модель ‘давить, сжимать(ся), уплотнить(ся)’ → ‘заквашивать, скисать’ отражает возникновение в молоке белкового сгустка. Здесь представлены основы **tŏg-/*tęg-* ‘тугой; давить, сжимать’: арх. *отужі́ться* (*отужі́ть*) ‘закиснуть (о молоке, тесте и т. п.)’ («Хорошая сметана, она еще не отужилась»), а также *отту́живать молоко́* ‘творожить молоко’, *отту́жива́льне молоко́* ‘творог’ [Подвысоцкий: 114]; омск. *стяга́ться* ‘сгущаться (о скисающем молоке)’, новосиб., свердл. *стяжа́ться*: «А как молоко стяжатся в сметану — его на масло берут» (новосиб.) [СРНГ 42: 125, 126; КЭИС] и **gnesti*: волог. *огне́стись* ‘заквашиться’ [КСГРС], ср. новг. *гнетёное молоко́* ‘род кушанья’ [СРНГ 6: 240].

Для праславянского глагола **sъtęti* Т. В. Горячева восстанавливает значения ‘срубить, ссечь’ и ‘сжать, сплотить’ (например, в польск. *ściqć*, *ścinać* ‘сгустить, заморозить’), относя к этому гнезду диал. *сте(я)ти́ха* ‘снятое молоко’, ‘кислое молоко’ [Горячева 1975: 95], ср. твер. *стети́ха* ‘снятое молоко’, яросл., моск. *стету́ха* (*стету́ха*) [СРНГ 41: 155], яросл. *стеды́ш*³

³ Эту форму можно рассматривать и как фонетический вариант диал. *сседы́ш* ‘простокваша’.

‘простокваша’ [СРНГ 41: 115]. Для перечисленных примеров можно предполагать как мотивационную модель ‘резать’ → ‘скисать’, так и ‘сгущаться’ → ‘скисать’. Семантический переход ‘твердеть’ → ‘скисать’ представлен и в словен. гл. *utrdniti se* ‘скиснуть’, который Т. В. Горячева соотносит со словен. *utrdniti* (> **utvrdnōti*) ‘затвердеть’ [Горячева 1986: 48], а также в карел. (рус.) *крепкий* ‘густой (о простокваше)’: «Простокваша стала крепка, как пакула» [СРГК 3: 17].

Устойчивый семантический переход ‘густеть’ → ‘скисать’, отмечаящий изменение консистенции, представлен корнем **gost-* ‘густеть’: арх. холм. *гуснуть* ‘становиться густым, густеть’: «Молоко квасится, так гуснет» [СРНГ 7: 245], волог. хар. *гуца* ‘простокваша’ [СГРС 3: 171], арх. пин. *сгуститься*, калуж., яросл. *сгустнуться* ‘свернуться (о молоке)’: «Молоко сгустнулось после грозы» [СРНГ 37: 49], а также арх. онеж. *густое молоко* ‘творог’ [СРНГ 7: 247]. Противопоставление кислого и свежего молока по густоте заложено и в паре влад., куйбыш. *толстое молоко* ‘кислое молоко’ [СРНГ 18: 235; 44: 214] — перм. *тоненькое молоко* ‘свежее молоко’ [СРНГ 18: 235], новг., олон. *тонкое молоко* ‘сырое нескисшее молоко’ [СРНГ 44: 231]. Ср. также кашуб. *maska* ‘кислое молоко’, *maskovac se* ‘скисать’, образованные по модели ‘то, что имеет консистенцию мази, густая, липкая субстанция’ → ‘кислое молоко’ на базе праслав. **mazь* ‘субстанция, которой что-л. смазывается, натирается’ [СЕК III: 221].

Образование сгустков, комков в свернувшемся молоке отмечено и в арх. пин. *скóмнуться* ‘свернуться (о молоке)’ [СРНГ 37: 73]⁴, свердл. *кожурки* ‘свернувшееся молоко’, ‘творог’ [СРНГ 14: 54]. Здесь же можно упомянуть и нижнепечор. *дробиноное молоко* ‘свернувшееся молоко’ [СРГНП 1: 191], в котором рассматриваемая модель получает метафорическое наполнение — «скиснув, стать подобным гуще, остаткам от приготовления пива», ср. арх., волог. *дробина* ‘густая, нерастворимая часть супа; гущи’ [СГРС 3: 269].

Славянский материал позволяет говорить о вторичности значения ‘скисать’ по отношению к ‘хватать, схватываться, ловить (ся)’. В болгарском языке, согласно версии А. Е. Аникина, эту связь отражают глаголы гнезда **seǵ(a)ti* ‘схватить; ловить’: болг. диал. *с’азва са, с’азу са* (праслав. **seǵ(a)ti (seǵ), *seǵiti (seǵ)*) ‘скиснуть, сгуститься (о молоке)’ — при болг. *сягам, сягвам* ‘протягивать руку, чтобы схватить’; в украинском — **loviti (seǵ)* ‘ловить’: укр. букв. *ловитиса* ‘скисать; делаться густым, отстаиваться (о молоке)’ [Аникин 1985: 51].

В русском языке существует общенародное выражение *молоко схватилось* ‘скисло, свернулось’, образованное от **hvatati* ‘хватать’. К этому же гнезду М. А. Рахманная предлагает относить диал. *свататься* ‘скисать (о щах, похлебке, молоке и т. п.)’, ср. новг., пск., твер. *свататься* «Сва-

⁴ Вариант арх. пин. *скрóмниться* [СРНГ 37: 151], вероятно, возник на фоне аттракции к корню *кром-* (*кромка*).

таться поехало»; «Суп-то уже сватается, киснет» (новг.) [Даль 4: 145; СРНГ 36: 217], пск., твер. *посв́ататься* ‘скиснуть’ [СРНГ 30: 140], калуж., курск., твер., тул., новосиб. *просв́ататься* ‘скиснуть’ [СРНГ 32: 223], твер. *щи сосватались* [Даль 4: 277]. По мнению исследовательницы, глагол *хвататься* с префиксом *с-*, появившийся по мотивационной модели ‘сворачиваться’ → ‘скисать’, был в дальнейшем переосмыслен в результате сближения с глаголом *свататься* ‘предлагать замужество’ [Рахманная 2008].

Думается, диал. *свататься* ‘скисать’ все-таки имеет смысл рассматривать как результат метафорического переноса ‘свататься, жениться’ → ‘скисать’. В пользу этой версии можно высказать несколько аргументов. Во-первых, удивляет отсутствие в диалекте фонетически не измененных (без диэрезы) форм глагола *схватываться* или его производных со значением ‘прокисать’, ‘кислое молоко’. Во-вторых, обозначения кислой пищи (например, похлебок) чаще формируются по другим моделям, нежели названия простокваши, поскольку кислое молоко в пищу употребляется (хотя при этом существенно меняет консистенцию), а супы становятся несъедобными, и следовательно, их обозначения или содержат сему ‘испорченный’, или получают негативные коннотации (например, *сворачивается* употребляется только по отношению к молоку, но не щам или пиву). Глагол *свататься* называет преимущественно скисание щей, похлебки, гораздо реже — молока (кажется, вторично), а обозначения испорченных супов и похлебок часто заключают в себе метафоры или эвфемизмы — ср., например, костром. *Афóнька пáльцем ткнул* [ЛКТЭ], волог. чер., ленингр. *Афóня лáпти мóчит (лáптем ступíл)* [СРГК 1: 24; 3: 97], перм. *Прокóпий проéхал* [СРНГ 32: 161—162] в значении ‘прокиснуть (о супе, щаш)’. В-третьих, семантический переход ‘свататься’ → ‘скисать’ находит параллель в глаголе *жениться*, ср. курск. *женíлась похлебка* ‘прокисла’ [СРНГ 9: 126]. Наконец, глаголы с первичным значением ‘свататься, жениться’ регулярно развивают значение ‘разбавлять водой (о пиве, квасе, молоке)’ или ‘добавлять в квас сахар, муку или что-л. еще’, ср. костр. окт. *дóчку взáмуж вы́дать* ‘развести молоко содой’: «Нынче в городах-то какой молоко? Всё дочку взамуж выдадут, в бутылки нальют» [ЛКТЭ], арх., волог. *женить* ‘развести алкогольный напиток водой’, чеш. *ženit víno (křtit víno)* («женить вино / крестить вино») ‘разбавлять водой’, болг. *венчая се* ‘изменяться вещественно (о продуктах в одном блюде)’ — полную подборку примеров см. в [Березович 2014: 227]. Значение *свататься* ‘прокисать’ может являться лишь следствием сдвига «пищевой» семантики от ‘разбавлять водой / добавлять сахар’ к ‘бродить, скисать’.

Широко распространены названия простокваши, образованные от **sěděti/*saditi* ‘сидеть, сажать’, представляющие семантический переход ‘опускаться, садиться, отстаиваться’ → ‘скисать’: рус. диал. широко распространенное *сесть (ссéсться), сседáться* ‘скисать (о молоке)’, волог. сок. *сажáть молоко́ (на вершкí)* ‘разливать молоко по кринкам для приготовления простокваши и сметаны’ [СВГ 9: 84], волог. у-куб.

ссѣдлое молоко [СВГ 10: 113], арх. *ссѣдное молоко*, костром. *ссѣдушка*, *ссѣдыш* [СРНГ 40: 341], а также чеш. *ssedlé mléko*, польск. *mleko zsiadłe* 'скисшее молоко', *zsiąść się* 'скиснуть (о молоке)' [ПРС: 704]. Близкий семантический переход представляет твер. *стеліха* 'нижний слой сметаны', 'сквашенное молоко' [ТТС 3: 114], восходящее к **steliti* 'стелить'. К данной группе можно отнести и кашуб. *ustavni* 'скисший (о молоке)' [Sychta VII: 339], возводимое к **stati* 'стоять'. Принадлежащий этому же гнезду русский глагол *отстаиваться* может употребляться в сочетании *простокваша отстаивалась*, т. е. в результате скисания молоко разделилось на белок и сыворотку.

Интересна пространственная модель, свойственная обозначениям многих молочных продуктов, которые, отстоявшись, закиснув или после тепловой обработки, расслаиваются. Верхний слой, сливки — *верх* (ср. волог., моск., яросл. *верх* 'отстой на молоке, сливки' [СРНГ 4: 159], волог. в-важ., сямж. *верхи* [СВГ 1: 63], арх. кон. *верхоньки* 'отстой молока, сливки, сметана' [АОС 3: 139]), простокваша или сыворотка под сливками, под сметаной — *подсметанье*: заонеж., калин., олон. *подсмѣтанье* (*подсметанье*) 'снятое молоко', карел. (рус.), яросл. 'простокваша': «Разве это простокиша, это подсметанье, сметана с простокиши снята, так она и не жирна» (карел. рус.) [СРНГ 28: 185; СРГК 4: 672]. То, что остается на дне, сыворотка — костром., яросл. *падѣнье* 'сыворотка, отходы при перетапливании или сбивании масла' [ЛКТЭ; СРНГ 25: 127].

Семантический переход 'сворачиваться, переворачиваться' → 'скисать' представляет гнездо глаголов **vrtěti*, **vortiti* 'вертеть, воротить': общенар. *свернуться* 'скиснуть (о молоке)', яросл. *свѣртыш* 'свернувшееся молоко' [СРНГ 36: 245], карел. (рус.) *перевѣртываться* (*переввернуться*) 'прокиснуть, свернуться (о молоке)' [СРНГ 26: 46]. Возможно, к основе **vortiti* относится арх. *развратной* 'о предметах продовольствия) испортившийся, не годный к потреблению', *развратна* 'испортившийся картофель' [Подвысоцкий: 145].

Перм. *губиться* 'киснуть (о молоке)' [СРНГ 7: 194], костром. галич. *сгубыш* 'простокваша', перм. *сгубляться* 'скиснуть, испортиться (о продуктах)' «Молоко сгубилось» [СРНГ 37: 47], кажется, не имеют однозначного объяснения. Эти факты можно соотнести как с праслав. **gubati* 'уничтожать, истреблять' (ср. *губить*) с переходом 'уничтожать(ся)' → 'портить(ся)' → 'скисать' (такое объяснение наиболее вероятно для гл. *сгубляться*), так и с корнем **gob-* 'сгибать; складка' (ср. общенар. *губа* 'часть тела', 'гриб-трутовик', диал. *губы* 'грибы' [СРНГ 7: 196]), предполагая развитие значения от 'свернуться; раздуться, набухнуть' к 'скиснуть (о молоке)'⁵. Такой семантический сдвиг можно реконст-

⁵ Интересно, что лексемы с корнем *кис-/квас-*, для которых ферментативная семантика первична, часто называют толстые, «надутые» губы, ср. новосиб. *кисло-губый* 'с отвислыми, толстыми губами', волог., свердл., урал., сиб. *отквасить губы* 'обижаться, дуться на кого-либо' [СРНГ 24: 199].

руировать для перм. *зубиться* ‘киснуть (о молоке)’ и *сзубыш* ‘простокваша’, если иметь в виду другое значение арх., перм. *зубиться* — ‘надувать губы, сердиться, дуться’ [СРНГ 7: 194], восходящее к праслав. **gob-*. Мотив «набухания» молока во время скисания отражает и костром., яросл. *сбұхнуть* ‘скиснуть (о молоке)’ [СРНГ 36: 197; ЯОС 9: 13] при общенар. *бухнуть* ‘пухнуть, вздуться, расширяться от влажности, разбухать’ [Даль 1: 148].

Модель ‘вариться, кипеть’ → ‘киснуть’⁶ сопоставляет процесс скисания и кипения, так же способствующего сворачиванию белка и вызывающего бурление жидкости. Здесь представлены основы *variti ‘варить’: карел. (рус.) *вариться* «Тепло очень, так молоко и варится, никакой сметаны не собрать», *варом варит* ‘киснет (о молоке)’ [СРГК 1: 163], ср. также чеш. *sevríti se* [PSJČ], польск. *zwarzyć się* ‘свернуться (о молоке)’ [ПРС: 705], н-луж. *zewrés se*, *zewrés se* со значениями ‘увариваться, сгущаться, сжиматься, сворачиваться, оседать, скисать (особенно: о молоке)’, которое Т. В. Горячева возводит к праслав. *vъrěti ‘кипеть’ [Горячева 1985: 79]. Генетически родственными праслав. *купěti ‘кипеть’ являются нижнепечор. *кипеть* ‘бродить, закисать’: «Всё тепло, да всё кипит молоко, киснёт» [СРГНП 1: 311], курск. *скипěть* ‘скиснуть (о сметане и т. п.)’, арх. пин. *скиплеватся* ‘скисать’: «Молоко скоро скиплевается, скоро свертывается» [СРНГ 38: 7], ср. болг. *кипя* ‘кипеть; о вине — бродить’, *кипна* ‘закипеть, забродить’, макед. *кити* ‘кипеть; бродить (о вине и т. п.)’, блр. *кiнэць* ‘кипеть, гнить, портиться’ [ЭССЯ 13: 265, 266]. Гнезду **куп-* принадлежит и волог. сок. *скипки* ‘творог’ [СВГ 10: 20; СРНГ 38: 7], которое можно сопоставить с *скипок* ‘плотная масса, комок, образовавшийся при кипении чего-л.’ [СРНГ 38: 7]. Подобная внутренняя форма слова объясняется технологией приготовления творога путем нагревания, кипячения простокваши.

Семантический переход ‘увлажняться, выделять влагу, мокнуть’ → ‘скисать’ представлен многочисленными лексемами праслав. гнезда **тъzg-*, связанного с и.-е. корнем **тец(ə)*- со значением ‘влажный, грязный; пачкать, мыть’ [ЭССЯ 21: 19]. Продолжения **тъzg-* в севернорусских диалектах представлены фонетическими вариантами *мозг-*, *мызг-*, *мыз-*, *мз-*, *мг-*, а их пищевое значение не собственно ‘простокваша’, но ‘кислое молоко; молоко, начинающее скисать’, ‘скисать’: волог. в-у., костром. вохом. *мóзглое молоко*: «Мозглое молоко совсем скиснет — простокваша будет» (костром. вохом.) [ЛКТЭ; СВГ 4: 87], арх. лен. *прómза*, *прómзглое молоко* ‘начинающее скисать молоко’: «Кислое молоко — прокисло. Сразу промзглое молоко. Это кислинки нет, а потом кислинку дает, прокисло молоко» [КСГРС], арх. лен. *прómзгнуть*, свердл. *промызгнуть* ‘скиснуть’ [КСГРС; СРНГ 36: 192], арх., волог., калуж., том. *промóзглый*,

⁶ Указанный семантический переход происходит и в обратном направлении ‘киснуть’ → ‘кипеть’, что иллюстрируют с.-х. стар. *kisati* ‘киснуть; кипеть; варить’ [ЭССЯ 13: 269], словац. *kvasit’ kvasim* ‘вариться, кипеть’ [Sławski III: 467].

арх. пин., карел. (рус.) *прóзмзлый* [КСГРС; СРНГ 32: 186], коми (рус.) *спрóзмзнуть* [СРНГ 40: 270]. Записанные в Пинежском районе Архангельской области *спрóзмзнутый* 'прокисший (о молоке)', *спрóзмзнуться* 'скиснуть' [СРНГ 40: 270] также можно отнести к гнезду **тъzg-*, предположив упрощение группы согласных в *тъzgŋoti после утраты редуцированного ъ: *мзгн* > *мгн* > *мн*, ср. пск., твер. *мзгнуть* 'портиться, становиться дождливой (о погоде)' [ЭССЯ 21: 22], арх. пин. *спрóзмзнуться* 'прокиснуть' [СРНГ 40: 270]. В качестве мотивационной параллели, поддерживающей связь между представлениями о влаге и скисании, можно привести ср.-урал. *обводеніться* 'прокиснуть (о молоке)': «Обводенилось уж молоко — сыворотка стала» [КЭИС].

Устойчивость корреляции значений 'мокнуть' и 'скисать' подтверждают примеры обратного семантического развития 'киснуть' → 'мокнуть', характерного для гнезда **кys-/kvas-*, ср. рост., ряз. *откисать* 'отмокать' [СРНГ 24: 203], волог. *кислый* 'намокший' [СРНГ 13: 235], арх., волог. *кислый* 'водянистый', укр. *киснути* 'долго мокнуть' [Гринченко 4: 155], с.-х. *квасити* 'делать мокрым, влажным', *квасилица* 'смоченная тряпка, платок для увлажнения косы' [РСХКJ 2: 400], болг. *квася* 'мочить, смачивать; заквашивать (молоко)' [ЭССЯ 13: 152], с.-х. *кйша* 'дождь' [РСХКJ 2: 718], польск. диал. *kwasić* 'о сырой, дождливой погоде', *kisić* 'идти (о мелком дожде)' [KSGP].

Специфичной для обозначений скисшего молока является темпоральная модель, которая реализуется в двух противоположных вариантах 'старый' → 'скисший' и 'свежий, молодой' → 'скисший', поскольку кислое молоко, с одной стороны, определяется как старое, испорченное свежее молоко, с другой, как свежая, только что образовавшаяся простокваша. Ср. новг. *стáрое молоко* 'скисшее молоко, на котором образовалась сметана': «Сладкое молоко, дак сливки, а старо молоко смолодилось, дак сметана» [НОС 10: 150; СРНГ 41: 89]; волог. ник. *зáднее молоко* 'испорченное, прокисшее' при диал. *задний* 'старый, прежний' [СРНГ 10: 58]; арх. лен., сев.-двин., шенк., волог., нижнепечор. *свэ́жее (свэ́жое) молоко* 'квашеное молоко, простокваша': «Сейчас бы не догадались, что простоквашу-то ране звали свежее молоко» [Даль 4: 156; КСГРС; Подвысоцкий: 154; СРНГ 1: 425; СРНГ 18: 236; 36: 227], арх. лен. *свэ́жее молоко* 'молоко, начинающее скисать': «Свежее молоко уже прокисает, но ешшо не прокисло», арх. лен. *сосвежа́ть, сосвежиться* 'скиснуть (о молоке)': «Пресное молоко — оно из-под коровы, а как сосвежится — то свежее молоко, простокваша» [КСГРС].

«Аномальность» значения прилагательного *свежий* для литературного языка отразилась и на составлении некоторых словарных дефиниций. Так, в СРНГ приводятся две словарные статьи арх., яросл. пошех. *простоква́ша* 'свежее молоко': «Свеже молоко ране-то звали простокваша» (арх.) и волог. *простокі́ша* 'свежее молоко': «Молодое молоко» [СРНГ 32: 248]. Учитывая севернорусскую территорию, а также диалектное значение вы-

ражения *свежее молоко* ‘кислое молоко’, можно предположить, что в данном случае лексикограф в дефиниции продублировал источник или некорректно составленную полевую запись, где в определении было использовано выражение *свежее молоко* в диалектном значении ‘кислое молоко’. Сами лексемы *простокіша* и *простокв́аша*, кажется, имеют здесь привычное значение ‘кислое молоко’: представляется невероятным, чтобы корень *кис-/квас-* обозначал нескисший, свежий продукт.

Энантиосемию развивает и прилагательное *пресный*, в ряду значений которого и ‘сырое, свежее молоко’, и ‘кислое молоко’, причем встречаются они практически на одной территории, ср. *пресное молоко* арх. широко распространенное, волог. м-реч., в-у., в-важ., сямж. ‘парное молоко’, волог. сок. ‘простокваша’: «Пресное-то молоко берите да ешьте», арх. лен., уст., волог. баб., в-у., гряз., ник., тот., костром. пав., шар. ‘недавно надоенное, но уже успевшее остыть молоко’, волог. широко распространенное ‘свежее (не скисшее) молоко’, волог. гряз. ‘молоко, начинающее закисать’ [КСГРС; ЛКТЭ; СВГ 8: 36—37]. Очевидно, значение ‘свежее молоко’ мотивировано перцептивным противопоставлением *кислomu*, *пресное*-парное оценивается как ‘только что надоенное’, а значение ‘простокваша’ можно интерпретировать как ‘только что скисший, приготовленный, свежий’. Этот семантический ряд встраивается в общую логику организации гнезда **prěsn-*: *пресный* может обозначать не только ‘некислый’, но и ‘новый, недавний, молодой’. Импульсом к развитию временной семантики, по наблюдениям С. М. Толстой, становится именно каритивный компонент отсутствия, лишения кислоты, закваски (подробнее см. [Толстая 2008: 68—82]).

Близко к *свежий* и значение прилагательного *молодой*, также называющего недавно скисшее молоко: костром. шар. *моло́денькое молоко́* ‘начинающее скисать’ [ЛКТЭ], волог., костром., новг., твер., *молод́бе молоко́* [КСГРС; СРГК 3: 251; СРНГ 18: 226], новг. *молодові́на* [СРГК 3: 248], волог. *молоду́шка* ‘начинающее закисать молоко, простокваша’ [КСГРС], костром. ветл., шар. *смолоді́ться* ‘скваситься (о молоке)’ [ЛКТЭ; СРНГ 39: 31], волог. гряз. *смоложённое молоко* ‘простокваша’ [СВГ 10: 58]. «Пищевое» значение объясняется характерной для всего гнезда **mold-* семантикой ‘юный, мягкий; еще не готовый, не до конца созревший’, которая прослеживается по разным славянским языкам и историческим периодам, ср. с.-х. *mládi sŭr* ‘сыр, который еще не созрел’, ст.-польск. *mlody* ‘молодой, незрелый’, ‘неопытный, новичок; свежий, недавно приготовленный’, др.-рус. *молодой* ‘незрелый; недавно приготовленный, неперебродивший, пресный’ [ЭССЯ 19: 175—176]. Согласно Р. М. Цейтлин, «общим “семантическим знаменателем” (...) гнезда *млад-* является понятие ‘только что родившийся, появившийся’, иначе ‘младенческий’» [Цейтлин 1973: 111]⁷. «Старославянское *младъ* имеет значение ‘младенческий’ и ‘свежий, ранний’. Непосредственно предшествует обоим этим значениям значение

⁷ О семантике корня **mold-* см. также [Куркина 1983].

‘нежный, слабый, мягкий, гибкий’ по отношению к живым существам (человеку или животному) или растениям, только что родившимся, распустившимся, появившимся на свет и именно поэтому обладающим теми качествами, которые и составляют основу значений данного слова» [Там же: 112]. Таким образом, *молодое молоко* — только что образовавшееся, очевидно, еще не набравшее крепость и плотность зрелой простокваши.

Семантический переход ‘двигаться, начинать движение, шевелиться’ → ‘начать скисать’ объединяет весьма неоднородные по исходному «динамическому» значению глаголы, которые в некоторых случаях могут заключать довольно общую семантику ‘двигаться, начинать изменяться’, ср. арх., мурм., оренб. *дрóгнуть* ‘начать киснуть (о молоке)’: «Молоко дрогнет, так не простокваша, а уже пресно молоко; Померзло молоко-то, плохо дрогнуло, а суп-то скис» (мурм.) [СРНГ 8: 196; СРГК 1: 508]; смол. *отско́чить* ‘быстро отделиться (о сыворотке на простокваше) либо свернуться (о молоке)’ [СРНГ 24: 315]; новг., пск., твер. *покряну́ться (покре́нуться)* ‘сдвинуться с места’, ‘начать киснуть, тронуться (о пище, молоке)’ [СРНГ 29: 19], пск., твер. *потрево́житься* ‘прокиснуть (о молоке, еде)’ [СРНГ 30: 305], перм. *съезжа́ться* ‘становиться кислым, закисать’: «Козье молоко съезжатыся, свертываются» [СРНГ 43: 113]. Мотив движения есть и в ироническом ворон. *ерза́лка* ‘простокваша’ [СРНГ 9: 24], отсылающем к глаголу *ерзать*.

Семантическая модель ‘двигаться, шевелиться’ → ‘скисать’ — одна из самых продуктивных в лексике брожения. Она прослеживается не только в обозначениях процесса скисания молока, но и брожения теста, пива, вина и др. пищи, ср. арх. пин. *продви́нуть (продви́нуться)* ‘подняться (о тесте)’ [СРНГ 32: 121], амур., иркут., краснояр., свердл., хабар., *расстраи́ваться (расстраи́нуться)* ‘подходить, подниматься (о тесте)’ [СРНГ 34: 272], *трга́ться* ‘начать портиться, киснуть’ [Даль IV: 434]. По наблюдению Т. В. Горячевой, «мотивы движения, беспокойства лежат в основе названий, например, дрожжей, кислого молока» [Горячева 1986: 45]: само слово *дрожжи* соотносится с греч. *δράσσω, ταρασσω* ‘беспокою, смущаю’, *ταραχή* ‘беспокойство, смущение’ [Фасмер 1: 540].

Наконец, простокваша как малопитательная пища, к тому же необычной киселеобразной консистенции, получает шуточные, экспрессивные названия. Куйбыш. *бурдама́ха*, новг. *бурдомáга* ‘прокисшее молоко; простокваша’ соотносятся с диал. широко распространенным *бурдама́га* ‘плохо приготовленное жидкое кушанье’, куйбыш. *бурдама́ха* ‘плохая, прокисшая похлебка’ [СРНГ 3: 283]. Псковское название простокваши *дребезду́шка* [Дмитриева 1999: 40] можно сопоставить с пск., твер. *дребезде́нь* ‘дребезжание’, пск. *дребезну́ть* ‘ударить’, *дребезду́ха* ‘понос’ [СРНГ 8: 178]. Звукокомплекс *д-р-б-з* имеет явную негативную символическую окраску, мотивированную звуками удара, трещания, дребезжания. Лексемы с подобным фонетическим составом часто называют жидкие, малопитательные или невкусные блюда, ср. волог. ник. *дрозду́ха* ‘простокваша’

[КСГРС], тобол. *дрызготня́* ‘жидкая или полужидкая смесь разнообразных пищевых веществ, возбуждающих своим неприятным видом сомнение в доброкачественности их. Говорится, например, в насмешку над неискусным приготовлением какого-нибудь кушанья» [СРНГ 8: 222]. Приведенный выше набор значений — ‘удар’, ‘ударять’, ‘мутная жидкость’, ‘жидкие отходы’ — типичен для гнезд, в составе которых есть наименования жидких, пустых блюд — постных похлебок, некрепкого чая, разбавленных спиртных напитков, т. е. тех продуктов, что имеют «отрицательную» пищевую ценность (о названиях пустого супа и некрепкого чая см. подробнее в [Березович, Осипова 2014]).

Костромское (хотя информант считает его вологодским) обозначение простокваши *зае́перя*: «Это заеперей звали в Вологодской области, у нас не звали — да простокваша скисла» [ЛКТЭ] и *зае́перя с дры́галицей (дрыгозо́й)* ‘блюдо из простокваши и толокна’ [СРНГ 10: 80; ЛКТЭ], возможно, родственно костром. *е́периться* ‘выхваляться; выставлять себя напоказ’: «Вот еще вздумала епериться» [СРНГ 8: 362]. В качестве мотивационной параллели можно привести названия пустых супов и присущую им семантическую модель ‘жидкий суп’ ↔ ‘пустые разговоры’, ‘тот, кто ведет пустые разговоры, болтун’: например, волог. *баландá* ‘похлебка, варево’ и ‘болтун, врун’ [СГРС 1: 51], простореч. *брандахлы́ст* ‘о негодном напитке, о плохом жидком кушанье, супе’ и волог., перм. *брандахлы́ст* ‘болтун, сплетник’ [СРНГ 3: 148]; волог. *рощеко́лда* ‘похлебка с луком и картошкой’ [КСГРС] и волог. *расщеко́лдывать* ‘говорить бойко, тараторить, рассуждать торопливо и резко’, волог., иркут. *расщеко́лда* ‘человек, любящий балагурить, шутить, острить, болтать; трещотка’ [СРНГ 34: 333].

Наименования жидких блюд, которые готовили на основе простокваши с добавлением муки, составляют самостоятельную тематическую группу. Мотивационно они связаны с глаголами со значением ‘бить, драть’, ‘дребезжать, производить громкие звуки’, представляющими процесс замешивания блюда. Среди подобных примеров курск. *потепу́ха* ‘кушанье из гречневой муки с простоквашей’ [СРНГ 30: 275], киров. *тя́ннйá* ‘кушанье из толокна, замешанного на кислом молоке, квасе’ [СРНГ 46: 98], родственные перм., прииртыш. *тя́пать* ‘рубить, сечь’, волог. *тя́пкать* ‘взбалтывать, перемешивать жидкое или полужидкое вещество’ [СРНГ 46: 94]; калуж., орл. *дерё́бка, дрё́бка* ‘кушанье из гречневой муки и простокваши, сбитых вместе’ [СРНГ 8: 10, 179], соотносимое с волог., ряз. *дерё́бить* ‘драть, царапать’, ‘очень громко кричать, вопить’ [СРНГ 8: 10], иван. *дре́бетъ* ‘дребезжать’ [СРНГ 8: 178], а также орл. *му́дрое* ‘род похлебки из простокваши с гречневой мукой’, которое можно сопоставить с калуж., курск., тул. *мудро́вать* ‘бить, избивать’, курск. *мудро́ваться* ‘упрямиться, проявлять норы (о лошади)’ [СРНГ 18: 331].

Ярославское *кула́га* ‘простокваша’, вероятно, вторично по отношению к яросл. *кула́га* ‘закваска для браги или кваса, мука, сваренная с солодом’ [СРНГ 16: 51].

В основном названия простокваши относятся к исконной лексике, однако встречаются среди них и заимствования. Так, краснаяр. *sarápenea* [СРГЦРКК 4: 75], иркут. *sarapónьka* [СРНГ 36: 135], свердл. *sarapéna* (*sarapénya*) ‘простокваша’ [КЭИС], предположительно, восходят к тюрк. *şarap* ‘вино’: семантический сдвиг ‘вино’ → ‘кислый напиток’ → ‘простокваша’ кажется вполне естественным при адаптации слова принимающим языком. К этой же основе может быть отнесено прикам. *шарапу́шное* (*царапу́шно*) ‘пиво, вино для угощения в качестве выкупа’: «От венца едут, молодым до рогу завалят, шарапушно требуют, выкуп как» [СРГКПО: 256; ЭССТ: 111].

В целом, названия процесса скисания молока позволяют реконструировать ряд нетривиальных семантических переходов, в которых значение ‘кислое молоко; скисать’ вторично по отношению к значениям:

- ‘отделяться, рассекаться, «разрезаться»’;
- ‘давить, сжимать(ся), уплотнять(ся)’;
- ‘хватать, схватываться, ловить(ся)’;
- ‘двигаться, начинать движение; шевелиться’;
- ‘опускаться, садиться, отстаиваться’;
- ‘сворачиваться, переворачиваться’;
- ‘свернуться; раздуться, набухнуть’;
- ‘увлажняться, выделять влагу, мокнуть’;
- ‘старый’, ‘молодой, недавно образовавшийся’;
- ‘некачественное, пустое жидкое блюдо’.

Проясняются семантические особенности некоторых прилагательных в составе наименований кислого молока: *сырой* (‘некипяченный’, ‘связанный с выделением влаги, сыворотки’), *пестрый* (‘подобный цвету простокваши’), *молодой* (‘свежий, не набравший крепость и плотность зрелой простокваши’), *пресный*, *свежий* (‘только что скисший’).

Топленое молоко

Распространенной на Русском Севере была традиция готовить топленое молоко путем долгого томления в печи. Большая часть его обозначений производна от глаголов со значением ‘нагревать, варить, печь’ — *варить*, *греть*, *жарить*, *печь*, *парить* (*преть*), *топить*, ср. волог., вят., костром., нижегор., яросл. *варенёц*, волог., вят., костром. *вареник*, волог., вят., свердл. *варёное молоко* [СВГ 1: 57; СРНГ 4: 50], волог. к-г. *отварное молоко* [СВГ 6: 85], костром. окт., пав. *отогрётое молоко* [ЛКТЭ]; арх. пин. *печёное молоко* [СРНГ 26: 348]; волог., урал. *жарить* ‘топить молоко’ [СРНГ 9: 78], арх. вель., кон., красн., нямд.; волог. в-важ., вож., сямж., хар. *жареное молоко* [АОС 13: 215; СВГ 2: 78; СГРС 3: 340; СРНГ 9: 77]; арх. пин., печор., свердл. *парить молоко* ‘топить молоко’, карел. (рус.), арх. онеж., печор., коми (рус.), мурман., новосиб., свердл. *пареное молоко* [СРНГ 25: 225; КЭИС], арх. онеж. *выпаривать* (*выпарить*) *молоко* [СРНГ 5: 234], свердл. *запреть*

[КЭИС]; общенар. *топлёное молоко*, костром. пав. *оттапливать молоко* [ЛКТЭ]. Вологодское тарн. *копítь* ‘топить, перетапливать’, арх. в-т. *коплёное молоко* [СГРС 6: 10; СРНГ 14: 291], вероятно, является результатом контаминации основ глаголов *топить*, *томить* ‘нагревать’ и *копить* ‘собирать’, ср. свердл. *томítься* (*утомítься*) ‘топиться (о молоке)’ [КЭИС], волог. кир. *томлённýй* ‘топленный (о молоке)’ [СВГ 11: 37], общенар. *топлёное молоко*. Рязанское *душóнка* ‘топленное молоко’ [СРНГ 8: 285] соотносимо с *душить*, *душинýй*, поскольку во время варки молоко долго томится в печи без доступа воздуха. Иные мотивационные модели для обозначений топленого молока единичны: например, встречаются «цветовые» наименования типа свердл. *красное молоко* [СРНГ 15: 195].

Ряженка

Названия ряженки, которая готовится путем заквашивания топленого молока, в мотивационном плане пересекаются с обозначениями и топленого молока, и простокваши. Аналогично кислому молоку, ряженка может называться: волог. хар. *кислое молоко* [СВГ 3: 60], куйбыш. *кислúха*, калуж., моск. *кислúшка* [СРНГ 13: 233, 234], иркут., ряз. *квашóнка* [СРНГ 13: 163] или брян., курск. *запуцёнка* ‘заквашенное сметаной топленое молоко’: «Запустишь топленое молоко сметаной, и получится запущенка, а кто и ряженкой зовет ее» (курск.) [СРНГ 10: 371] (от *запустить* закваску). Аналогично топленому молоку, названия ряженки семантически связаны с глаголами нагревания, ср. широко распространенное *варенец*, вят., свердл. *варенíк* ‘топленное заквашенное молоко; варенец’: «Делают вареник — кипятят молоко докрасна и квасят хлебом или сметаной», вят. *варёное молоко* [СРНГ 4: 50, 51].

Мотивационная специфика названий ряженки проявляется в семантическом переходе ‘делать’ → ‘заквашивать’, который представляют значения глаголов *делать*, *ладить*, *робить* и их производные: курск. *деланка* ‘заквашенное топленое молоко’ [СРНГ 7: 339], новг. *ла́женое молоко* ‘род ряженки, приготовленной из топленого молока, заквашенного с помощью творога’ [СРНГ 16: 241], ворон., курск. *рóблинка* ‘отходы от сбивания масла; заквашенное молоко’, омск. *рóбленка* ‘топленное цельное молоко, заквашенное сметаной’ [СРНГ 35: 109]. В качестве мотивационной параллели приведенным лексемам можно рассматривать литературное *творог* и диал. *затворить* ‘заквасить тесто’, производные от *творить* ‘делать’.

Литературное *ряженка* (ср. новосиб. *ра́женка* [СРНГ 33: 251], волог. м-реч. *ря́женица* [СВГ 9: 81], яросл. *разряжёнье* [СРНГ 34: 68], зап. брян. *ря́женная саракваши* [СРНГ 33: 248]), по версии Ж. Ж. Варбот, пришло в русский из украинского через южнорусские говоры. Это слово восходит к *прягти*, *пряжити* ‘жарить, печь’, который только в украинском имеет значение ‘топить молоко’ [Варбот 1994]. По другой версии, *ряженка* как ‘то-

пленое молоко, заквашенное сметаной' восходит к *рядити* 'приправлять' [ЕСУМ 5: 153], очевидно, так же, как *квашонка* к *квасить* 'заправлять закваской'. Т. В. Карасева сопоставляет это наименование с тем же глаголом *рядить*, *ряживать*, но в значении 'готовить, припасать и делать', сравнивая с бытующими в воронежских говорах названиями *пирог ряженный* 'пирог с начинкой' и *ряженец* 'большой пирог' [Карасева 2001: 180]. Хотя последняя версия поддерживается примерами семантического перехода 'делать' → 'заквашивать', употребление *рядить* в значении 'готовить пищу' встречается довольно редко и чаще всего относится к приготовлению пирогов или праздничного стола, а не любой пищи (т. е. пищи, требующей значительной подготовительной работы, — обычно это изделия из теста), ср. арх. уст., волог. ник. *обряд* 'процесс приготовления пищи; стряпня': «Теперь уж я не обряжаюсь, обряд не веду, не пеку пироги», волог. ник. *обряжаться* 'стряпать, печь пироги': «Стала обряжаться — луковник, пирог, тетерю настряпала» [КСГРС]. Кроме того, обозначения *ряженные пироги*, *ряженец* также могут быть связаны с *пряжिति* 'печь': название пирогов *пряженцы* является широко распространенным. Все это косвенно подтверждает версию о *ряженке* как украинском заимствовании в русском языке. Кроме того, *ряженка* довольно скудно представлена в русских говорах — фиксации единичны, к тому же диалектные словари практически не отмечают словообразовательных вариантов (см. примеры выше), что наводит на мысль о заимствовании этого слова в систему средне- и севернорусских говоров из литературного языка, куда оно, в свою очередь, относительно недавно (в литературном языке слово *ряженка* фиксируется только начиная с ССРЛЯ [12: 1673]) пришло из украинского языка через южные говоры русского языка.

Снятое молоко

Существуют мотивационные пересечения обозначений кислого и снятого молока, которое обычно и использовалось для приготовления простокваши. Типичный для обеих групп мотивационный переход 'снимать, отделять; резать, драть' → 'обезжировать' связан с отделением верхнего слоя сметаны, сливок от молока. Ср. **съ(п)ьмати*: общенар. *снимать* 'обезжировать (молоко)', ярослав. *снетуха*, амур. *сним*, твер. *снятиха* 'снятое молоко', яросл. *снятуха* 'снятое молоко', 'простокваша' [СРНГ 39: 103, 106—107, 136, 137], ряз. *съёмное молоко* 'снятое молоко' [СРНГ 43: 115] при *нёсьмь* 'неснятое, цельное молоко' (без указ, места) [СРНГ 21: 171]; **derti*: волог. *обдёрка* [СРНГ 22: 23], волог. *сдёрки* 'снятое молоко' [СРНГ 37: 71]; **briti*: пск. *брить* 'обезжировать молоко' [ПОС 2: 171—172], волог. устюж. *брѣтое молоко* 'кислое снятое молоко' [СГРС 1: 185] при арх. *брѣткой* 'легко режущий, острый' [СГРС 1: 185]. По этой же модели образуются и названия сметаны и сливок как того, что снимают, от-

деляют, ср. костром. вохом. *сьёмок* (*сьёмочек*) [ЛКТЭ], волог. в-у. *сьмок* [СВГ 10: 177].

Наиболее специфичным для обозначений снятого молока является цветовой мотив номинации, который противопоставляет белое или желтоватое цельное молоко голубоватому обезжиренному: пск. *синее* 'обезжиренное (о молоке)' [Дмитриева 1999: 40], костром. вохом. *синий* 'кислый, разведённый водой (о молоке)': «Разведут всякой водой молоко, кислое аж, тако синё», 'снятое молоко': «Синее молоко — это жирность плохая. Оно жидкое, показывает синее. А жирное — белое» [ЛКТЭ]; верхнелен. *сёрый* 'водянистый, слабоокрашенный (о цвете молока)': «Молоко стало серое, как вода» [СРНГ 37: 225], волгогр. *зелёное молоко* 'молоко с малым содержанием жира, обезжиренное молоко' [СРНГ 3: 362]. Семантическая модель 'серый; синий; зеленый' → 'обезжиренный' напоминает о цветообозначениях в названиях сыворотки и простокваши, которые также соотносятся с серо-голубыми оттенками: костром. вохом., пав. *синюшка* (*синюшник*) 'сыворотка': «Синюшка — это ведь сыворотка из-под сметаны; протыкаешь сметану мутовкой-то и получается синюшка, там потому что ничего нет, одна синька» [ЛКТЭ]. Цвет простокваши даже становится «эталонным» для обозначения голубых глаз, ср. карел. (рус.) *простокішный* 'голубой (о глазах)' [СРГК 5: 301] (см. примеры в начале статьи).

«Механистическая» модель отражает процесс обезжиривания молока с помощью сепаратора, ср. например, новг. *сепаратина* [СРНГ 37: 179], арх. прим. *железное молоко* [АОС 13: 276]; молоко, которое *прогнали, пропустили* через сепаратор — пск. *гонялое* [Дмитриева 1999: 40], свердл. *отгón, перегón, молоко́ про́пуском, пропу́щенное молоко́* [КЭИС].

Общепринятое название *обрат*, диал. том. *обрак*, волог., вят., костром., новг., яросл. *обрата*, новг. *обратное молоко*, новосиб. *обратка* 'обезжиренное сепаратором молоко' [СРНГ 22: 194, 196; ЛКТЭ] восходят к *обратить* 'вернуть', *обратный* 'тот, который вернули'. Возникновение этого слова объясняется утвержденной государством практикой: на территориях, где крестьяне сдавали молоко на маслодельные заводы, заводы обязаны были возвращать им (отдавать *обратно*) часть снятого молока, для того чтобы выпаивать телят (ср. также *обрат* 'возвращение, возврат': «Обрат денег» (без указ. места) [СРНГ 22: 196]).

Подобно другой жидкой, малопитательной пище, нежирное молоко может определяться как костром. вохом. *пустое* [ЛКТЭ], пск. *редкое* [Дмитриева 1999: 40], ср. диал. широко распространенное *редкий* 'жидкий, пустой (о супе)' [СРНГ 35: 19]. В этом значении *редкий* антонимично *толстый* и *крутой*, ср. орл. *крутое молоко* 'свежее неснятое молоко' [СРНГ 15: 331], арх. пин., костр. пав. *толстый* 'жирный, густой (о молоке, сметане)', перм. *толстый снімок* 'сметана' [ЛКТЭ; СРНГ 44: 214]. Как и названия малопитательной простокваши, наименования снятого молока могут быть мотивированы названиями некачественных жидких блюд, мутной жидкости, гуши, ср. свердл. *барда́, бутырмага́* 'обезжиренное молоко'

[КЭИС], волог. *быза́* ‘жидкое или снятое молоко’ [СРНГ 3: 340] при ленингр., пск., смол. *буза́* ‘подонки, гуша какой-либо жидкости’ [СРНГ 3: 253]; пенз. *дрызг* ‘жидкое, водянистое молоко’: «Не молоко, а дрызг какой-то» при тобол. *дрызготня́* «жидкая или полужидкая смесь разнообразных пищевых веществ, возбуждающих своим неприятным видом сомнение в доброкачественности их. Говорится, например, в насмешку над искусственным приготовлением какого-нибудь кушанья» [СРНГ 8: 219, 220]. Поскольку обезжиренное молоко иногда спаивалось телятам, его шутливо называли и *телячье молоко* (волог. кир.) [СВГ 11: 13].

Молозиво

Названия кислого молока и молозива объединяет корень **syр-*, продолжения которого называют самые разные молочные продукты. К ним относятся *сыр* и *сыворо́тка*, первоначальная форма для которой восстанавливается как *syrovatъ ‘связанный с сыром’ [Фасмер 3: 817], ср. формы волог. м-реч., сок., сямж., тарн., тот. *сы́рватка* (*сыро́ватка*) [СВГ 10: 177], нижнепечор. *сы́рватка*, *сы́рвоточка*, *сы́рвутка* [СРНГ 43: 149], волог., карел. (рус.) *сы́рватка* ‘сыворо́тка’ [СРНГ 43: 158]. Фонетические изменения, по предположению П. Я. Черных, могли стать результатом сближения с *воротить* или *сыр* и *вода* [Черных 2: 221].

Обозначения простокваши с корнем *сыр-* встречаются преимущественно в западных и среднерусских говорах, см. рассмотренные выше диал. *сыроква́ша*, *сыро́жня*, *сыропы́ха*. В севернорусских говорах *сырым* чаще называется первое молоко после отела, молозиво: арх. лен., пин.; волог. к-г., ник., нюкс.; карел. (рус.), костром. вохом., окт., пав.; ленингр., свердл., яросл. *сыро́е молоко*: «Молозиво-то сырое молоко, оно густое, жёлтое. Дня три доишь — оно сырое молоко» (костр. окт.), карел. (рус.) *сыро́й удой* ‘удой в первые дни после отела, молозиво’ [КСГРС; ЛКТЭ; СВГ 10: 178; СРНГ 43: 161], свердл., урал. *сы́рица* ‘блюдо из молозива’ [СРНГ 43: 152], карел. (рус.) *сыродой* ‘молозиво’ [СРНГ 43: 159], забайк., свердл., сиб. *сырь* ‘молозиво’ [СРНГ 43: 170; СВГ 10: 178], свердл. *сыры́шное молоко*, волог., забайк., свердл., сиб. *сырь* ‘молозиво’ [СРНГ 43: 170], перм. *сыры́сно молоко*, *сыро́чное молоко*, *сыры́шность* ‘молозиво’ [Зверева 2014].

Семантика прил. *сырой* в этих фактах восстанавливается как ‘полученный сразу же после отела’, ‘не дошедший до кондиции’: ее можно соотнести со значением корня *сыр-* в смол., брян. *сыродой* ‘парное молоко’ (т. е. только что надоенное, не остывшее), орл. *сыроква́ш* ‘только что приготовленный, невыдержанный квас’ [СРНГ 43: 158, 163], бурят. *сырой* ‘о только что родившей женщине’, карел. (рус.), ленингр., терск. *сырой* ‘неспелый, недозревший (о плодах)’ [СРНГ 42: 162], арх. леш., мез. *сы́рица* ‘молодая самка оленя, родившая в первый или второй год жизни’ [КСГРС]. Кроме того, возможна аттракция к общенар. *сыр*, поскольку типичные

блюда из молозива по консистенции очень напоминали именно этот продукт: арх. лен. *сыр* ‘запеченное в печке молозиво’: «Сыр был назывался: молозиво из него получался сыр твердый, на кусочки можно было резать» [КСГРС], перм. *сирь* ‘то же’: «Сирь ведь и пекли раньше, как белый каравай, ноздреватый ещё сделаешь. Оно, молоко это, клейкое, к рукам льнёт, сиристое» [СПГ 2: 338].

В семантико-мотивационном плане *сырое молоко* ‘молозиво’ можно соотнести с волог. *молодѳе молоко* (*молодѳушка*) ‘молозиво’ [КСГРС], где *молодой* имеет близкое значение ‘надоенный сразу после отела; незрелый’. Записанное в тверских говорах *сурѳвое молоко* ‘молозиво’ [СРНГ 42: 283], вероятно, представляет собой результат современных фонетических изменений прил. *сырой* на основе аттракции к прил. *сурѳвый*, чему способствовала их генетическая общность [Фасмер 3: 807].

Однако при кажущейся простоте вопроса обращает на себя внимание ограниченность выражения *сырое молоко* ‘молозиво’ севернорусской зоной — Архангельская, Вологодская, Ленинградская области, Карелия, Пермская и Свердловская области (реже — Сибирь, один случай — Ярославская область). Указанный ареал практически полностью накладывается на ареал названий молозива с корнем *сер-*, ср. карел. (рус.), ленингр., новг. *сѳра* ‘молозиво’ [СРГК 6: 64; СРНГ 37: 180], ленингр. *сѳрка* [СРНГ 37: 215], яросл. *сѳрное молоко* [СРНГ 37: 217], ленингр. *сѳранное молоко* «Серанное молоко — оно такое густое, сластит» [СРГК 6: 64], волог. баб., выг. *серяноѳе молоко* ‘молозиво’: «В первый раз после отѳла подоишь, дак это серяное молоко. Оно густое, сероватое, ноздреватое. Из него делали запеканку» (баб.) [КСГРС; СРГК 6: 75].

Приведенные лексемы восходят к сущ. *сѳра*, имеющему в литературном языке значение ‘химический элемент...’, а повсеместно в говорах — ‘смола’. Эволюции семантики праслав. **sѳra* посвящен объемный фрагмент статьи О. Н. Трубачева [1971]. Согласно его семантической реконструкции, древнее значение слова *сѳра* — ‘жирная, маслянистая жидкость’ (восходит к и.-е. **ser-* ‘течь’). «Элементы этого исходного пражначения сохраняют и польск. *siara* ‘молозиво, первое молоко после отѳла, после родов’ и приводимое Далем русск. *серянка* ‘первый поток смолы, что сближает их с лат. *serum* ‘сыворотка’» [Трубачев 1971: 52]. Последовательно описывая значение **sѳra* по всем славянским языкам, О. Н. Трубачев приходит к выводу, что значение ‘молозиво (первое молоко)’ является старшим, поскольку «распределено таким образом, что охватывает часть южнославянских (македонский, сербохорватский) и западнославянских (серболужицкие, польский) говоров, т. е. такие общности, для которых совместные новообразования, инновации не типичны» [Там же: 39]. Составляя сводную таблицу значений и оставив лакуны на месте значения ‘молозиво’ в русском языке, О. Н. Трубачев, скорее всего, на тот момент не располагал упомянутыми фактами севернорусских говоров, которые СРНГ датирует 1967—1968 гг. А между тем они являются дополнительным аргументом, подтвержда-

ющим правоту ученого, поскольку представляют еще один удаленный ареал, сохранивший древнейшее значение сущ. *sera*. Кроме того, в вологодских говорах записано кад. *серяно́й* ‘содержащий серу (о шерсти)’: «Летни-на, если летом состригут, зимой — зимнина, осенью — осеньшина, летняя самая хорошая — она серяная, хорошая, липкая, тягучая, зимняя худо скатывается», кад. *серь* ‘овечья шерсть’: «Августовская серь самая лучшая, ёна серая»⁸, м-реч. *сирь* ‘клейкое вещество в овечьей шерсти’ [КСГРС], ник. *сирь* ‘грязь, содержащаяся в необработанной овечьей шерсти’ [СВГ 10: 11]. Приведенные слова, мотивированные желтым цветом, густотой и тягучестью молозива, также восходят к **sěra*, древнейшим значением которого было ‘вязкая, маслянистая жидкость’ (в варианте *сирь* наблюдается переход этимологического *ě > i* под ударением). Примеры праслав. **sěra* в значениях ‘жиропот на шерсти овец’ О. Н. Трубачевым были найдены только в болгарском и македонском языках, а в русском ранее не фиксировались⁹.

Совпадение территорий распространения корней *сер-* и *сыр-* в обозначениях молозива в русских диалектах говорит об их очевидной контаминации при изначальном, этимологическом варианте корня **sěr-*, который изменился под влиянием прилагательного *сырой* ‘некипяченный (о молоке)’. Помимо вариантов названия молозива с корнем *сыр-* и *сер-* существует вариант с ударным *-и-*, ср. волог. кир., перм. *сирь* ‘молозиво’ [СРГК 6: 96; СРНГ 37: 351]. Этот, словно промежуточный, переходный фонетический вариант от *сер-* к *сыр-*, является следствием перехода этимологического *ě > i* под ударением (ср. примеры подобного перехода в предыдущем абзаце, а также арх. карг. *сѳра* ‘сосновая смола’, волог. кир. *сѳреник* ‘смола хвойных деревьев’ [КСГРС]). Процесс контаминации **sěra* и **syr-* характерен и для других славянских языков. Так, комментируя верхнелужицкое *syra* ‘сырое, некипяченное молоко, молозиво’, О. Н. Трубачев говорит о формально-семантической аттракции к корню *суру* ‘сырой, невареный, некипяченный’, под влиянием которого и сформировалось вторичное ‘сырое молоко’ при исходном ‘первое молоко после отела’ [Трубачев 1971: 34].

Практически во всех имеющихся контекстах отмечается, что из молозива готовилось лишь одно блюдо — его варили в печи, и получалась запеканка наподобие сыра или омлета: волог. к.-г. «Яичница из сырого молока эдакая и жёлтая» [СВГ 10: 178], «Его-от, молозиво, посолишь и в печь, и оно запекатся, как яшница» [КЭИС]. Это блюдо называлось *сырбе молоко* ‘молочный омлет из молозива’ (арх., костром. вохом.): «Первое мо-

⁸ Волог. вож., кир., хар. *серáвка* (*сирáвка*), арх. мез., ник., холм., волог. бел., выт., гряз., кир. *сёрка* ‘овца’, ‘подзывное слово для овец’, ‘овца серой масти’, волог. кад. *серяно́й* ‘сделанный из натуральной щетины’ [КСГРС] также восходят к гнезду **sěra*, сближение с *серый* нужно считать позднейшим.

⁹ На севернорусской территории отмечено еще одно значение дериватов праслав. **sěra* — арх. карг., уст. и волог. ник., тарн. *сѳрей* ‘пыльца, коричневый порошок в шишках хмеля’ [КСГРС].

локо, сырое, тоже в блюдо делают, его тоже хоть режь. “Сырое молоко” называется блюдо» (костром. вохом.) [ЛКТЭ; СРНГ 43: 161], свердл. *сырница* [КЭИС], волог. вож., тарн. *сирей* ‘молозиво’: «Сирей тягучий такой, желтый», ‘запеченное в печи молозиво’ [КСГРС; СВГ 10: 11]. Перечисленные названия также можно отнести к лексемам гнезда **sēr-*, фонетически изменившимся, в том числе, в результате сближения с *сыр*, *сырой*.

* * *

Группа названий жидких молочных продуктов представляет собой интересный пример денотативной, семантико-мотивационной и этимологической «связности». Будучи «производными» молока, данные продукты являются результатом его модификации: *молоко садится, скисает, преет*, приобретая новые свойства, которые и отражаются на номинативном уровне (молоко *густеет*, становится *кислым*, «*пестрым*» и пр.). Рассмотренную лексическую группу скрепляют некоторые общие мотивационные модели: например, названия простокваши, обезжиренного и топленого молока сближает цветовой мотив номинации, ср. том., омск. *пестрокиша* ‘простокваша’, костром., пск. *синее молоко* ‘обезжиренное молоко’, свердл. *красное молоко* ‘топленое молоко’; названия кислого и обезжиренного молока восходят к значениям ‘резать, сечь’ (вологод. *бритое молоко* ‘кислое снятое молоко’, ленингр. *бретик* ‘кислое молоко’), а также к обозначениям некачественной пищи (куйбыш. *бурдамаха* ‘прокисшее молоко’, пск. *дребездушка* ‘простокваша’; свердл. *барда, бутырмага* ‘обезжиренное молоко’). Обозначения и кислого, и топленого молока могут восходить к словам со значением ‘вариться, кипеть’, ср. карел. (рус.) *варом варит* ‘киснет (о молоке)’, волог., вят., свердл. *варёное молоко*.

Выделяются и мотивы, уникальные для каждого из продуктов: с семантико-мотивационной точки зрения наиболее разнообразны названия простокваши и процесса скисания молока, которые производны от значений ‘давить, сжимать(ся), уплотнять(ся)’, ‘хватать, схватываться, ловить(ся)’, ‘двигаться, начинать движение; шевелиться’, ‘опускаться, садиться, отставаться’, ‘свернуться; раздуться, набухнуть’, ‘сворачиваться, переворачиваться’, ‘увлажняться, выделять влагу, мокнуть’. Для обозначений ряженки специфичен семантический переход ‘делать’ → ‘заквашивать’, для обезжиренного молока типичен цветовой мотив ‘серый; синий; зеленый’ → ‘обезжиренный’, который, очевидно, более архаичен, чем современный ‘гнать, перегонять’ → ‘обезжиривать’.

Наконец, выстраивается ряд лексем с признаковой семантикой, которые регулярно проецируются в пищевую сферу: прилагательные *молодой, свежий, пресный* проявляют наиболее диффузные значения, называя смежные стадии модификации молока — парное, остывшее, только начинающее скисать, кислое, но не загустевшее, и саму простоквашу. История прил. *сырой*, входящего в состав обозначений свежего молока, простоква-

ши, а на северных территориях — молозива, демонстрирует процесс вытеснения им более древних форм с корнем **sēr-*, называющих молозиво и продукты из него. Архаичность группы лексики, обозначающей молочные продукты, определила высокий процент этимологически темных слов, в том числе и изменившихся в результате народной этимологии или аттракции: *пестрокиша* ‘простокваша’, *сера*, *сырь* ‘молозиво’, *ряженка*, *бретик* ‘простокваша; снятое молоко’, *свататься* ‘скисать’ и другие.

Литература и источники

- Аникин 1985 — А. Е. Аникин. Слав. **sg(a)ti* : герм. *sink^wan* и др. // Этимология 1982 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 48–57.
- Аникин 1988 — А. Е. Аникин. Этимологические заметки // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1984 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 280–289.
- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.
- БЕР — Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962. Т.1—.
- Березович 2014 — Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Березович, Осипова 2014 — Е. Л. Березович, К. В. Осипова. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. № 20. 2014. С. 218–239.
- Варбот 1994 — Ж. Ж. Варбот. Ряженка // Русская речь. 1994. № 4. С. 117–119.
- Варбот 2001 — Ж. Ж. Варбот. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. А. К. Матвеева. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 3–8.
- Горячева 1975 — Т. В. Горячева. К этимологии русск. диал. *стеня* ‘ледяное сало’ // Этимология 1973 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1975. С. 95–97.
- Горячева 1985 — Т. В. Горячева. К этимологии восточнославянских метеорологических терминов // Этимология 1983 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 69–82.
- Горячева 1986 — Т. В. Горячева. К изучению славянской метеорологической терминологии // Этимология 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1986. С. 43–49.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- Дмитриева 1999 — С. В. Дмитриева. Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте. На материале псковских говоров. Дис. ... канд. филол. наук / Псков. гос. пед. ин-т. Псков, 1999.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гл. ред. О. С. Мельничук Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Зверева 2014 — Ю. В. Зверева. Лексика питания в пермских говорах: мясомолочные продукты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2014. С. 302–316.

Карасева 2001 — Т. В. Карасева. Названия варенца в воронежских говорах // Фольклор и литература: проблемы изучения: Сб. статей / Науч. ред. Т. Ф. Пухова. Воронеж, 2001. С. 178—182.

КСГРС — Картоoteca Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета).

Куркина 1983 — Л. В. Куркина. Славянские этимологии // Этимология 1981 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1983. С. 3—16.

КЭИС — Картоoteca этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета).

ЛКТЭ — Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. И. Строгова. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.

Подвысоцкий — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—2010—. Вып. 1—21—.

ПРС — Новый польско-русский словарь / Сост. Р. Стыпула, Г. В. Ковалева. М., 2004.

Рахманная 2008 — М. А. Рахманная. О возможности включения диалектного *свататься* ‘скисаться’ в этимологическое гнездо глагола *хватать* // Материалы и исследования по русской диалектологии / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. 3 (9). М., 2008.

РСХКJ — Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967—1976. Књ. 1—.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь, 2006.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003—2005. Т. 1—2.

СРГЦРКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / Под ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск, 2003—2008—. Т. 1—4—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23—42), С. А. Мызникова (вып. 43—46—). М.; Л., 1965—2013—. Вып. 1—46—.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992—1996. Т. 1—3.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка / Под ред. В. И. Чернышёва. М.; Л., 1948—1965. Т. 1—17.

Толстая 2008 — С. М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Трубачев 1971 — О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология 1968* / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1971. С. 24—67.

ТТС — Тематический словарь говоров Тверской области / Под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь, 2003—2006. Вып. 1—5.

Фасмер — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Цейтлин 1973 — Р. М. Цейтлин. Заметки по старославянской лексикологии // *Этимология 1971* / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1973. С. 102—114.

Черных — П. Я. Черных. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. М., 2002. Т. 1—2.

ЭССТ — И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. *Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья*. Усолье, Соликамск, Березники, Пермь, 2004.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—). М., 1975—. Вып. 1—.

ЯОС — *Ярославский областной словарь* / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.

Karłowicz — J. Karłowicz. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900—1911. Т. I—VI.

KSGP — *Kartoteka Słownika gwar polskich (Zakład dialektologii polskiej Instytutu języka polskiego PAN, Krakow)*.

PSJČ — *Příruční slovník jazyka českého* / Red. O. Hujer, E. Smetánka, M. Weingart, B. Havránek, V. Šmilauer, A. Ziskal. Praha, 1935—1957. D. 1—8.

SEK — W. Boryś, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszybszczyzny*. Warszawa, 1994—2006. Т. 1—5.

Słowski — *Słownik etymologiczny języka polskiego* / Pod red. F. Sławskiego. Т. I—V. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1952—1983.

Sychta — B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967—1976. Т. 1—7.

References

Anikin 1985 — A. E. Anikin. Slav. **seg(a)ti*: germ. *sinkwan* i dr. // *Etimologiya 1982* / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Москва, 1985. С. 48—57.

Anikin 1988 — A. E. Anikin. *Etimologicheskie zametki // Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas: materialy i issledovaniya 1984* / Отв. ред. V. V. Ivanov. Москва, 1988. С. 280—289.

AOS — *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'*. Москва, 1980—. Вып. 1—.

BER — *Bylgarski etimologichen rechnik* / Syst. V. Georgiev, Iv. Gylybov, Y. Zaimov, St. Ilchev i dr. Sofiya, 1962. Т.1—.

Berezovich 2014 — E. L. Berezovich. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivacionnaya rekonstrukciya*. Москва, 2014.

Berezovich, Osipova 2014 — E. L. Berezovich, K. V. Osipova. «Chto edim, tak i zhist' zhivem»: pustoy sup i nekrepkiy chay v zerkale yazyka // *Antropologicheskiy forum*. № 20. 2014. С. 218—239.

Ceytlin 1973 — R. M. Ceytlin. *Zametki po staroslavyanskoy leksikologii // Etimologiya 1971* / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Москва, 1973. С. 102—114.

- Chernykh — P. Ya. Chernykh. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Moskva, 2002. T. 1—2.
- Dal' — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Moskva, 1955. T. 1—4.
- Dmitrieva 1999 — S. V. Dmitrieva. Leksika tematicheskoy gruppy «Pitanie» v narodnoy rechi v areal'nom aspekte. Na materiale pskovskikh govorov. Diss. ... kand. filol. nauk / Pskov. gos. ped. in-t. Pskov, 1999.
- ESST — I. A. Podyukov, S. V. Khorobrykh, D. A. Antipov. Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya. Usol'ye, Solikamsk, Berezniki, Perm', 2004.
- ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov / Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1—31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32—). Moskva, 1975—. Vyp. 1—.
- ESUM — Etimologichniy slovník ukraíns'koj movi / Gl. red. O. S. Mel'nichuk. T. 1—6. Kiïv, 1982—2012.
- Fasmer — M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Moskva, 1964—1973. T. 1—4.
- Goryacheva 1975 — T. V. Goryacheva. K etimologii russk. dial. sten' 'ledyanoe salo' // Etimologiya 1973 / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1975. S. 95—97.
- Goryacheva 1985 — T. V. Goryacheva. K etimologii vostochnoslavyanskikh meteorologicheskikh terminov // Etimologiya 1983 / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1985. S. 69—82.
- Goryacheva 1986 — T. V. Goryacheva. K izucheniyu slavyanskoy meteorologicheskoy terminologii // Etimologiya 1984 / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1986. S. 43—49.
- Grinchenko — B. D. Grinchenko. Slovar' ukrainskogo yazyka. Kiev, 1907—1909. T. 1—4.
- Karaseva 2001 — T. V. Karaseva. Nazvaniya varenca v voronezhskikh govorakh // Fol'klor i literatura: problemy izucheniya: Sb. statey / Nauch. red. T. F. Pukhova. Voronezh, 2001. S. 178—182.
- Karłowicz — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900—1911. T. I—VI.
- KEIS — Kartoteka etnoideograficheskogo slovarya russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija Ural'skogo universiteta).
- KSGP — Kartoteka Słownika gwar polskich (Zakład dialektologii polskiej Instytutu języka polskiego PAN, Krakow).
- KSGRS — Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija Ural'skogo universiteta).
- Kurkina 1983 — L. V. Kurkina. Slavyanskije etimologii // Etimologiya 1981 / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1983. C. 3—16.
- LKTE — Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).
- NOS — Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Otv. red. V. I. Strogova. Novgorod, 1992—1995. Vyp. 1—12.
- Podvysockiy — A. Podvysockiy. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. St.-Peterburg, 1885.
- POS — Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi. L., 1967—2010—. Vyp. 1—21—.
- PRS — Novyy pol'sko-russkiy slovar' / Sost. R. Stypula, G. V. Kovaleva. Moskva, 2004.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého / Red. O. Hujer, E. Smetánka, M. Weingart, B. Havránek, V. Šmilauer, A. Získal. Praha, 1935—1957. D. 1—8.

Rakhmannaya 2008 — M. A. Rakhmannaya. O vozmozhnosti vklyucheniya dialekt-nogo *svatat'sya* 'skisat'sya' v etimologicheskoe gnezdo glagola *khvatat'* // *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* / Otv. red. L. L. Kasatkin. Kn. 3 (9). Moskva, 2008.

RSKhKJ — Rechnik srpskokhrvatskoga kŕizhevnoĝ jezika. Novi Sad; Zagreb, 1967—1976. Kŕ. 1—.

SEK — W. Borysŕ, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszybszczyzny. Warszawa, 1994—2006. T. 1—5.

SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. chl.-korr. RAN A. K. Matveeva. Ekaterinburg, 2001. T. 1•.

Sławski — Słownik etymologiczny jŕzyka polskiego / Pod red. F. Sławskiego. T. I—V. Wrocław—Waszawa—Kraków—Gdańsk, 1952—1983.

SPG — Slovar' permskikh govorov / Pod red. A. N. Borisovoy, K. N. Prokoshevoy. Perm', 2000—2002. Vyp. 1—2.

SRGB — Slovar' russkikh govorov Bashkirii / pod red. prof. Z. P. Zdobnovoy. Ufa, 1992/1997—. Vyp. 1—.

SRGCRKK — Slovar' russkikh govorov central'nykh rayonov Krasnoyarskogo kraja / Pod red. O. V. Fel'de (Borkhval'dt). Krasnoyarsk, 2003—2008—. T. 1—4—.

SRGK — Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey / Pod red. A. S. Gerda. St.-Peterburg, 1994—2005. Vyp. 1—6.

SRGKPO — Slovar' russkikh govorov Komi-Permyackogo okruga / Pod red. I. A. Podyukova. Perm', 2006.

SRGNP — Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory / Pod red. L. A. Ivashko. St.-Peterburg, 2003—2005. T. 1—2.

SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov / Pod red. F. P. Filina (vyp. 1—22), F. P. Sorokoletova (vyp. 23—42), S. A. Myznikova (vyp. 43—46—). Moskva; Lenin-grad, 1965—2013—. Vyp. 1—46—.

SRSOSP — Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya. Tomsk, 1992—1996. T. 1—3.

SSRLYa — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. V. I. Chernysheva. Moskva; Leningrad, 1948—1965. T. 1—17.

SVG — Slovar' vologodskikh govorov. Vologda, 1983—2007. Vyp. 1—12.

Sychta — B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967—1976. T. 1—7.

Tolstaya 2008 — S. M. Tolstaya. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheshlavjanskoj perspektive. Moskva, 2008.

Trubachev 1971 — O. N. Trubachev. Zametki po etimologii i sravnitel'noy grammatike // *Etimologiya 1968* / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1971. S. 24—67.

TTS — Tematicheskij slovar' govorov Tverskoy oblasti / Pod red. T. V. Kirillovoy, L. N. Novikovoy. Tver', 2003—2006. Vyp. 1—5.

Varbot 1994 — Zh. Zh. Varbot. Ryazhenka // *Russkaya rech'*. 1994. № 4. S. 117—119.

Varbot 2001 — Zh. Zh. Varbot. Perspektivy izucheniya yavleniy narodnoy etimologii v russkoy dialektnoy leksike // *Etimologicheskie issledovaniya: Sb. nauch. tr.* / Pod red. A. K. Matveeva. Vyp. 7. Ekaterinburg, 2001. S. 3—8.

YaOS — Yaroslavskij oblastnoy slovar' / Otv. red. G. G. Mel'nichenko. Yaroslavl', 1981—1991. Vyp. 1—10.

Zvereva 2014 — Yu. V. Zvereva. Leksika pitaniya v permskikh govorakh: myasomolochnye produkty // *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* / Otv. red. A. S. Gerd. St.-Peterburg, 2014. S. 302—316.

Сокращения в названиях районов и уездов

баб. — Бабаевский район Вологодской области
вель. — Вельский район Архангельской области
в-важ. — Верховажский район Вологодской области
ветл. — Ветлужский уезд Костромской губернии
вож. — Вожегодский район Вологодской области
вологод. — Вологодский район Вологодской области
вохом. — Вохомский район Костромской области
в-у. — Великоустюгский район Вологодской области
в.-г. — Верхнетоемский район Архангельской области
выт. — Вытегорский район Вологодской области
галич. — Галичский район Костромской области
гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
к.-г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
кад. — Кадуйский район Вологодской области
кадн. — Кадниковский уезд Вологодской губернии
карг. — Каргопольский район Архангельской области
кир. — Кирилловский район Вологодской области
кон. — Коношский район Архангельской области
красн. — Красноборский район Архангельской области
лен. — Ленский район Архангельской области
леш. — Лешуконский район Архангельской области
мез. — Мезенский район Архангельской области
м-реч. — Междуреченский район Вологодской области
ник. — Никольский район Вологодской области
нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
нянд. — Няндомский район Архангельской области
окт. — Октябрьский район Костромской области
онеж. — Онежский район Архангельской области
пав. — Павинский район Костромской области
пин. — Пинежский район Архангельской области
прим. — Приморский район Архангельской области
сев.-двин. — г. Северодвинск Архангельской области
сок. — Сокольский район Вологодской области
сямж. — Сямженский район Вологодской области
тарн. — Тарногский район Вологодской области
тот. — Тотемский район Вологодской области
у-куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области
уст. — Устьянский район Архангельской области
устюж. — Устюженский район Вологодской области
хар. — Харовский район Вологодской области
холм. — Холмогорский район Архангельской области
чер. — Череповецкий район Вологодской области
шар. — Шарьинский район Костромской области
шенк. — Шенкурский район Архангельской области

Резюме

В статье рассматриваются русские диалектные названия простокваши, ряженки, топленого и снятого молока, а также молозива как особого состояния молока. Наиболее полно представлена лексика севернорусских говоров — Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Для каждого из молочных продуктов выделяются мотивы номинации, нетривиальные семантические переходы, выявляются индивидуальные и типичные мотивационные модели. Устанавливается, что названия жидких молочных продуктов связаны на денотативном, семантико-мотивационном и этимологическом уровнях. Например, обозначения простокваши, обезжиренного и топленого молока сближает цветовой мотив номинации; наименования кислого и обезжиренного молока восходят к значениям ‘резать, сечь’, а также к названиям некачественной пищи и пр. С семантико-мотивационной точки зрения наиболее разнообразны обозначения простокваши и процесса скисания молока, которые производны от лексем со значениями ‘давить, сжимать’, ‘хватать’, ‘двигаться, начинать движение; шевелиться’, ‘опускаться, садиться’, ‘сворачиваться’, ‘увлажняться, мокнуть’ и пр. Также статья затрагивает вопрос о взаимодействии корней *сер-* и *сыр-*, входящих в состав обозначений свежего молока, простокваши, а на северных территориях — молозива.

Ключевые слова: Русский Север, мотивация, семантика, этимология, названия пищи, названия жидких молочных продуктов

Статья получена 05.11.2015

KSENIYA V. OSIPOVA

NAMES FOR LIQUID DAIRY PRODUCTS IN RUSSIAN DIALECTS AND THEIR SEMANTIC MOTIVATION

This article examines Russian dialect names for sour milk, ryazhenka (cooked sour milk), cooked fat-free milk and also colostrum (understood as a special condition of milk). The lexis of North Russian dialects (of the Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions) is represented the most fully. For each of the liquid dairy products the study identifies the motives of nomination, reveals non-trivial semantic transitions, and brings out individual and typical motivational models. It is established that the names of all liquid dairy products are linked on the denotative, motivational-semantic, and etymological levels. For example, the names for sour, fat-free and cooked milk share the same color motif of nomination; names for sour and fat-free milk are derived from stems with the meaning ‘cut, slash’ or from designations of poor quality food, etc. Words for sour milk and the process of acidification show the highest diversity of semantic motivation. They are derived from lexemes meaning ‘to push, to squeeze’, ‘to catch’, ‘to move, to start moving’, ‘to go down, to sit down’, ‘to roll up’, ‘to moisten, to get wet’, and so on. The article also addresses the interaction of the roots *ser-* and *syr-*, which figure in the designations of raw and sour milk, and in the northern territories — of colostrum.

Keywords: Russian North, motivation, semantics, etymology, names of food, names for liquid dairy products

Received on 05.11.2015

О. Д. СУРИКОВА

О НЕТРИВИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ РУССКИХ СЛОВ С ПРИСТАВКОЙ БЕЗ-*

Статья посвящена рассмотрению ряда случаев, когда слова с приставкой *без-* имеют нетривиальную семантику. Эти случаи связаны с энантиосемией русских диалектных и общенародных слов с приставкой *без-*, но далеко не только с ней.

Интерес исследователей к энантиосемии неизменно вызывает словообразовательная разновидность этого явления — возникновение внутрисловной семантической поляризации в результате действия процессов префиксации, суффиксации, конфиксации. Как правило, наиболее плодотворными в этом отношении оказываются наблюдения над префиксальными глаголами: в русистике с той или иной степенью полноты изучен вклад приставок *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*, *о-* в образование противоположных значений у глаголов (см. [Андреевская 1997; Балалыкина 2012: 133—136; Бацевич 1986; 1987; Бессонова 1982; 1983; Виноградов 1975: 301—303; Добрушина 1997; Кронгауз 1997; Махмутова 2009: 15—17; Соколов 1972 и др.]).

Иначе обстоят дела с префиксацией именной: кажется, до сих пор не выявлены приставки, способные сочетаться с именами, которые скольконибудь последовательно фигурируют в составе энантиолексем. Однако если понимать энантиосемию широко и включать в рамки этого явления случаи семантического тождества приставочной и бесприставочной лексем, то можно обнаружить префиксы, способные не изменять значение существительных и прилагательных по сравнению с семантикой их бесприставочных производящих (когда $aN = N$). К их числу относится, в частности, приставка *не-*¹ — в составе ряда именных лексем, принадлежащих русскому литературному языку и народным говорам, она лишена семантики

---

* Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013—2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

¹ Данная приставка безразлична к частеречной принадлежности производящего слова, но далее мы имеем в виду случаи ее именного функционирования.

отрицания (см. об этом [Чернышев 1927: 77; Толстой 1995; Попова 1979: 138—139; Петлева 1998; Варбот 2008: 88; Степанова 2008: 126—133]), ср. некоторые примеры: смол. *нячорт, никаянный* ‘черт’, смол. *низанапрасна* ‘напрасно’, ряз. *непроступки* ‘проступки’, [Толстой 1995: 344—345], орл. *ненапастье* ‘беда, неприятность, несчастье, напасть’, перм. *некулёма* ‘неуклюжий, неловкий человек; мешковатый рохля’, перм., свердл., сибир. *некулёма* ‘неуклюжий, неловкий, неумелый или бестолковый, со странно-стями человек’ (ср. влг., арх., пенз., омск., краснояр. *кулёма* ‘о неопрятном, неряшливо одетом человеке’, курск., тул. ‘о неловком, медлительном человеке’) [Петлева 1998: 247] и мн. др. Стоит отметить, что явление «незначашего», или избыточного, префикса *не-* характерно не только для русского языка — оно наблюдается и в других славянских языках: примеры из белорусского и украинского приводит Н. И. Толстой (карпат. бойк. *нёворог* ‘враг’ и др.), из чешского, сербского и хорватского — И. П. Петлева (чеш. *nesvár* ‘разлад, раздор, распря’ при *svár* ‘то же’; серб. диал. *небреме* ‘мука, трудность, тяжесть’ при *брёме* ‘бремя, тяжесть, ноша’ и пр.), случаи из чешского и словенского разбирает И. Янышкова (словен. *nevihta* ‘гроза, буря, сильный дождь с вихрем, непогода, ненастье’ при словен. диал. *vihta*, *viha* и др. ‘то же’; чеш. диал. *neohromný* ‘огромный, громадный’ при чеш. *ohromný* ‘то же’ и т. д., см. [Янышкова 2007]).

Наблюдения над избыточным *не-* выводят исследователя за пределы этой темы в более широкое проблемное поле «незначашего» отрицания, которое может выражаться самыми разными (не только словообразовательными) способами и фиксируется в разных языках. Так, Н. И. Толстой указывает на украинский демонологический термин *анци́болот, анци́болотник, анци́бол* с табуистической внутренней формой «не черт» [Толстой 1995: 343]²; в английском языке зафиксированы случаи типа *disannul* (= *annul*) ‘аннулировать’ [Jespersen 1917: 146], *unpacked* ‘распакованный; не распакованный’ [Шмелев 2009: 179]; отрицание имеет только формальный показатель в таких фразах, как англ. *He can't half swim* («Он здорово плавает») [Бродский 1998: 20] или франц. *Je n'ai lu qu'une page de ce roman* («Я прочитал только одну страницу из этого романа») [<http://irgol.ru/grammaticeskij-spravochnik/otritsanie/>]; известно тождество русских выражений *отнюдь нет* и *отнюдь, долго не решался* и *долго решался*, *У вас нет газеты «Известия»?* и *У вас есть газета «Известия»?* [Шмелев 2009: 173, 177]. Примеры можно продолжать.

² Такая трактовка, однако, не бесспорна: украинские факты, наряду с рус. диал. *анци́бал* ‘болотный черт, водяной’ (курск., влад., пск.), *анци́бал, анци́бил* ‘то же’ (дон., орл.) и др., связываются также с *анти́христ, анти́пка* ‘черт’, *анчу́т* ‘то же’ [Аникин РЭС: 235—236] (последние два слова, возможно, являются табуистической заменой названия нечистой силы вариантом слова *антихрист*, контаминированным с именем *Онисифор*, — или представляют собой результат сочетания *анчи-* (*анти-*) + *юд*, ср. *Иуда*, см. [Там же: 236—237]).

Задача автора этой статьи — внести посильный вклад в изучение не-тривиальных явлений — «незначашей» негации и префиксального (именного) типа словообразовательной энантиосемии в русском языке, рассмотрев, во-первых, ряд диалектных и литературных слов с префиксом *без-*, лишенным в их составе семантики отсутствия и недостачи, а во-вторых — *без-*префиксальные лексемы, развивающие противоположные значения при сохранении негативирующей семантики приставки. К обоим явлениям исследователи уже обращались. Так, Ж. Ж. Варбот привела несколько диалектных фактов, в которых *без-* обладает усилительной функцией — усиливает значение корня или производящей основы, а не отрицает (в широком смысле) его³: перм. *безвѣкий* ‘вечный, бесконечный’, смол. *безу́к* ‘хороший плотник’⁴ и др. [Варбот 2015: 49]. В ряде работ, где словообразовательная энантиосемия изучается на материале русского литературного языка, выделяется конфикс *без...ный*, обозначающий отсутствие или недостаточность того, что названо корнем или основой, но способный при этом выражать семантическую полярность в словах типа *бесценный* ‘малоценный, не имеющий цены’ и ‘очень ценный, неоценимый’, *безголосый* ‘не имеющий голоса’ и ‘имеющий слабый, плохой голос’, *безжизненный* ‘мертвый’ и ‘живой, но маловыразительный’ [Николаева 2005: 118; Махмутова 2009: 17; Балалыкина 2012: 137 и др.]. Однако подобные примеры до сих пор считались раритетными, если не сказать — маргинальными.

На самом деле лексических единиц, которые содержат «незначашее» *без-* или приобретают антонимичные значения при условии сохранения приставкой ее базовой семантики, достаточно, чтобы предложить типологию таких случаев и выявить некоторые семантические механизмы, лежащие в основании их возникновения. Представляется, что можно выделить две основные разновидности данного феномена: 1) полная или неполная синонимия слова с префиксом *без-* и его бесприставочной мотивирующей лексемы и 2) антонимия лексем, находящихся в отношениях лексико-словообразовательного варьирования⁵.

³ Ср. функции «избыточного» *не-*, выделенные Н. И. Толстым [1995]: ироническая, табуистическая, усилительная.

⁴ Стоит отметить, что в обоих случаях нет оснований предполагать утрату префиксом *без-* базовой семантики. Перм. *безвѣкий*, по справедливому замечанию А. Ф. Журавлева, восходит к слову *век* в значении ‘срок жизни’ (ср. *долгий век*, *век недолог*, *изжить век*) [Журавлев 1992: 79]. Выделение приставки *без-* в составе смол. *безу́к* является ошибочным: эта лексема представляет собой трансформацию смоленского оттопонимического названия *бизю́к* ‘плотник из деревни Бизюки, работающий по найму’ [ССГ 1: 177].

⁵ Мы не учитываем случаи так называемой конверсивной энантиосемии (когда происходит поляризация актантов ситуации, ср. *занимать* ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’, *аварийщик* ‘тот, кто совершает аварию’ и ‘тот, кто устраняет аварию’) и семантической градуальности, в основании которой нередко лежит механизм метафоры (ср. *безголосый* ‘не имеющий голоса’ и ‘имеющий слабый, плохой голос’,

1. Полная или неполная синонимия слова с префиксом *без-* и его бесприставочной мотивирующей лексемы⁶

Префикс *без-* в составе лексем, относящихся к настоящей группе, обладает усилительной функцией: пенз. *беспоминутно* ‘беспрестанно’ [СРНГ 2: 273] (ср. общенар. *поминутно* ‘беспрестанно, постоянно’)⁷; нижегор. *бѣзмали* ‘маленькие дети’ — «Безмали еще были тогда» [ДСНО 1: 98]⁸.

Часто усилительное *без-* присоединяется к лексемам, уже обладающим негативной семантикой, — префикс, не меняя их значения в «положительную» сторону, оказывается формальным выразителем семантического отрицания. Объяснение этому явлению предложила Ж. Ж. Варбот, рассуждая о происхождении схожего феномена — усилительного (избыточного) *не-*: «Негативная коннотация полевой семантики (...) провоцирует присоединение отрицания к лексемам, входящим в поле уже по основному лексическому значению» [Варбот 2008: 88]. Ср. примеры: олон., онеж. *безнапрáсный* ‘напрасный, бессмысленный’ — «Нонь ты нас повыручил, а нонь ты нас повыключил от тыи от смерти безнапрáсныи» [СРНГ 2: 193]; перм. *бескомóлый* ‘безрогий (о рогатом скоте)’ —

беситься ‘быть в крайнем раздражении’ и ‘резвиться, шалить без удержу’). При их учете предлагаемая типология могла бы быть значительно обширнее.

⁶ В случаях, когда точное определение мотивирующей лексемы невозможно, речь необходимо вести об условной синонимии *без-*префиксального слова и его производящей основы или корня.

⁷ Проблема языковой «неоднородности» (принадлежности к разным подъязыкам) синонимов — диалектных слов с префиксом *без-* и общенародных бесприставочных лексем, — а значит, вопрос о непосредственной производности первых от вторых снимается, если в системе говоров, где функционирует рассматриваемое слово с префиксом *без-*, не зафиксировано бесприставочное слово (корень) в значении, отличном от общенародного, явно связанное с анализируемой *без-*префиксальной единицей. В подобных случаях следует признать производность диалектной лексемы от общенародного слова (корня).

⁸ Существуют редкие случаи контекстно обусловленной (связанной) синонимии слова с приставкой *без-* и беспрефиксальной лексемы, производной от той же основы и обладающей такой же частеречной принадлежностью (при этом *без-* сохраняет базовую семантику). Ср. литер. *беспредельный* ‘чрезмерный, чрезвычайный’ [СлРЯ 1: 83] и *предельный* ‘крайний, максимальный’ [ССРЛЯ 11: 117], функционирующие как аналоги в устойчивых сочетаниях типа *предельная усталость* — *беспредельная усталость*; а также соответствующие наречия *беспредельно* и *предельно* — синонимы слова *очень*, см. [Александрова 2001: 314]: *предельно счастливый* — *беспредельно счастливый*. Прилагательное *предельный* образовано от существительного *предел* (последняя, крайняя грань, степень чего-н. → высшая степень проявления чего-л.), *беспредельный* мотивировано предложно-падежной конструкцией *без предела* (безграничность, отсутствие предела → высшая степень проявления чего-л.).

«Бескомолая — это безрогая корова» [СРГСПермК 1: 92] (ср. литер. *комо-лый* ‘безрогий, имеющий вместо рогов только комли рогов, роговые наросты’ [ССРЛЯ 5: 1252]), пск. *безустáтный* ‘последний, оставшийся’ [СРНГ 2: 203; ПОС 1: 158] (ср. пск. *остáтный*, *остáтненький* ‘последний’ [СРНГ 24: 60]); новг. *безотчáянный* ‘смелый, решительный’ — «Она такая безотчаянная, говорит: “Выйду за другого, раз этот плохой”» [НОС 1: 45]; влг. *безглушно* ‘не просыпаясь, беспробудно’ — «Я всю ночь спала безглушно» [СРГК 1: 51]. В этот ряд следует включить просторечный глагол *обессудить* ‘осудить, отнестись строго’ [ССРЛЯ 8: 113], семантически эквивалентный общенародному слову *осудить* ‘признать предосудительным что-л., выразить неодобрение кому-, чему-л.’ [СлРЯ 2: 659]⁹. С парой синонимов *осудить* — *обессудить* коррелируют общенар. *судить* ‘осуждать, укорять за что-л.’ [ССРЛЯ 14: 1154] и диал. *бессудить* — орл., перм., пск., твер., ряз., тул., влад., симб. ‘бранить, осуждать, корить’, арх. ‘осуждать, относиться с неодобрением’, урал. казаки ‘осуждать, порицать’ [СРНГ 2: 279; АОС 2: 18; Малеча 1: 130; ПОС 1: 194], также вступающие в отношения семантической эквивалентности.

Утрата префиксом *без-* значений отсутствия и недостаточности часто наблюдается при соединении его с экспрессивной и пейоративной лексикой. Это может объясняться, во-первых, влиянием полевой семантики и стремлением носителей языка «воплотить» семантическое отрицание (речь об этом шла выше), а во-вторых — тем, что негативная семантика приставки *без-* становится избыточной на фоне «смысловой интенсивности» экспрессивов, а потому или вовсе нивелируется, или приобретает значение ‘сверх’ (т. е. усилительное). Особенно это характерно при полной или частичной десемантизации экспрессивной лексики (или экспрессивизации десемантизированных слов), ср. наблюдение И. Н. Горелова, размышлявшего о когнитивных источниках энантиосемии: «Можно предположить (...) наличие стадии десемантизации, предшествующей стадии энантиосемии, которая появляется позднее» [Горелов 1986: 88].

Ср. примеры: пск. *бездурость*, *бездурье* ‘блажь, дурь’ [ПОС 1: 153; СРНГ 2: 190]; урал. *бэзляд* ‘неудача, незадача’ — «Стал делать — не выходит, что за безляд, думаю!» [Там же: 192] (ср. *ляд* тамб. ‘беда, несчастье’, пск., твер., яросл. ‘хворь, немощь’ [СРНГ 17: 259]); якут. *безголик* ‘остряк, насмешник (о человеке)’ — «Мы гуврим, чё ты галишься, безголик ты» [СРСГЯ 1: 54] (ср. *гáлиться* новосиб., том., иркут., алт., хакас., бурят. ‘издеваться’, иркут. ‘глумиться’, новосиб., иркут., хакас. ‘насмехаться’ [СРГС 1: 223]); симб. *беспротяшный* ‘добрый’ [СРНГ 2: 275] (ср. тюмен., свердл. *протящий* ‘простой, добрый, бесхитростный’ [СРНГ 32: 258]).

⁹Этот пример подтверждает возможность возникновения энантиолексем с приставкой *без-*, принадлежащих исключительно русскому литературному языку, путем префиксации (а не только конфиксации, как предполагалось ранее; о конфиксе *без...ный* см. выше).

Сюда же, возможно, следует отнести яросл. *бестарабáрщина* ‘беспорядок, неустроенность’ [ЯОС 1: 57] (ср. пск., твер. *тарабáра* ‘пустая болтовня, бесполезные разговоры, пустословие’ [СРНГ 43: 270]), а также яросл. *бесшарабóрщина* ‘неаккуратный, не привыкший к порядку человек’, ‘беспорядок, неустроенность’ — «Какая у вас здесь бесшараборщина творится» [ЯОС 1: 58] и нижегор. *бесшарабóвщина* ‘безобразие’ — «Бесшарабовщина у них теперь: трактористы только и берут вино» [ДСНО 1: 122] (ср. яросл. *шарабóшиться* ‘буйствовать, дебоширить’ [ЯОС 10: 70], сиб. *шарабóшить, шарабóрить* ‘рыться в вещах, шарить, копаться, перерывать, ища чего’, вят. *шарабóрить* ‘шататься, шляться без дела, праздно, и вообще забавляться пустяками’, *шарабóра, шарабáра* оренб., перм. ‘всякая всячина, мелочь, домашний скарб, старая рухлядь’ [Даль 4: 641], вят. ‘хлам, рухлядь’, тобол. ‘поклажа’ [Фасмер 4: 407]). К этим случаям примыкает нижегор. *бесшарабáшный* ‘непутевый, бесшабашный’ — «Она старуха бесшарабашная» [ДСНО 1: 122] — по всей вероятности, результат контаминации «темной» основы (*бес*)шарабор- и разговорного слова *бесшабашный* ‘беспечный, залихватский, отчаянный’. С корнем *шабаш-* также непосредственно связано арх. *бесшабáшник* ‘тот, кто заключает сделки по высоким ценам на строительные, ремонтные и др. работы’ [АОС 2: 20], ср. его абсолютный беспрефиксальный синоним в архангельских говорах и общенародном языке — простореч. *шабашник* ‘человек, который выполняет строительные, ремонтные и другие работы, заключая частные сделки по высоким ценам’ [Шведова 2007: 1100].

Префикс *без-* лишен семантики отсутствия, недостачи и играет усиленную роль в континуантах праслав. **pědliti* ‘натягивать’, являющихся негативными характеристиками человека¹⁰: ▪ *беспелю́ха* башк., вят. ‘растяпа, бестолковый человек’, беломор. ‘растерявшаяся в мыслях, рассеянная, беспамятная’ [СРГБ 1: 43; ОСВГ 1: 74; Дуров 2011: 29] — и влг. *пéля*, влг., прикам., свердл. *ротопéля* ‘рассеянный, невнимательный человек, растяпа’ [КСГРС; СВГ 9: 67; СРГСУ 5: 90; СРГЮП 3: 48]; ▪ влг. *беспелю́ха* ‘медлительный, нерасторопный человек’ [КСГРС] — и арх., влг. *пéля*, влг. *роспéля, пелю́ха* ‘медлительный, неповоротливый человек’, яросл. *пýло* ‘неуклюжий, неповоротливый, нескладный человек’ [КСГРС; СРНГ 33: 214]; ▪ ср.-урал. *беспелю́га*, сев., вят., свердл., перм. ср.-урал., костром., арх. *беспелю́ха* ‘неряха’, арх. ‘неряха, неаккуратная, бесхозяйственная женщина’, башк. *бестилю́ха* ‘неопрятная женщина, неаккуратная, неряха’ [АОС 2: 13; Подвысоцкий 1885: 5; СРНГ 2: 271; СРГСУ 1: 43; СРГБ 1: 42; ЛКТЭ] — и вят. *распéля*, башк., влг., вят., твер. *распелю́ха*, влг. *роспелю́га* ‘неопрятная женщина, грязнуля’, ‘неряшливый, несуразно одетый человек’ [КСГРС; Селигер 6: 42; СРГБ; ТСВГ: 82]; ▪ прикам. *беспéль* ‘о глупом’,

¹⁰ О возникновении «поведенческих» и «характерологических» значений на базе семантики перемещения и интенсивного действия в гнезде рус. *пел-/пял-* см. [Березович, Сурикова 2015а].

тюмен. *беспельтjок* ‘глупый человек’, арх., свердл. *беспелюга* ‘глуповатый, легкомысленный человек; бестолковый’ [СРГЮП 1: 54; СРСГЮТО 1: 54; СРНГ 2: 270; АОС 2: 13; СРГСУ 1: 43], *беспелюха* вят., ср.-урал., свердл., костром. ‘бестолковый человек’, карел. ‘непонятливый, несообразительный’ [СРНГ 2: 271; СРГК 1: 70; СРГСУ 1: 43; ЛКТЭ] — и костром. *распелюха* ‘бестолковая, глупая женщина’, влг. *роспелюга*, *роспелюха* ‘глупый, непонятливый человек с бессвязной речью’ [ЛКТЭ; КСГРС] и т. д.

Как видно из приведенных примеров, бесприставочные «носители» корня *пел-* и его производные с приставками *раз-/рас-* и *без-/бес-* имеют аналогичные (или схожие) пейоративные значения, а префиксы *раз-* и *без-* выступают в сходных функциях — как интенсификаторы экспрессивно-негативной семантики корня¹¹. При этом показательно, что такие лексемы часто встречаются на одной территории и даже могут фигурировать в одних и тех же контекстах: костром. «*Распелюха, беспелюха*-то, не управляет сама с собой» [ЛКТЭ], влг. «*Пелюха* — который человек пялится долго, тихо делает что-то, не дождётся её. Ой, какая женщина эта *беспелюха*, неразворотная, тихая» [КСГРС], влг. «*Пеля*, пелишься, долго собираешься, не дождётся тебя. Пелится не шевелится. *Пеля, распеля*, собирайся побыстрее» [КСГРС]. «Инерция» негативной семантики, присущей элементам гнезда *pędliti, настолько сильна, что усилительную функцию при соединении с корнем *пел-* приобретают и другие негативирующие префиксы — *не-* и *недо-*: ср.-урал. *непелюха* ‘неряха’ [СРГСУ 2: 202], *непелюга* ‘неразумный’ [Даль СОЯ: 293], влг. *недопеля* ‘ненормальный, безумный человек, имеющий бессмысленный взгляд’ — «*Недопеля* недошлой, вот как *распелюга*. Речь не идёт настоящшо. Связки нет» [КСГРС] (подробней об этом см. [Березович, Сурикова 2015а]).

Другой пример семантической избыточности префикса *без-* в составе экспрессивов — *бескуражнй* свердл. ‘не знающий стыда, наглый, бесстыжий’, ср.-урал. ‘непутевый, бесстыжий’ [СРНГ 2: 269; СРГСУ 1: 43], *бескаружник* сев.-вост., иркут., якут., перм. ‘бесстыдный, бессовестный человек’, сиб. ‘не знающий стыда, наглый, бесстыжий человек’ [Зотов 2010: 68; СРНГ 2: 267; СРГС 1: 65], *бескарюжник* свердл., курган. ‘грубый, бесстыжий человек’ [СРНГ 2: 267; СРГСУ 1: 43], *бескоружник* алт. ‘бесстыдник, наглец’ [ИЭРГА 1: 154], арх. ‘озорник, безобразник’ [АОС 2: 13], перм. *бесхарюжник* ‘бесстыдник, наглец’ [СРНГ 2: 282], ю.-прикам. *бескаружность* ‘безобразие, распушенность нравов’ [СРГЮП 1: 54] и

¹¹ Ср. семантические линии, представленные продолжениями гнезда *pędliti, — в частности, глаголами: ‘устремляться, «переть», ‘двигаться с усилием’, ‘вмешиваться не в свое дело’, ‘деформировать объект’, ‘тарашить глаза’, ‘болтать, смеяться, браниться, плакать’, ‘быть рассеянным, медлительным, праздным, ленивым’, ‘приставать, надоедать’, ‘важничать, хвастаться’, ‘капризничать’, ‘шалить, баловаться’, ‘броско, несуразно наряжаться’ и др.; подробнее см. [Березович, Сурикова 2015а].

мн. др. Множество вариантов фонетического оформления корневого комплекса — *кураж-*, *каруж-*, *карюж-*, *коруж-*, *харюж-*, а также *корюж-* и *курюж-* — свидетельствует о явной деэтимологизированности подобных лексем. Вероятно, стоит предполагать их производность от *куражнѣй* ‘здорливый, хмельной’ < *кураж* с последующей метатезой — *каруж-* (см. об этом [Аникин РЭС 2: 148]) и дальнейшими фонетическими трансформациями (вопреки [Варбот 2015: 49], где выдвигается версия о связи ю.-прикам. *бескару́жностъ*, забайк. *наскарү́жник* ‘пересмешник’ и *наскарү́жник* ‘зубоскал’ с основой *-скарүж-*, восходящей к праслав. *skarati — ср. в.-луж. *škarac* и н.-луж. *škaras* ‘ковырять, мешать, размешивать (угли); подстрекать, возмущать’). Если это так, то очевидна семантическая близость приведенных слов с юж.-урал. *курáженица*, печор. *курáженьице* ‘непристойное поведение, глумление, издевательство’, камч. *курáжежнѣй* ‘неспокойный’, *курáжить* симб. ‘ломать, разнообразить’, пенз. ‘кружить; бушевать’, арх., олон., онеж. *курáжничать* ‘капризничать, куражиться’ [СРНГ 16: 109] и, далее, с влг. *кару́жить* ‘проживать не только свое, но и чужое состояние’, влг. *кару́житься* ‘иметь привычку к дурным поступкам (пьянству, картежной игре и т. п.)’, влг. *кару́жник* ‘человек, привыкший к чему-либо дурному (пьянству, картежной игре и т. п.)’ [СРНГ 13: 107] и др. Интересна эквивалентность префиксов *без-*, *па-* и *на-* в словах *бескару́жник* енис. ‘насмешник, зубоскал’, урал. *бескарю́жница*, *бескорю́жица* ‘шутница’ [СРНГ 2: 267, 268], забайк. *наскарү́жник* ‘пересмешник’ и *наскарү́жник* ‘зубоскал’ [Элиасов 1980: 235, 287] (о причинах синонимичности продуктивной и архаичных приставок, а следовательно, о возрасте содержащих их лексем и связи последних с одним и тем же или разными корнями, следует еще размышлять¹²). Наконец, примечателен факт «незначимости» приставки *не-*, присоединяющейся к экспрессивной основе *каруж-*: олон. *бить некару́жно* ‘бить бесчеловечно чем попало’, влг. *некаружнѣй* ‘нехороший’ [СРНГ 13: 107; 21: 57] (ср. приводившийся выше пример: *непелю́ха*, *непелю́га* и *недопелю́* в негативно-экспрессивном гнезде *peḍliti).

Однако не во всех экспрессивах, особенно с затемненной внутренней формой, функция *без-* является бесспорной. К числу неоднозначных фактов относятся нижегор. *бесшалáнный* ‘легкомысленный, беспечный’ [ДСНО 1: 122] и костром. *бесшалáбный* ‘неумелый’ [ЛКТЭ]. Можно предположить, что эти лексемы являются продолжениями праслав. *šalь ‘сумасшедший, шальной’ — наряду с его бесприставочными континуантами с

¹² Сомнения вызывает, по крайней мере, реальность слова *наскарү́жник*, впервые зафиксированного в [Кривошапкин 1865: 55] с комментарием «употребительнее *безкарусник*». Возможно, лексема представляет собой гапакс или опisku — искажение слова *наскарү́жник*, в существовании которого сомневаться не приходится: по данным [Кривошапкин 1865: 53; СРНГ 20: 163; СРГС 2/2: 356], оно бытует в томских, енисейских, курганских, читинских говорах.

пейоративной семантикой, широко представленными как в русском общенародном языке (груб. простореч. *шалава*, а также *шальной*, *шалый* и др.), так и в говорах, ср. хотя бы яросл. *шалáвый* ‘бесшабашный’ [ЯОС 10: 68], сюда же — *шаль* ‘дурь, взбалмошность или блажь’ (без указания места) [Даль 4: 639], костром. *шаля́вщина*, *шаль* ‘женщина, не занимающаяся хозяйством, шатающаяся по деревне’, костром. *шалю́га*, *шаль* ‘ленивый человек’, костром. *шалаши́* ‘никчемный человек’, ‘тот, кто все ломает, разваливает, ведет себя неаккуратно’, ‘о неуклюжем человеке’, ‘рассеянный, потерянный человек’, ‘о пьяном человеке’ — «Когда человек мотается ходит пьяный, ой, как шалаша» [ЛКТЭ], влг. *шаль* ‘глупый, бестолковый человек’, ‘глупость, бессмыслица’, влг. *шалы́ной* ‘сумасшедший, душевнобольной’, ‘бестолковый’, ‘забывчивый, рассеянный’, влг. *шалы́ну́ха* ‘глупая, неразумная женщина’ [СВГ 12: 64, 65]; а также сложения типа простореч. *шалопут*, влг. *шалобро́д* ‘бродяга’ [СВГ 12: 63], *шаломут* ‘баламут’, *шалотво́р* ‘проказник, колоброд, прокуда’ (без указания места) [Даль 4: 639] и под. Стоит, однако, помнить о другой мотивационной версии: лексемы *бесшалáнный* и *бесшалáбный* могут быть результатом метатезного изменения слова *бесшаба́льный* (от *шабал-* ‘голова’; ср. костром. *бесшаба́льный* ‘легкомысленный’ [Ганцовская], ‘выживающий из ума, теряющий память’ [ЛКТЭ]). Семантически это объяснение непротиворечиво, но оно исключает возможность приобретения префиксом *без-* усилительной функции.

Сложности в определении значения и функций префикса *без-* возникают при анализе ряда лексем — продолжений праслав. **tǫg-/tǫg-* ‘тугой, туга, тужить; тяга, тяжкий’: влг. *бесту́житься* ‘усердно трудиться, заботясь о ком, чем-либо’ [СГРС 1: 110], арх. *бесту́житься* ‘трудиться, хлопотать, усердно работать’ [Подвысоцкий 1885: 6], арх. *бесту́житься* ‘делать что-либо с напряжением, работать без отдыха’ [Опыт 1852: 9], влг. *бесту́же(о)* ‘о характере выполнения работы: хорошо, с усердием, без отдыха, добротнo, тщательнo’ [СГРС 1: 110; Дилакторский 2006: 24], арх., влг. *бесту́же* ‘прилежно, усердно, старательно’ [АОС 2: 18; СВГ 1: 31] и др.¹³ Если предполагать, что эти слова мотивированы предложно-падежной конструкцией *без туги*, то надо допустить, что префикс *без-*, фигурирующий в их составе, сохраняет негативирующее значение: *работать без туги* = без затруднений → много → усердно и т. п. Однако возможна и

¹³ Лексемы приведены в орфографии источников: разнoбой в их лексикографической подаче — квалификация их как продолжений гнезда **stud-* (рус. *студ-/стуж-/стыд-/стыж-*) или **tǫg-/tǫg-* — свидетельствует о десемантизованности этих слов. Внутренняя форма подобных языковых единиц затемнена не только для составителей словарей, ср. контекст, указывающий на аттракцию *бестужий* ↔ *стужа* в сознании диалектоносителя: влг. *бестужий* — «В мороз, в стужу и ленивец работает, чтобы согреться, а в тепло и трудолюбивый любит отдых, а бестужий не знает отдыха ни в тепло, ни в стужу» (по рукописи Шайтанова) [Дилакторский 2006: 23]. Подробней об «участниках» гнезд **bezstud-* и **bezǫg-* см. в [Березович, Сурикова 2015б].

другая мотивационная цепочка: работать *туго* (ср. арх. *ту́го дело знать* ‘быть умелым, сноровистым’, яросл. *тужнёе* ‘прилежнее, старательнее’ [СРНГ 45: 208, 220]) = делать что-либо «плотно», «крепко» = точно, качественно → усердно. В этом случае добавление приставки *без-* не отрицает значения корня, а усиливает его.

2. Антонимия лексем, находящихся в отношениях лексико-словообразовательного варьирования

К этой группе относятся слова с приставкой *без-*, развивающие противоположные (близкие к противоположным) значения в результате семантической нейтрализации префикса или по иным причинам. Использование термина *внутрисловная антонимия*, традиционно употребляющегося исследователями в качестве аналога термина *энантиосемия*, для обозначения подобных случаев порой некорректно: полярные семантические варианты слов (не всегда имеющие идентичную словообразовательную структуру) могут функционировать в разных диалектных системах или даже языковых стратах — в говорах и общенародном русском языке (хотя встречаются и случаи «чистой» энантиосемии, бытующие в пределах одного диалекта). К разным подъязыкам или говорам могут принадлежать мотивирующие для энантиолексем слова. Кроме того, в качестве мотивирующих способны выступать разные лексико-семантические варианты слов — и тогда речь должна идти об омонимии: на уровне производящих или производных языковых единиц. Поэтому, говоря об антонимии лексем с префиксом *без-*, следует выделить две базовых ее разновидности — антонимия, не связанная с явлением омонимии и связанная с ним.

2.1. Антонимия лексем, находящихся в отношениях лексико-словообразовательного варьирования, не связанная с явлением омонимии.

В эти отношения могут вступать слова, принадлежащие разным подъязыкам, системам говоров — или одному и тому же диалекту. К этому типу относятся следующие случаи: *безгóдный* ‘проживший очень много лет, очень старый’ (без указания места) [СРНГ 2: 185] и онеж. ‘малолетний’ — «Не пужайся, Владимир, не плошайся, Еде мой сынишко безгодные, Младые Чурилушко сын Пленкович» [Там же], *безгодóво(ы)й* арх., влг., карел., ленингр., яросл., костром., твер., нижегор. ‘очень старый’ [АОС 1: 147; СГРС 1: 85; СРГК 1: 51; ЯОС 1: 46; СРНГ 2: 185; ДСНО 1: 95] и ряз. ‘не достигший необходимой для чего-л. возрастной нормы’ [Деул. словарь: 51]. Последний пример — ряз. *безгодóвый* — семантически полярен зафиксированному в рязанских говорах слову *безгóдевый* ‘проживший очень много лет, очень старый’ — «Старик наш безгодевый» [СРНГ 2: 184—185]. В эту группу слов следует включить также *безгóдок* арх., влг. ‘подросток, несовершеннолетний’ [СГРС 1: 85; СРГК 1: 51], влг., перм. ‘ребенок в возрасте

до одного года, младенец' [СВГ 1: 27; СРГСПермК 1: 78]. Антонимия формально идентичных или близких слов, образованных в рамках модели *без-* + *год-*, достигается благодаря разному «прочтению» их внутренней формы: *безгодный*, *безгодový* — «уже не имеющий годов» — такой, для которого счет лет больше не имеет значения (арх. «Безгодový человек — *все годы вышли жить*; я уж, девка, безгодová» [АОС 1: 147]) или «еще не имеющий годов» — не достигший возраста социальной активности (ряз. «*Гадоф нет*, йайо нь рьсписали, хто йийо будить расписывать бизгадо-вуйу» [Деул. словарь: 51]). При этом префикс *без-* в составе подобных лексем не утрачивает присущей ему базовой семантики отсутствия и недостаточности.

Похожий случай — когда противоположные значения возникают у слов вследствие «неоднозначности» их внутренней формы (приводящей к мене субъектно-объектных отношений и т. п. при ее «расшифровке»), а не из-за нивелирования семантики *без-*, — литер. *бесцѣнный* 'неизмеримый по цене, неценный, очень дорогой' [ССРЛЯ 1: 440] и общенар. устар. 'неценный, малоценный' [Там же]¹⁴, а также кузб. 'не очень важный; малоценный', азерб. 'дешевый', азерб. *бесцѣнныйкий* 'дешевый', *бесцѣнно* 'дешево' [ОСК 1: 188; СРОГА: 99]. Здесь отсутствие цены может пониматься как дешевизна или, наоборот, высокая ценность.

Сюда же следует отнести олон. *бесподобные люди* 'грубые, подлые люди', 'скоты, дикари' [СРНГ 2: 272; Куликовский 1898: 4], ср. общенар. *бесподобный* 'превосходный, ни с чем не сравнимый' [Шведова 2007: 41]: внутренняя форма прилагательного *бесподобный* может интерпретироваться как «неподобающий» (олонецкое слово)¹⁵ или «не имеющий подобия» (общенародная лексема).

Сходный семантический механизм действует в кузб. *безжалостный* 'беззащитный' — «Животина-то, говорит, невиноватая, как её бьют. Или лошадь, или корова. Чего ты животину-то бьёшь? Зачем это? Она же безжалостная» [ОСК 1: 151], ср. литер. *безжалостный* 'неспособный к жалости, жестокий' [Шведова 2007: 36]. В первом случае *безжалостный* понимается как «не испытывающий на себе жалости другого», во втором — как «не имеющий чувства жалости».

Ср. еще другую группу слов: литер. *бездушный* 'лишенный живого чувства, бессердечный, безжалостный' [ССРЛЯ 1: 340], волг. *без души* 'о черством, бездушном человеке' [БСРП: 213] — и новг. *бездушно* 'душевно (?)' — «Да я бездушно рад, да только у меня есть нечего» [СРНГ 2: 190], мурм. *безотдушный* 'добрый, душевный' — «Вера хорошая, безотдушный, безотдушный человек» [СРГК 1: 53], мурм. *без души* 'о добром, простодуш-

¹⁴ Ср. также литер. *бесцѣнность* 'неоценимость, высокая ценность чего-либо' и 'малоценность, отсутствие ценности' [ССРЛЯ 1: 440].

¹⁵ Не следует также исключать связи олон. *бесподобные люди* 'грубые, подлые люди' с выражением *по образу и подобию Божию* (Быт. 1: 26).

ном человеке' — «Мать у него хорошая, без души» [СРГК 2: 13], арх. *без души* 'бесхитростно, откровенно, по-хорошему' — «Старушка проста, хороша, без души тебе всё расскажут» [АОС 12: 404]. Вероятно, семантическая поляризация здесь является результатом разной трактовки внутренней формы слов и сочетаний: *бездушный* — «не имеющий души» и «способный отдать душу».

Похожий случай, когда мотивирующим для энантиолексем является эмотивное слово (а значит, шансы на возникновение противоположных смыслов у *без-*префиксальных производных увеличиваются — из-за характерной динамичности и, нередко, даже полярности — оценки, содержащейся в эмотивах): твер., калуж., влад., влг., КАССР, арх. *бесхарактерный* 'неприхотливый, нетребовательный, непритязательный' — «Он у меня тихонький и бесхарактерный» (арх.), башк. *бескара́хтерный* 'добрый, смиренный, с хорошим, мягким, спокойным характером // спокойный' — «Бескара́хтерный-та — эта хороший человек, а карахтерный — плохой, как собака» [СРНГ 2: 282; СРГБ 1: 42] — и ворон., сарат. *бесхарактерный* 'взбалмошный, сумасбродный, неуравновешенный' [СРНГ 2: 282]. Отсутствие характера (твердости, силы воли, упорства в достижении цели, эмоционального стержня, ср. простореч. *характерный* 'упрямый, любящий делать по-своему, с тяжелым, своенравным характером' [Шведова 2007: 1061]) приводит к полярным результатам: доброте и неприхотливости, с одной стороны, и неуравновешенности — с другой.

На возникновение противоположных значений у слов с префиксом *без-* способна влиять не только разная интерпретация «неоднозначной» внутренней формы, но и десемантизация приставки — когда *без-* приобретает усилительное значение. Показателен случай внутридиалектной энантиосемии глагола *бессты́диться* (производного от корня *стыд-/стыж-*) — пск. 'не иметь стыда' и 'стыдиться' [ПОС 1: 193]; сюда же пск. *бессты́дить* 'стыдить кого-н.' [Там же], *бессты́жить* 'стыдить, позорить, бесчестить' (без указания места) [Даль 1: 75].

Другой пример — уже обсуждавшиеся выше *без-*префиксальные производные корня *кураж-*, которые способны, кроме прочего, развивать междиалектную и даже внутридиалектную омонимию. Ср.: *бескура́жн(о)ый* влг. (К-Г.) 'равнодушный, эгоистичный' — «Бескуражной человек — бесшабашной, ничего ему не надо, ни о чем душа не болит», влг. (Ник.) 'самовлюбленный, эгоистичный' — «Бескуражный, за ним надо уход, он много из себя выставляет, и яхонька — то же», *бескура́жье* влг. (К-Г.) 'об эгоистичных людях' — «Бескуражье это, сами себя почитают, а остальные — никто» [КСГРС] — и *бескура́жный* влг. (Ник.) 'безотказный, не имеющий своего мнения' — «Бескуражный — это, говорят, человек такой, который соглашается с чем-то» [КСГРС], костром. (Шар.) 'бесхарактерный, тихий' — «Бескуражный — это бесхарактерный, нетребовательный: что ни делается, всё ему ладно» [ЛКТЭ], влг. (Ник.) 'робкий, тихий' — «Куражный бывает, бойкий, крутой, такой куражный. А бывает

бескуражный — тихий, смирный такой мужичонка» [КСГРС]¹⁶. Судя по всему (особенно показателен в этом отношении последний контекст), *бескуражный* с «положительной» характерологической семантикой сохраняет и пейоративное значение производящей основы, и негативирующую функцию префикса *без-*; в остальных экспрессивах, образованных в рамках модели *без- + кураж-*, приставка обладает усилительной функцией.

Интересны меж- и внутридиалектные энантиолексемы *безжильный* смол. (Вяз.) ‘выносливый, двужильный’ — «Што я бижжильная! Марья туды, Марья сюды!» [ССГ 1: 147] — и *безжильный* пск., смол. (Вяз., Дем., Дух., Ельн., Мон., Росл., Саф., Хисл.) ‘бессильный, слабый’ — «Плахой, слабый чилавек, здаровья плахой, бяжжильный» (смол. Дем.) [СРНГ 2: 190; ССГ 1: 147; Даль 1: 63], ср. здесь еще *обезжилить* ‘обессилить’ (без указания места) [Даль 2: 593; СРНГ 22: 29]. Если две последние лексемы отражают традиционные представления об отсутствии жилы (не только кровеносного сосуда, сухожилия, но органа, связанного с жизненными силами, отвечающего за жизненную активность человека, ср. пск., смол. *жилыстик* ‘жилистый, крепкий, энергичный человек’ [СРНГ 9: 174]), а префикс *без-* в составе этих слов сохраняет свою базовую семантику, то в смол. *безжильный* ‘выносливый, двужильный’ приставка приобретает значение ‘сверх’ и вступает в отношения дублетности с числительным *два*, ср. простореч. *двужильный* ‘выносливый, сильный, крепкий’ [СлРЯ 1: 371], карел. *двужилый* ‘сильный, выносливый’ [СРГК 1: 422], мурм. *двужилыник*, *двужилыница* ‘выносливый, сильный человек; крепыш, здоровяк’ [СРНГ 7: 305]¹⁷. Такая смысловая эквивалентность, по всей вероятности, связана с вариативностью репрезентации в языке идеи корпоральной аномалии: отсутствие и избыточность в равной степени являются деформациями и обобщаются в класс «не-норма» (см. об этом [Шабалина 2011: 10, 14, 20]).

Говоря о противоположных значениях, которые способны развивать лексемы с приставкой *без-*, необходимо упомянуть еще следующие факты:

¹⁶ Необходимо отметить, что Никольский и Кичменьгско-Городецкий районы Вологодской области, располагающиеся на крайнем ее северо-востоке, являются смежными. С Никольским районом на юге граничит Шарьинский район Костромской области. По нашим данным, слова, образованные в рамках модели *без- + кураж-*, в указанных антонимичных значениях функционируют только на этих соседних территориях, образуя, таким образом, лексико-семантическую изоглоссу.

¹⁷ Здесь мы придерживаемся версии о происхождении *двужильного* от *два + жила* ‘кровеносный сосуд; сухожилие’ — вопреки объяснению, предложенному в [Журавлев 1985]: от *два + жить* (в форме л-ового причастия или существительного *жило, жила* ‘век, срок жизни’). Последнее предположение было убедительно опровергнуто Е. В. Шабалиной [2009], указавшей на существование в архангельских говорах лексем *двоелённый* и *дву(х)лённый* (от перм., камч., юж.-сиб., влг., свердл., челяб., том., новосиб., горно-алт., иркут., вост.-казах. *лен* ‘шейное сухожилие’ [СРНГ 16: 351]). Эта мотивационная параллель свидетельствует в пользу «откорпоральной» мотивации слова *двужильный*.

безотлы́жно ряз. ‘постоянно, беспрестанно, всегда’ и ряз. ‘иногда’ [СРНГ 2: 196] (ср. брян. *отлы́га* ‘перерыв, передышка, отдых’, брян. *отлы́гивать* ‘под тем или иным предлогом уклоняться от работы; отлынивать’ [СРНГ 24: 233]). Сюда же *беспривязной* арх. ‘неназойливый, ненадоедливый’ — «Беспривязной — он не привязывайеца, што “дай” да “дай”» [АОС 2: 15] — и *беспривязный* влг. ‘надоедливый, назойливый’¹⁸: «Вот уж беспривязный-то, второй час работать мешает», курск., орл., ряз. ‘неотвязный, настойчивый’ [СВГ 1: 30; СРНГ 2: 274]. Возможно, однако, *беспривязный* ‘надоедливый, настойчивый’ — это «такой, которого нельзя привязать» (ср. ряз. *привязáться без привязу* ‘пристать к кому-л. неотступно, неотвязно’ — «У, какой ты, паря, докучный, привязался без привязу» [СРНГ 31: 153]), и тогда нужно вести речь об омонимии как на уровне мотивирующих лексем, так и на уровне мотивированных *без-*префиксальных единиц — а значит, слова *беспривязный* ‘неназойливый, ненадоедливый’ и *беспривязный* ‘надоедливый, назойливый’ должны относиться к описываемому далее типу энантиолексем.

2.2. Антонимия лексем, находящихся в отношениях лексико-словообразовательного варьирования, связанная с явлением омонимии (омоантонимия).

В данном случае речь идет о словах, принадлежащих разным подъязыкам, системам говоров — или одному и тому же диалекту. Мотивирующими для *без-*префиксальных слов, имеющих противоположную семантику, становятся полисемичные лексемы в разных значениях (т. е. разные лексико-семантические варианты). Таким образом, производящие лексемы связаны отношениями многозначности, а их производные являются словообразовательными омонимами. В данную группу входят, например, *безвы́тный* перм. ‘ненасытный, прожорливый’ — «Старик безвытной, его накормить невозможно; ну, все время ест; токо пообедаст — малехонько погода опять ходит нюхаться» [СПГ 1: 31] — и *безвы́тный* том., хакас., омск. приирт. ‘не имеющий аппетита’ — «Она мало ест, безвытна» (том.) [СРГС 1: 57; СРНГ 2: 184; СРСГСП 1: 37]; сюда же перм. *безвы́тно* ‘об отсутствии аппетита’ — «Мне сегодня ничего не естся, безвытно, я выть потеряла» [СРНГ 2: 184; СРГСПермК 1: 78]. Примечателен случай внутрдиалектной энантиосемии: *безвы́тный* алт. (У-Кан.) ‘тот, кто мало ест, не имеет аппетита’ — и алт. (У-Кан.) ‘не знающий меры в еде, ненасытный’ — «А что, бывает безвытный: сколь ни есть, всё мало... или не знат, наелся али нет. А вот я вытна: сахару поем и весь день не ем» [ИЭРГА 1: 120; СРГС 1: 57]. Развитие полярных значений у лексем, образованных в рамках модели *без-* +

¹⁸ Ср. здесь влг. *привязной* ‘надоедливый, назойливый, привязчивый’ — «У нас в деревне парни привязные, никак не отвязнутся» [СВГ 8: 43]. Влг. *беспривязный* ‘надоедливый, назойливый’, таким образом, содержит усилительное *без-* и вступает в отношения синонимии с мотивирующим словом.

выт-, связано с полисемантической основой: в одном случае в качестве производящей основы выступает *вы́ть* в значении ‘аппетит’ (влг., арх., сев.-двин., олон., новг., яросл., киров., вят., оренб., перм., челяб., курган., свердл., юж.-сиб., тобол., том., енис., иркут., якут., амур.) [СРНГ 6: 45] — *безвы́тный* «не имеющий аппетита», в другом — в значениях ‘промежуток времени между приемами пищи’ (юж.-сиб., влг., новг., арх., яросл., олон., сев.-двин., онеж., киров., перм., свердл., тобол., том.) / ‘время для еды’ (влг., олон., арх., новг., калин., киров., перм., свердл., сиб., иркут., тобол., енис.) [СРНГ 6: 44—45] — *безвы́тный* «не соблюдающий установленных сроков принятия пищи» → ‘ненасытный’, ср. показательный контекст: перм. «Безвытний. Это, говорят, есть человек вытний, ну, во времё кушает, а есть: покушал, маленько прошло — опять снова. “Ой, какой ты безвытной! — говорит. — Всё времё ешь, всё времё кушаешь”» [СПГ 1: 31].

Очевидно, что префикс *без-* в составе приведенных языковых единиц не утрачивает базового значения отсутствия, недостаточности: антонимия возникает в результате смысловых различий или противоположности «отрицаемых» приставкой основ. Это характерно для всех энантиолексем, относящихся к данному типу, ср. еще: *бессердечный* влг. ‘добрый, отзывчивый, спокойный’, нижегор. ‘человек, лишенный зла; тот, кого трудно рассердить’, вят. ‘незлобный, никогда не сердящийся, простоватый’ [СГРС 1: 109; ДСНО 1: 120; СРНГ 2: 277] — и общенар. *бессердечный* ‘неотзывчивый, бесчувственный к другим; жестокий’ [ССРЛЯ 1: 425], а также *бессердечность*, *бессердечие* ‘бесчувственное отношение к другим; жестокость’ [Там же], *бессердие* ‘отсутствие или недостаток сердца, внутреннего чувства, сочувствия, любви к ближнему’, *бессердый* ‘жестокосердый, жестокий, черствый, нечувствительный’ (без указания места) [Даль 1: 74]. Прилагательное *бессердечный*, бытующее в общенародном русском языке и негативно характеризующее человека, мотивировано общенародной лексемой *сердечный* ‘отзывчивый, добрый, чуткий’ [ССРЛЯ 13: 673] (< *сердце* ‘способность чувствовать и понимать других, отзывчивость, сердечность’ [Там же: 681]). Диалектное слово *бессердечный*, имеющее «положительную» семантику, в свою очередь, происходит от общенар. *сердце* ‘символ средоточия гнева, раздражения’ [Там же: 684], диал. широко распространенное *сёрдце* ‘гнев, раздражение, злоба’ [СРНГ 37: 192], ср. общенар. *сердитый* ‘склонный сердиться, гневаться, раздражительный’ [ССРЛЯ 13: 676], *сказать с сердцем* ‘сердито, раздраженно’, *в сердцах* ‘рассердившись’ [Шведова 2007: 875], енис. *сёрдце поиметь* ‘рассердиться на кого-л.’, смол. *сместить, согнать сёрдце на ком-л.* ‘сорвать зло, гнев, раздражение и т. д. на ком-л.’ [СРНГ 37: 193], влг. *не будет сердцо́в* ‘об отсутствии злости’ [СРГК 6: 65] и мн. др.¹⁹

¹⁹ Ср., однако, мурм. *бессердечный* ‘стремящийся отдать всю полноту сердца, души другим’ — «Нет, бессердечный не злой, добрый бессердечный, вот сердце все отдает», «Бессердечная, она уж всё от себя отдает» [СРГК 1: 70], где представ-

Другой пример — влг., арх. *бесту́жи(о)й, бессту́жи(о)й* ‘трудолюбивый, работающий’, ‘усердный, ревностный, неутомимый’ [СГРС 1: 110; Даль 1: 75; Опыт 1852: 9; Подвысоцкий 1885: 6; АОС 2: 18; СВГ 1: 31] — и помор. *бесту́жей* ‘беспечный, слишком хладнокровный, халатный, рассеянный’ [Дуров 2011: 30] (ср. близкие значения, представленные в других славянских языках: с.-хорв. *бѣстужан* ‘беззаботный, беспечный’, чеш. редк. *bezoužný* ‘не испытывающий тоски, стремления’ [ЭССЯ 2: 48]). В первом случае *без-*префиксальные лексемы производны от корня *туг-/туж-* в «трудовом» значении — ‘напряжение’ (ср. простореч. *нату́га* ‘напряжение сил’ [Шведова 2007: 498], влг. *на ту́гу делать что-л.* ‘испытывающая трудности, с трудом’, иркут., якут. *ту́го* ‘тяжело, через силу (работать)’ [СРНГ 45: 206, 208, 220]): *бесту́жий* — «не испытывающий напряжения сил»; во втором случае — от того же корня в значении «эмоциональном» (ср. простореч. *ту́жить* ‘горевать, кручиниться’ [Шведова 2007: 1006], юж., зап., смол., юж.-сиб., иркут., брян., калуж. *ту́га* ‘печаль, тоска’, твер., том. *ту́житься* ‘горевать, тосковать, печалиться’ [СРНГ 45: 206, 220], юж. *нету́га* ‘беспечный’ [СРНГ 21: 180] и др.): *бесту́жий* — «не испытывающий тоски, печали».

Наконец, полярные значения присущи следующим словам с приставкой *без-*, отличающимся только суффиксальным оформлением и функционирующим на одной или смежных территориях: новг. (Старорус., Новг., Демян.) *безнавѣйник, безнавѣнник* ‘полное веретено пряжи’ — и новг. (Старорус., Крестец., Борович.) *безнавѣвок, безнавѣвки* ‘неполное веретено пряжи’ [НОС 1: 44]²⁰. Попытаемся реконструировать механизм возникновения энантиосемии в данной группе лексем. Для этого необходимо обратиться к семантике их мотивирующих — слов, образованных от глагола *навить / навивать* (при этом будет привлекаться лексический материал, зафиксированный не только в новгородских говорах: как станет понятно ниже, интересующая нас модель не является узколокальной).

В зависимости от типа значения слова с корнем *ви-/веј-* можно разделить на три группы:

- лексемы с общим значением ‘некоторое количество пряжи на веретене’: пск., твер. *навѣвка* ‘моток ниток, навитый на что-либо’, симб. *навѣтень, навѣшни* ‘веретено с нитками’ [СРНГ 19: 166, 169];
- лексемы с общим значением ‘большое / достаточное количество пряжи на веретене’: новг. *навѣвка* ‘количество пряжи для одного вер-

---

лена другая цепочка развития значения: *бессердечный* — «способный отдать сердце людям». Производящее здесь — *сердце* в «положительном» значении — ‘отзывчивость, сердечность’ (ср. обсуждавшееся выше слово *бездушный* ‘способный отдать душу»).

²⁰ Разные суффиксы здесь обладают аналогичной семантикой: существительные с суффиксами *-ник-*, *-к(и)-*, *-ок-* называют предмет, предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом [РГ-80: § 212; § 221; § 251].

тена' — «У нас на веретно нарядено, дак называют навивка. Когда нарядено цело, это уж навивка», *на́витень* перм. 'количество пряжи, смотанной с двух веретен на одно', куйбыш. 'два рушника пряжи, составляющие полное веретено', *навіток*, *навітók* нижегор. 'большой моток пряжи на веретене', 'веретено, на которое намотана пряжа с трех веретен', влад. 'веретено, на которое намотана пряжа с двух веретен' [Там же];

- лексемы с общим значением 'малое / недостаточное количество пряжи на веретене': влг. *на́йвка* 'недопряденное веретено' [Там же: 293].

Аналогичные смысловые группы можно выделить и для слов, образованных в рамках модели *без-* + *(на)вить*:

- лексемы с общим значением 'некоторое количество пряжи на веретене': новг. *безнаве́йник*, *безнави́нник* 'моток пряжи на веретене' [СРНГ 2: 193; НОС 1: 44];
- лексемы с общим значением 'большое / достаточное количество пряжи на веретене': новг. *безнаве́йник*, *безнави́нник* 'полное веретено пряжи' [НОС 1: 44], новг. *безнави́вно* 'веретено с максимальным количеством намотанной на него пряжи' [СРНГ 2: 193], влг. *безнави́тыш* 'веретено с большим количеством намотанной на него пряжи', влг. *безна́йвошник*, *безна́йвошный* 'веретено, на которое намотано много ниток' [СРНГ 1: 53; СРНГ 2: 193; Дилакторский 2006: 20];
- лексемы с общим значением 'малое / недостаточное количество пряжи на веретене': новг. *безнави́вки*, *безнави́вок* 'неполное веретено пряжи' [НОС 1: 44].

Как для лексики без префикса *без-*, так и для лексики с префиксом *без-* значение 'некоторое количество пряжи на веретене' является наиболее общим и конкретизируется в «положительную» ('большое / достаточное количество пряжи на веретене') или «отрицательную» сторону ('малое / недостаточное количество пряжи на веретене') — и такое уточнение первичного, по всей видимости, значения становится причиной появления антонимии у формально близких слов²¹. Ср. аналогичный случай — возникновение противоположных значений у новгородской лексемы *гóрка*: Новг., Демян., Крестец., Молвот., Солец., Старорус., Уторг. 'количество ниток, умещающихся на веретене' — «Горку наярла, то есть целое веретено»

²¹ Лексемы, образованные по модели *без-* + *ви-/вей-*, зафиксированы только на территории Русского Севера (Новгородская и Вологодская области) — в отличие от бесприваочных образований, имеющих широкий ареал. При этом интересующая нас бесприваочная лексика с первичным значением 'некоторое количество пряжи на веретене' на территории Русского Севера не зафиксирована. Однако это не является препятствием для выдвижения нашей гипотезы, поскольку обозначение деталей веретена, самого веретена, веретена с пряжей и мотка ниток с помощью лексем, производных от глаголов с семантикой 'гнуть', 'вертеть', 'вить' (ср. хотя бы *коковка*, *куковка*, *кокоуля*, *кубышка*, *кучка*, *кукла*, *на́йвка*), — универсальная для говоров Русского Севера модель, см. [Галинова 2000].

(Демян.) — и Старорус. ‘неполное веретено пряжи’ — «Неполное веретено — горка, а полное — безнавейник» [НОС₂: 183]. Ср. еще другой пример, когда лексема реализует весь спектр значений (‘пряжа на веретене’ — ‘много пряжи’ — ‘немного пряжи’) в говорах Калининской (ныне Тверской) области: *коковка* Осташк. ‘пряжа на веретене’, ‘веретено пряжи, намотанное целиком, полностью’, Кимр. ‘веретено с намотанной на него не до конца пряжей; неполное веретено пряжи’ — «Коковка — нецелое веретено» [СРНГ 14: 91]. Приведем еще примеры: *напъяток* перм. ‘пряжа на веретене’, свердл. ‘неполное веретено пряжи’ [СРНГ 20: 116]; *поча́ток* диал. широко распространенное ‘веретено с намотанной на него пряжей, пряжа, намотанная на веретено’, горьк. ‘веретено, на которое начали прясть’, тамб., вост.-казах., ворон. ‘определенная мера пряжи (с одного веретена)’, твер. ‘полное веретено пряжи’, новг. ‘два полных веретена пряжи’, твер., смол., тамб., калин., новг. ‘большое веретено с намотанной на него пряжей с двух и более малых веретен (рушников)’ [СРНГ 30: 374—375]; *почи́нок* курск., новосиб. ‘веретено с намотанной на него пряжей, пряжа, намотанная на веретено’, курск. ‘неполное веретено пряжи’; калин. *почи́ныш* ‘веретено с намотанной на него пряжей, пряжа, намотанная на веретено’, ‘большое веретено с намотанной на него пряжей с двух меньших веретен (початков)’ [СРНГ 31: 14, 15].

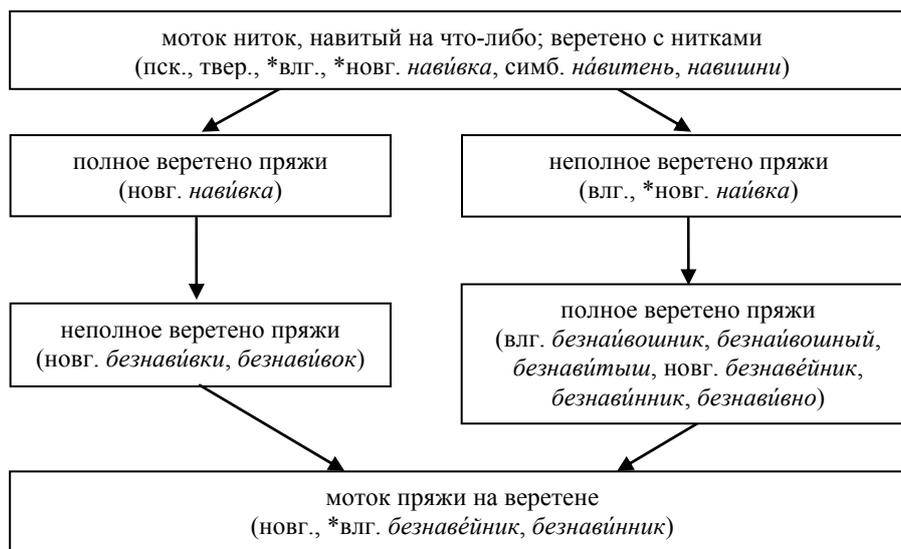
Вернемся к дериватам глагола *навить/навивать*. Можно предположить, что лексемы с противоположными значениями, сформировавшимися в результате конкретизации общей семантики, образуют *без-*префиксальные дериваты, в которых приставка *без-* обозначает не отсутствие или недостаточность, но нечто противоположное тому, что названо в его внутренней форме, вступая, таким образом, в отношения эквивалентности с префиксом *не-*²²:

- новг. *нави́вка* ‘количество пряжи для одного веретена’ → новг. *безнави́вки*, *безнави́вок* ‘неполное веретено пряжи’;
- влг. *наи́вка* ‘недопряденное веретено’ → влг. *безнаи́вошник*, *безнаи́вошный* ‘веретено, на которое намотано много ниток’, новг. *безнави́ейник*, *безнави́ейник* ‘полное веретено пряжи’, новг. *безнави́вно* ‘веретено с максимальным количеством намотанной на него пряжи’, влг. *безнави́тыш* ‘веретено с большим количеством намотанной на него пряжи’.

Если принять версию о параллельном существовании групп лексики без префикса *без-* и противоположных им по значению слов с префиксом *без-*, то последним шагом семантической деривации можно считать обобщение противоположных значений *без-*префиксальных лексем и появление у них

²² Случаи, когда префиксы *не-* и *без-* обретают смысловую тождественность в составе слов, не единичны, ср. пск. *непу́тица* и новг., яросл., пск. *беспу́тица* ‘распутица, бездорожье’, новг., пск. *безнаво́зица* и новг. *ненаво́зица* ‘часть поля, в которую не внесен навоз’, общенар. *несча́стье* и новг., пск. *бесча́стье* ‘горе, несчастье’ и мн. др., подробнее см. [Степанова 2008: 133—152].

семантики 'некоторое количество пряжи на веретене'. Графически семантическую деривацию исследуемой лексики можно представить следующим образом²³:

Таким образом, лексика, производная от глагола *навивать*, развивает противоположные значения на уровне бесприставочных слов и их *без*-префиксальных дериватов; кроме того, мотиванты и мотиваты с приставкой *без*- вступают в отношения синонимии.

* * *

Итак, случаи «незначашего» (усилительного) *без*-, а также примеры энантиосемии слов с этим префиксом, сохраняющим базовое значение отсутствия / недостачи, не являются лексическими маргиналиями — напротив, такие слова последовательно возникают при определенных условиях. К числу факторов, способствующих десемантизации приставки *без*- в составе слова (или присоединению к лексеме «пустого» *без*-), относятся:

- деэтимологизированность лексемы / производящей основы;
- общая экспрессивность слова, к которому присоединяется префикс *без*-;
- негативно-экспрессивная «инерция» полевой семантики (*без*-префиксальные континуанты праслав. *peḍliti 'натягивать' и др.);
- стремление семантической негации к воплощению с помощью формального показателя.

²³ Звездочками на схеме отмечены реконструированные (предположительно существующие, но не зафиксированные в словарях тех или иных говоров) формы слов.

Действие комплекса этих обстоятельств особенно заметно при анализе *без-*префиксальных элементов гнезд *кураж-*, *туг-/туж-* и *студ-/стуж-/стыд-/стыж-*: эти «темные» слова демонстрируют весь спектр изучаемых явлений — вступают в отношения синонимии или семантической близости с бесприставочными «носителями» корней; развивают антонимию на почве омонимии и приобретают семантическую полярность, с явлением омонимии не связанную.

Основной фактор, влияющий на возникновение энантиосемии (семантической полярности) слов с приставкой *без-*, — возможность неоднозначного «прочтения» носителями языка их внутренней формы. К развитию антонимии особенно склонны эмотивы, содержащие «плавающую» оценку.

Противоположные значения — при десемантизации префикса *без-* или сохранении им базового значения — регулярно возникают в словах, обозначающих другую «нестабильную» категорию — меру, временную или количественную.

Наблюдение над *без-*префиксальными энантиолексемами позволяет выявить их характерную особенность — возможность функционирования в рамках одной системы говоров.

Не менее интересно, впрочем, параллельное бытование таких синонимов, как влг. *беспривязный* ‘надоедливый, назойливый’ и влг. *привязной* ‘надоедливый, назойливый, привязчивый’; литер. *беспредельный* ‘чрезмерный, чрезвычайный’ и *предельный* ‘крайний, максимальный’; простореч. *обессудить* ‘осудить, отнестись строго’ и общенар. *осудить* ‘признать предосудительным что-л., выразить неодобрение кому-, чему-л.’ и мн. др. Представляется, что следующим шагом в изучении энантиосемии и «незначущей» негации — вслед за реконструкцией механизмов их возникновения — должны стать размышления, почему языковое сознание носителей языка способно «переносить» совместное существование подобных пар.

Л и т е р а т у р а

Александрова 2001 — З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

Андреевская 1997 — А. Андреевская. Приставка и ее контекст (на примере некоторых употреблений приставки *про-*) // Глагольная префиксация в русском языке / Под ред. М. Кронгауза, Д. Пайара. М., 1997. С. 113—120.

Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.

Балалыкина 2012 — Э. А. Балалыкина. Метаморфозы русского слова: учеб. пособие. М., 2012.

Бацевич 1986 — Ф. С. Бацевич. Типология энантиосемичных значений глаголов в современном русском языке // Исследования по семантике. Вып. 12. Семантика слова и фразеологизма / Отв. ред. Л. М. Васильев. Уфа, 1986. С. 33—40.

Бацевич 1987 — Ф. С. Бацевич. О глаголах с противоположным значением // Русский язык в школе. 1987. № 4. С. 86—89.

Березович, Сурикова 2015а — Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. К изучению продолжений праслав. *pědliti ‘натягивать’: рус. диал. *беспелюха* // Etymological Research into Old Church Slavonic: Proceedings of the Etymological Symposium Brno, 2014 / Irena Janyšková, Helena Karlíková (Eds.). Praha, 2015. S. 23—42.

Березович, Сурикова 2015б — Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. Бес-тужев или Бес-стужев? (еще раз о происхождении известной русской фамилии) // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции (Кострома, 17—18 октября 2014 года) / Сост. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2015. С. 33—42.

Бессонова 1982 — Л. Е. Бессонова. О некоторых условиях возникновения энантиосемии (на материале глаголов с приставкой *за-*) // Проблемы лексической и категориальной семантики / Отв. ред. О. М. Соколов. Симферополь, 1982. Вып. 2. С. 27—31.

Бессонова 1983 — Л. Е. Бессонова. Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке // Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Днепропетровский гос. ун-т. Днепропетровск, 1983.

Бродский 1998 — М. Ю. Бродский. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков) // Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998.

БСРП — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

Варбот 2008 — Ж. Ж. Варбот. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10—16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М., 2008. С. 84—95.

Варбот 2015 — Ж. Ж. Варбот. Уже не гапаксы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7—11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 48—51.

Виноградов 1975 — В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.

Галинова 2000 — Н. В. Галинова. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера // Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.

Ганцовская — Н. С. Ганцовская. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Рукопись.

Горелов 1986 — И. Н. Горелов. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 86—96.

Даль 1—4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. I—IV.

Даль СОЯ — В. И. Даль. Словарь офенского языка // В. Д. Бондалетов. В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004. С. 240—350.

Деул. словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот.: А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.

Добрушина 1997 — Е. Р. Добрушина. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке / Под ред. М. Кронгауза, Д. Пайара. М., 1997. С. 121—140.

ДСНО — Диалектный словарь Нижегородской области. Нижний Новгород, 2013. Т. 1—.

Дуров 2011 — И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.

Журавлев 1985 — А. Ф. Журавлев. Рус. *двуужильный* // Этимология 1985 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1988. С. 78—81.

Журавлев 1992 — А. Ф. Журавлев. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // Этимология 1988—1990 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1993. С. 77—88.

Зотов 2010 — Г. В. Зотов. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан, 2010.

ИЭРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / Под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул, 2007— Т. 1—.

Кривошапкин 1865 — М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.

Кронгауз 1997 — М. А. Кронгауз. Опыт словарного описания приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке / Под ред. М. Кронгауза, Д. Пайара. М., 1997. С. 62—86.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Куликовский 1898 — Г. И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча 1—4 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.

Махмутова 2009 — Л. Р. Махмутова. Основные типы энантиосемии в современном русском языке / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2009.

Николаева 2005 — Т. М. Николаева. Из наблюдений над явлениями межъязыковой омонимии и энантиосемии // Вестник ВолГУ. Вологда, 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 115—119.

НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.

НОС₂ — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996— Вып. 1—.

ОСК — Областной словарь Кузбасса / Под ред. Э. В. Васильевой. Кемерово, 2001. Вып. 1. А—Б.

Петлева 1998 — И. П. Петлева. Еще раз к вопросу о *не* — не 'не' // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого / Под ред. Т. А. Агапкиной, А. Ф. Журавлева, С. М. Толстой. М., 1998. Т. 1. С. 246—251.

Подвысоцкий 1885 — А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Попова 1979 — Н. В. Попова. Особенности отрицания *не-* в составе диалектных слов // Диалектная лексика 1979 / Под ред. Ф. П. Сороколетова. Л., 1982. С. 136—139.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Вып. 1—.
- РГ-80 — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1—2.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. СПб., 2003—. Вып. 1—.
- СЛРЯ — Словарь русского языка. М., 1981—1984. Т. I—IV.
- Соколов 1972 — О. М. Соколов. О функциональной приспособляемости русских глагольных префиксов // Вопросы языка и его истории. Томск, 1972. С. 47—54.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: А—Я. Уфа, 2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999—2006. Т. 1—5.
- СРГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011—. Вып. 1—.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1987. Т. 1—7.
- СРГЮП — И. А. Подюков, С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010—2012. Вып. 1—3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
- СРОГА — Л. Г. Гулиева, Ф. А. Мамедбейли, Э. А. Гейдарова, Г. О. Керимова. Словарь русского островного говора Азербайджана. 2-е изд., доп. Баку, 2006.
- СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992—1993. Ч. 1—3.
- СРСГЮТО — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Тюмень, 2014. Т. 1—2.
- СРСГЯ — М. Ф. Дружинина. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск, 1997. Т. 1—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948—1965. Т. 1—17.
- Степанова 2008 — Т. В. Степанова. Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Псков. гос. пед. ун-т. Великий Новгород, 2008.
- Толстой 1995 — Н. И. Толстой. *Не* — не 'не' // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 341—346.
- ТСВГ — Тематический словарь вятских говоров. Киров, 2013.
- Фасмер 1—4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. I—IV.
- Чернышев 1927 — В. И. Чернышев. Отрицание «не» в русском языке. Л., 1927.
- Шабалина 2009 — Е. В. Шабалина. Еще раз о слове *двужильный* // Русская речь. 2009. № 6. С. 106—109.

Шабалина 2011 — Е. В. Шабалина. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2011.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Шмелев 2009 — А. Д. Шмелев. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2009. С. 173—202.

Элиасов 1980 — Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974—. Вып. 1—.

Янышкова 2007 — И. Янышкова. Избыточное (неэтимологическое) *не-* // Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године / Ур. А. Лома. Београд, 2007.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.

Jespersen 1917 — O. Jespersen. Negation in English and other languages. København, 1917.

References

Aleksandrova 2001 — Z. E. Aleksandrova. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov. 11-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2001.

Andreevskaya 1997 — A. Andreevskaya. Pristavka i ee kontekst (na primere nekotorykh upotrebleniy pristavki pro-) // Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke / Pod red. M. Krongauza, D. Payara. Moskva, 1997. S. 113—120.

Anikin RES — A. E. Anikin. Russkiy etimologicheskiy slovar'. Moskva, 2007—. Vyp. 1—.

AOS — Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'. Moskva, 1980—. Vyp. 1—.

Bacevich 1986 — F. S. Bacevich. Tipologiya enantiosemychnykh znacheniy glagolov v sovremennom russkom yazyke // Issledovaniya po semantike. Vyp. 12. Semantika slova i frazeologizma / Otв. red. L. M. Vasil'yev. Ufa, 1986. S. 33—40.

Bacevich 1987 — F. S. Bacevich. O glagolakh s protivopolozhnym znacheniem // Russkiy yazyk v shkole. 1987. № 4. S. 86—89.

Balalykina 2012 — E. A. Balalykina. Metamorfozy russkogo slova: ucheb. posobie. Moskva, 2012.

Berezovich, Surikova 2015a — E. L. Berezovich, O. D. Surikova. K izucheniyu prodolzheniy praslav. *pędliti 'natyagivat': rus. dial. *bespelyukha* // Etymological Research into Old Church Slavonic: Proceedings of the Etymological Symposium Brno, 2014 / Ilona Janyšková, Helena Karlíková (Eds.). Praha, 2015. S. 23—42.

Berezovich, Surikova 2015b — E. L. Berezovich, O. D. Surikova. Bes-tuzhev ili Bes-stuzhev? (eshche raz o proiskhozhdenii izvestnoy russkoy familii) // Vtorye Gromovskie chteniya. Russkie narodnye govory: proshloe i nastoyashchee: sbornik materialov i issledovaniy vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii (Kostroma, 17—18 oktyabrya 2014 goda) / Sost. N. S. Gancovskaya. Kostroma, 2015. S. 33—42.

Bessonova 1982 — L. E. Bessonova. O nekotorykh usloviyakh vozniknoveniya enantioseмии (na materiale glagolov s prstavkoy *za-*) // Problemy leksicheskoy i kategorial'noy semantiki / Otv. red. O. M. Sokolov. Simferopol', 1982. Vyp. 2. S. 27—31.

Bessonova 1983 — L. E. Bessonova. Glagol'naya prefiks'al'naya enantiosemiya v russkom yazyke // Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk / Dnepropetrovskiy gos. un-t. Dnepropetrovsk, 1983.

Brodskiy 1998 — M. Yu. Brodskiy. Leksicheskaya enantiosemiya v sopostavitel'nom aspekte (na materiale sovremennogo angliyskogo i francuzskogo yazykov) // Diss. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 1998.

BSRP — V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok. Moskva, 2008.

Chernyshev 1927 — V. I. Chernyshev. Otricanie «ne» v russkom yazyke. Leningrad, 1927.

Dal' 1—4 — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. 2-e izd. St.-Peterburg; Moskva, 1880—1882 (1989). T. I—IV.

Dal' SOYa — V. I. Dal'. Slovar' ofenskogo yazyka // V. D. Bondaletov. V. I. Dal' i taynye yazyki v Rossii. Moskva, 2004. S. 240—350.

Deul. slovar' — Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti) / Pod red. I. A. Ossoveckogo. Moskva, 1969.

Dilaktorskiy 2006 — Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g. / Izd. podgot.: A. I. Levichkin, S. A. Myznikov. St.-Peterburg, 2006.

Dobrushina 1997 — E. R. Dobrushina. V poiskakh invariantnogo znacheniya prstavki *iz-* // Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke / Pod red. M. Krongauza, D. Payara. Moskva, 1997. S. 121—140.

DSNO — Dialektnyy slovar' Nizhegorodskoy oblasti. Nizhniy Novgorod, 2013. T. 1—.

Durov 2011 — I. M. Durov. Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii / Otv. red. I. I. Mullonen. Petrozavodsk, 2011.

Eliasov 1980 — L. E. Eliasov. Slovar' russkikh govorov Zabaykal'ya. Moskva, 1980.

ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod red. O. N. Trubacheva, A. F. Zhuravleva. Moskva, 1974—. Vyp. 1—.

Fasmer 1—4 — M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Moskva, 1964—1973. T. I—IV.

Galinova 2000 — N. V. Galinova. Etimologo-slovoobrazovatel'nye gnezda praslavyanskikh korney so znacheniyami 'gnut', 'vertet', 'vit' v govorakh Russkogo Severa // Dis. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. un-t. Ekaterinburg, 2000.

Gancovskaya — N. S. Gancovskaya. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi. Rukopis'.

Gorelov 1986 — I. N. Gorelov. Enantiosemiya kak stolknovenie protivorechivyykh tendency yazykovogo razvitiya // Voprosy yazykoznaniiya. 1986. № 4. S. 86—96.

IERGA — Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaya / Pod red. L. I. Shelepovoy. Barnaul, 2007—. T. 1—.

Jespersen 1917 — O. Jespersen. Negation in English and other languages. København, 1917.

Krivoshapkin 1865 — M. F. Krivoshapkin. Eniseyskiy okrug i ego zhizn'. St.-Peterburg, 1865.

Krongauz 1997 — M. A. Krongauz. Opyt slovarnogo opisaniya prstavki *ot-* // Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke / Pod red. M. Krongauza, D. Payara. Moskva, 1997. S. 62—86.

KSGRS — kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

Kulikovskiy 1898 — G. I. Kulikovskiy. Slovar' oblastnogo oloneckogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. St.-Peterburg, 1898.

LKTE — leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

Makhmutova 2009 — L. R. Makhmutova. Osnovnye tipy enantioseмии v sovremen-
nom russkom yazyke / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kazan. gos. un-t. Kazan', 2009.

Malecha 1—4 — N. M. Malecha. Slovar' govorov ural'skikh (yaickikh) kazakov. Orenburg, 2002—2003. T. 1—4.

Nikolaeva 2005 — T. M. Nikolaeva. Iz nablyudeny nad yavleniyami mezh'yazykovoy omonimii i enantioseмии // Vestnik VolGU. Vologda, 2005. Ser. 2. Vyp. 4. S. 115—119.

NOS — Novgorodskiy oblastnoy slovar'. Novgorod, 1992—1995. Vyp. 1—12.

NOS2 — Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Izd. podgot. A. N. Levichkin, S. A. Myz-
nikov. St.-Peterburg, 2010.

Opyt 1852 — Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdelen-
niem Imperatorskoy akademii nauk. St.-Peterburg, 1852.

OSK — Oblastnoy slovar' Kuzbassa / Pod red. E. V. Vasil'yevoy. Kemerovo, 2001. Vyp. 1. A—B.

OSVG — Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov. Kirov, 1996—. Vyp. 1—.

Petleva 1998 — I. P. Petleva. Eshche raz k voprosu o *ne* — *ne* 'ne' // Slovo i kul'-
tura. Pamyati N. I. Tolstogo / Pod red. T. A. Agapkinoy, A. F. Zhuravleva, S. M. Tolstoy. Moskva, 1998. T. 1. S. 246—251.

Podvysockiy 1885 — A. I. Podvysockiy. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo nare-
chiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. St.-Peterburg, 1885.

Popova 1979 — N. V. Popova. Osobennosti otricaniya *ne-* v sostave dialektnykh slov // Dialektnaya leksika 1979 / Pod red. F. P. Sorokoletova. Leningrad, 1982. S. 136—139.

POS — Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi. Leningrad, 1967—. Vyp. 1—.

RG-80 — Russkaya grammatika. Moskva, 1980. T. 1—2.

Seliger — Seliger: Materialy po russkoy dialektologii: Slovar'. St.-Peterburg, 2003—. Vyp. 1—.

SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa. Ekaterinburg, 2001—. T. 1—.

Shabalina 2009 — E. V. Shabalina. Eshche raz o slove *dvuzhil'nyy* // Russkaya rech'. 2009. № 6. С. 106—109.

Shabalina 2011 — E. V. Shabalina. Semantiko-motivacionnoe svoeobrazie russkoy leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskiy aspekt / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. un-t. Ekaterinburg, 2011.

Shmelev 2009 — A. D. Shmelev. «Neznachashchee» i «nevyrazhennoe» otricanie (kognitivnye i kommunikativnye istochniki enantioseмии) // Logicheskiy analiz yazyka. Asserciya i negaciya / Otv. red. N. D. Arutyunova. Moskva, 2009. S. 173—202.

Shvedova 2007 — Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 2007.

SIRYa — Slovar' russkogo yazyka. Moskva, 1981—1984. T. I—IV.

Sokolov 1972 — O. M. Sokolov. O funkcional'noy prisposoblyaemosti russkikh glagol'nykh prefiksov // Voprosy yazyka i ego istorii. Tomsk, 1972. S. 47—54.

SPG — Slovar' permskikh govorov. Perm', 2000—2002. Vyp. 1—2.

SRGB — Slovar' russkikh govorov Bashkirii: A—Ya. Ufa, 2008.

- SRGK — Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey. St.-Peterburg, 1994—2005. Vyp. 1—6.
- SRGS — Slovar' russkikh govorov Sibiri. Novosibirsk, 1999—2006. T. 1—5.
- SRGSPermK — Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraya. Perm', 2011—. Vyp. 1—.
- SRGSU — Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Sverdlovsk, 1964—1987. T. 1—7.
- SRGYuP — I. A. Podyukov, S. M. Pozdeeva, E. N. Svalova, S. V. Khorobrykh, A. V. Chernykh. Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya. Perm', 2010—2012. Vyp. 1—3.
- SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Moskva; Leningrad, 1965—. Vyp. 1—.
- SROGA — L. G. Gulieva, F. A. Mamedbeyli, E. A. Geydarova, G. O. Kerimova. Slovar' russkogo ostrovnogo govora Azerbaydzhana. 2-e izd., dop. Baku, 2006.
- SRSOSP — Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya. Tomsk, 1992—1993. Ch. 1—3.
- SRSOYa — M. F. Druzhinina Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Yakutii. Yakutsk, 1997. T. 1—.
- SRSOYuTO — Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti. Tyumen', 2014. T. 1—2.
- SSG — Slovar' smolenskikh govorov. Smolensk, 1974—2005. Vyp. 1—11.
- SSRLYa — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva; Leningrad, 1948—1965. T. 1—17.
- Stepanova 2008 — T. V. Stepanova. Kategoriya otricaniya v morfemnoy strukture slova (na materiale dialektnoy rechi) / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Pskov. gos. ped. un-t. Velikiy Novgorod, 2008.
- SVG — Slovar' vologodskikh govorov. Vologda, 1983—2007. Vyp. 1—12.
- Tolstoy 1995 — N. I. Tolstoy. *Ne* — ne 'ne' // Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. Moskva, 1995. S. 341—346.
- TSVG — Tematicheskij slovar' vyatskikh govorov. Kirov, 2013.
- Varbot 2008 — Zh. Zh. Varbot. Etimologicheskie gnezda i leksiko-semanticheskie polya v diakhronii i sinkhronii // Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Okhrid, 10—16 sentyabrya 2008 g.). Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 2008. S. 84—95.
- Varbot 2015 — Zh. Zh. Varbot. Uzhe ne gapaksy // Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 7—11 sentyabrya 2015 g. / Otv. red. E. L. Berezovich. Ekaterinburg, 2015. S. 48—51.
- Vinogradov 1975 — V. V. Vinogradov. Ob omonimii i smezhnykh yavleniyakh // Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike. Moskva, 1975. S. 295—312.
- Yanyshkova 2007 — I. Yanyshkova. Izbytochnoe (neetimologicheskoe) ne- // Slovenska etimologija danas. Zbornik simpozijuma odrzhanog od 5. do 10. septembra 2006. godine / ur. A. Loma. Beograd, 2007.
- YaOS — Yaroslavskiy oblastnoy slovar'. Yaroslavl', 1981—1991. Vyp. 1—10.
- Zhuravlev 1985 — A. F. Zhuravlev. Rus. dvuzhil'nyy // Etimologiya 1985: Sb. statey / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1988. S. 78—81.
- Zhuravlev 1992 — A. F. Zhuravlev. Zametki na polyakh «Etimologicheskogo slovarya slavyanskikh yazykov» // Etimologiya 1988—1990: sb. statey / Otv. red. O. N. Trubachev. Moskva, 1993. S. 77—88.
- Zotov 2010 — G. V. Zotov. Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii / Pod red. A. A. Sokolyanskogo. Magadan, 2010.

Резюме

В статье анализируются случаи энантиосемии (семантической полярности) русских диалектных и общенародных слов с приставкой *без-*, а также примеры синонимии без-префиксальных лексем и их бесприставочных мотивирующих лексем. Последнее явление связано, как правило, с процессом десемантизации префикса *без-* и приобретением им усилительной функции. Среди основных причин, вызвавших утрату приставкой *без-* в составе слова базового значения отсутствия, недостачи, называются деэтимологизированность лексемы; общая экспрессивность слова, к которому присоединяется префикс *без-*; негативно-экспрессивная «инерция» полевой семантики; стремление семантической негации к воплощению с помощью формального показателя. Возникновение энантиосемии может, с одной стороны, обуславливаться явлением омонимии, а с другой стороны — от омонимии не зависеть. Развитие полярных значений, не связанное с явлением омонимии, происходит, как правило, из-за разной интерпретации «неоднозначной» внутренней формы слов: мены субъектно-объектных отношений, смещения содержащейся в лексемах «плавающей» оценки к тому или иному полюсу (это особенно характерно для эмотивов и для обозначений меры — временной и количественной) и пр. Нередки также случаи появления энантиосемии (в том числе внутрдиалектной) в результате десемантизации приставки *без-*.

Ключевые слова: русские народные говоры, энантиосемия, «незначашее» отрицание, приставка *без-*, семантико-мотивационная реконструкция

Статья получена 29.10.2015

OLESYA D. SURIKOVA

ON THE NON-TRIVIAL SEMANTICS OF RUSSIAN WORDS FORMED WITH THE PREFIX *BEZ-*

This article analyses the cases of enantiosemy (semantic polarity) of Russian dialect and literary words with the prefix *bez-*, as well as examples of synonymy among *bez-*-prefixed lexemes and their prefixless motivating lexemes. The latter phenomenon is usually due to the process of desemantisation of the prefix *bez-* and acquisition of amplification functions. Among the main reasons why the prefix *bez-* loses its basic meaning (the meaning of absence or shortage) are: de-etymologisation of a lexeme; general expressivity of a word to which the prefix *bez-* is attached; negative-expressive «inertia» of semantic field; the tendency of semantic negation to be expressed through a formal indicator. Emergence of enantiosemy, on the one hand, can be explained by the phenomenon of homonymy, and, on the other hand, can be independent of it. The development of opposite meanings not associated with homonymy is usually due to different interpretations of «ambiguous» inner form of words: exchange of subject-object relations, shifts of «drifting» evaluative semantics contained in lexemes towards one or another extreme (this is particularly common with emotive words and temporal or quantitative measure designations), etc. Also frequent are cases of enantiosemy (including dialect enantiosemy) as a result of desemantisation of the prefix *bez-*.

Keywords: Russian dialects, enantiosemy, «insignificant» negation, prefix *bez-*, semantic-motivational reconstruction

Received on 29.10.2015

Р. В. РОНЬКО

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ИНФИНИТИВНЫХ КЛАУЗАХ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Введение

В исследовании рассматривается механизм выбора падежа дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке и севернорусских диалектах, а именно в инфинитивных оборотах, при которых есть прямое дополнение, выраженное именительным падежом (далее И. п.). Данную конструкцию можно проиллюстрировать примером из древненовгородского текста «Вопрошание Кирика»:

- (1) **Достонт ли попоу свои женѣ молитва творити всака** ‘Подобает ли попу о своей жене совершать любую молитву?’ [Вопрошание Кирика: 29].

Чаще в этих конструкциях прямое дополнение стоит не в винительном падеже (далее В. п.), как можно было бы ожидать, а в И. п. Вот пример конструкции с В. п., которая преобладает в древнерусском:

- (2) **Достонт ли, рече, глиньноу съсоудоу молитвоу даати · скверншю с.а. ци ли толико древноу** ‘Подобает ли, — сказал (Кирик), — совершать молитву, если осквернен глиняный сосуд или только если деревянный?’ [Вопрошание Кирика: 24].

Внешне схожие явления в северных диалектах представлены и в клаузах с причастиями и личными формами глагола, а также в предложных сочетаниях: *он идет на могила* [Timberlake 1974: 107, волог.], но эти конструкции нужно исследовать дополнительно.

---

* Я благодарю всех, кто принимал участие в обсуждении моей работы и высказал критические замечания: А. В. Циммерлинга, Т. Е. Янко, Е. А. Лютикову, А. А. Пичадзе, М. Б. Коношенко. Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать закономерности появления И. п. прямого дополнения в древнерусском языке, показать, какие факторы влияют на кодирование прямого дополнения, а также продемонстрировать некоторые способы анализа подобных конструкций.

Дифференцированным маркированием прямого дополнения называется расщепленное кодирование пациентивного участника ситуации, выражаемое именной группой (далее ИГ) в позиции прямого дополнения, в зависимости от парадигматических или семантических свойств этого участника или всей ситуации в целом [Коношенко 2009]. В разных языках мира широко распространено явление дифференцированного маркирования прямого дополнения. Прямое дополнение в этих языках может кодироваться более чем одним способом. Так, например, в финно-пермских языках существительное в позиции прямого дополнения может кодироваться показателем родительного / винительного падежей или же этот показатель может отсутствовать. В языках мира выбор нужного показателя может регулироваться строгими грамматическими правилами, взаимодействием этих правил или их иерархией.

Марийский язык:

- (3) *tuvər-əm urg-aš lij-eš*
 платье-ACC сшить-INF можно-PRS3SG
 Можно сшить платье [Сердобольская, Толдова 2002: 106];
- (4) *Maj-ən tuvər urg-aš kül-eš*
 я-GEN платье сшить-INF быть.нужным-PRS3SG
 Мне нужно сшить платье [Там же].

Способ или способы маркирования прямого дополнения могут определяться следующими параметрами: одушевленность, референциальный статус, линейная позиция прямого дополнения, вес ИГ, темарематический статус, расположение акцентоносителя. Этому вопросу посвящен ряд работ, например [Comrie 1975; 1989; Moravcsik 1978; Haspelmath 2005; Коношенко 2009; Сердобольская, Толдова 2002; 2012; Лютикова 2014] и др.

Статья написана на материале берестяных грамот, текстов «Вопрошания Кирикова», «Русской Правды»; а также приводятся примеры из работ [Борковский, Кузнецов 2006; Крысько 1994; Попов 2012; Потеня 1958; Степанов 1984; Timberlake 1974]. В качестве типологической параллели рассматриваются аналогичные конструкции в северных диалектах современного русского языка, с опорой на материалы диалектологических экспедиций в Архангельскую область 1996—2007, часть которых представлена в диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка (запись примеров — А. Л. Мороз), и известную книгу Барсова «Причитанья северного края...» [Барсов 1882].

Раздел 1 данной статьи посвящен истории описания изучаемых оборотов в славистике. В разделе 2 освещаются основные факты существования инфинитивных оборотов с дополнением в И. п. в древнерусском языке.

В разделах 3—4 рассматривается влияние на выбор падежа прямого дополнения таких параметров, как референциальный статус, одушевленность, коммуникативное членение и порядок слов. В разделе 5 обсуждается гипотеза финно-угорского влияния на древнерусский язык и современные северные русские диалекты. В заключении подводятся итоги и суммируются полученные данные.

1. Проблема анализа инфинитивных оборотов с дополнением в именительном падеже в славистике и русистике

Указанная конструкция не раз становилась объектом внимания ученых, начиная с А. В. Попова (1881) и А. А. Потебни (1874). Она была определена, как «именительный подлежащего при неопределенном действительного залога»¹ [Попов 2012: 46]. Существительному в ней А. А. Потебня приписывал статус подлежащего [Потебня 1958: 372—375].

Конструкция рассматривалась как с точки зрения общего синтаксиса [Timberlake 1974], так и в плане эволюции грамматического строя индоевропейских языков [Степанов 1984]. В. Кипарский в своей книге [Kiparsky 1960] использует формальный подход, более полно развернутый в работе П. Посталя [Postal 1974]. Кипарский [1960: 356—357] утверждает, что в случае отсутствия подлежащего в матричном предложении оно всегда «поднимается» в главную клаузу из вставленной, интерпретируя таким образом дополнение как субъект. В. Б. Крысько [1994: 192—197] поддерживает мнение Попова и Потебни об изначальном субъектном значении данных оборотов. Закрепление конструкций «И. п. с инфинитивом» в функции В. п. он связывает с регуляризацией «категории одушевленности/неодушевленности» и распространением «соответствующей парадигмы на все парадигмы единственного числа» [Там же: 197]. А. Тимберлейк [1974] рассматривает древнерусские и севернорусские инфинитивные клаузы с дополнением в именительном падеже в сравнении со схожими конструкциями в литовских и латышских диалектах и постулирует в данной позиции грамматический объект, который возник как заимствование из некоторых финно-угорских языков [Timberlake 1974: 2—3]. Как кажется, удачно интерпретировать данные конструкции в терминах теории подъема нельзя. В рамках функциональной типологии в статье принят тезис о наличии в языке параметра «номинативный объект» [Циммерлинг 2002: 771]. Параметр «номинативный объект» утверждает, что зависимая именная группа финитной или нефинитной клаузы может получать именительный падеж.

---

¹ «Сущность этого рода оборотов заключается в том, что при неопределенном действительного залога, которое бывает сказуемым или дополнением к сказуемому, подлежащим является именительный, на месте которого с современной точки зрения следовало ожидать винительного» [Попов 2012: 46].

При этом между падежной маркировкой ИГ и статусом подлежащего/дополнения нет прямой корреляции [Woolford 2003], языки мира допускают как дополнения в И. п., так и «подлежащеподобные» актанты в косвенном падеже [Zimmerling 2013: 724].

Вслед за [Циммерлинг 2002] мы утверждаем, что ИГ в финитной клаузе может получать прямой (в данном случае именительный) падеж, и предполагаем, что ИГ, способная получать как В. п., так и И. п., всегда остается дополнением. Таким образом, здесь представлено дифференцированное маркирование прямого дополнения. В работах, описывающих данную проблему в финно-угорских языках [Сердобольская, Толдова 2002; 2012: 61], предложен алгоритм анализа факторов, влияющих на дифференциальное маркирование прямого дополнения, который принят и в нашей статье. Предлагается следующий набор факторов:

- референциальный статус прямого дополнения;
- коммуникативное членение предложения;
- одушевленность прямого дополнения;
- аспектуальные характеристики глагола;
- порядок слов.

Далее будет продемонстрировано, что факторы, выделенные исследователями для описания вариативного маркирования прямого дополнения в других языках, влияли на оформление прямого дополнения при инфинитиве также и в древнерусском языке. Выбор схемы, уже примененной на материале финно-угорских языков, кажется особенно удачным в связи с возможностью субстратного влияния, хотя доказать ситуацию языкового контакта исходя из полученных результатов не представляется возможным. В любом случае, подобный выбор является типологически обоснованным, так как изучаемое явление включается в группу явлений, подходящих под тип «дифференцированное маркирование прямого дополнения».

2. Некоторые особенности изучаемых оборотов

Появление И. п. вместо ожидаемого В. п. обычно наблюдается у существительных женского рода, склонения на *-а/-я*, но возможно, что И. п. распространялся и на другие склонения, как в следующих примерах:

- (5) ... **тѣбѣ рже свѣа снати** 'ты должен рожь свою убрать' [Зализняк 2004: 536] (нач. 1310-х гг. XIV в.);
- (6) ... **Давати ми доци, а сестри моі приставницать** 'Мне предстоит выдавать дочь, а моей сестре распоряжаться' [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 170] (последняя четверть XIV в.).

Примеры, где в данной синтаксической позиции выступала бы словоформа мужского рода, в древнерусском языке отсутствуют, самый ранний пример относится к старорусскому периоду [Зализняк 2004: 156]:

- (7) **А осетре имъ имати по старинѣ** 'А осетра им брать как раньше (по старинке)' [ГВНП: 93] (бумажная грамота XV—XVI вв., список с оригинала 1460 г.).

В древнерусском языке и севернорусских диалектах конструкция «именительный падеж с инфинитивом» оформляет сентенциальный актант в том случае, если в клаузе есть модальный оператор. Используются предикаты **достойт**, **надо**, **надоть**, предложения долженствования, условные предложения с союзами **аще**, **уже** и др. Даже если модальные слова в предложении отсутствуют, они там подразумеваются, что при более формальном анализе равнозначно введению в схему описания нулевого модального оператора с примерным значением 'следует Р', где Р — пропозициональный аргумент, ситуация (это соображение уже было высказано в [Степанов 1984: 129]):

- (8) ... **как кси дѣкънчалъ марке съ мнѣю мнѣ выхѣти на петръво днѣ к тобѣ и росмѣтрити съла своѣго тѣбѣ рѣже свѣа снати а мнѣ наклады твоѣ дати** 'Как ты, Марк, порядился со мной, я должен выехать на Петров день к тебе и осмотреть село свое, ты должен рожь свою убрать, а я должен отдать тебе проценты' (нач. 1310-х гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 536].

Здесь необходимо упомянуть правило, сформулированное А. А. Зализняком: при инфинитиве, зависящем от **хотѣти**, **велѣти** употребляется именительный падеж [Там же: 157]:

- (9) **Коли хотаче мѣтвѣу творити болному преже глаголи «трисвятою». таже «Святыи боже». «Пресвѣтата Троице» «Отче нашъ». «Господи помилоуи» .ви . Таже молитвы днютъ за болащата** [Вопрошание Кирика: 33].

О случаях, не поддающихся описанию с помощью этого правила, речь пойдет дальше. По-видимому, в севернорусских диалектах это правило не соблюдается, ср.:

- (10) *Хочу пить холодная вода* [Timberlake 1974: 112].

3. Референциальный статус и одушевленность

Референциальный статус — один из параметров выбора падежа прямого дополнения. Мы придерживаемся определения референтности, которое дано в работе Е. В. Падучевой [1985: 79]: референция — это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями». В русском языке нет грамматических средств, которые выражают категорию референтность/нереферентность и определенность/неопределенность (артикли, специальные морфемы и т. п.). Следовательно, нам следует иметь дело с референциальными характеристиками ИГ. Тип

референциального предназначения ИГ называется референциальным статусом [Там же: 83].

В [Падучева 1985] приводится классификация типов референции. Разделяются референтный статус и нереферентный. Референтными называются те группы, которые индивидуализируют объект. Для референтных групп важны признаки *+/-определенность* («определенность объекта одновременно для говорящего и слушающего») и *+/-слабая определенность* («определенность объекта для говорящего, но не для слушающего») Выделяются три типа референтных ИГ: определенные, слабоопределенные, неопределенные для говорящего [Там же: 87—93].

- (11) *Марина съела этот пирог;
Я знаю рецепт одного пирога, но не знаю, где достать ингредиенты;
Марина съела какой-то пирог.*

Нереферентными называются «субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов». В упомянутой работе выделяется четыре типа референциальных статусов: экзистенциальный, универсальный, атрибутивный, родовой.

Экзистенциальные ИГ описывают объект, «не выбранный» из множества объектов такого же типа:

- (12) *Марина хочет съесть какой-нибудь пирог.*

Универсальные ИГ описываются с помощью квантора общности. ИГ с атрибутивным референциальным статусом отсылают к объекту действительности посредством описания:

- (13) *Человек, который украл твоего верблюда, был слеп на один глаз* [Там же: 97].

Родовые ИГ отсылают к эталонным, типичным представителям класса:

- (14) *Каждый пирог хранится определенное время.*

Иерархия определенности по [Givon 1990: 570] выглядит следующим образом:

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя >
Референтное неопределенное имя > Неопределенное имя >
Нереферентное имя

В рассматриваемой конструкции существительные, зависимые от инфинитива, должны быть нереферентными, слабоопределенными или неопределенными для говорящего (по [Падучева 1985]). Исключение составляют примеры (5), (7), (15—17):

- (15) *Проси у царя, чтобы на блюде голова принести ему на пир, Иоанна Крестителя (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область));*

- (16) ... **товѣ знати своя отчина. а мнѣ знати своя отчина** ‘тебе знать свою вотчину, а мне свою’ (Моск. договорная гр. 1362 г., цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (17) ...и **печать своя Князю Местеру къ сей грамоте привѣсити** (Моск. гр. 1531 г. [Там же: 419]).

Одушевленность также часто является во многих языках одним из важнейших факторов, влияющих на выбор оформления прямого дополнения, в целом в языках и идиомах правила выбора прямого дополнения подчиняются типологической иерархии одушевленности:

Личные местоимения > Имена собственные >
 Наричательные обозначения людей >
 Наричательные обозначения животных >
 Наричательные неодушевленные [Silverstein 1976: 113].

В большинстве примеров интересующее существительное является неодушевленным, но есть и противоречащие примеры, которые не позволяют однозначно утверждать абсолютность этого фактора:

- (18) **Достойт ли рѣзати в недѣлю скотъ · же са пригодить или птица** ‘Следует ли резать в неделю скот, если случится, или птицу?’ [Во-прошание Кирика: 27];
- (19) **Достойт ли мужу жена пустити** ‘Следует ли мужу жену пустить?’ (Милятино евангелие; цит по [Timberlake 1974: 15]);
- (20) **Ино достотъ ли мужу жена своя наказати** ‘Подобает ли мужу наказывать свою жену?’ (Домострой, XVI в. [Там же: 15]);
- (21) ... **взять всю та скотина на государя** ‘взять всю ту скотину для государя’ (Домострой, XVI в. [Там же: 34]).

Подобные примеры есть и в севернорусских диалектах:

- (22) *Мне надо собака с собой взять* [Timberlake 1974: 105];
- (23) *С кем мне-ка будет свежа рыба кусать* [Там же: 104];
- (24) *А вот не знаю, почему, шо в дом идешь, дак надо в перву очередь взять кошку. Кинуть кошка, бросить кошка* (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область, 1996—2007 [НКРЯ]).

Неодушевленность и нереферентность сопутствуют данной конструкции, но могут также присутствовать и в примерах с В. падежом. В древнерусском языке примеры с референтным ИГ встречались единично, и в диалектном корпусе они тоже крайне редки. Тезис о нарушении фильтра на одушевленность в примерах типа (18), (21) зависит от границ класса одушевленных существительных в древнерусский период. Согласно [Крысько 1994: 46—47], названия птиц и животных входили в этот класс, хотя ясно, что слова *скотъ* и *птица* в контекстах типа (18) имеют генерическую ин-

терпретацию. В примере А. Тимберлейка (22) «собака» не имеет генерической интерпретации и обладает более высоким референциальным статусом. Вероятно, это говорит о том, что в севернорусских диалектах фильтры на одушевленность и референтность имеют большую «пропускную способность», чем в древнерусском. Согласно иерархии [Silverstein 1976], прямое дополнение в И. п. может быть у таких классов имен, как «нарицательные обозначения животных» и «нарицательные неодушевленные».

По классификации Е. В. Падучевой, мы относим имеющиеся примеры к классу нереперентных, слабоопределенных и неопределенных по отношению к говорящему. В любом случае, сферой варьирования конструкций И. п. + инфинитив и В. п. + инфинитив остается зона, где заведомо были возможны обе конструкции — т. е. высказывания с нереперентными и неодушевленными существительными.

4. Коммуникативное членение предложения и порядок слов

Если рассматривать данные сентенциальные актаны с точки зрения коммуникативного членения предложения, то становится очевидным, что во всех приведенных примерах есть семантическое основание для выбора падежа. Для анализа конструкции необходимо использовать понятие «тема» и «рема», «вопросительный» и «невопросительный компонент вопроса», а также понятие «акцентоносителя коммуникативной составляющей» [Ковтунова 1976; Янко 2001]. Под «коммуникативной составляющей» мы, вслед за Т. Е. Янко, имеем в виду «носителя коммуникативного значения. Это могут быть темы, ремы, вопросительные и невопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы...» [Янко 1999: 11]. К сожалению, сейчас невозможно судить об акцентном выделении в древнерусской фразе, но можно попробовать определить статус тем и рем в древнерусском языке там, где понятен контекст и намерения пишущего. И если нам понятен план содержания стоящих за перестановками элементов линейно-акцентных преобразований², т. е. понятно соотношение параллельно представленных в текстах вариантов словоупорядка и степень их маркированности³, то можно попытаться установить место акцентоносителя. Если прямое дополнение в древнерусском языке является акцентоноси-

² Понятие «линейно-акцентное преобразование» трактуется следующим образом: «ЛА-преобразование является аналогом понятия синтаксического перемещения, за вычетом двух основных моментов: 1) ЛА — преобразование может менять акцентуацию составляющей, не меняя ее мест в предложении, а синтаксическое перемещение не может; 2) ЛА-преобразование действует на коммуникативные, а не формально-синтетические составляющие» [Циммерлинг 2013: 264].

³ Ср. анализ словоупорядков SOV и SVO на древнерусском материале в работе [Пичхадзе, Родионова 2011].

телем, то при соблюдении остальных условий (модальность конструкции, неодушевленность, нереферентность) оно получает И. падеж. Алгоритм выбора акцентоносителя предположительно универсален и определяется законами прагматики и коммуникативной семантики: чем ниже статус ИГ в иерархии актантов, тем более вероятным кандидатом на роль акцентоносителя, при прочих равных условиях, он является [Янко 2001: 72]. В [Янко 2001: 72] представлена иерархия элементов, которые располагаются «в порядке возрастания их права на роль акцентоносителя в коммуникативном компоненте»:

Предикат (Р) — сирконстанты (С) — актанты
(в порядке, заданном актантной структурой предиката —
А1, А2, А3, А4, А5, А6).

Как правило, акцентоносителем ИГ является в том случае, если находится в реме или вопросительном компоненте вопроса. В примере (1) акцентоносителем, согласно иерархии, является определение прямого дополнения «всякая», которое согласуется со словом «молитва». Таким образом падеж получает целиком ИГ «молитва всякая». Акцент, как правило, регулярно размещается на прямом дополнении. Рема распространяется на всю именную группу. Кроме того, именительный падеж может получить ИГ, которая находится в фокусе контраста, и в которой И. п. является дополнительным маркером акцентоносителя, усиливая выделение. Ниже приведен материал, демонстрирующий данное явление.

- (25) **Аже человекъ живъ дастъ сорокоустькѣ. достонт ли слоужити за нь. и коутья слати** 'Если человек при жизни даст деньги на сорокоуст (за упокой), следует ли служить за него и слать кутью?' [Вопрошание Кирика: 56—57];
- (26) ...**въ волости твоѣи толико вода пити в городицаньхъ** 'В Городище, твоём владении, только воду пить' [Зализняк 2004: 447] (40—70-е гг. (предпочт. не ранее 60-х гг.) XII в.);
- (27) ... **а иже кого достоупилъ. а тому не гости ничтоже. а шпитемья приати противу силѣ** 'А если с ним совокупился, то ему ничего [нельзя] есть. А епитимью принять по силе' [Вопрошание Кирика: 60];
- (28) ... **что ксми гже товѣ далъ · полтину · дати биричю · а грамота взать** 'Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно дать биричю, а [у него] взять грамоту' [Зализняк 2004: 570] (1360—1370-е гг.);
- (29) ... **да цо въ ти година отправить отьцу ино въ добро** 'Да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо' (20-е гг. XV в.) [Там же: 644];
- (30) ... **А кже человекъ боудеть въ шпитемьи. а поидеть на великыи поуть? — Рѣшити и, рече, и молитва раздрѣшьната дати кмоу, но шть държитъ заповѣдь** 'А если человек будет в епитимьи

(на человека наложат епитимью) и такой пойдет на великий путь? — Отпустить грех, — сказал (Нифонт), — и молитву об отпущении грехов о нем сотворить, но пусть держит (исполняет) заповедь' [Вопрошание Кирика: 60];

- (31) ... **достонть лѣсти въ алтарь. шполосноувѣшеся. и коуангльк цѣловати. и измывшеся и дора гаси и мощи цѣловати шмывшеся.** 'Нужно заходить в алтарь, ополоснувшись, и Евангелие целовать, а дору вкушать и мощи целовать [нужно], омывшись' [Там же: 52];
- (32) **Пра[ша]хъ паки аже · троци холостни. каютъся оу насъ. тако блюстиса блуда да дроугыи сблюдетъ колнко любо а дроугыи мало. дажъ и падають. азъ ли имъ в божници быти. и коуангльк цѣловати. и дора гаси.** 'Спрашивал еще: если отроки холостые дают у нас обещание, что будут воздерживаться от блуда, но один соблюдает сколько-нибудь, а другой мало и падает (до греха), — можно ли им в церкви быть и Евангелие целовать и дору вкушать?' [Там же: 41];
- (33) **Тѣлнаго ради женскаго. со Оркадикъ молвихъ се со игоуменомъ. а творашеся и епископа прошавъ. инѣхъ. а не покладоша ни за чтоже. то ксть Ѡ волѣзни и в божници ставати. коуангльк цѣловати. дора гаси** 'О женских телесных [недугах], я говорил с игуменом Аркадием, а он утверждал, что спрашивал даже епископа [и] других. И они не придали этому значения: это от болезни, и можно в церкви стоять, Евангелие целовать и дору вкушать' [Там же: 34];
- (34) **Въ чистоую недѣлю достонть. медъ гаси прѣсныи. квасъ житныи. а икра по все говѣникъ бѣлцемъ** 'В чистую неделю следует есть мед пресный, квас житный, а икру — во все говение не монахам' [Там же: 31—32];
- (35) ... **Или не прислеши а мнѣ ти стати о(у кня)за и у вѣдкѣ а больши ти протера гоши(ти)** 'Если же не пришлешь, то я встану (подразумевается: с тобой на суд) перед князем и епископом; тогда к большему убытку готовься' Грамота № 155 (60—90-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 381];
- (36) **А се оурочи городникоу · закладаюче городню, куну взати** 'А плата городнику такая: закладывая городню, взять куну...' [Правда Русская 1963: 132];
- (37) ... **а та грамота кнже дати ти назадъ** (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3, цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (38) ... **а белка купити** 'а белку купить' (Полоцк, гр. 1405 г. Там же: 419);
- (39) ... **лучше бы ми вода пити въ домѣ твоём...** 'лучше бы мы воду пили в доме твоём' (Моление Даниила Заточника [Там же: 419]);
- (40) ... **и тебе ему исправа учинити** 'и тебе нужно ему исправу учинить (его рассудить)' [Там же: 65];

- (41) ... **А та земля** очистити Матфею и Самуилу 'А ту землю очистить для Матфея и Самуила' [Там же: 10];
- (42) ... **Аже боудѣте холъпѣ оубитѣ** :: **а гривна сѣрѣбра** заплатити 'Если будет холоп убит, заплатит гривну серебром' (Смол. торговый договор 1229 г., список А, [Смоленские грамоты 1963: 21]).

Если существительное прямого дополнения не является акцентоносителем, то оно маркируется В. п., как в примере 2, где акцентоносителем является **ци ли толико древлноу**.

Для сравнения обратимся к материалу севернорусских диалектов. В примерах из этих материалов есть (или подразумеваются) модальные слова, прямое дополнение распложено слева от инфинитива, существительное, которым оно выражено, — неодушевленное и нереперентное. В (43—46) механизм выбора акцентоносителя идентичен механизму в предыдущих примерах (примеры (43—46) взяты из материалов экспедиций в Архангельскую область 1996—2007 гг. [НКРЯ]):

- (43) *Видно, отец... Надо было **баня рубить**, видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане;*
- (44) *Вам только гроб сделать да **яма выкопать**;*
- (45) *Ничего не было, счастья никакого. Знаю, что как на страшный суд пойдут, **на страшный суд при конце света**, да говорят, надо бы **рубашка найти**;*
- (46) *Молице не тяжело, **ручка накинуть на себя, на свое личико**.*

Что касается порядка слов, то в 78% случаев инфинитив следует за дополнением в древнерусских клаузах с конструкцией «И. п. + инфинитив», а порядок «инфинитив + ИГ И. п.» встретился в 22% случаев (база релевантных примеров, относящихся к древнерусскому периоду, составляет всего 53 клаузы). В теории линейно-акцентных преобразований известен механизм, перемещающий акцентоноситель ремы левее вершины сказуемого (Left Focus Movement⁴) [Циммерлинг 2013: 264—281]. Однако в 22% случаев этот механизм не работает (ср. примеры ниже). Кроме того, механизм Left Focus Movement представлен и в конструкциях «В. п. + инфинитив». Следовательно, перемещение актанта левее вершины инфинитивной клаузы — это факультативная операция, необходимое, но не достаточное условие акцентного выделения вершины ИГ в древнерусском языке.

- (47) **А сего прашахъ владыки аже боудутъ дшегоубци, а не имоутъ законныхъ женъ. како держати имъ **епитимья**** 'А вот что я спросил у владыки: Если окажутся убийцы и у них нет законных жен, как им держать епитимью?' [Вопрошание Кирика, И8];

⁴ Left Focus Movement — «перемещение элемента влево из позиции конечной ремы в позицию в начале группы сказуемого, предшествующего вершине глагольной группы» [Циммерлинг 2013: 281].

- (48) **Попови достонитъ. хотаче погроужати въ водѣ. роуцѣ совѣ завити. а [тъ] не омочитъся оплатьк. тако же и пелена** ‘Следует попу, который хочет погружать в воду [кого-то], руки себе обвить, чтобы не намочить рукав, а также пелену’ [Вопрошание Кирика: 33];
- (49) **Нечистѣ женѣ достонитъ, рече, гаси проскоурмисана проскоура. доры не достонитъ. ни оуангеля цѣловати. ни въ церковь лѣсти** ‘Нечистой женщине можно, сказал он, есть просфору, после проскомдии, но доры нельзя, ни Евангелие целовать, ни в церковь заходить’ [Там же: 57];
- (50) **аще то створитъ преже дати шпитемна. и потомъ поставитъся** ‘Если это совершит [до поставления попом], то прежде наложить епитимью и потом поставить’ (Вопрошание Кириково (Основная ред.) по списку ГИМ. Увар. № 791 XV в., К78; цит. по [Мильков, Симонов 2011: 388]);
- (51) ... **Прашахъ и сего: аще и жена родитъ дѣтѣ. или иногда сквърнна. достонит ли съ своимъ мужемъ быти. добро бы, рече, дондеже чиста боудеть тоже быти с нею. да быша любо и до .й. днии. дати шпитемья за то** ‘Спросил еще вот что: если женщина родит ребенка или когда она нечиста, можно ли ей быть со своим мужем? — Нужно бы, — сказал он, — не раньше чем будет чистой, тогда быть с нею, хотя бы до 8 дней, дать за это епитимью’ [Вопрошание Кирика: 57];
- (52) ... **Ино дати на него грамота судная по тому** ‘и дать на него судную грамоту в соответствии с этим’ [Timberlake 1974: 15];
- (53) ... **взяти грѣна кунъ за соромъ** ‘взять гривну кун за позор’ (Русская Правда по списку 1282 г., цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (54) ... **а шчицивати та земля** ‘а очищать ту землю’ (Двин. Закладная гр. 1449 г. № 15 [Там же: 419]);
- (55) ... **товѣ знати своя отчина. а мнѣ знати своя отчина** ‘Тебе знать свою вотчину, а мне свою’ (Моск. договорная гр. 1362 г. 15 [Там же: 419]);
- (56) ... **а мнѣ дай бѣ исправити правда новгородъска** ‘А мне дай бог исправить правду новгородскую’ (Новгородская Синодальная летопись XIII—XIV вв. [Там же: 419]);
- (57) **А се оурочи городникоу · закладаюче городьна, кѣна взати а кончавше ногата** ‘А плата городнику такая: закладывая городню, взять куну, а закончив ногату...’ [Правда Русская: 91];
- (58) *А вот не знаю, почему, шо в дом идешь, дак надо в перву очередь взять кошку. Кинуть кошка, бросить кошка* (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область, 1996—2007, НКРЯ).

В примере (59) слово **шпитемью** находится в постпозиции к глаголу:

- (59) ... **аще то створить преже дати эпитимью и потомь поставиться**
 ‘Если до постановления [попом] нечто из того совершит, то преже
 де наложить епитимью и потом [можно будет его] поставить’ [Во-
 прошание Кирика: 45].

Этот пример с актантом в винительном падеже как будто противоречит нашим утверждениям, но в редакции Вопросания Кирикова по списку ГИМ, Увар. № 791 XV в. слово стоит в И. п. [Мильков, Симонов 2011: 388] — очевидно, такое чтение и было первичным.

В таблицах 1 и 2 показано распределение позиции прямого дополнения относительно инфинитива, числами обозначено количество клауз, содержащих указанный признак. В новгородских памятниках и севернорусских диалектах преобразование Left Focus Movement чрезвычайно распространено. Надо сказать, что, в сочетаниях «прямое дополнение — личная форма глагола», позиция прямого дополнения слева от вершины клаузы в берестяных грамотах встречается значительно чаще, чем в книжных древнерусских памятниках (по материалам А. А. Пичхадзе, распределение левой и правой позиции дополнения в берестяных грамотах составляет 113 : 117) [Пичхадзе 2014].

Таблица 1

Расположение дополнения в В. п. относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	14	16
Берестяные грамоты	10	7
Русская Правда	37	31
Северные диалекты (НКРЯ)	230	167

Таблица 2

Расположение дополнения в И. п. относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	10	5
Берестяные грамоты	6	1
Русская Правда	1	1
Северные диалекты (НКРЯ)	17	5

Остальные примеры с И. п., взятые из работ [Зализняк 2004; Попов 2012; Потеня 1958; Степанов 1984; Timberlake 1974] и из других источников, не учтены в таблице.

В таблице 3 обобщены данные двух первых таблиц, исключая данные по Русской Правде. По таблице видно, что порядок слов в определенной

мере предсказывает результат выбора между исследуемыми падежами. Данные северных диалектов и древненовгородских текстов в ней объединены на том основании, что древненовгородский диалект и современные северные диалекты скорее ведут себя одинаково, чем по-разному.

Таблица 3

	OV	VO
И. п.	32 (73 %)	12 (27 %)
В. п.	254 (57 %)	190 (43 %)

При сравнении данных древнерусского языка и севернорусских диалектов мы приходим к выводу, что дифференцированное маркирование прямого дополнения происходит не совсем одинаково. Сравнение факторов-лицензоров этого явления представлено в таблице 4.

Таблица 4

**Признаки дифференцированного маркирования прямого дополнения
в древнерусском языке и современных севернорусских диалектах**

Наличие модального оператора	Современные севернорусские диалекты	Древнерусский язык
	+/-	+
Одушевленность	«нарицательные обозначения животных» и «нарицательные неодушевленные»	«нарицательные обозначения животных» (при родовом референциальном статусе) и «нарицательные неодушевленные»
Референциальный статус	Нереферентные ИГ, неопределенные по отношению к говорящему ИГ, слабоопределенные ИГ	Нереферентные ИГ, неопределенные по отношению к говорящему ИГ, слабоопределенные ИГ
Порядок слов	Преимущественно препозиция к глаголу	Преимущественно препозиция к глаголу
Коммуникативное членение	Прямое дополнение — акцентоноситель	Прямое дополнение — акцентоноситель

Важно сказать, что данное явление распространено не только на территории древненовгородского диалекта. Мы можем встретить его в смоленской договорной грамоте 1229 года:

(60) **Такова правда оузати роусиноу оу ризѣ · и на гочкомь березѣ**
(Смол. торговый договор 1229 г., список А, [Смоленские грамоты 1963: 22]).

Подобные примеры, уже из южновеликорусских говоров, приведены в статье С. И. Коткова [1959].

5. Проблема финно-угорского влияния

Балтийские, германские и славянские языки, распространенные в ареале вокруг Балтийского моря и входящие в условное образование, называемое циркум-балтийскими языками [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001], объединены рядом фонетических и морфосинтаксических признаков, которые, вероятно, развились под влиянием неиндоевропейских языков. В пользу финно-угорского влияния на севернорусские диалекты свидетельствует несколько фактов. Первый — лингвогеографический: финно-угорские языки распространены островами и изолированы друг от друга на территории русского языка (исключение составляют некоторые наиболее крупные из них, такие, например, как финский, эстонский и венгерский — они не подверглись значительной интерференции и не утратили своих позиций, то есть сохранили достаточно высокий уровень престижности и достаточное количество носителей). На территории русского языка, по данным сайта Ethnologue, находятся и 19 уральских языков. Второй аргумент — исторического свойства: ранние хроники фиксируют контакт славянских и финно-угорских племен начиная уже с 862 года. Предположительно, этот процесс начался еще в VI в. [Decsy 1967: 150—151; Veenker 1967: 18; Thomason, Kaufman 1988: 239].

Финно-угорское влияние на славянские и балтийские языки является широко обсуждаемым фактом и подробно рассматривается в работах [Decsy 1967; Thomason, Kaufman 1988; Timberlake 1974; Veenker 1967; Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001]. В них описываются некоторые просодические, фонологические и морфосинтаксические явления, которые предположительно заимствованы из финно-угорских языков. В нашей работе мы рассматриваем гипотезу о заимствовании параметра номинатива объекта.

Ситуация языкового контакта славянских и балтийских языков с финно-угорскими языками определяется в лингвистике как языковой сдвиг [Thomason, Kaufman 1988]. Языковой сдвиг — ситуация взаимодействия между языками, при которой группа носителей одного из языков, взаимодействующих друг с другом, переходит на второй в зависимости от разных факторов. «Ошибки», которые допускает группа носителей, говорящая на новом для них языке, имитируют их оригинальный язык [Там же: 39]. Понятие языкового сдвига восходит к понятию субстратной интерференции. Согласно работе [Matras 2007], существует два основных типа заимствований: заимствование материала (*matter borrowing*), знаковой единицы целиком, вместе с ее оболочкой, и заимствование модели (*pattern borrowing*), т. е. характерной для другого языка функции или способа аранжировки знаковых единиц. Второй тип заимствований возможен при ситуации языкового сдвига. Для этих случаев характерен переход синтаксического и фонологического материала и нехарактерно заимствование лексики [Thomason, Kaufman 1988].

Среди фонологических свидетельств финно-угорского влияния можно выделить цокание в северных русских говорах [Decsy 1967; Veenker 1967]. Из морфосинтаксических признаков мы рассмотрим конструкции с номинативом объекта и конструкции с субъектным результатом в древнерусском языке и современных северных говорах.

Параметр «номинатив объекта» встречается в нескольких языках циркумбалтийского объединения. Среди них диалекты латышского, литовского, северные диалекты русского языка. Данная конструкция встречается также в древнескандинавском языковом континууме [Циммерлинг 2002: 770—772]. Заимствование модели дифференцированного маркирования прямого дополнения из финно-угорских языков в указанные языки вполне возможно.

К модели древнерусского и севернорусского дифференцированного маркирования прямого дополнения наиболее близка модель лугового марийского языка. В марийском языке прямое дополнение может оформляться маркером аккузатива или оставаться без оформления. Так же, как и в древнерусском (в севернорусских диалектах возможен И. п. при личной форме глагола), в марийском языке оформление прямого дополнения возможно только в зависимой предикации с нефинитной формой глагола. В случае финитной предикации показатель аккузатива обязателен [Сердобольская, Толдова 2012: 77—78]. Учитываются референциальный статус, порядок слов и коммуникативное членение высказывания. Обязательна препозиция дополнения к глаголу, более того, прямое дополнение и глагол не могут линейно разрываться [Там же: 79]. Ср.:

- (61) (а) *Rvez-ən motor-ən poč'elamut lud-m-əž-lan*
 мальчик-GEN хорошо-ADV стихотворение читать-NZR-3SG-DAT
tun-əkt-əšö kuan-en
 учить-TR-PTCP/ACT радоваться-PRT
- (б) *Rvez-ən poč'elamut-əm / *poč'elamut motor-ən*
 мальчик-GEN стихотворение-ACC / стихотворение хорошо-ADV
lud-m-əž-lan
 читать-NZR-3SG-DAT
 Учитель рад, что ученик хорошо читает стихи.

Так же, как и в древнерусском языке, прямое дополнение оказывается неререферентным [Сердобольская, Толдова 2012: 79—84]. С точки зрения коммуникативного членения правило выбора прямого дополнения в марийском языке формулируется следующим образом: «Если глагол и ПД (прямое дополнение) оказываются в одном темарематическом компоненте, возможно опущение аккузатива. В противном случае (глагол принадлежит теме, ПД — реме, или наоборот) аккузатив обязателен» [Там же: 85]. Фактор коммуникативного членения в марийском языке стоит иерархически выше, чем фактор референтности/неререферентности [Там же: 84].

В печорском диалекте коми-зырянского языка прямое дополнение может маркироваться тремя способами: кумулятивным показателем притяжа-

тельности и аккузатива, показателем аккузатива или выражаться немаркированной формой [Там же: 105]. Немаркированная форма может встречаться как в финитных, так и в нефинитных клаузах. В отличие от лугового марийского языка здесь самым главным является фактор одушевленности. Он обуславливает жесткий запрет на немаркированную ИГ для одушевленного референта [Там же: 108]. При этом объекты, обозначающие некрупных животных, могут выступать в немаркированной форме [Там же: 108]; такую же картину в отношении животных, только с номинативом объекта, мы видим в древнерусском языке.

В финском языке, согласно [Timberlake 1974], немаркированное имя может выражать прямое дополнение в трех типах клауз: с императивом, с пассивом и с инфинитивом. Также немаркированному имени сопутствует неодушевленность.

В других финно-угорских языках, описанных в работе [Сердобольская, Толдова 2012], представлены другие модели, в каждой из которых есть вариант немаркированного прямого дополнения. Эти модели отличаются вариациями синтаксических ограничений и иерархиями приблизительно одних и тех же факторов (см. раздел 2), которые влияют на выбор прямого дополнения. Судя по всему, механизм выбора оформления прямого дополнения является языковым параметром, легко поддающимся изменениям в ходе языковой эволюции [Там же: 137]. Мы полагаем, что модель дифференцированного маркирования прямого дополнения могла быть заимствована на определенном этапе развития русского языка из одного (или нескольких) идиомов, а затем видоизмениться в соответствии с потребностями заимствующего языка: закреплением категории одушевленности, задачей грамматического выделения акцентоносителя.

Кроме явления дифференцированного маркирования объекта, результатом финно-угорского влияния является регулярный субъектным результатом, который образуется с помощью причастий на *-но*, *-то* и распространяется конструкцией *у + родительный падеж* (далее Р. п.) [Veenker 1967; Трубинский 1983]. Например:

- (62) *У сына жененось* [Трубинский 1983: 223];
- (63) *У него уехано было* [Там же];
- (64) *Замуж-то у ей с весны выйдено* (Карел.) [Там же];
- (65) *Глядите-кась у котят разваленось на полу* (Волог.) [Там же].

Результатив — «форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недялков, Яхонтов 1983]. Причастие в данных структурах образуется от непереходных глаголов и не может употребляться вне конструкции *у + Р. п.* [Трубинский 1983]. Помимо данной субъектной результативной структуры, в русских говорах присутствуют субъектный результатив с причастием на *-ши*:

- (66) *Отец вставши* (пск.) [Там же: 217].

8. Заключение

В статье рассмотрена конструкция с И. п. объекта в древнерусском языке, проанализированы такие признаки, как модальность, одушевленность/неодушевленность, референтность / нереферентность, порядок слов, коммуникативное членение предложения. «Типичные» конструкции с И. п. дополнения должны быть модальными, имя должно быть, как правило, одушевленным, нереферентным, стоять перед инфинитивом и быть в реме или актуализированной теме.

Можно заключить, что имеется вариант дифференцированного маркирования прямого дополнения, когда существует один дефолтный падеж (в данном случае В. п.) и одна форма, которая маркируется прямым падежом (И. п.).

Выбор И. п. ИГ инфинитивной клаузы является одним из маркеров того, что вершина ИГ группы является акцентоносителем ремы. Другим маркером является перемещение вершины ИГ левее инфинитива (Left Focus Movement).

Анализ данных при сравнении с материалом финно-угорских языков, а также параллель с конструкцией с субъектным результатом приводит к возможному принятию гипотезы о субстратном заимствовании модели дифференцированного маркирования.

Список сокращений и глосс⁵

И. п. — именительный падеж	INF — инфинитив
ИГ — именная группа	NOM — именительный падеж (номинатив)
В. п. — винительный падеж	NZR — номинализатор
Волог. — Вологодская область	PRT — прошедшее время
Карел. — Карелия	PRS — настоящее время
ACC — винительный падеж (аккузатив)	PTCP — причастие с неопределенным значением
ADV — наречие	
DAT — дательный падеж	SG — единственное число
GEN — родительный падеж	TR — транзитив

Литература и источники

- Барсов 1882 — Е. В. Барсов. Причитанья северного края. М., 1872.
 Борковский, Кузнецов 2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

⁵ Примеры, заимствованные из работ других исследователей, перенесены вместе с приведенными глоссами.

- Вопрошание Кирика — Вопрошание Кирика // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв. / Под ред. А. С. Павлова. 2-ое изд. СПб., 1908. С. 22—62.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров: Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII. Вып. 1. М., 1959. С. 45—53.
- Коношенко 2009 — М. Б. Коношенко. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Труды института лингвистических исследований. СПб., 2009. Т. V. С. 42—76.
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. № 4. С. 50—69.
- Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Под ред. В. П. Недялкова. Л., 1983. С. 5—41.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Пичхадзе, Родионова 2011 — А. А. Пичхадзе, А. В. Родионова. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке. // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (21). М., 2011. С. 127—162.
- Пичхадзе 2014 — А. А. Пичхадзе. Хэндаут по материалам семинара в МГГУ им. М. А. Шолохова от 25.04. 2014.
- Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 2. М., 1958.
- Правда Русская — Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963.
- Сердобольская, Толдова 2002 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. М., 2002. С. 106—125.
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 59—142.
- Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова. Подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Серия литературы и языка. Т. 43. № 2. М., 1984.
- Трубинский 1983 — В. И. Трубинский. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект) / Под ред. В. П. Недялкова. Л., 1983. С. 216—229.
- Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов в славянских языках в типологическом аспекте. М., 2013.
- Янин, Зализняк, Гиппиус 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 годов). Т. XII. М., 2015.
- Янко 1999 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры // Автореферат дисс.... доктора филол. наук. М., 1999.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Subjects and Direct objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case Marking Systems // *Etudes Finno-Ougriennes*, XII. 1975. P. 5—17.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. 2nd edition. Chicago, 1989.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. The Circum-Baltic Languages. Introduction to the volume // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic languages Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Decsy 1967 — G. Decsy. Is there a Finnic substratum in Russian? // *Orbis* 16. 1967. P. 150—160.
- Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. V. II. Amsterdam, 1990.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. Лекция, прочитанная в LSA institute в июле 2005 г. Материалы доступны на веб-странице: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf>.
- Kiparsky 1960 — V. Kiparsky. 1960. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. XXVIII. 333—342. Heidelberg, 1960.
- Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of structural categories // *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Matras, Yaron & Sakel (eds.). Berlin; New York, 2007.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the Case Marking of Objects // J. H. Greenberg (ed.) // *Universals of human language*. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249—289.
- Postal 1974 — P. Postal. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / R. M. W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112—171.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich, 1974.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
- Veenker 1967 — W. Veenker. *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache (= Uralic and Altaic series. Vol. 82)*. Bloomington, 1967.

Woolford 2003 — E. Woolford. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // *New Perspectives in Case Theory* / E. Brandtner and H. Zinsmeister (eds.). Chicago, 2003. P. 299—327.

Zimmerling 2013 — A. Zimmerling. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // *Computational linguistics and intellectual technologies*. 2013. Vol. 12 (19). P. 723—737.

References

Barsov 1882 — E. V. Barsov. *Prichitan'ya severnogo kraya*. Moskva, 1872.

Borkovskiy, Kuznecov 2006 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 2006.

Comrie 1975 — B. Comrie. Subjects and Direct objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case Marking Systems // *Etudes Finno-Ougriennes*, XII. 1975. P. 5—17.

Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. 2nd edition. Chicago, 1989.

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. The Circum-Baltic Languages. Introduction to the volume // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic languages Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Decsy 1967 — G. Decsy. Is there a Finnic substratum in Russian? // *Orbis* 16. 1967. P. 150—160.

Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. V. II. Amsterdam, 1990.

GVNP — *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*. Moskva; Leningrad, 1949.

Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. Лекция прочитанная в LSA institute в июле 2005 г. Материалы доступны на веб-странице: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf>.

Kiparsky 1960 — V. Kiparsky. 1960. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. XXVIII. 333—342. Heidelberg, 1960.

Konoshenko 2009 — M. B. Konoshenko. Differencirovannoe markirovanie ob'ekta v kalmyckom yazyke // *Issledovaniya po grammatike kalmyckogo yazyka*. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. St.-Peterburg, 2009. T. V. S. 42—76.

Kotkov 1959 — S. I. Kotkov. Konstrukcii tipa «zemlya pakhat'» v istorii yuzhnovelikorusskikh govorov: Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. T. XVIII. Vyp. 1. Moskva, 1959. S. 45—53.

Kovtunova 1976 — I. I. Kovtunova. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya. Moskva, 1976.

Krys'ko 1994 — V. B. Krys'ko. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka. Moskva, 1994.

Lyutikova 2014 — E. A. Lyutikova. Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoe markirovanie ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka // *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Seriya Filologicheskie nauki*. 2014. № 4. S. 50—69.

Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of structural categories // *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Matras, Yaron & Sakel (eds.). Berlin; New York, 2007.

- Mil'kov, Simonov 2011 — V. V. Mil'kov, R. A. Simonov. Kirik Novgorodec: uchenyy i myslitel' / Pamyatniki drevnerusskoy mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VII. Moskva, 2011.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the Case Marking of Objects // J. H. Greenberg (ed.) // *Universals of human language*. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249—289.
- Nedyalkov, Yakhontov 1983 — V. P. Nedyalkov, S. E. Yakhontov. Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy // *Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* / Pod red. V. P. Nedyalkova. Leningrad, 1983. S. 5—41.
- Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. Moskva, 1985.
- Pichkhadze 2014 — A. A. Pichkhadze. Xendaut po materialam seminaru v MGGU im. M. A. Sholokhova ot 25.04 2014.
- Pichkhadze, Rodionova 2011 — A. A. Pichkhadze, A. V. Rodionova. O poryadke slov v sochetaniyakh «lichnaya forma glagola — pryamoe ob'ektnoe dopolnenie» v drevnerusskom yazyke. // *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 1 (21). Moskva, 2011.
- Popov 2012 — A. V. Popov. Sravnitel'nyy sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhey v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugikh yazykakh. Moskva, 2012.
- Postal 1974 — P. Postal. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
- Potebnya 1958 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 2. Moskva, 1958.
- Pravda Russkaya — Pravda Russkaya / Pod red. B. D. Grekova. T. 3. Faksimil'noe vosproizvedenie tekstov. Moskva, 1963.
- Serdobol'skaya, Toldova 2002 — N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova. Nekotorye osobennosti oformleniya pryamogo dopolneniya v mariyskom yazyke // *Lingvisticheskiy bespredel*. Moskva, 2002. S. 106—125.
- Serdobol'skaya, Toldova 2012 — N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova. Differencirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh // N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina. *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyy i funkcional'nyy podkhody*. Moskva, 2012. S. 59—142.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / R. M. W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112—171.
- Smolenskie gramoty 1963 — Smolenskie gramoty XIII—XIV vekov / Pod red. R. I. Avanesova; podgot. k pech.: T. A. Sumnikova, V. V. Lopatin. Moskva, 1963.
- Stepanov 1984 — Yu. S. Stepanov. Oborot zemlya pakhat' i ego indoevropeyskie paralleli // *Seriya literatury i yazyka*. T. 43. № 2. Moskva, 1984.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich, 1974.
- Trubinskiy 1983 — V. I. Trubinskiy. Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh // *Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* / Pod red. V. P. Nedyalkova. Leningrad, 1983. S. 216—229.
- Tsimmerling 2002 — A. V. Tsimmerling. *Tipologicheskiy sintaksis skandinavskikh yazykov*. Moskva, 2002.
- Tsimmerling 2013 — A. V. Tsimmerling. *Sistemy poryadka slov v slavyanskikh yazykakh v tipologicheskom aspekte*. Moskva, 2013.

Veenker 1967 — W. Veenker. Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache (= Uralic and Altaic series. Vol. 82). Bloomington, 1967.

Voproshanie Kirika — Voproshanie Kirika // Russkaya istoricheskaya biblioteka T. 6. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch.1. Pamyatniki XI—XV vv. / Pod red. A. S. Pavlova. 2-oe izd. St.-Peterburg, 1908. S. 22—62.

Woolford 2003 — E. Woolford. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // New Perspectives in Case Theory / E. Brandtner and H. Zinsmeister (eds.). Chicago, 2003. P. 299—327.

Yanin, Zaliznyak, Gippius 2015 — V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 godov). T. XII. Moskva, 2015.

Yanko 1999 — T. E. Yanko. Kommunikativnye strategii i Kommunikativnye struktury // Avtoreferat diss.... doktora filol. nauk. Moskva, 1999.

Yanko 2001 — T. E. Yanko. Kommunikativnye strategii russkoy rechi. Moskva, 2001.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.

Zimmerling 2013 — A. Zimmerling. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // Computational linguistics and intellectual technologies. 2013. Vol. 12 (19). P. 723—737.

Резюме

В работе описываются конструкции «номинатив объекта» при инфинитивном обороте в древнерусском языке и древненовгородском диалекте. В данной позиции существуют две конкурирующие конструкции: номинатив объекта и объект в аккумулятиве (стандартное маркирование). Цель данной работы — понять, чем мотивирован выбор падежа в данных конструкциях. Номинатив объекта в инфинитивных клаузах рассматривается в терминах дифференцированного маркирования объекта. В статье номинатив объекта сравнивается с немаркированными объектами в уральских языках. Наибольшее значение в выборе падежа имеют такие факторы, как порядок слов и актуальное членение предложения.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, номинатив объекта, древнерусский язык, древненовгородский диалект, порядок слов, актуальное членение предложения

Статья получена 17.09.2015

ROMAN V. RONKO

DIFFERENTIAL OBJECT MARKING IN INFINITIVAL CLAUSES IN OLD RUSSIAN

This study describes the use of the nominative object in infinitive clauses in Old Russian and Old Novgorod dialect. There are two competing constructions in this position: nominative object with infinitive and standard (accusative) object. The main goal of the paper is to analyze the choice between nominative and accusative case in these constructions. Nominative objects in infinitival clauses are considered in terms of differential ob-

---

ject marking (DOM). The author compares nominative objects with unmarked objects in the Uralic languages. The most significant for the selection of case in this construction are word order and information structure.

Keywords: differential object marking, nominative object, Old Russian language, Old Novgorod dialect, word order, information structure

Received on 17.09.2015

Т. В. ПЕНТКОВСКАЯ

**НОВЫЙ ЗАВЕТ В ПЕРЕВОДЕ
КНИЖНОГО КРУГА ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО
И ПОЛЬСКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ XVI В.:
ПЕРЕВОД АРГУМЕНТОВ К АПОСТОЛУ***

Перевод Нового Завета, выполненный в конце XVII в. коллективом московских книжников — справщиков Московского Печатного двора под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого сохранился в трех списках, не идентичных по составу: четвероевангелие РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского) № 1291, первая треть XVIII в. (датировка по водяным знакам 1712—1716 гг.) и ГИМ, Син. греч. № 473 и 472 посл. трети XVII в. Два последних списка представляют собой греческо-церковнославянскую диглотту, причем Син. греч. 473 содержит только четвероевангелие и Деяния Апостолов, а Син. греч. 472 — весь Новый Завет (описание см. в [Исаченко 2004: XXXVIII—LIV; 2009: 33—43, 246—258; 2015: 160—170; Strakhov 1998: 67, 118—119, 134—136, 159—160]). Примечательно, что порядок Посланий в Син. греч. 472 отличается от принятого в церковнославянской традиции порядка Посланий, что хорошо демонстрирует сопоставление с Острожской Библией и Библией 1663 г. В этих двух изданиях полной Библии Соборные Послания предшествуют Посланиям апостола Павла, как это принято в византийской традиции, а в Син. греч. 472 представлен иной порядок следования, при котором Соборные послания даются после Павловых, что соответствует западной традиции.

Названные рукописи отражают результаты масштабной работы, начало которой относится к 1673 году, когда по благословению Московского Собора справщики приступили к новому переводу Библии. Следует отметить, что десятилетием ранее Епифаний Славинецкий уже участвовал в исправлении Библии, и это издание в 1663 г. вышло в Москве по благословению

---

* Выражаю глубокую благодарность за поддержку, помощь и неоднократное обсуждение идей этой работы проф. д-ру К. Ханнику (Институт Восточных Церквей, Вюрцбург). Благодарю также О. С. Сапожникову за ценные советы и плодотворную дискуссию в области московской книжности XVII в., Е. В. Белякову, обратившую мое внимание на евфимиевский перевод Номоканона, Н. Е. Ананьеву и О. А. Остапчук за помощь в работе над польским текстом.

патриарха Никона с предисловием самого Епифания, причем собственно исправления текста в нем были весьма умеренными. В основу sprawy была положена Острожская Библия [Исаченко 2009: 28—30; Пичхадзе 2009: 146]¹.

Первый этап работ завершился со смертью Епифания Славинецкого в 1675 г. На этом этапе был полностью переведен Новый Завет, однако сам Епифаний не успел внести в него окончательную правку [Исаченко 2009: 30]. Дошедшие до нас рукописи Син. греч. 472 и 473 относятся к периоду после 1675 г. и написаны несколькими лицами. Так, большая часть Син. греч. 472 написана рукой Флора Герасимова, добавления в эту рукопись вносил Евфимий Чудовский, по-видимому, после смерти Епифания возглавивший справу. К переписчикам Син. греч. 473 исследователи относят самого Евфимия, Флора Герасимова, Федора Поликарпова (писец киноварного заголовка), игумена Сергия, епископа Чудова монастыря Моисея, книгописца Михаила Родостомова, возможно также, писца Никиту [Исаченко 2009: 246—258; 2015: 200—202].

По всей вероятности, текст Нового Завета, подготовленный под руководством Епифания и Евфимия (далее — НЗЕ), не был предназначен для литургического употребления (в нем нет разметки по зачалам, нет указателя чтений и месяцеслова). Разбиение проведено, как в западной традиции, на главы и стихи². Кроме того, этот текст отличает от других церковнославянских переводов и редакций Нового Завета наличием так называемых аргументов — указаний краткого содержания перед каждой главой, причем аргументы присутствуют в обеих синодальных рукописях (только в церковнославянской части). При этом они устранены в Унд. 1291. Эта особенность, нехарактерная для русской церковнославянской традиции, заставляет обратиться к поиску источников аргументов.

Известно, что текст Нового Завета выверялся справщиками по нескольким греческим и нескольким славянским источникам. Сведения об этих источниках находятся, прежде всего, в предисловии к Унд. 1291 (л. 5, л. 7—7 об.), составленном, по всей вероятности, Евфимием Чудовским уже после завершения работы над переводом (в Син. греч. 472 и 473 это предисловие отсутствует) [Исаченко 1999: 270; 2009: 34]³. Та же информация

¹ Подробнее об этом редактировании см. в [Автокротова, Долгова 1985; Schweier 1987; Сиромеха 1981; Bobrik 2011: 55—57].

² В русской церковнославянской традиции разделение на главы отмечается в рукописях, связанных с работой по подготовке перевода Геннадиевской Библии 1499 г. [Ромодановская 2010: 199—211].

³ Это предисловие издано Т. А. Исаченко в серии *Biblia Slavica* [Исаченко 2004: 795—830]. Оно же повторно опубликовано ею в новейшей монографии с переводом на русский язык [Исаченко 2015, приложение 4]. В более ранней работе Т. А. Исаченко отмечает идеологическую близость данного предисловия другим предисловиям филологического характера новой эпохи, а именно, предисловиям Фр. Скорины и предисловию к переводу Псалтыри 1683 г. Авраама Фирсова [Исаченко 1999: 272].

содержится в так называемой исторической записке Архива Коллегии иностранных дел митр. Евгения (Болховитинова) [Исаченко 2004: XVII—XIX; 2009: 28—31; 2015: 154—157].

Кроме того, сокращенные названия ряда источников входят в систему помет Син. греч. 472. Так, помета «чюд» обозначает заимствование из Чудовского Нового Завета, помета «вєс» относится к Беседам св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе Максима Грека, а также к киевским изданиям Бесед св. Иоанна Златоуста на Деяния⁴ и Послания Апостолов⁵ (см., в частности, разбор отдельных примеров с такими пометами в [Исаченко 2015: 185—187]). Эти источники нового перевода названы и в предисловии к Унд. 1291. Однако в этом предисловии отсутствует указание еще на один источник, использование которого отражается в системе помет Син. греч. 472 и Син. 473. Это польская Библия Якоба Вуйка, обращение к тексту которой обозначается киноварной пометой «вѢй», «вѢйк», «вѢйко»⁶ см., например, Иак. 3:6 Син. греч. 472 ... **сице ѡзыкѣ поставляється [вѢй] въ ѡдесеѣхъ нашиѣ** (л. 415 об.) — οὗτως ἡ γλῶσσα καθίσταται ἐν τοῖς μέλεσιν ἡμῶν. Ср. Острожская Библия и Библия 1663 г. ... **сице и ѡзыкѣ въдворѣтсѧ въ оудеѣхъ нашиѣ** (л. 487). Новый Завет Вуйка 1593 г.: *Język poŝtanowiony ieŝt miedzy członkami náwymi* (л. 791)⁷. То же в издании Библии Вуйка 1599 г. (л. 1436).

Работа над новым польским переводом Библии⁸ по решению конгрегации иезуитов в Калиже была начата членом ордена Якобом Вуйком в 1584 г. Перевод Библии Вуйка приходится на эпоху Гуманизма и Реформации, которая может быть названа также эпохой Библии. Для изданий этого перио-

⁴ Перевод 55 гомилий Иоанна Златоуста на Деяния был выполнен до 1607 г. иеромонахом Гавриилом Дорофевичем и опубликован после ревизии Памво Берынды и Иосифа Святогорца в Киеве в 1624 г. [Thomson 1993: 190; Турилов 2010: 236].

⁵ Перевод гомилий Иоанна Златоуста на 14 Посланий апостола Павла был выполнен иеромонахом Киприаном Острожским, затем сверен с изданием греческого текста 1612—1613 г. Савилия Лаврентием Зизанием, Захарией Копыстенским и Памвоу Берындой. Опубликовано в Киеве в 1623 г. [Thomson 1993: 190; Турилов 2010: 236].

⁶ Указание источников перевода в публикации библейского текста известно как в польских изданиях, так и в восточнославянских изданиях на территории Великого Княжества Литовского: так, в маргиналиях к Евангелию Тяпинского (церковнославянско-простомовная диглотта) не позднее 1580 г. имеются пометы «апракас», «тетр», «евангелие московское, недавно друкованное» [Климов 2003: 373—374].

⁷ Польский текст передается с соблюдением основных орфографических особенностей старопечатных источников.

⁸ Обзор развития польской библейской традиции от допечатной эпохи до XVI в. включительно см., например, в работах [Kossowska 1968—1969; Pietkiewicz 2002; 2013].

да в целом характерно наличие хорошо разработанного научно-критического аппарата, которое демонстрировало научную эрудицию автора и облегчало читателю пользование текстом и его понимание. Основными элементами этого аппарата в изданиях Нового Завета и Библии в переводе Я. Вуйка являются так называемые суммы (аргументы), о которых речь пойдет ниже, и глоссы. Маргинальные глоссы представляют собой объяснение некоторых мест текста, а также комментарии в случае расхождения латинской и греческой версий Нового Завета и Псалтыри. Таким способом осуществляется филологическая критика библейского текста [Bieńkowska 1990; 1997: 108, 110—111].

Первое издание Нового Завета в переводе Вуйка вышло в 1593 г. под заглавием *Nowy TeŃtament Pána náŃwego IESVSA CHRISTVSA. Z nowu z Láćićńskiego y z Græckiego ná PolŃskie wiernie á bczyrze przełożony: y Argumentámi ábo SummáriuŃbámi kaźdych KŃŃag / y Rozdziałow / y Annotácyámi po brzegách obiáŃniony. Przydáne sá Náuki y PrzeŃtrogi málo nie zá kaźdym Rozdziałem : Porownánie EwángeliŃŃtów SS. Dzieie y drogi rozmáite Piotrá y Páwła S. y Regestr rzeczy głownieyŃnych ná końcu. Przez D. IAKVBA WVYKA, Theologá Societatis IESV. Z dozwoleńiem StárŃnych. Pod rozŃádek KoŃcioła S. PowŃbechnego RzymŃskiego wŃytko niech podlęże, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1593, 4°* [Kossowska 1968: 320—338; Wodecki 1998: 1208; Bieńkowska 2010: 25—28]⁹. Это издание снабжено тщательно разработанным критическим аппаратом, наличие которого отражено и в его заглавии (*Argumentámi ábo SummáriuŃbámi kaźdych KŃŃag / y Rozdziałow / y Annotácyámi po brzegách obiáŃniony*). Многоступенчатая система аргументов (сумм) в этом издании включает в себя: 1) краткое описание содержания всего Нового Завета (*Summá Nowego TeŃtamentu*, л. 31); 2) краткое содержание четырех Евангелий (*Summá czterech Ewángeliy*, л. 31—32); 3) краткое содержание каждой части Нового Завета (в частности, *Summá Ewángeliey S. MáttھےuŃa*, л. 41); *Argument / ábo Summa Dzieiow ApoŃtolfkich*, л. 391—393); 4) краткое содержание каждой главы [Bieńkowska 2010: 26]. Текст в нем разбит на главы и стихи, а также на зачала. Объяснению причин такого деления посвящен особый раздел в предисловии: *Potrzećie maŃ teź po brzegu Záczáła / to ieŃt Rozdziały SłowieńŃkie y RuŃkie wŃędy przypięjáne: á to prze to / áby Ńię ten TeŃtament nie tylko nam Polakom / ále y RuŃnakom y Słowiánom / (ktorzy dáleko inŃe y krotŃe á niźli my Rozdziały máię) przygodzić mogł. Dla czego teź w Nowym teŃtamentćie Budnego y Czechowicá te Záczáła sá przydáne (Предисловие к читателю, л. 24—25)*¹⁰.

⁹ Далее этот источник цитируется по: <https://play.google.com/books/reader?id=LQxOAAAАсAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PA301>. Дата обращения 20.07.2015.

¹⁰ Сходная декларация о главах и зачалах есть в издании Нового Завета М. Чеховича 1577 г., на которую, по всей вероятности, опирается Я. Вуйек: <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/doccontent?id=3611&from=FBC>. Дата обращения 19.11.2015.

Год спустя последовало переиздание этого перевода: *Nowy Testáment Pána náþego IESVSA CHRISTUSA. Z nowu z Láćińskiego y z Græckiego ná Poljskie wiernie á þczyrze przelożony. Przez D. IAKVBA WVYKA Theologá Societatis IESV. Z dozwoleniem Stárszych. Pod rozfádek Kościoła S. Powþechnego Rzymskiego wþyto niech podlęze, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1594, 8^o11*. В этом издании имеются суммы четырех Евангелий, однако отсутствуют предисловия перед каждым из четырех Евангелий и краткое содержание каждой главы (аргументы). При этом в издании 1594 г. сохраняется одновременное разделение текста на главы и на зачала. Оно было сверено с изданием Вульгаты Клементины, вышедшей в 1592 г. [Kossowska 1968: 338—341; Wodecki 1998: 1208; Bieńkowska 2010: 28]. Упрощение критического аппарата в этом издании было связано с его ориентацией на более широкий круг читателей [Sobczykowa 2010: 58].

Остальные издания Нового Завета появились уже после смерти Якоба Вуйка, последовавшей в 1597 г. Прежде всего, это полное издание всей Библии, вышедшее в Кракове в 1599: *BIBLIA TO IEST KSIĘGI STAREGO Y NOWEGO TESTAMENTV WEDŁVG ŁACINSKIEGO przekłádu stáręgo, w kościele powþeznym przyjetęgo, ná Polki ięzyk z nowu z pilnością przelożonę, Z DOKŁADANIEM TEXTV ZYDOWSKIEGO y Gręckiego, y z wykládem Kátholickim, trudnieyfzych mieyfc, do obrony Wiáry fwiętyę powþeznéy przeciw kácérztwóm tych czáfów należących: Przez D. IAKVBA WVYKA z WĄGROWCA, Theologa Societatis Iesv. Z DOZWOLENIEM STOLICE APOSTOLSKIEY, á nakłádem Ięgo M. Księdzá Arcybiskupá Gnięźnieńkiego, etę. wydánę. W KRAKOWIE, W Drukárni Łázárowéy, Roku Pánkiego, M. D. XCIX, 2^o12*. Полный перевод Библии был закончен Я. Вуйком в 1596 г., однако в течение четырех лет он рассматривался особой комиссией, вносившей туда редакторскую правку, и был опубликован посмертно. Каков был масштаб этой правки, детально неясно, поскольку подлинный экземпляр работы Вуйка утрачен [Kossowska 1968: 347—360; Wodecki 1998: 1209; Bieńkowska 2010: 45—46]. В этом издании в Новом Завете отсутствует разметка по зачалам, разделение проводится только по главам и стихам и иногда есть отличия в формах слов. Кроме того, в издании 1599 г. есть сумма Нового Завета, сумма четырех Евангелий, сумма перед каждым Евангелием, комментарий после каждой главы, но нет аргументов перед главами [Bieńkowska 2010: 48].

В 1605 г. вышло еще одно издание Нового Завета: *Nowy Testáment Pána náþego IESVSA CHRISTUSA. Znowu z Láćińskiego y z Græckiego ná Poljskie wiernie á þczyrze przelożony. Przez D. IAKVBA WVYKA Theologá Societatis IESV. Z dozwoleniem Stárþych. Pod rozfádek Kościoła S. Powþechnego Rzymjskiego wþyto niech podlęze, A. Piotrkowczyk, 1605, 8°*. В этом издании от-

¹¹ <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=6484&from=publication>. Дата обращения 20.07.2015.

¹² Это издание опубликовано в серии *Biblia Slavica* [Kwilecka, Rothe 2010].

сутствуют аргументы перед каждой главой и комментарии после каждой главы, но сохраняется одновременная разметка по главам и зачалам¹³.

Последующие издания Нового Завета Я. Вуйка появились в 1617 г.¹⁴, 1621/1622 г.¹⁵ и в 1647 г. (последнее издание практически идентично предыдущему)¹⁶. В этих изданиях имеется сумма четырех Евангелий, но отсутствует предисловие перед каждым евангелистом, отсутствует предисловие перед Апостолом и краткое изложение глав, а также комментарии [Wodecki 1998: 1208—1209]¹⁷.

Установлено, что Библия в переводе Якоба Вуйка послужила источником для перевода книги Иова, выполненного в 1671 г. монахом Чудова монастыря Моисеем. В рукописи перевода, хранящейся в Санкт-Петербургском институте истории РАН (ф. 238 (коллекция Н. П. Лихачева), оп. 1, №384, посл. треть XVII в.), после отдельных глав находятся комментарии, обозначенные пометой «Вуйковы» [Исаченко 2009: 50]. Следует отметить, что перед главами в переводе Моисея, как и в случае НЗЕ, помещены аргументы (см. снимок начала 42-ой главы, помещенный в работе [Исаченко 2009, иллюстрации]), которые, однако, отсутствуют в издании Библии Вуйка 1599 г. Их источником является протестантская Брестская Библия, ср. перевод Моисея 1671 г.:

Глава, 42. 2 Іувъ исповѣдѣтъ крѣвкоць свою и грѣхъ свой. 7 Дрѣзѣи егѡ наказѣтъ бѣгъ. 9 Молитса іувъ въ дрѣзѣхъ своихъ. 12 Благослови бѣгъ іувѡ и возврати емѡ сѣгѡбо. 13 снѡве егѡ лѣта и смѣртъ. Брестская Библия: 2. Job wyznawa krewkość u grzech swoy. 7. Przyiaćioły iego fuka Bog.

¹³ http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=10984&from=&dirids=1&ver_id=&lp=2&QI=. Дата обращения 20.07.2015.

¹⁴ Nowy TeŃtament Páná náŃego IESVSA CHRISTUSA. Znowu z LáćińŃkiego y z Græckiego ná Poljkie wiernie á Ńczyrze przelożony. Przez D. IAKVBA WVYKA Theologá Societatis IESV. Z dozwoleniem StárŃych. Teraz znowu przedrukowany. Pod rozsádek KoŃcioła S. PowŃechnego Rzymskiego wŃbytko niech podlęże, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1617, 8°.

¹⁵ Nowy TeŃtament Páná náŃego IESVSA CHRISTUSA. Znowu z LáćińŃkiego y z Græckiego ná Poljkie wiernie á Ńczyrze przelożony. Przez D. IAKVBA WVYKA Theologá Societatis IESV. Z dozwoleniem StárŃych. Teraz znowu przedrukowany. Pod rozsádek KoŃcioła S. PowŃechnego Rzymskiego wŃbytko niech podlęże, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1621/2, 8°. Режим доступа: <http://bcdl.pl/dlibra/doccontent?id=1805&from=FBC>.

¹⁶ Nowy TeŃtament Páná náŃego IESVSA CHRISTUSA. Znowu z LáćińŃkiego y z Græckiego ná Poljkie wiernie á Ńczyrze przelożony. Przez D. IAKVBA WVYKA Theologá Societatis IESV. Z dozwoleniem StárŃych. Teraz znowu przedrukowany. Pod rozsádek KoŃcioła S. PowŃechnego Rzymskiego wŃbytko niech podlęże. W Krakowie. W Druk: Wdowy y Dziedzicow Andrzej(a) Piotrk(owczyka). Typogr: K.I.M Roku Pańsk: 1647.

¹⁷ Об истории поздних переизданий Нового Завета Я. Вуйка см. тж. работу [Duda 1998].

9. Modli się Job za przyjaciół swemi. 12. Bog mu błogosławi / y wraca mu tyle dwa kroć *co był utracił*¹⁸. 13. Synowie jego / lata / y śmierć (л. 289)¹⁹.

Важным обстоятельством оказывается то, что иеродиакон Моисей вошел в круг лиц, трудившихся над переводом НЗЕ. Как полагает Т. А. Исаченко, данный перевод книги Иова представляет собой подготовительный этап планировавшегося по благословению Московского Собора 1673 г. полного перевода Библии [Исаченко 2009: 31, 47].

Таким образом, до начала работы Епифания и коллектива справщиков над новым церковнославянским переводом Библии вышло несколько изданий Нового Завета в переводе Я. Вуйка, что выдвигает на первый план задачу определения конкретного издания, которым могли пользоваться московские справщики.

Комбинированный тип разметки, свойственный Новому Завету Вуйка 1593 г. (далее — НЗВ), имеет, например, издание Нового Завета Симона Будного 1574 г.²⁰ В этом издании, однако, отсутствуют аргументы перед главами. То же относится и к изданию 1589 г.²¹ Разделение текста на главы и на зачала имеет также издание Нового Завета Мартина Чеховича 1577 г. (далее — НЗЧ 1577 г.), причем в этом издании есть и аргументы (иногда сближающиеся с аргументами в Новом Завете Я. Вуйка, однако соотношение этих двух источников не входит в рамки нашего исследования)²². Напом-

¹⁸ Выделенное отсутствует в церковнославянском переводе.

¹⁹ Укажем здесь на некоторые грамматические особенности перевода, существенные для сопоставления с переводом аргументов НЗЕ: польские формы наст. времени переводятся частью настоящим временем (*исповѣдѣеть* — *wyznawa*, *молитса* — *modli się*), однако форма, внешне совпадающая с церковнославянским аористом от глаголов с суффиксальным *-и-*, переводится аористом, а не настоящим временем (*блгослови* — *błogosławi*), очевидно, под влиянием данной формы формой аориста *возврати* переводится и *wraca*. Нумерация глав, как и в польском тексте, сделана арабскими цифрами, в отличие от нумерации глав в аргументах НЗЕ, выполненной кириллицей.

²⁰ *Nowy Testament znowu przełożony, á ná wielu mieyscách zá pewnymi dowodami odprzyjad przez Simoná Budnego oczyszciony, y krotkimi przypijkami po kráioch obiaśniony. Przydane teź są ná końcu tegoż dostátiecznieyše przypiski, ktore kázdey iák miarż odmiány przyczyny ukazuią:* http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=120603&from=&dirids=1&ver_id=2425791&lp=1&QI=. Дата обращения 12.11.2015. О личности С. Будного в контексте эпохи и его переводах Св. Писания см. [Kossowska 1968: 254—283].

²¹ <http://polona.pl/item/7687057/29/> Дата обращения 12.11.2015. Издание 1570 г. издание не имеет аргументов и не содержит разметку по зачалам: <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/doccontent?id=4262&from=FBC>. Дата обращения 12.11.2015.

²² *NOWY TESTAMENT To ieść Wbytkie pismá nowego Przymierza z Greckiego ięzyká na rzecz Poljką wiernie y šczerze przełożone.* <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/doccontent?id=3611&from=FBC>. Дата обращения 12.11.2015. О личности М. Чеховича и его переводе Нового Завета см. [Kossowska 1968: 284—298].

ним, что именно на практику С. Будного и М. Чеховича в данном вопросе ссылается Я. Вуек в своем предисловии (л. 5) [Kosowska 1968: 292; 326].

Среди кириллической продукции двойной тип разметки имеет Острожская Библия 1581 г. (совмещающая разделение на зачала и главы, однако разделение на стихи здесь отсутствует). При этом нумерация зачал в Острожской Библии и НЗВ 1593 г. совпадает (в отличие от НЗВ, в Острожской Библии зачала указаны кириллическими буквами). Двойную систему разметки имеет также Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.: оно разделено одновременно по зачалам и по главам («для людей закону римского, сирѣчь латинянь, иже въ нихъ не взываються зачала едно капитулы, а по нашему языку главы») [Martel 1938: 105—106; Дубровіна, Гнатенко 2001: 86]²³. Разметку Острожской Библии (далее — ОБ) воспроизводит разметка Библии 1663 г., над текстом которой трудился и Епифаний Славинецкий²⁴. В НЗЕ, однако, отсутствует разметка по зачалам, но, как и в издании полной Библии Вуйка 1599 г., имеется разметка по главам и стихам.

Важной характеристикой перевода НЗВ является обращение ко многим источникам. Я. Вуек выполнял первый перевод Нового Завета с издания Вульгаты Луки де Брюге (*Franciscus Lucas Brugensis*)²⁵, однако он сверял текст и с изданием Антверпенской полиглотты (1569—1572)²⁶. В случае расхождений Вульгаты и Септуагинты он принимал во внимание греческий текст, что отражалось в комментариях [Wodecki 1998: 1209—1210; Bieńkowska 2010: 28]. Учитывал он и варианты предшествующей польской переводческой традиции (в особенности Библии Леополиты 1561 г.)²⁷, кроме того, он обращался к переводу Симона Будного и Брестской Библии [Wodecki 1998: 1210]. Таким образом, в отношении выбора источников перевода (латинские, греческие и славянские) практика Якоба Вуйка оказывается прямой параллелью деятельности Епифания, Евфимия и их коллег.

Наличие аргументов в НЗЕ заставляет обратиться к источникам, их держащим, в первую очередь к НЗВ 1593 г. Следует отметить, что преды-

²³ Еще о практике двойной рубрикации в польских и белорусских изданиях см. [Климов 2003: 373].

²⁴ Полный текст Библии 1663 г. доступен по ссылке: <https://yadi.sk/d/oTfyaxQSzsUZ>. Дата обращения 13.08.2015.

²⁵ *Biblia / Sacra. / Quid in hac editione a Theologis / Louaniensis praestitum sit, / paulo post indicatur. / Antverpiae, / ex officina Christophori Plantini, / Architypographi Regii. / M. D. LXXX.*

²⁶ *Novum Testamentum Graece : Cum vulgata interpretatione Latina Graeci contextus lineis inserta: Quae quidem interpretatio, cum a Graecarum dictionum proprietate discedit, sensum, videlicet, magis quam verba exprimens, in margine libri est collata: atque alia Ben. Ariae Montani Hispalensis opera e verbo reddita [...].* Режим доступа: <http://digital.fides.org.pl/dlibra/docmetadata?id=862&from=publication>. Дата обращения 20.07.2015.

²⁷ О Библии Я. Леополиты см. [Kossowska 1968: 199—224].

дущее исправление Библии, которое включало в себя и ревизию Нового Завета, Библия 1663 г., как и Острожская Библия, не имеет аргументов.

С точки зрения оформления аргументы в рассмотренных нами источниках могут быть разделены на две группы: в первой из них каждый аргумент пронумерован, во второй группе такая нумерация отсутствует. К первой группе относится Новый Завет М. Чеховича, Новый Завет Вуйка 1593 г., Брестская Библия²⁸, несколько изданий Гданьской Библии (Новый Завет 1606 г., издания 1632 г. и 1660 г.), ко второй группе принадлежат Clementina²⁹, Leopolita³⁰, Апостол Фр. Скорины 1525 г.³¹ и Пересопницкое Евангелие, аргументы которого восходят к чешской традиции: они близки к аргументам чешской Библии 1556 года (РГБ, МК, Praha Melantrich 1556 2°), в свою очередь переведенной с немецкого [Котова 2015: 25—32]. По характеру оформления аргументы НЗЕ относятся к первой группе.

Сопоставление аргументов НЗЕ (по рукописи Син. греч. 472) с аргументами вышеперечисленных источников показывает, что с текстологической точки зрения аргументы НЗЕ должны быть разделены на 2 группы: 1) аргументы в четвероевангелии; 2) аргументы в Деяниях и Посланиях Апостольских, а также в Апокалипсисе.

Аргументы 1-ой группы (четвероевангелия) не соотносятся полностью с аргументами рассмотренных источников, обнаруживая в некоторых случаях частичное совпадение с отдельными аргументами в НЗВ, однако сколько-нибудь систематическим это соответствие не является. Следует отметить, что в НЗЕ к Мф. 1 аргументы отсутствуют (подобное отсутствие отмечается и для Пересопницкого Евангелия [Дубровина, Чепига 2001: 87, 141]). Но в НЗВ аргументы к Мф. 1 есть.

В ряде случаев для аргументов четвероевангелия НЗЕ в Новом Завете Вуйка 1593 г. находятся частичные соответствия в виде совпадения отдельных стихов:

Мф. 4 Син. 473 **а:** Хрѣтосъ искѣснвыиѣсѣ. **д:** Писаніе діавола кѣсителя³² повѣждае. **аі:** Агглан темѣ (!)³³ слѣжа. **в:** зї: Проповѣдѣе покаяніе. **н:** Званіе петра и андреа. **ка:** Іакѣва, и Іѣванна. **к:** Проповѣдѣе еѣліе, и врачитъ немощныѣ (л. 4). То же Син. 472 [на поле: -врачѣ-] (л. 44 об.).

²⁸ Для работы с этим источником использовалось издание [Rothe, Scholz 2001]. Об источнике см., например, [Kossowska 1968: 231—253].

²⁹ Работа с этим источником велась по изданию Biblia Sacra Vulgatae editionis: Sixti V et Clementis VIII Pont. Max. jussu recognita atque edita. Rothomagi: ex typographia nostra Ric. Lallemand..., 1773. <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5325860250;view=1up;seq=6>. Дата обращения 20.07.2015.

³⁰ Для работы с этим источником использовалось издание [Olesch, Rothe 1988].

³¹ Для работы с этим источником использовалось издание [Rothe, Scholz 2002].

³² В этом слове затерты начальные буквы **ис**.

³³ В Син. 472 **томѣ**.

НЗВ 1593 г.: 1 Przedmowá *do Theophilá*. 5 Zácháriaß y Elźbietá. **6 Spráwiedliwi przed Bogiem**. 15 Jan iáki miał być. 20 Zácháriaß dla niedowiarŃtwá oniemiał. **24 Elźbietá nieplodna poczęła**. 26 Anioł zwiáŃŃtuie Máriej pánnie wćielenie P. JefuŃowo. 39 Elźbiety náwiedzenie. 46 PioŃnká P. Máriej. 57 Národzenie Janá Krzćicielá. 68 PieŃñ Zácháriaßowá. 76 Urzęd Janow (л. 188)³⁶.

Здесь почти полностью совпадают с НЗВ № 5, 15, 20, 46, 68, 76. Частично совпадают № 1, 26, 57. В НЗВ отсутствует № 80, а в НЗЕ отсутствует № 6. Таким образом, несмотря на совпадение существенной части аргументов, пословным переводом с НЗВ назвать это нельзя.

Ср. НЗЧ 1577 г.³⁷ 1 Czyni przedmowę **Lukaß** do Theofilá / o wielkości tych ktorzy Ńię zá to bráli / iákoby porządnie Ńpráwy JefuŃowe opifáli. 5 Rzecz Ńwá záczyňa od Zácháryaßá Janowego oycá. **26** Potym opifuiie poczęcie JefuŃowo / przez poŃelŃtwo Gábryelá árchániołá ktory do Máryey poŃłany był. 32 Y opowiedział co zacz tenŃyn (!) iey miał być. 34 Máryey zezwolenie. 39 Elźbiety náwiedzenie. 46 PioŃnká Bogá chwalenie. 57 Urodzenie Janowe. 64 Zácháryaßowe przemowienie. 68 PioŃnká Bogá chwalenie. **80 Janowe roŃnienie** y pomnázanie.

Для сравнения приведем и другие источники с аргументами.

Брестская Библия (частичное совпадение с НЗЕ обнаруживается только в № 57): 1. Anioł Gábryel ukazał Ńię Zácháryaßowi oznáymuiąc mu národzenie Janá Krzćicielá. 26. A Máryey Pánnie národzenie KryŃtuŃowo. 39. Ktora w tenze czás Błá náwiedzác Elźbietę. 46 PieŃñ Máriej. **57. Elźbietá porodźila**. 68. Zácháryaß prorokuiąc złożył pieŃñ (л. 31).

Библия Леополиты: Elźbietá poczawŃŃy Jáná / od pány Máriej z ducha Ńwiętego brzemiesney náwiedzona / urodziłá Ńyná ZáchariaŃŃowi przed tym niememu / á potym prorokuiącemu (л. 498).

Пересопницкое Евангелие: аргументы к Лк. 1 отсутствуют.

³⁶ К этому близки аргументы Гданьского Нового Завета 1606 г.: **Przedmowá. 5. Zacháriaß y Helźbietá. 15. Krzćiciel jáki miał być. 20. NiedowiarŃtwo y niemotá Zacháriaßowa. 26. Anioł do Pánny poŃłany. 39. Mária náwiedza Helźbietę. 46. Hymn Máriej. 68. Hymn Zácháriaßow. 76. Vrzęd Iana Krzćicielá.** (<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=1466&from=FBC>), дата обращения 06.12.2015. В издании Гданьской Библии 1632 г. они несколько видоизменены: **Przedmowá Ewán-geliŃty. 5. Rodźicy Janá Chrzćiciela. 20. Niemotá Zácháryaßowá dla niedowiarŃtwá. 26. AnjelŃkie poŃelŃtwo do Pánny Máryey, o poczęćiu y národzeniu Syná B. 39. Pánná Elźbietę náwiedza. 46. PieŃñ jey. 57. Janá S. národzenie. 59. Ochrzczenie. 76. Vrzęd.** (<http://www.bibliagdanska.pl/biblia.php?d=Nowy%20Testament&k=%A3ukasza&r=1>). Аргументы в издании 1660 г. совпадают с аргументами издания 1632 г. (<https://books.google.pl/books?id=K1JJAAAАсAAJ&printsec=frontcover&hl=pl#v=onepage&q&f=false>, дата обращения 06.12.2015). Вероятно, Новый Завет Вуйка мог служить одним из источников аргументов в Гданьских изданиях. Тем не менее и с ними полного совпадения аргументов в Гданьских изданиях нет.

³⁷ Имеющиеся совпадения с НЗЕ (за пределами сходства НЗВ и НЗЧ) выделены полужирным шрифтом.

Clementina: Zachariae sacerdoti annuntiat Gabriel Joannis conceptum ex Elizabeth sterili; qui, angelo non credens, mutus efficitur: idemque Gabriel Mariae annuntiat conceptum Jesu filii Dei de Spiritu sancto: ad Mariae salutationem Joannes exsultat in utero, et Elizabeth prophetat, ipsaque Maria canticum gratiarum actionis Domino dacantat: ut nati Joannis circumcision Zacharias pater, recepta loquela, canticum gratiarum actionis edit.

Лк. 2 Син. 473 **а:** Повелѣніе кесара августа. **з:** Ржѣтво хрѣта спса. **гг:** Пѣснь аггавъ, **ка:** вѣрѣзаніе Іисова. **кв:** Учищеніе маринно. **кн:** Сгмев^н прѣмле^н на вѣятїя Іиса. **кѡ:** Пѣснь смевна. **лс:** Анна пррчица. **м:** Растѣніе Іисова дх^о. **мс:** Слыши и вопрошае Іис двонадесятлѣтє сый **Учителн во стилици** (л. 75 об.). То же Син. 472 (л. 132).

НЗВ 1593 г. 1 Popis wBytkiego swiata pod Cezarzem Augustem. 6 Narodzenie Pána Jezufowo. 8 Pasterzom opowiedziane. 14 Piofnka anielska. 21 Okrzczzenie Pána Chrjstufowo. 22 Ofiarowanie do kościoła. 28 Symeon go riasztuie. 29 Piofnka iego. 34 Proroctwo iego. 36 Anna prorokini. 46 Jezus we dwunascie leciech z Doktory gada (л. 196).

В этом случае аргументы НЗЕ почти полностью совпадают с НЗВ, но это не буквальный перевод. В НЗВ другая нумерация, кроме того, в НЗЕ отсутствует № 8 НЗВ. Аргументы остальных источников отстоят от текста НЗЕ значительно дальше, при этом некоторые единичные схождения (за пределами сходства с НЗВ) имеют с НЗЕ Новый Завет Чеховича и издания Гданьской Библии.

НЗЧ 1577 г.: Popis swiata pod Cezarzem Augustem. 7 Narodzenie Jezufowo. 8 Pasterzom przez aniola opowiedziane. 14 Piosnka anielska. 17 Pasterze dziecię wyzrawszy / narodzenie iego opowiedzia. **21 Dzieciecia tego obrzezanie** / y do kościoła ofiarowanie. 25 Ktore Symeon na ręce bierze y Bogá chwali. 36 Anna prorokini wdowa. **40 Jezus się w leciech y mądrości pomnaża.** 46 We dwanasce lat z Doktory w **kościelie** gada.

Частичным сходством с НЗЕ обладают аргументы Гданьского Нового Завета 1606 г.: Popis swiata za Augustá 7. Chrystus narodzon w Bethlehem. 8. Pasterze. **13. Piofnka Anielska. 21. obrzezanie Pańskie. 22. Oczyszczenie Panny Mariej. 28. Symeon y jego pieśń. 39. Anna Prorokini.** 40. Dziecie Chrystus. 46. Doktormi djsputuie³⁸.

³⁸ <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=1466&from=FBC>. Дата обращения 06.12.2015. Меньшим сходством с НЗЕ обладают аргументы Гданьской Библии в изданиях 1632 г. и 1660 г.: Pod czás popisu swiata za Augustá. 7. Chrystus Pan w Betlehemie się urodził, 8. O tym Pasterzom przez Anjoły znać дано. **21. Chrystufá Pána obrzezano.** 22. Do Kościoła go. 28. gdzie Symeon. 29. y Anna byli, przyniesiono. 40. znowu w dwunasci leciech, w kościelie się stawil. 44. Od rodzicow zgubiony y bukány. 46. Z Doktorámi djsputujacy znalezione (л. 61): http://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5QaccgNRVyyvq_27hGHTUYDLM3jhadjlgzvMdpSWFso piYcmg3Xg42a4StXzi_4Igvx6Wb50oEUZOxkTtN97WXHauv7N-dzmkUWjFaZmsSm4Xa0sh-8PB0pEjsL6H4loFLAmS30CsoluokEe1ZN0ML1aScAD3_2SHJeEuhOhPIVZQf

Приведем для сравнения аргументы в других изданиях. Брестская Библия: 1 Popis wšytkiego Źwiátá uczyniony z rozkazánia AuguŹtá Cefárzá. 7. Jezus narodziŹny przez Anioły opowiedzian páŹtyrzom (л. 32).

Библия Леополиты: Pan Christus w Betleem národzon / od páŹterzow náwiedzón / of mego dnia obrzázan / w koŹciele offiárowán / od Simeoná y Anny poznán / y dwánastego roku od rodzicow Źtrácony / w koŹciele nálezion (л. 499).

Пересопницкое Евангелие: ев(г)листа выписоуе якъ мрѣа въ виѡлемѣ га іу х̄а породила и якъ аггли ба хвалать. и якъ пастьрїе его навѣжаю(т). и якъ х̄с ѡсмого д̄на обрѣзвань, и ѡ сумевна бл(с)венї. и якъ анна ѡ немь пророкуеть. тыжь якъ х̄с въ дванадесятихъ лѣтѣхъ, межн оучителми сѣдитъ (л. 211).

Clementina: Ex Augusti decreto Joseph cum Maria ascendit in Bethlehem; ubi illa peperit Salvatore: cujus nativitate ab angelo audita, pastores festini veniunt illum visuri: puer circumcises vocatur Jesus: quem post dies purificationis in Jerusalem delatum ut Domino sisteretur, Simeon senex benedicit, ac de matris in passione doloribus prophetat; Annaque prophetissa vetula Domino confitetur: Jesus duodecim annorum, plenus sapientia et gratia, perditus a parentibus, in medio doctorum invenitur; descenditque Nazareth factus illis subditus.

Таким образом, точный источник аргументов 1-ой группы НЗЕ пока не установлен. Частичное сходство с НЗВ 1593 г. может свидетельствовать о том, что перед нами либо переработка польского текста аргументов НЗВ 1593 г., либо использование нескольких источников³⁹, либо использование неизвестного в настоящее время источника, на который частично опирается также и НЗВ. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. В то же время отдаленность аргументов НЗЕ от Пересопницкого Евангелия свидетельствует одновременно об отдаленности от чешской традиции.

Что касается аргументов 2-ой группы, они представляют собой довольно точный перевод с польского аргументов Нового Завета Вуйка 1593 г. Напоминаем, что последующие переиздания Нового Завета Вуйка уже не содержат аргументов, как не содержит их и полная Библия Вуйка 1599 г.

9YWOnd2TE67Qu3JZnT7s2o66No9YyacsE9NMI-i1_JvYdSlwflhmJ2DhUBMnYQUA HFwh9hGYgdxXK9bnXYZImr8XsT3Ib_J4Va3o3HDFRC3rVI3tgEQ_5SLDHtZmCkD PXFACY. Дата обращения 06.12.2015.

³⁹ Что вполне вероятно, учитывая, например, использование нескольких польских источников — Брестской Библии и Библии Я. Вуйка — в переводе Моисея Чудовского книги Иова 1671 г., а также нескольких польских источников в Псалтыри Фирсова [Целунова 2006: 28]. Опосредованным источником для НЗЕ мог быть, например, перевод Нового Завета М. Чеховича 1577 г. (который учитывался при переводе Я. Вуйком), или же в НЗЕ в некоторых чтениях отражается тот же источник, что и в НЗЧ. Соотношение этих текстов нуждается в дальнейшем изучении, однако мы не располагаем сведениями об известности перевода М. Чеховича московским книжникам второй половины — конца XVII в.

Следовательно, можно с уверенностью предполагать, что справщики использовали в данном случае первое издание Нового Завета Вуйка 1593 г.

Представим результаты сопоставления в таблице (аргументы приводятся выборочно). Несовпадения выделяются курсивом и полужирным шрифтом.

	НЗЕ ⁴⁰	НЗВ 1593
Деян. 1	Г: Хс Гдъ в̄ чѣтырѣдѣсѣтъи днѣ по востанїи своемъ. ѿ, и и. Вѣщавъ ѿчнквмъ свои дати Дха ст҃аго. ѿ. Прѣ ихъ очесы в̄зятся на нбо. аї: ОУченици же ѿвѣщании ѿ Аггль. вї: Вовратншася во Иерлїмъ. еї: Вѣщанїе петрово ко ѿчнквмъ в извранїи инагѣ мѣстѣ Иуды. кд: Млтва аплвѣвъ. кс: Матѳіа жрѣвїемъ извранъ. (л. 148). То же Син. 472, л. 229.	3 Pan Chrĳtus dnia czterdziestego po swym zmartwychwstaniu. 5 y 8 ObiecawŃy swym dąć Duchá S. 9 Przed ich oczymá wstąpił do niebá. 11 A uczniowie nápomnieni od ániołow. 12 Wrocili Jię do Jeruzálem. 15 Rzecz Piotrowá do uczniow o obrániu inŃego ná mieysce JudaŃowo. 24 Modlitwá Apostołow. 29 Máciey loŃsem obran (л. 394).
Деян. 3	ѕ: Петръ со Іваном̄ имене Гда Іиса хромага ѿвравѣваша. вї: Вѣщанїе Петрово к людѣ. ѕї: такъ сотвори сїе чрѣ вѣрѣ во имя хр҃тово. иї: Свидѣтѣлствѣя в сѣ, такъ Гдъ Іис, той естѣ месїа вѣщанныи ѿ мѡисеа и ѿ⁴¹ пррквѣвъ. кѣ: И самомѣ Авраамѣ (л. 151). То же Син. 472, л. 233.	6 Piotr z Janem przez imię Pána Jezusowo chromego uzdráwiáią. 12 Rzecz Piotrowá do ludu / że to uczynił przez wiarę w imię ChrĳtuŃowe. 18 Dowodzác tego / że P. Jezus iest on MessyaŃ obiecány od MoyszeŃá y od Prorokow. 25 Y Ńámemu Abráhamowi. (л. 405)⁴².
Деян. 5	ѿ: и т: Ананїа и со Сапфирую женою своею смертїю весѣженїи, ради ст҃отаѣства и ажн. вї: Чѣдеса ралїчная. еї: Петрова сѣнь врачеваше немощныя. ѕї: Апли паки вергаюся в хранило. к. По Аггль изводи я. кѣ: И паки ѿчатъ во стїлицѣ. кѕ: Паки тати и приведени прѣ сосѣдалище. кѿ: И тамъ хр҃та исповѣдѣю. лд: Сѡвѣтѣт гамалїно. м: Радѣюся Апли, такъ вїени выша ради имене х҃а Іиса. мв: Ёгоже блговѣствовати не прѣстаютъ (л. 153 об.). То же Син. 472, л. 236—236 об.	5 y 10 AnániaŃ y z Sáphirą żoną swą Ńmierciá pokaráni / dla Ńwїętokradzĳtwá y kłámŃtwá. 12 Cudá rozmáite. 15 Piotrow cień uzdrawia niemocne. 17 Apostoły znouw dáią do wїęzienia. 20 Ale ie ánioł wypuŃca. 22 Y znouw uczá w koŃciele. 27 Zafїę poimáni y przywiedzieni przed Ráđę. 29 Y tám ChrĳtuŃá wyznawáią. 34 Rádá Gámáliełowá. 40 Ráduią Jię Apostołowie / że ich ubiczowano dla imieniá Pána Jezusowego. 42 Ktorego opowiedác nie przѣstáią (л. 412).

⁴⁰ Аргументы в Деяниях приводятся по Син. 473, в Посланиях и Апокалипсисе по Син. 472.

⁴¹ Надписано над строкой.

⁴² В издании ошибочно л. 495.

	НЗЕ	НЗВ 1593
Деян. 6	а: Ради роптанїа Єллинвѣ ко Евреѣ. г: Извращася седмь діакони. и: Ихже єдинъ Стефанъ творя чюдеса. ѿ: Стязашеся со Ісден, иже не могуще сопротивитися емѣ. вї: Восхитиша его, и прѣд сосѣдалище приведоша. гї: И лжесвидѣтели поставиша на него (л. 155 об.). То же Син. 472, л. 238 об.	1 Dla bemrania Graekow przeciw Zydow. 3 Obrano siedmi Diakonow. 8 Z ktorych jeden Stephan czyniacy cudá / 9 Dyfputowal z Zydny / 10 Ktorzy nie mogac fiej mu fprzeceiwic / 12 Porwali go / y przed rade przywiedli. 13 Y falbywe swiadki stawili przeciw iemu. (л. 417).
Деян. 7	в: Стефанъ на лжешлганіе многа ѿвѣщае. г: Воспоминае примиреніе бжеє ко Авраамѣ, и к сѣмени егѣ. ѿ: И исторію в Іусифѣ. к: И в Моисее, лс: И в ишествїи и египта снѣвѣ Исраиельскы. лз: И пророчество Моисеево в хѣ. мз: И в храмѣ Соломонѣ. на: Егда авственѣ Ісден вблчи, такъ и они и ѿцы и сопротивляхѣся прѣв дхѣ стѣмѣ. нс: Повѣдая такъ видѣ Гда Іиса в десны бѣга. нн: Изведе и скаменовъ, и Павлъ стрѣжаше ризы каменѣющы. нѣ: Стефанъ призываше Гда Іиса, и моляшеся за каменователи своя (л. 156). То же Син. 472, л. 239 об.	1 Stephan przed Arcykáplanem / ná fałebne ojkárzenie długo odpowiada. 3 Przypomináiac przymierze Bozkie z Abráhámem y z potomki iego. 9 Y historyą o Jozephie. 20 Y o Moyzeżu / 36 Y o wyšciu z Egiptu synow Jzraeljkich. 37 Y proroctwo Moyzebowe o Chriřtusie. 47 Y o kořciele Sálomonowym. 51 A gdy ořtrze Zydy strofowal / ze fiej y oni y oycowie ich fprzeceiwiali záwbe Duchowi řwiętemu. 56 Powiádaiac iáko widzial Pána Jefuřá ná práwicy Bozey. 58 Wywiedzion iest y ukámionowan. A Száwel fstrzegł fukien kámionuiacych. 59 Stephan zwywa Pána Jefuřá / y modli fiej zá kámionowniki fwoie (л. 419—420).
Деян. 19	а: Павелъ во ефесѣ, нѣкыя ѿчны Іуанновы крщеніе крщенныя, повелѣ крщити во имя Гда Іиса. с: Рѣкъ воложеніе прѣмлю дхѣ стѣго. т: Тамъ же ѿча Павелъ чре два лѣта, аї: Чюдеса многая творяше. вї: Сударїами егѣ немощнїи ѣздравляхѣся. гї: Ісден заклаинатели. сї: Демо ѣзвигѣ. нн: Исповѣдъ прѣ аплы. ѿ: Жженіе кнѣгъ заповѣданны. кд: Димитрій среброковачъ вомѣти народѣ на Павла. лѣ: Егоже єдва писарѣ ѿтоли (л. 176). То же Син. 472, л. 264 об.	1 Páwel w Ephezie niektore uczenie krztem Janowym okrzczone / każe krzcić w imię Pána Jefuřowe. 6 Y przez rąk wlozenie biorą Duchá S. 10 Támže náuczaiac Páwel przez dwie lecie: 11 Cudá wielkie czyni. 12 Chufstkámi iego chorzy uzdrawiáni. 13 Zydy záklinácze Szátan drapie. 18 Spowiedz przed Apofřtoły: y palenie křiág zákazánnych. 24 Demetrius zlotnik wzruřyl pořpolřtvo przeciw Páwłowi / 35 Ktore záledwie piřarz uřkromil. (л. 474).

	НЗЕ	НЗВ 1593
Деян. 21	а̄: Павла во Иерлмъ идѹщѹ, и в пѣти вратѣю посѣщающѹ. і: Прокъ Агавъ. аі: Пророчествоѹе юзничество вѣдѹщее емѹ слѣчитися во Иерлмѣ. гі: Но Павла готовъ сый ѹмрети за хр҃та. еі: И такъ поиде во Иерлмѣ. ка: Совѣтѹю же емѹ учиститися со инными, за еже избѣити ѿ Иудей слагов поимѣнїя. кз. Бгда же сіе сотвори, таша его во стѣлици. лд. И хотящы Иудее ѹбити его, тысящоначални спры ѡятъ его ѹ ни. лг: И повелѣ связанна. лд: Ѳвести его в полкъ. м: Но оваче повелѣ емѹ к людѹ глати. (л. 179). То же Син. 472, л. 268 об.—269.	1 Páwłowi do Jeruzálem ciągnącemu / y brácią w drodze náviedzáiácemu / 10 Prorok Agáb więzienie / ktore go miało w Jeruzálem potkáć / opowieda. 13 Ale Páweł gotow będąc umrzeć dla Chrístufá / 17 Przedsię pośedł do Jeruzálem. 20 Rádzą mu áby się z drugimi oczyścić / żeby uśedł u Zydow złego domniemánia. 27 Co gdy uczynił / poimano go w kościele. 31 A gdy go Zydowie zábic chcieli / 33 Rotmistrz go im wydárł: y zwiázánego záwieś do obozu rojkazał. 40 Wbákże mu do ludu mowić dozwołił. (л. 483).
Деян. 24	а̄: Павла прѣ игемонѹ ѿ тертулла ритора Иудейскаго вглася. і: Мужественъ и чинъ ѡвѣща в себѣ. кв: Игемон же сѹдтой преложи на ино врема. кд: По се слашае Павла в вѣрѣ во хр҃та, и со женою своею Иудеаньнею. кз: Но понеже не взя ѿ Павла пѣнязей, нхже надѣшеся. кз: Уставляя игемонство устави его юзника, ѹгожая Иудее. (л. 183 об.). То же Син. 472, л. 275.	1 Páweł przed Stároftą od Tertullá prokuratorá Zydowjkiego ofkárzony / 10 Mężnie y porządnie zá się odpowieda. 22 A Stároftá ten sąd odkláda ná inšy czas. 24 Potym śłucha Páwłá o wierze Chrześcїjáiń- jkiey / y z żoną swą Zydowką. 26 Ale iż od Páwłá nie wziął pieniędzy ktorych się śpodziewał / 27 Spuśczáiąc Stároftwo zoftáwił go w więzieniu / gwoli Zydóm (л. 493).
Евр. 1	а̄: хр҃та, чре̄ егоже гла к нимъ бг҃ъ ѡцъ, истиннаго бга и члка. и много лѣчша паче аглаавъ. е: По сновствѹ. ѕ: Хвалѣ. з: Гд҃ствѹ. і: Могности. гі: И прѣоло, показѹетъ. (л. 397).	1 Chrístufá / przez ktorego do nich Bog Ociec mowil / prawdziwym byc Bogiem y człowiekiem / y dáleko zacnieyBym nád ánioly/ 5 Z strony śynowśtwá / 6 Chwały / 7 Pánowánia / 10 Možności / 13 Y máiejstatu pokázuie (л.752).
Евр. 4	а̄: Понеже Иудее ради невѣрїа не внидоша в воспоконъ ѡвѣщанный. г: Вѣрїи же внидѹтъ в онъ. аі: Тшатиса мамы, еже не погрѣшити его. вг: В живомъ и вѣдѣйствителномъ слове. гі: Бг҃ъ зрѣтъ вса. дг: и еі: такъ Іис х҃с Архїерей нашъ, высть намъ во всемъ подове, кромѣ грѣха. (л. 399 об.).	1 Ponieważ Zydzi dla niedowiarftwá nie wešli do pokoju obiecánego. 3 A wierni do niego wniśc máia. 11 Stárác się mamy / ábyśmy do nie utrácili. 12 O żywym y skutecznym ślowie Bożym. 13 Bog wypátruie wśytko. 14 A iż Pan Chrístus nawyźby náś Biskup sftał się nam we wśytkim podobnym oprócz grzechu (л. 757).

	НЗЕ	НЗВ 1593
Евр. 8	ⲁ: Архїерейство хр҃тово лѣшнее естѣ паче законнагѣ: понеже онъ сѣдитѣ въ нѣси на десницѣ ѿца. Ⲛ. И естѣ ходатай лѣшшаго завѣта. и лѣшии ѡбѣщанїи, неже іерее древнягѣ закона. Ⲛ: Показѣтъ потребѣ новагѣ завѣта, и несовершенство древнягѣ завѣта. и: И и ѡбѣщанїя вѣже чре³ Іеремїа (л. 404).	1 Káplánŕstwo Chrıstufowe zacnieyŕbe ieŕst nád zakonne: gdyŕ on siedzi w niebie ná práwicy Oycowskiej. 6 Y ieŕst poŕzednikiem lepŕego teŕtámentu / y wıętych obietnic / niŕzli káplani zakonu ŕtárego. 7 Pokázuie potrzebę nowego teŕtámentu z niedoskonáłości ŕtárego. 8 Y z obietnice Boŕzey przez Jeremiaŕá (л. 766).
Иак. 1	ⲁ, и вї. Ползѣ искѣсѡвѣ ѡписѣтъ. ⲉ, Мѡдрости ѡ Бга є надежду просити велитѣ. гї. Бгѣ не естѣ искѣситель, ниже вина грѣхѡвѣ. дї. Начало всѣхъ искѣсѡвѣ. зї. Ѱ Бга всякое блго. ѱї. Члкъ должнствѣтѣ быти скорѣ во слѣшанїе: косенѣ же во гланїе и гнѣванїе. лѣ. Не довлѣтъ слышати токѡѡ Слово, но трѣбствѣтъ дѣломѣ исполнити тоє (л. 413).	2 y 12 Poŕytki pokus opıŕsuie. 5 Mádroŕci od Boga z uŕnoŕciá proŕiŕc káze. 13 Bog nie ieŕst kuŕŕicielem / áni przyczyná grzechow. 14 Początek wŕbytkich pokus. 17 Od Boga wŕbytko dobre. 19 Człowiek ma byŕc prędkim ku ŕluchániu / á leniwym do mowy y gniewu. 22 Nie doŕyŕc ieŕst ŕlucháŕ ŕłowá / ále ie trzebá uczynkiem wypełnić (л. 785).
Апок. 20	ⲁ: Драконѣ, снестѣ дїавола связаннаго. г: Верже аггль (!) вѣ бѣднѣ на тысящѣ лѣтъ. д: Вѣ нѣже дшы мчнѣкѡвѣ, вѣ первомѣ и мертвѣхъ востанїи со хр҃томѣ воцртѡятсѣ. з: Понниже сатана разрешенѣ соберетѣ Гѡга и Магѡга воинство вѣчисленное на Градѣ возлюбленнѣ, нѣже огнь нѣвнѣй поятѣ. вї. Потомѣ кнѣги ѡверзѣтсѣ. и ѡ сѣдѡщагѣ на прѣтлѣ ѡсѣдѡятсѣ вси ѡмершїи, по дѣломѣ нѣхъ. дї⁴³: И адъ и смерть: и нѣже не ѡбрѣтошасѣ написаннїи вѣ кнѣзѣ жизни. вержени бѣдѣтъ вѣ езеро огненное (л. 464 об.).	1 Smoká ábo czártá zwiázánego / 3 Wrzuca ániol do przepáŕci ná tyŕŕiáŕ lat. 4 Przez ktore / duŕe męczennikow / w pierwŕwym zmartwychwŕŕtanїu będą z Chrıstufem krolowác. 7 Po ktorych Bátan rozwiázány / wzbudzi Gogá i Mágogá / wojsko niezliczone przeciw miáŕtu umiłowanemu / Ktore ogniem niebieŕskim požárte będzie. 12 Potym otworzywŕby kŕŕiegi / od siedzácego ná stolicy będą oŕádzeni wŕbyŕcy umárlı / według ich uczynkow (л. 883).

Беспорным свидетельством польского оригинала аргументов является оставленное без перевода слово, записанное латиницей: 1 Тим. 3:15—16 **ѳї: Да вѣсть, такѡ имать пребывати вѣ цр҃кви, таже естѣ столпѣ и ѡтвер-**

⁴³ Этот стих отсутствует в НЗВ 1593 г., что заставляет предполагать для него либо дополнительный источник, либо самостоятельную деятельность переводчика. Он отсутствует и в НЗЧ 1577 г., при этом тексты НЗВ и НЗЧ далеко не идентичны.

женіе истины. **Ѹ:** и тѸнѸ воплощеніа **ГдѸна** zaleca (л. 384) — Aby wiedział iáko się ma zachować w kościele / który ieft filarem y utwierdzenim prawdy. 16 Y táiemnicę wcielenia Páńskiego záleca (л. 724). В польском тексте данный глагол встречается неоднократно и переводится различными способами⁴⁴:

1) *вручать* (также *вручаться* — zalecać się): 1 Кор. 16:1,10 **а:** **ѸвѸцавъ** **л,** еже **Ѹлагати** **млтню** **хртѸаномъ** **ввитаюшымъ** **во** **ІерлѸмѸ,** **і:** **врѸчаеѸтъ** **имъ** **ТимоѸеа** (л. 332 об.) — Nápomniawŷy ich / áby ŷkládáli iátmužnę Chrzeŷćijánom mieŷkáiaćym w Jeruzále. 10 Záleca im Tymotheuŷá (л. 620); Филим. 1:9 **ОнисѸма** **рава** **его** **ѸсылаеѸтъ** **емѸ** **и** **врѸчаеѸтъ** (л. 395 об.) — 9 Onezymá ŷlugę iego odsyła mu y záleca (л. 749); Евр. 13:18 **врѸчаеѸтсѸ** **ихъ** **млтвѸѸ** (л. 411 об.) — Záleca się ich modlitwie (л. 780).

2) *предлагать*: Гал. 6:12 **Ѹще** **ѸвѸцаваеѸтъ** **стрѸцнся** **лстецвѸвъ,** **прѸла** **гающѸ** **законъ,** **иже** **сами** **егѸ** **не** **исполнили** (л. 355) — 12 Jeŷcze nápomina áby się ŷtrzegli zwodźcow / ktorzy zálecaiać zakon ŷámi go nie pehnil (л. 664). Евр. 11:1 **вѸрѸ** **тавственнѸ** **прѸлагаеѸтъ** **чреѸ** **Ѹцы** **сѸтыа** **Ѹ** **начала** **зданіа** (л. 408) — 1 Wiárež známieniće záleca / przykładem oycow ŷwiętych do początku ŷwiátá (л. 774).

3) *хвалить*: 1 Фес. 1:1 **ѸесѸалоняны** **хвалиѸтъ** **блѸгодаря** **вѸѸ,** **такв** **прѸемше** **вѸрѸ** **сохраниша** (л. 375) — Teŷŷáloniczány záleca dziekuiąc Bogu / iż wiárež raz przyiętá zachowali (л. 704).

4) *представлять*: Иак. 2:14 **ПрѸставляеѸтъ** **имъ** **добродѸтели** (л. 414) — Záleca im uczynki dobre (л. 787).

По всей вероятности, данное вкрапление демонстрирует незавершенность переводческих поисков, связанных с подбором наиболее точного церковнославянского эквивалента.

Отметим основные лингвистические особенности перевода аргументов, релевантные для сопоставления с переводом основного текста.

1. Лексические признаки

1.1. Наличие лексических полонизмов. В большинстве случаев такие лексемы являются принадлежностью языка Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, которые используют их и в других своих переводах.

внечванѸ — *ubiczowan*

Деян. 16:16 **Но** **егда** **ПавѸ** **и** **нѸкѸа** **отроковица**⁴⁵ **иґна** **дѸха** **пытливаго,** **кѸв:** **Внечвани** **выша,** **кѸв:** **И** **вержени** **Ѹ** **хранило** (л. 171 об.) — 16 Lesz gdy Páweł z iedney dziewki wygnał duchá wieŷczego / 22 Ubiczowano ich y dano do więzienia (л. 464).

В самом тексте Деян. 16:22 в Син. 472 находим **повелѸша** **жезлствити** с глоссой на поле **жезлствовати** — *ékéλευον ραβδίζειν* (л. 172 об.). Это же

⁴⁴ Ср. совр. польск. *zalecać / zalecić* ‘рекомендовать’, а также *polecić* ‘посоветовать’, ‘поручить’, ‘сослаться’.

⁴⁵ Син. 472 **отроковици** (л. 258 об.).

место в Библии 1663 г. читается как **велахѹ палицами бити ихъ**, в Чудовском Новом Завете **повелѣша жезльмъ бити** (л. 70а). О бичевании речь идет в Мф. 27:26 и Мр. 15:15, причем в этих стихах используется греческая форма *φραγγελλώσας* ‘бить бичем’ (от лат. *flagellum* ‘бич’), которая на церковнославянский переводится формой **внвѣ** (например, в Библии 1663 г., а также в предшествующих редакциях евангельского текста [Евангелие от Матфея 2005: 153]).

Глагол **бичевати** и **бичеватисѧ** засвидетельствован историческими словарями лишь двумя цитатами из путевых записок стольника П. А. Толстого 1697—1699 гг.: В томъ же костелѣ на правой сторонѣ в притворѣ есть столбъ, у котораго былъ Спаситель нашъ Христосъ привязанъ отъ евреевъ и бичеванъ (при описании церкви св. Евпраксии в Риме) [СлРЯз XI—XVII вв., вып. 1: 190].

востати, востаніе — *powstać, wstanie*

Деян. 2:27 **воставъ и мертвыѣ** (л. 149) — *Powstawby od umarłych* (л. 399); 2 Тим. 2:8 **из мертвыхъ востаніе** (л. 389 об.) — *zmartwychwstanie* (л. 736). См. тж. Деян. 1:3, Апок. 20:4. Такое употребление характерно не только для основного текста НЗЕ, но и для сочинений Епифания и Евфимия в целом. В частности, **востаніе** вместо традиционного **воскресеніе** в соответствии с *ἀνάστασις* находим в переводе стихотворений Мануила Фила на Слова Григория Богослова, выполненном Евфимием Чудовским (рукопись БАН, 16.14.24 к. XVII — нач. XVIII в.) [Шевченко 1995: 12; Strakhov 1998: 131].

людѣ — *lud*

Деян. 21:40 **но обаче повелѣ емѹ къ людѣмъ глати** (л. 179) — *Wszakże mi do ludu mówić dozwolił* (л. 483); Рим. 11:1 **Бгѣмъ нѣккія и люда Іудѣискаго по волѣти своей избра** (л. 304 об.) — *Vog niektore z ludu Zydowskiego z łaski sobie wybrał* (л. 560). При этом данная лексема соотносится также с греческим *λαός*, ср. в основном тексте: Деян. 21:28 **на людѣ и законѣ** — *κατὰ τοῦ λαοῦ καὶ τοῦ νόμου* (л. 180 об.). Библия 1663 г. **на люди и законѣ** (л. 959). Рим. 11:1 **людѣ** — *λαὸν* (л. 305). Библия 1663 г. **люди** (л. 973). См. тж. Мф. 2:4.

Лексема **людѣ** встречается в Чине мессы, в переводе которого принимал участие Евфимий (Син. 433, л. 137 об.) [Шевченко 1995: 5; Strakhov 1998: 174]. Характеризует оно и собственные сочинения Евфимия: так, оно отмечается в Слове о милости в составе сборника Син. 260 к. XVII в. (л. 45, 49, 54) [Горский, Невоструев 1857: 246].

можность — *możliwość* ‘возможность’

Евр. 1:10 **Можности** (л. 397) — *Możliwości* (л. 752). Без соответствия в основном тексте. Лексема появляется в русском языке как калька с польского в памятниках второй половины XVII в. (Книга глаголемая Козмография и Римские деяния) [СлРЯз XI—XVII вв., вып. 9: 234].

Лексема *мос* переводится в аргументах как *мощь* и как *сила* (в пределах одного контекста это варьирование, судя по всему, используется во избежание повтора): 2 Кор. 13:1 **Претитѣ согрѣшившимъ. вѣбѣждаа ѿ к покаянію: да не пришедѣ къ нимъ нещадноу накажеѣ ѿ, силою данною емѣ ѿ крѣта дѣ: егоже мощь да познаютѣ в себѣ** (л. 347 об.) — 1 Grozi tym ktorzy zgrzebyli / aby ich pobudził do pokuty: żeby do nich przybedby nie musiał ich surowie kárác / mocą iemu dána od Chrístuŝá. 4 Ktorego moc mieliby ŝlubnie znác w sobie (л. 647). Ср. тж. Иак. 5:16 **Коль мощна мѣтва праведнагѣ** (л. 417) — Jáko možna iest modlitwá ŝpráwiedliwego (л. 794)⁴⁶.

писарь — pisarz

Деян. 19:35 **Егоже едва писарь ѣтоли** (л. 176). 35 Ktore záledwie pisarz uskromił (л. 474). Это соответствует основному тексту Деян. 19: 35 Син. 473 **ѣтоливъ писарь народъ** — ѱ γραμματεύς (л. 177), на поле глосса **писменникъ**⁴⁷. То же в Син. 472, л. 266. НЗВ в основном тексте также *pisarz* (л. 477), при этом на поле сделано следующее примечание переводчика: Tu iest toż słowo Graeckie γραμματεύς, ktore indzie wykłádamy Doktorem, ábo Doktorem zakonnym. A oboie po Lácínie, Scriba. pátrż Matt: 2. 4. Библия 1663 **оуставъ же книжникъ народъ** (л. 488). Ср. в основном тексте НЗЕ Мф. 2:4 **писменники люда** — γραμματεῖς τοῦ λαοῦ (л. 2), НЗВ *doktory ludu* (л. 4). В Библии 1663 г. читается **книжники людскѣ** (л. 832).

Следует отметить, что, несмотря на непосредственную соотнесенность с польским оригиналом, лексема **писарь** может в данном случае и не являться прямым полонизмом. Она характерна для делового западнорусского языка, в котором вытесняет слово *дьякъ* уже к концу XIV в. В XV в. она начинает использоваться в московских дипломатических памятниках, где применяется только по отношению к чиновникам польско-литовской канцелярии. В церковнославянском русской редакции лексема фиксируется в конце XV в. В Геннадиевской Библии 1499 г. слово употреблено в 1-й Книге Паралипоменон (XVIII, 16), которая была переведена с Вульгаты и передает лат. *scriba*, причем сопровождается на поле глоссой **книгчѣи** [Золтан 2002: 783].

послѣуга — *posługa* ‘служение’

Филим. 1:13 **Повѣдаа, такъ желаетъ его имѣти ради послѣги** (л. 395 об.) — *Dáiac znác żeby go rad miał dla posługi* (л. 749).

⁴⁶ Об употреблении лексемы *мощь* в основном тексте НЗЕ см. [Мызина 2014: 80].

⁴⁷ Син. 472 **ѣтоливъ** [сверху помета **чю**] **же писарь народъ**. На поле глосса **-менникъ-** (л. 266). Ср. Мф. 8:19 Син. 473 **и пришедѣ единъ писменникъ, рече ем?** — *εἶς γραμματεύς* (л. 11). Та же лексема находится и в аргументах к этому стиху: **Писменникъ Исѣ послѣдовати хотяй** (л. 10) — ср. НЗВ *Doktor zakonny chce być uczniem Pańskim* (л. 32). То же Син. 472 (л. 51 об. и 52 об.). Это еще одно расхождение между переводом аргументов Евангелия и Апостола. Лексема **письменникъ** замещает в произведениях Епифания и Евфимия традиционный церковнославянский вариант **книжникъ** и рассматривается как украинизм [Strakhov 1998: 237].

Калька с польского, впервые зафиксированная в конце XV в. (памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским) [Сл. Ряз XI—XVII вв., вып. 17: 185]. Слово *послуга* в соответствии с польским *posługa* употребляется в Псалтыри А. Фирсова 1683 г. [Целунова 2006: 129].

пѣнѣзи — pieniądze

Деян. 24: 26 **Но понеже не взя ѿ Павла пѣнѣзей, иуже надѣшеса** (л. 183 об.) — Ale iż od Páwła nie wziął pieniędzy ktorych się spodziewał (л. 493). В основном тексте Деян. 24:26 **кѣпнѣ и надѣся такѣ пѣнѣзи дадутся емѣ ѿ Павла** — χρήματα (л. 184 об.). Глоссы нет. Ср. Библия 1663 г. **ѡкѣпѣ же и надѣся такѣ мзда дастся емѣ ѿ Павла** (л. 460 об.). Однако в аргументах к Деян. 4:35 лексема **пѣнѣзь** не используется, несмотря на наличие поддержки в польском: **лѣ: Продающе стяжанія своя. лѣ: Полагахѣ цѣнѣ при ногахѣ дѣлѣвъ** (л. 152) — Przedawby imioná sŵe / kładli pieniądze przed nogi Apostoľskie (л. 408). Вызвано это тем, что в греческом употребляется иная лексема (τιμή — ‘цена, стоимость, вырученная сумма’), ср. Деян. 4:34 **Елици бо ктитори селѣ или домовѣмѣ вѣхѣ, продающе приношахѣ цѣны продаемыхѣ** — ὅσοι γὰρ κτήτορες χωρίων ἢ οἰκίῶν ὑπῆρχον, πωλοῦντες ἔφερον τὰς τιμὰς τῶν πιπρασκομένων (л. 153 об.). Библия 1663 г. **елици бо господіе селѣмѣ или домовѣмѣ вѣхѣ, продающе приношахѣ цѣны продаемыхѣ** (л. 450 об.).

Примечательно, что в переведенном Евфимием Номоканоне XIV титулов с толкованиями Феодора Вальсамона, который содержится, в частности, в рукописи ГИМ, Син. 465⁴⁸, именно лексема **пѣнѣзь** регулярно глоссирует варианты перевода греческого χρέμα или же является основным способом передачи данного слова, см., например, **Дще кін епѣ чре имѣнїя** (предлог зачеркнут, над сущ. подписано окончание тв. п. -ми) **достоинство сегѣ вдержатель вдетѣ ... да низвержется**. На поле глосса **пѣнѣзи** (Син. 465, л. 5) — ἐπὶ χρήμασιν; **приносящия в цркви имѣнїя**. На поле глосса **пѣнѣзи** (л. 6) — χρήματα [Ραλλη, Ποτλη 1852: 573].

Такое же соотношение этих пар имеется и в тексте НЗЕ, в частности, Деян. 8:18 Син. 473 **принесе имѣ имѣнїа** — χρήματα. На поле глосса **пѣнѣзи** с пометой **вѣ: дѣя.** (л. 159)⁴⁹. Деян. 8:20 Син. 473 **вѣмнѣ еси пѣнѣзи (!) стяжати** — διὰ χρήμάτων (л. 159 об.). Сверху над зачеркнутым словом написано **имѣнїи**. На поле глосса **пѣнѣзми вѣ: дѣя.**, адресующая к киевскому изданию Бесед Иоанна Златоуста на Деяния Апостолов 1624 г.⁵⁰ Син. 473 — это корректурный экземпляр игумена Сергия с пометами и правкой Евфимия Чудовского [Исаченко 2015: 163], следовательно, вари-

⁴⁸ Син. 465 (1690 г.) представляет собой черновик, написанный самим Евфимием [Исаченко 1987: 113; Strakhov 1998: 105].

⁴⁹ В Син. 472 глосса отсутствует (л. 243).

⁵⁰ В Син. 472 глосса отсутствует: **вѣмнѣ еси имѣнїи стяжати** (л. 243).

ант **пѣнѣзми** принадлежит Евфимию. Чтение *pieniędzmi* содержится и в НЗВ (л. 430), что отвечает лат. *resunia*. Таким образом, вариант, предлагаемый в Син. 473, поддерживается польско-украинской традицией в целом⁵¹. Однако эта глосса отсутствует в Син. 472, где в основном тексте читается **имѣніи** (л. 243 об.). Син. 472 является полным беловым списком перевода НЗЕ [Там же: 163], и следовательно, исправление не было принято в окончательный текст.

Лексема **пѣнѣзь** относится к древнейшему пласту славянской лексики и восходит к д.-в.-н. названию монеты *pfenning* < лат. *pondus*. Она представлена практически во всех славянских языках и зафиксирована в Маринском, Зографском и Остромировом Евангелиях [Фасмер III: 233—234]. Однако в поздней русской традиции актуализируется ее соотнесение с польской языковой средой благодаря разнообразного рода контактам с Речью Посполитой. Она активно используется и в переводах на простую мову: например, по данным словоуказателя, лексема **пѣнѣзь** 20 раз употребляется в Пересопницком Евангелии [Чепіга, Гнатенко 2001: 610].

Именно как на полонизм реагирует на данную лексему книжник Сергей Шелонин, который в середине XVII в. редактировал Книгу о священстве Иоанна Златоуста, изданную во Львове в 1614 г., везде зачеркивая слово **пѣнѣзи** и заменяя его либо на «**имѣнія**», либо на «**мзда**» (эта правка отражена в рукописи РНБ, Сол. 610/629) [Сапожникова 2010: 325]. Таким образом, правка Евфимия диаметрально противоположна исправлениям предшествующего поколения московских книжников.

Возможно, польским оригиналом (формальным отождествлением) обусловлен выбор в переводе аргументов лексемы **сметіє** (*śmieci* ‘мусор’), хорошо известной памятникам разного происхождения начиная с XIII в. [Сл. РЯз XI—XVII вв., вып. 25: 182]: Филип. 3:4 **Ѧце и тѣшашесѧ, пакв кто иный ѿ Іудѣй. ѡбаче все оно ѡверже пакв сметіє** (л. 367) — 4 *Acz ję miał z czego chlubić / iáko ktory inŷy z Zydow. 7 Wbákoŷ to wŷyto odrzucił iáko śmieci* (л. 688). Слово распространено в современных западно- и восточнославянских языках [СРНГ 39: 6; Фасмер III: 687]. Ср. в основном тексте Филип. 3:8 **и мню ѡметы быти, да хѧ приѡберѧщѧ** (л. 367 об.) — *skóŷala* ‘отбросы’. Библия 1663 г. **оуметы** (л. 490).

оукрествованныи — *ukrzyŷowany*

1 Кор. 2:1 **Павелъ проповѣда коринѣянѡмъ хрѣта, и тогѡмъ ѡкрѣтованна, ѡ велїимъ смиренїемъ и простыми словесы** (л. 314) — *Páweł przepowiedał Korynthianom Chrıstusá y tego ukrzyŷowanego / z wielką pokorą y prostymi słowy* (л. 580). Гал. 6:14 **Павелъ хвалитсѧ въ самомъ хрѣтѣ ѡкрѣтованно** (л. 355) — *A Páweł chlubi ję w jámym Chrıstusie ukrzyŷowanym* (л. 664).

⁵¹ Характерно, что эта лексема характеризует язык киевского печатного издания Бесед Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла 1623 г., один из источников перевода НЗЕ.

Лексема **оукрѣствовати** характерна не только для основного текста НЗЕ, где она соответствует глаголу $\sigma\tau\alpha\upsilon\rho\acute{\omega}$, но и вообще для сочинений Епифания и Евфимия. Будучи калькой с польского, она одновременно демонстрирует и соотнесение со словообразовательным гнездом греческого $\sigma\tau\alpha\upsilon\rho\acute{\omega}$ (таким образом осуществляется выравнивание словообразовательного потенциала славянского **крѣст-** и греческого $\sigma\tau\alpha\upsilon\rho\acute{\omega}$ -) [Strakhov 1998: 137, 141, 177, 210, 236—237].

Таким образом, по крайней мере часть полонизмов употребительна как в простой мове, так и в языке Епифания и Евфимия. Кроме того, часть полонизмов употребляется и в основном тексте НЗЕ, переведенном с греческого, где они соотносятся с греческими лексемами.

1.2. Наряду с лексическими полонизмами в переводе с польского присутствуют лексические грецизмы. Как правило, такие грецизмы соотносятся со словоупотреблением в основном тексте. В частности, за греческой орфографией следует перевод в случае названия Рим, римлянин: Рим. 1:8 **Похвалѣетъ вѣрѣ рѣмлянь** (л. 291) — ср. Wyślawia wiarę Rzymianów (л. 522); Рим. 12:1 **Свѣщаваетъ рѣмляны** (л. 306 об.) — Nápomina Rzymianů (л. 564); Рим. 16:1 **Вставляетъ нѣкымъ в рѣмѣ** (л. 311) — Záleca niektóre w Rzymie (л. 573). См. тж. Деян. 23:1, Деян. 27:1, Деян. 28:14, Деян. 28:30. Такое написание в принципе характерно для Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского [Strakhov 1998: 177, 195].

Грецизмы, встречающиеся в тексте аргументов, довольно многочисленны и не являются окказионализмами: Гал. 5:6 **акровѣстїа** (л. 354) — nieobrzezka (л. 662), то же Гал. 6:15 (л. 355 — л. 664); Апок. 22:3 **И ниже анафема, ниже ночь есть во градѣ ономѣ** (л. 467 об.) — Ani przeklęstwo / ani żadna noc nie jest w onym mieście (л. 888); Евр. 4:15 **Архіерей нашъ** (л. 399 об.) — nawyżby náš Biskup (л. 757); Деян. 16:4 **хранити догматы Аплскыя** (171 об.) — aby chowali ustawy Apostoľskie (л. 464); Деян. 28:3 **Ѡ єхидны** (л. 189) — od zmije (л. 505); Деян. 25:1 **Новаго Игемона** (л. 185) — Nowego Stárosty (л. 496); 1 Тим. 5:19 и 22 **на іереа, на іерейство** (л. 386) — ná káplaná, ná káplánstwo (л. 728); 1 Петр. 3:21 **и в кївотѣ ноєвѣ** (л. 421) — w korabiu Noego (л. 802); Апок. 21:18 **таже вся золото, стекло чистое, каменїе драгое, и маргариты** (465 об.) — Ktore wbytkie są złoto y szkło czyste / kámenie drogie / y perły (л. 885). Основной текст Апок. 21:21 **дванадесѣ маргарити** — dódzeka margaríta (л. 467), **и єдинагв маргарита** — èξ èνòς margarítou (л. 467); Деян. 21:31 **тысячноначални спїры** (л. 179) — Rotmistrz (л. 483). При этом сложение **тысячноначалникъ** отвечает в основном тексте греческому χιλїарχος (Деян. 21: 31, 32, 33, 37, л. 180 об.); Деян. 19:12 **СѠдарїами** (л. 176) — Chustkami (л. 474). В основном тексте Син. греч. 472 в Деян. 19:12 **сѠдаремъ** — σουδάρια (л. 176); Деян. 14:22 **хїротонисѣюще пресвїтеры** (л. 168 об.) — У święсac káplany (л. 453). Ср. основной текст Деян. 14:22 **Хїротонисавше же ... пресвїтеры** — χειροτονήσαντες δè πρεσβυτέροις (л. 169 об.); Апок. 15:6 **даетъ седмь фїалы полны гнѣва єжего** (л. 457 об.) — dáie siedm czaß pełnych gniewu Bożego (л. 873). Это соответ-

ствует словоупотреблению основного текста, например Апок. 15:7 **фіалы** — *φιάλας*, а также Апок. 16: 1, 2, 3, 4, 8, 10, 12, 17. Апок. 16:1, 17 **Изліянїемъ седми фіалъ ... на аеръ** (л. 458) — *Ná wylanie siedmi czaß ... y ná powietrze* (л. 874), то же в основном тексте: Апок. 16:17 **и седмый аггль изліа фіалъ свою на аеръ** — *καὶ ὁ ἕβδομος ἄγγελος ἔξεχεε τὴν φιαλὴν αὐτοῦ εἰς τὸν ἀέρα* (л. 459 об.).

Примечателен здесь грецизм **дракон(т)ъ**, который употребляется в следующем случае: Апок. 20:1 **Драконта, снесеть дїавола связаннаго** (л. 464 об.) — *Smoká ábo czártá zwiázánego* (л. 883). Ср. выше в основном тексте: Апок. 12:3 Син. греч. 472 **и се драквнъ великъ черменъ** (л. 453 об.) — *δράκων*. На поле глосса **смокъ** [в8й]⁵², которая соответствует чтению НЗ Вуй 1593 **á oto smok wielki gydzy** (л. 865). Но Апок 12:13 Син. греч. 472 **драквнъ** (л. 454) — *δράκων*. НЗ Вуй 1593 **smok** (л. 866). Однако в основном тексте Апок. 20:2 также употребляется грецизм **драконта** в соответствии с греческим, то есть в данном случае лексика аргументов согласовывалась с лексикой основного текста: **и патъ драконта. змїа древнегъ, иже естъ дїаволъ и сатана** — *καὶ ἐκράτησε τὸν δράκοντα, τὸν ὄφιν τὸν ἀρχαῖον ὃς ἐστὶ διάβολος καὶ σατανᾶς* (л. 464 об.). Апок. 16:13 **и 8ста драконта** — *ἐκ τοῦ στόματος τοῦ δράκοντος* (л. 459). Ср. Библия 1663 г., где во всех случаях употребляется традиционный вариант **змїй** (л. 506), **змїевъ** (л. 507). Оба варианта присутствуют в Син. 464 (перевод Номоканона, толкование к 12-му правилу 7 Вселенского собора): **Ѡбцагъ хрѣтанъ врага твердыни, (западнагъ глїю змїа. Ѡкелїискѣю ѡемѣчителствѣющагъ землю, и ѡтѣдѣ на ромскѣю державѣ тайнъ прилѣжшагъ)** (л. 285—285 об.) — *τὰς τοῦ κοινοῦ τῶν Χριστιανῶν ἐχθροῦ ὀχυρώσεις, (τοῦ δυτικοῦ λέγω δράκοντος τοῦ τῆς Σικελικῆς κατατυραννοῦντος γῆς, κάκειθεν κατὰ τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐπικρατείας λάθρα ἐρπύσαντος* [Ραλλη, Ποτλη 1852: 609]. Поле: **драконта draconis**.

Употребление данного грецизма специально оговаривалось в примечании, сделанном Евфимием в 90-х гг. XVII в. в редактируемом им епифаниевском переводе гомилии Василия Кесарийского в связи с критикой этого словоупотребления: Син. 366 **аще дракона имѣ вѡмнитсѣ не прилично быти в писанїи ... премѣнїти 8же вѣдѣ и иныѣ ѡдовитыѣ имена собственнаѣ, аспїда, васїлїска, скорпа, ехїдны, мурены, и иныѣ, и писати такожде ѡвщїи именѣ змїи: вси бо тїи змїина рода сѣтъ**. Развернутая аргументация о различении «рода змиина» и, соответственно, отражающих это различие греческих словах дается Евфимием в Книге о исправлении погрешений в речениях прежде печатных книг» (Син. 286, 1692 г.) [Никольский 1896: 125—130; Сиромаха 1979: 13; Strakhov 1998: 158].

Появление грецизмов в переводе с польского свидетельствует о тесной связи перевода аргументов с основным текстом и, кроме того, ярко демон-

⁵² Лексема **смокъ** употреблена и в переводе книги Иова иеродиакона Моисея: 30:29 **совратахся съ смоки и содрѣжихся съ-трѣсы** [Исаченко 2009: 57]. Брестская Библия *Zbráciłem się z smoki, a stowárzyszyłem się z struży* (л. 284 об.). Ср. Библия Вуйка 1599 г. *Byłem bratem smokowy / y towarzyzem strujów* (л. 542).

стрирует грекофильскую ориентацию Епифания, Евфимия и их окружения. Их наличие в переводе с иного языка не является случайностью: так, гречизмы характеризуют и перевод с латыни Большого Атласа В. Блау, выпущенный в середине XVII в. Епифанием совместно с Арсением Сатановским [Николенкова 2013: 125—126].

1.3. Наличие сложных слов, чаще всего в соответствии с польскими словосочетаниями, отвечающих словоупотреблению основного текста и являющихся в большинстве случаев принадлежностью общего церковнославянского лексического фонда, например Деян. 6:13 **лжесвидѣтели** (л. 155 об.) — *fałszywe świadki* (л. 418); Деян. 10:1 **Корнилій стоначални^к** (л. 162) — *Korneliusz Setnik* (л. 435); Деян. 18:1 **рѣкоделіе** (л. 174 об.) — *rzemiesło* (л. 472); Деян. 19:24 **среброковачь** (л. 176) — *złotnik* (л. 474). В основном тексте Син. греч. 472 в Деян. 19:24 **среброковачь** — *ἀργυροκόπος* (л. 177); 1 Кор. 8:1 **идоложертвенна^л** (л. 320 об.) — *bátwanom ofiarowanych* (л. 596); 2 Кор. 11:1 **ради лжеапостолвѣ** (л. 344 об.) — *dla fałszywych Apostołów* (л. 642); Гал. 6:7 **добродѣиствовати** (л. 355) — *dobrze czynić* (л. 664), 1 Тим. 1:13 **долготерпѣніе** (382 об.) — *nieśkwapliwość* (л. 720); 2 Тим. 2:11 **мздовѣданіе** (л. 389 об.) — *zapłatę* (л. 736); 2 Тим. 2:24 **добродѣтели** (л. 389 об.) — *spoty* (л. 736); 2 Тим. 4:1 **противъ лжеучителей** (л. 391 об.) — *przeciwi fałszywym nauczycielom* (л. 740); Тит. 1:5 **рѣкополагати** (л. 393) — *stánowić* (л. 743), Иак. 2:14 **добродѣтели** (л. 414) — *uczynki dobre* (л. 787); 2 Петр. 2:1 **лжепророци** (л. 425 об.) — *fałszywi prorocy* (л. 811), Апок. 22:15 **злочестивіи** (л. 467 об.) — *niezbożni* (л. 888).

Среди таких сложений встречается авторский неологизм, представляющий собой кальку с греческого: Деян. 12:23 **и червоснѣдѣнъ идше** (л. 165) — *y od gobakow gojstoczony zdechnął* (л. 445). Ср. основной текст Деян. 12:23 **и вы червояде^н, идше** — *σκωληκόβρωτος* (л. 166 об.).

Эти сложения, как принадлежащие церковнославянскому языку, так и неологизмы, ориентированы в конечном итоге на морфемную структуру соответствующих греческих сложений, поэтому их наличие в переводе с польского демонстрирует грекофильскую ориентацию переводчика.

1.4. Наличие тех же калек с греческого, что и в основном тексте: Деян. 4:1,3 **ѡ: Петрѣ и Іванѣ ꙗ. Вержени ѡ хранило** (л. 152) — *Piotr y Jan wjádzeni do więzienia* (л. 408); Деян. 12:3 **Петра верже в хранило** (л. 165) — *Piotra dał do więzienia* (л. 445). Деян. 12:7 **Свободи его аггль и хранила** (л. 165) — *Wywiodł go ánioł z ciemnice* (л. 445). См. тж. Деян. 16:23 **кѣ: И вержени ѡ хранило** (л. 171 об.) — *y dano do więzienia* (л. 464). Деян. 16:27 **стражъ хранила** (л. 171 об.) — *stroż ciemnice* (л. 464). Таким образом, две синонимичных польских лексемы переводятся в аргументах НЗЕ одинаково, причем лексема **хранило** является авторской калькой с греческого (соотносящейся с *φυλακή*) [Strakhov 1998: 172] и регулярно используется в основном тексте НЗЕ, см., например, соответствие в основном тексте для Деян. 16:23 **ввергоша ѡ хранило** — *eis φυλακὴν* (л. 172 об.).

Деян. 6:12 **Восхитиша его. и прѣдъ сосѣдалице приведоша** (л. 155 об.) — *Porwali go / y przed rádę przywedli* (л. 417). Деян. 23:1 **прѣдъ... всѣмъ сосѣдалице^м**

(л. 182) — przed ... wbytką rada (л. 489). См. тж. Деян. 5:27, Деян. 6:12. Словоупотребление, характерное не только для основного текста НЗЕ (калька с греческого συνέδριον), и для других работ Евфимия [Strakhov 1998: 150].

Деян. 9:20 **Нача в дамасцѣ вѣствовати** (л. 160) — Począł w Dámávkú mosno dowodzić (л. 431). Ср. основной текст Деян. 8:5 **вѣствоваше** — ἐκήρυσσεν (л. 158 об.). Библия 1663 **проповѣдаше** (л. 452). У Евфимия встречается еще **вѣствованіе** ‘наставление, поучение’ [Strakhov 1998: 137].

Среди таких лексем имеются варианты, обнаруживающие двойное соотнесение — с греческим и с польским: Деян. 14:19 **Павла каменѣютъ** (л. 168 об.) — Páwłá kámionią (л. 453). Ср. основной текст Деян. 14:19 и **каменоваше Павла, влечахъ внѣ града, мнѣвше его ѹмрети** — καὶ λιθάσαντες τὸν Παῦλον, ἔσθρον ἔξω τῆς πόλεως, νομίσαντες αὐτὸν τεθνάναι. Ср. Библия 1663 и **каменіемъ повнвше павла, извлекоша внѣ града, мнѣше его оумерша** (л. 459 об.). См. тж. Деян. 7:58; Деян. 7:59. В текстах Евфимия встречается также **ѹкаменовати** [Горский, Невоструев 1857: 246; Strakhov 1998: 172].

К области поэлементного соотнесения принадлежат следующие два случая: 1) Употребление составного возвратного местоимения: Апок. 3:17 **И в познаніе себесамыхъ привоѡ** (л. 442 об.) — Y do uznánia jámych siebie przywodząc (л. 846). Такие формы регулярно отмечаются в основном тексте НЗЕ, где они соответствуют греческим формам возвратного местоимения, например Евр. 5:5 и **себесамого** — ἐαυτὸν (л. 400 об.); Апок. 3:9 **себесамыѡ** — ἐαυτοῦς (л. 443) и т. д.

2) Наличие слов, имеющих приставку **съ-** со значением совместности, совокупности лиц: Гал. 2:7 **Но како да ѡ нихъ похвалентъ вѣде, и пріятъ в соклеврѣ** (л. 350) — Ale iżby był od nich pochwalon / y przyjęt w towarzystwo (л. 652). Без соответствия в основном тексте. Примечательно, что в живом русском языке лексемы **товарищ** и **товарищество** к этому времени уже существуют [СлРЯз XI—XVII вв., вып. 29: 381—382], однако их употребление в библейских переводах, видимо, рассматривалось Евфимием Чудовским и его окружением как недопустимое. Предложенный в аргументах вариант не имеет поддержки в основном тексте, в котором употребляется калька с греческого **сорабъ**. Лексема **клеврѣтъ** является давним заимствованием из народной латыни (collibertus, collivertus) [Фасмер II: 245]

Приставка **съ-** появляется еще в Ефес. 2:13 **сограждане** (л. 357 об.) — srołmievczány (л. 669); Ефес. 3:6 **выша сопричастници** (л. 358 об.) — sřtáli řię uczeřtnikámı (л. 672).

Такой способ калькирования, известный с глубокой древности, особенно характерен для правленных редакций богослужебных текстов XIV в. и в целом для грекоориентированных переводов [Пентковская 2009: 12—24]. Он регулярно встречается и в основном тексте НЗЕ.

1.5. Используются в переводе аргументов и такие ц-слав. лексемы, которые характеризуют не только перевод основного текста НЗЕ, но и являются характерными признаками предшествующих редакций Нового Завета.

poŝterować (л. 541); Рим. 11:1 **Бгъ нѣкія њ люда Іудѣискагѡ по блгѣти сво-ей избра, и избави чрѣ вѣрѡ во хрѣта** (304 об.) — Bog niektore z ludu Żydowskiego z łaski sobie wybrał / u zbawił przez wiarę w Chrystusá (л. 560) и т. д. См. тж. конструкции с **чрезъ** в соответствии с przez в аргументах Деян. 3:16, Гал. 1:11, Гал. 2:16, Гал. 5:6, Ефес. 1:3, Ефес. 2:5, Ефес. 2:7, Ефес. 2:13, Ефес. 3:6, Филип. 1:12, Филип. 3:7, Филип. 4:10, Колос. 1:16, 20, 2 Тим. 4:1, Тит. 3:3, Евр. 1:1, Евр. 2:6, Евр. 8:8, Евр. 11:1, 2 Петр. 1:10, 2 Петр. 1:11, Апок. 1:11, Апок. 9:1 (дважды).

В основном тексте Нового Завета наличие конструкции с **чрезъ**, как правило, отвечает греческому оригиналу (конструкции с предлогом διὰ), что несомненно относит ее к числу лексико-синтаксических грецизмов, тем более что ориентированность на греческий язык подтверждается комментариями самого Епифания и Евфимия [Strakhov 1998: 227—229; см. тж. примечания на с. 302—303; Николаева 2007: 63]. Однако ее наличие в НЗЕ поддерживается и чтением польского перевода, то есть сама эта конструкция имеет двойную обусловленность, ср. 2 Тим. 1:14 Син. греч. 472 **добрѡи приѡлогѡ** [на поле вынесена приставка по, а также глосса depositum] **сохрани чрѣ дха стгаго** (л. 389) — τὴν καλὴν παραθήκην φύλαξον διὰ πνεύματος ἁγίου. **ОБ ДОБРОЕ ЗАВѢЩАНІЕ СЪБЛЮДИ, ДХѠМЪ СТЫМЪ** (л. 56 об.)⁵³. Вульгата: Bonum depositum custodi per Spiritum sanctum. Ср. Новый Завет Вуйка 1593 г.: Strzeż pokłádu dobrego przez Duchá S. (л. 735). В самом польском переводе НЗ Вуй 1593 г. отмечается вариативность тв.п. беспредложного и конструкции с предлогом przez, причем автор перевода обращает на это особое внимание, давая грамматический комментарий к Деян. 20:28 о том, что у греков нет аблатива, а вместо него употребляется не только дательный, но и генетив с предлогом διὰ [Sobczykowa 2010: 68].

Примечательно, что конструкцию с предлогом **чрезъ** находим в аргументах НЗЕ и в случаях наличия в польском иных конструкций: Гал. 5:13 **И чрѣ любовь дрѡгѡ дрѡгѡ слѡжити** (л. 354) — A z miłości jedni drugim służyli (л. 662); Гал. 5:22 **Вписѡе же и плоди дха: чрѣ яже полѡчаемъ тожде цѡтво, закона дѣлѡ и не исполнившѡ** (л. 354) — Z drugiej strony owoce Duchá opisuje: którymi tegoż królestwá dochodzimy / choćiabyśmy uczynków zakonnych nie pełnili (л. 662).

В то же время ни в переводе аргументов, ни в основном тексте НЗЕ не используется вариант **презъ**, характерный для самого Епифания, который отмечается, в частности, в переводе Атласа В. Блау, где он соответствует латинскому *per* [Николенкова 2013: 125].

2.2. Субъект в пассивных конструкциях передается предлогом **отъ** в соответствии с польским od: 2 Тим. 4:14, 17 **И ѡ александра ѡзлюблѡ ѡ: Но ѡ Гда ѡтвержденъ** (л. 391 об.) — 14 Y od Alexándrá utrapiony. 17 Ale od Páná

⁵³ Источник цитируется по: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/46-1-0-84>. Дата обращения 23.08.2015.

potwierdzony (л. 740). 2 Ио. 1:7 **Да не прелстатса ѿ еретѣквѣ** (л. 435) — Aby od haeretykow nie byli zwiedzieni (л. 829). См. тж. Деян. 1:11, Деян. 3:18, Деян. 8:20, Деян. 8:26, Деян. 11:1, Деян. 12:23, Деян. 23:11, Деян. 24:1. Следует отметить, что, как и в случае с предлогом **чрезъ**, употребление таких конструкций поддерживается наличием в греческом оригинале конструкций с $\acute{\upsilon}\lambda\omicron$ ($\acute{\alpha}\lambda\omicron$), которые также переводятся конструкциями с **отъ** и входят в набор церковнославянских синтаксических средств, то есть для переводчиков актуальным является двойное соотнесение с польским и греческим.

3. В области передачи глагольных форм можно отметить следующие явления.

3.1 Так называемое сложное будущее I с глаголом **имамъ**, как правило, употребляется на месте польских конструкций *mieć* с инфинитивом в значении долженствования: Рим. 6:2 **Умерше единою грѣхѣмъ чрезъ крѣщеніе [еже подражаніе смерти хрѣтовы есть] имамы въ новости жизни ходити** (л. 297 об.) — Umąrwby raz grzechowi przez krzeft (ktory ieft násládownánie śmierci Chrystufowej)⁵⁴ mamy nápotym w nowości żywotá postępowáć (л. 541); 1 Кор. 3:17 **Не имамы тлѣти храма бжего, нхже есмы мы** (л. 315) — Nie mamy gwałćić kościoła Bożego / ktorym my ieftesmy (л. 582). См. тж. 1 Тим. 5:1, Тит. 3:1, 2 Фес. 2:3, Евр. 4:11, Евр. 6:7, 1 Петр. 1:6, 1 Петр. 3:3, Апок. 7:1.

Однако в той же ситуации может использоваться и будущее простое: Деян. 4:11 **хс есть камень ѿгольный, вѣ: въ немже они спасѣтса** (л. 152) — 11 Chrystuf ieft on kámieñ wegłowy / 12 Przez ktorego wbyscy *máiq być zbáwieni* (л. 408); Евр. 4:3 **а: Понеже Исдее ради невѣрїа не внидоша въ упокой вѣщанный. г: Вѣрїи же внидѣтъ в оны** (л. 339 об.) — 1 Poniewáż Zydzi dla niedowiárstwa nie webli do pokoju obiecánego. 3 A wierni do niego *wniść máiq* (л. 757).

3.2. Перевод польского будущего времени (со вспомогательным глаголом *być*) формой простого будущего: 2 Фес. 2:3,9 **Показѣя пакъ первѣе имать прїити Антихристѣ. ѿ: Иже сотворитъ разная чдеса, вбаче ложнѣ** (л. 380 об.) — 3 Pokázuiąc iż pierwey ma przyść Antichrift 9 ktory *będzie czynił* rozmaíte cudá lecz fałszywe (л. 714).

Апок. 18:9 **в немже цѣѣ и кѣпци земнїи, прежде кѣпльствѣющїи с нимъ, рыдающе восплачѣтъ** (л. 461) — Prze ktore krolowie y kupcy ziemie / ktorzy z nią pierwey hándlowáli / *będq* rzewno *plákáć* (л. 878).

Апок. 20:4 **Въ нхже дшы мчнѣквѣ, въ первомъ н мертвѣхъ востанїи со хрѣтомъ воцрѣвятса** (л. 464 об.) — Przez ktore / duże męczennikow / w pierwbyum zmartwychwstániu *będq* z Chrystufsem *krolowáć* (л. 883).

Такой вариант перевода избирается, по всей вероятности, чтобы избежать употребления русской формы со вспомогательным глаголом *быть*, находящейся за пределами книжной нормы.

⁵⁴ Скобки в данном аргументе в ц-слав. переводе точно соответствуют скобкам в польском тексте, за исключением их конфигурации. То же соответствие наблюдается еще в Рим. 7, Рим. 9.

3.3. В переводе использована сложная система прошедших времен, свойственная церковнославянскому языку. Польский перфект (в польском оригинале встречаются, как правило, формы 3 л. без связки)⁵⁵ переводится чаще всего аористом, например 2 Тим. 1:10—11 **х̄с смертъ ѿпраздни аї: И Павла избра ѿчтла гзыквѣ** (л. 388 об.) — 10 *Christus śmierć zerzował 11 Y Páwła obrał Doktorem Pogánów* (л. 734).

Имперфект также появляется на месте перфекта в 3 л. без связки (выбор аориста/имперфекта зависит от вида глагола и общего контекста): Деян. 4:34, 35 **а̄д: Продающе стяжанія своя. а̄е: Полагахѣ цѣнѣ при ногахѣ апла** (л. 152) — *Przedawby imioná swe / kładli pieniądze przed nogi Apóstołskie* (л. 408); Евр. 10:32 **и терпашымъ помоществовахѣ** (л. 406) — *u ścierpiących wśromagáli* (л. 770). См. тж. Деян. 6:9, Деян. 7:58. Практически, поскольку связка перфекта в 3 л. в польском утрачена, при переводе на церковнославянский может действовать тот же механизм пересчета глагольных форм, что и при переходе от системы живого русского языка к церковнославянской⁵⁶. Кроме того, в Деян. 19:12 имперфект появляется и на месте пассивного причастия прош. времени.

Встречается, однако, единственный случай использования л-формы на месте л-формы без связки в 3 л. ед. ч.: Гал. 6:12 **еще ѿвѣщаваѣ, стрещися лстѣцвѣ, прѣлагающі законъ, иже сами егѡ не исполнили** (л. 355) — *12 Jeźcze náromina áby się strzegli zwodźcow / ktorzy zálecając zakon jámi go nie pełnili* (л. 664).

3.4. В польском тексте аргументов наиболее частотной формой является форма настоящего исторического, которая на церковнославянский переводится либо формами прошедших времен: аориста (см., например, Деян. 3:6, Деян. 7:59, Деян. 19:1, Деян. 24:22, Апок. 20:3), имперфекта (см., например, Деян. 5:15, Деян. 7:59, Деян. 19:11, Деян. 24:26), либо формами наст. исторического (см., например, Деян. 5:16, Деян. 5:20, Деян. 5:22, Деян. 5:29, Деян. 5:40, Деян. 5:42, Деян. 7:2, Деян. 19:16, Деян. 24:24). Очевидно, выбор формы аориста или имперфекта зависит и в данном случае от вида глагола и от характера основы. Дополнительно на выбор аориста в некоторых случаях могло оказывать влияние то обстоятельство, что польские стяженные формы наст. времени в 3 л. ед. ч. внешне похожи на формы аориста 3 л. ед. ч. от основ на гласный, ср. Деян. 24:10 **ѡвѣща** — *odpowieda*.

Следует отметить при этом, что в основном тексте четко выдерживается соответствие между настоящим историческим греческого текста и по-

⁵⁵ Польский перфект, как и русское прошедшее время, используется в функции генерализованного прошлого, то есть как максимально немаркированная категория, которая передает те или иные значения в зависимости от контекста, ср. [Марцев 2013: 526].

⁵⁶ О так называемом механизме пересчета, который действует в русском церковнославянском, в том числе в отношении простых претеритов см. [Живов 1996: 32—33].

становкой глагола в форму настоящего исторического в переводе. Этот принцип унаследован из Чудовского Нового Завета.

3.5. Пассивная конструкция переводится синтетической формой: 1 Тим. 1:8 **Законъ дадеса ради неправедны^x** (л. 382 об.) — *Zakon dla niespráwiedliwych iest dány* (л. 720); Евр. 5:7 **Услышася** (л. 400 об.) — *iest wuŝluchána* (л. 759); Евр. 6:4 **Понеже неможно паки крѣтитися** (л. 401 об.) — *Gdyż nie mogą być znówu krzczeni* (л. 761); Иак. 2:14 **вправдается и спасется** (л. 414) — *bywa uspráwiedliwiony y zbáwiony* (л. 787). См. тж. Деян. 11:22, Деян. 11:25. Такое предпочтение совпадает с принципом перевода форм страдательного залога в основном тексте, где греческие синтетические формы переводятся глаголом с **-ся**, чтобы не нарушать пословный принцип перевода.

4. Некоторые синтаксические особенности

4.1. Польские придаточные с союзом *aby* на базе сослагательного наклонения переводятся различными способами:

1) конструкцией **да** + наст. время:

2 Кор. 12:20 **Обаче вонтся, да не пришедь к нимъ, вбращаетъ нѣкыа распрями и иными злодѣйствы еще вбложены** (л. 346) — *Lecz ŝię boi / áby do nich przybedŝy nie nálaŝł niekorych roŝtyrkámi y innemi złoŝciámi iebzce obložonych* (л. 645); Ефес. 1:17 **Молъ, да полъчатъ совершенню мрость** (л. 356) — *Proŝac / áby doŝtáli zupełney mądroŝci* (л. 667). См. тж. Деян. 22:22, Деян. 25:1, Филипп. 3:7, 12, 17, Филипп. 4:8, 1 Тим. 1:3, 1 Тим. 1:18, 1 Тим. 4:11, 1 Тим. 6:14, 2 Тим. 3:10, 1 Петр. 2:11, 1 Петр. 2:19, 2 Ио. 1:7, Апок. 3:20.

Та же конструкция переводит и придаточное с союзом *iz*: 1 Тим. 1:12 **Благодарн бгъ, такъ игонителя (!) сотвори его апла. гт: И помнлова его, да покаже долготерпѣнїе свое** (382 об.) — *12 Dziękuje Bogu / iz go z przeŝládownce uczynił Aroŝtołem. 13 Y uŝył nád nim miłóŝierdzia / áby okazał nieŝkwápliwóŝ ŝwoię* (л. 720).

Она же употребляется и с союзом *ze*: Евр. 3:7 **Тогъ ради по всемъ долженствемъ слышати хрта: да не такъ невѣрнїи иудее ввержени вѣдемъ ѿ нбнагъ воспокоенїа** (л. 398 об.)⁵⁷ — *Przetoŝ Chrıŝtuŝá we wbytkim ŝluchác mamy: zebyŝmy iáko niewierni Zydowie od niebieŝkiego pokoiu nie byli odrzuceni* (л. 756).

2) **да вы** + л-форма:

Колос. 4:2 **Желаетъ, да вы молилися в немъ, е: И впаснв с невѣрными жити** (л. 373 об.) — *Chce áby ŝię zań modlili / 5 Y ostroŝnie ŝię z niewiernymi obchodzili* (л. 702). Примечательно, что вторая (однородная) л-форма переводится на ц-слав. инфинитивом. 1 Фес. 3:1 **Бояся да вы не вѣстѣнили вѣры, ради своихъ скорей, посла к нимъ Тимофеа. втвердити я** (л. 376 об.) — *1 Boiác ŝię áby dla ŝwego utrapienia nie odstápiли od*

⁵⁷ Постановка двоеточия в церковнославянском тексте зависит от польского.

wiary / posłał do nich Tymotheubá / żeby ie utwierdził (л. 707); 1 Фес. 4:13 **ꙗчитѣ въ востаніи наше^{мъ} и мертвы^{хъ}, да бы илшше не скорбѣли въ ѡмерши^{хъ}** (л. 377 об.) — Uczy sposobu náwego zmartwychwstánia / áby się zbytnie nie smucili dla tych ktorzy umieráią (л. 708). См. тж. 2 Фес. 2:1, 1 Тим. 6:1. Такие конструкции весьма частотны в Псалтыри А. Фирсова (всего зафиксирован 91 случай их употребления), причем большинство случаев их употребления (77 раз) приходится на аргументы к псалмам [Целунова 2006: 99].

3) одиночным инфинитивом:

Рим. 12:1 **ꙗвѣщаваеѣтъ рѡмляны ѿ сѣетѣ мира ѡдѣчившимсѧ совершениѡ ѡдатисѧ Гдѣ Бгѣ** (л. 306 об.) — Nápomina Rzumiány áby od márnosti świeckich oderwáni cále się oddáli Pánu Bogu (л. 564); Рим. 13:1 и 7 **а: ꙗвѣщаваеѣтъ повластныѧ преимꙋщымъ поѣниятисѧ, и ради совѣсти.** **з: И должное всѣмъ ѡдаяти** (л. 307 об.) — Uromina / áby poddáni byli przelozonych poslušni / 5 Też y dla sumnienia 7 A izby wbytkim co winni oddawali (л. 566); Ефес. 5:1 **ꙗвѣщаваеѣтъ подражати хртѣ Бгѣ** (л. 361) — Nápomina / áby naśládowali Chriřtá Páná (л. 676); 1 Фес. 5:24 **Проситѣ и ихъ молитисѧ за его** (л. 378) — Y proři áby się też oni zaň modlili (л. 710). См. тж. Деян. 15:1, Деян. 16:4, Деян. 22:23, Деян. 27:1, Ефес. 6:1 и 5, 4 и 9, Ефес. 6:18, Колос. 1:23, 1 Фес. 3:10, 1 Фес. 4:1, 2 Фес. 3:6, 2 Фес. 3:15 (дважды), 1 Тим. 4:7, 1 Тим. 6:17, 2 Тим. 1:6, 2 Тим. 2:1, Евр. 6:1, Евр. 6:12, Евр. 12:1, Иак. 2:1, 1 Петр. 4:1, 2 Петр. 1:5, 2 Петр. 1:11, Иуда 1:1, 1 Ин. 2:24, Апок. 19:17, Апок. 22:18.

Сюда же относится и Dat. cum infinitivo: 1 Тим. 2:1 **Желаѣ быти мѣтва^{мъ} и блгодареніѣ^{мъ} за началника, и за вся члѣки** (л. 383 об.) — 1 Chce áby modlitwy y dziek czynienia byly zá przelozone / y zá wbytkie ludzie (л. 722).

4) субстантивированным инфинитивом (конструкцией **еже** + inf):

1 Кор. 16:1 **ꙗвѣшавѣ а, еже слагати мѣтню хртѣаномъ швитающимъ во Иерлѣмѣ, г: врѣчаеѣтъ имъ Тимоѡеа** (л. 332 об.) — Nápomniawby ich / áby skládali iálmuznę Chrzeřćijánom mieřkáiačym w Jeruzálem 10 Záleca im Tymotheubá (л. 620); Гал. 6:7 **И прѣво добродѣствовати, еже во время свое полꙋчити жизнь вѣчнꙋю** (л. 355) — A záwbe dobrze czynić / ábyřmy czásu řwego żeři żywot wieczny (л. 664). См. тж. Колос. 3:1, 10; 1 Петр. 5:1, Евр. 4:11.

5) иными конструкциями:

1 Фес. 4:11 **и дѣлати рѣками не тревѣюще ѿ иныхъ подаянїя** (л. 377) — Y robiąc rѣkomá/ áby wřpomozenia od inřych nie potrzebowali (л. 708).

1 Ин. 3:1, 3 **а: такъ слово бжее ѿ вѣка вѣ, послѣжи же видѣно и всезаемо вѣ.** **г: такъ шщенїе вѣнѣмы сѣ вѣгомъ, и хртѣомъ снѣомъ его** (л. 428 об.) — 1 Iz słowo Boże od wieku było / á potym się widziálnym y dotykálnym sřtáło. 3 Abyřmy řpołecznořć mieli z Bogiem y z Chriřtufem Synem iego (л. 816).

Грецизированная конструкция с субстантивированным инфинитивом используется и в следующем случае для выражения значения цели: Деян. 21:21 **Совѣтꙋю^{тѣ} же емѣ очистиѣти со иными. за еже избѣгнѣ ѿ Иудей слагъ помнѣнїя** (л. 179) — Radzą mu áby się z drugimi oczyřcił / żeby uřbedł

u Zydow złego domniemania (л. 483)⁵⁸. Отметим, что в Псалтыри А. Фирсова в целевом значении используется почти исключительно конструкция **да бы** + л-форма (126 раз) [Целунова 2006: 103].

Преобладание стандартного ц.-слав. варианта **да** + наст. вр. над сослагательным склонением и в особенности использование субстантивированного инфинитива свидетельствует об ориентации перевода с польского не просто на стандартный церковнославянский, но на грецизированный синтаксис, свойственный Епифанию, Евфимию и их окружению.

4.2. Отрицательная частица **не** всегда отделяется от глагола **быти** в 3 л. ед. ч. наст. вр. (слитная форма **нѣсть** не используется), как и в польском: 1 Кор. 8:1 **Аще идоложертвеннаа части не есть грѣхъ по себѣ** (л. 320 об.) — *Acz rzeczy bałwanom ofiarowanych pożywać nie jest grzech sam z siebie* (л. 596); Иак. 1:13 **Бгъ не есть искънитель** (л. 413) — *Bog nie jest kuśicielem* (л. 785). Следует отметить, что и в основном тексте регулярно встречается сочетание **не есть**, соотнесенное с греческим οὐκ ἐστί.

4.3. Несколько раз в переводе встречается дательный самостоятельный оборот: Деян. 12:5 **Но мѣтвѣ непрестанной бывающей во не ѿз. Свободи его аггль и хранила** (л. 165) — *5 Ale gdy się modlitwa nie przestawa działa zań. 7 Wywiodł go aniół z ciemnice* (л. 445). См. тж. Деян. 21:1, Деян. 21:31.

Исследователи отмечают ограничение употребления этого абсолютного оборота в переводах грекофилов: как правило, его сфера сужена до строгого соответствия греческому абсолютному генитиву [Strakhov 1998: 47]. Здесь, однако, неоднократное использование дательного самостоятельного без какой-либо опоры в переводимом тексте свидетельствует о том, что он входит в набор синтаксических средств, необходимых для придания тексту книжного статуса. Укажем для сравнения, что в переводе Псалтыри А. Фирсова этот оборот не встречается ни разу: он заменяется конструкцией с личной формой глагола [Целунова 2006: 95].

4.4. Для перевода безличной конструкции используется Acc. cum inf.: Деян. 14:11 **Павла ѿ Варнавою мнѣша бгы быти** (л. 168 об.) — *Pawła z Barnabaszem za Bogi miano* (л. 453).

Таким образом, весь арсенал лексических и синтаксических калек, выработанных церковнославянской традицией для перевода греческих текстов и усвоенных оригинальными текстами, используется в данном случае для перевода с польского. В этом арсенале есть и такие элементы (дательный самостоятельный), которые ко второй половине XVII века давно вошли в церковнославянский узус и не осознавались как кальки, и такие, которые самими переводчиками ощущались как кальки и имели в церковнославянской переводческой практике нейтральные варианты (конструкции с

⁵⁸ Такая же техника перевода применяется Епифанием Славинецким в отношении латыни (в переводе Большого Атласа Блау), ср. cum scamben hanc toties resocerint Geographi — **за еже оуже многажды Географимъ во семъ веществовати** (цит. по [Николенкова 2013а: 603]).

субстантивированным инфинитивом). Такое положение дел не является случайным. Перевод Нового Завета Епифания — Евфимия, выполненный на грецизированный церковнославянский язык, может рассматриваться как своеобразная полемическая реакция на появление переводов протестантского толка на простой язык, прежде всего на перевод Псалтыри Авраамия Фирсова 1683 г., сделанный с кальвинистской Брестской Библии 1561 г., подобно тому как Библия Якоба Вуйка является эталонным католическим ответом на серию протестантских переводов середины — второй половины XVI в. (ср. [Алексеев 2013: 53]).

По поводу того, кто мог быть переводчиком аргументов, можно высказать несколько предположений. Прежде всего, переводчиком с польского мог быть сам Епифаний Славинецкий как выходец из Юго-Западной Руси, тем более что работа по подготовке нового перевода Библии началась еще в 50-е годы XVII в., сразу после приезда Епифания в Москву [Исаченко 2015: 9]. Однако следует принять во внимание то обстоятельство, что даже старшие из дошедших до нас рукописей перевода НЗЕ, Син. греч. 472 и Син. греч. 473 были написаны, по всей вероятности, после кончины Епифания (археографическое описание этих рукописей см., например, [Исаченко 2009: 38—43]).

Не исключено в принципе, что этот перевод мог выполнить и иеродиакон Моисей, монах Чудова монастыря, один из тех, кто принимал участие в работе над НЗЕ [Исаченко 2009: 31]. Напомним, что он в 1671 г. выполнил перевод книги Иова с польского языка, однако, как было показано выше, аргументы перед главами в переводе книги Иова не связаны с Библией Вуйка.

В настоящее время высказано аргументированное предположение о том, что первоначальный перевод Нового Завета Епифания был переработан Евфимием Чудовским, его учеником и последователем, который редактировал и другие переводы Епифания после кончины последнего [Исаченко 2015: 205—206].

Знакомство Евфимия Чудовского с польским языком отражается в нескольких текстах, в частности, в выполненном им переводе Номоканона Фотия. В Син. 465 (напомним, что это черновик перевода, написанный самим Евфимием) имеется следующий фрагмент: **Послѣдовни ѡбъ и насѣщій канонъ ѡпредѣляетъ ннединоѡже еппѡ къ цркомѡ дворѡ, рекше ндѣже црѡ превышаетъ приходити вѣ призыванія цркагѡ** (л. 116). На поле подведены греческое и латинское соответствия *εις τὸ στρατόπεδον* ‘военный лагерь’ и *in castra*, к последнему добавлено по-польски *obóz*. Лексема *obóz* является точным соответствием греческому и латинскому вариантам в значении ‘лагерь’. Отсюда она была заимствована в русский язык: старейшие примеры ее употребления со значением ‘укрепленный военный лагерь’ относятся ко 2-ой половине XVI в. (памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским) [СлРЯз XI—XVII вв., вып. 12: 116].

Использовал Евфимий и труды авторов Киевской митрополии, причем перевел с польского, по крайней мере, одну страницу полемического сочинения Петра Могилы ΛΙΘΟΣ, або kamien (Киев, 1644) [Шевченко 1995: 5; Strakhov 1998: 176]. Он же был одним из редакторов церковнославянского перевода написанных по-польски Поучений Петра Скарги, изданных в оригинале в 1610 г., причем несколько поучений он перевел заново. Эти переводы Евфимия характеризуются как относительно свободные, возможно потому, что они выполнялись не с греческих оригиналов [Strakhov 1998: 175-176]. Беглое сопоставление лексических особенностей отрывка из сочинения Петра Могилы, опубликованного в приложении к статье И. И. Шевченко [Шевченко 1995: 19 (приложение)], позволяет выявить как сходство, так и расхождения с переводом аргументов: так, в тексте отрывка употреблена конструкция **чрезъ преложеніе** — przez odmiane; дважды зафиксирован грецизм **потир** (³ **потіръ** — z kielichá; **в потіръ** — do kielichá), однако лексема **карпан** переводится как **сціенникъ**, в то же время употребляется полонизм **хендзъ** в соответствии с *chiądz*; наконец, в отличие от аргументов НЗЕ, находим **у римлянъ** — Rzymian. Таким образом, если Евфимий Чудовский действительно был автором рассматриваемого перевода аргументов, то перед нами еще один вариант его перевода с польского, причем весьма точный, что может быть результатом не только формального следования польскому тексту, но и последовательного соотношения с основным текстом Нового Завета, то есть опосредованно с греческой языковой стихией.

Евфимию, наконец, принадлежал экземпляр Библии Вуйка⁵⁹, на котором он делал пометы, многие из которых перенесены впоследствии в его полемический трактат «Обличение на гаждателей Священного писания», содержащий критику отклоняющихся от греческого перевода Семидесяти чтений Вульгаты и зависящих от нее польских переводов Библии. Появление этого сочинения между 1678—1693 гг. связывается как раз с подготовкой нового славянского перевода Библии [Исаченко 2015: 73, 79, 207]. Во вступлении к этому сочинению дается негативная оценка польским переводам, включая перевод Якоба Вуйка, и тем, кто читает эти переводы⁶⁰: **Нѣци члкъвъ, сѣци греческагѡ православїа, причнїшесѧ Полскагѡ гызка писменъ знанїю начаша прочитати полскїя Еретическїя книги. И ѡ неискуства разѡма Бжественныхъ писанїй, чтѣще библію полскѡю, преводѡ Іероннїмова, и Іезѡгта Іакѡва Вуйка, вѡрѣтоша тамо написанныя хѡлы и ѡкоризны лживыя на сціеннѡю библію, преводѡ Бгомѡдрѡхъ мѡжей седмидесяти двѡхъ преводникѡвъ, древле преведенною силою и дѡйствомъ сѡга Дѡха, съ Еврейскагѡ на Єллинскїи гызкѡ ...** (ГИМ, Син. 373, л. 5—5 об.), цитата по [Исаченко 2015, Приложение 1]. Однако

⁵⁹ О широком распространении Библии Вуйка в русском обществе конца XVII в. в сравнении с другими польскими изданиями Библии см. [Целунова 2006: 144—145].

⁶⁰ Подробный разбор текста трактата содержится в [Исаченко 2015: 72—152].

далее перевод Якоба Вуйка используется как авторитетный текст для обличения лютеран (в вопросе о наречении Имени Божия) [Исаченко 2015: 146].

Откликом на «Обличение...» стало послание выпускника Киево-Могилянской Академии юрьевского архимандрита Гавриила Домецкого, адресованное новгородскому митрополиту Иову⁶¹: И много разных выдач читаль Библии латинских, и полских, с предсловами, и нигде не обрѣл хулы на ХЛII Преводников: но обрѣтал и в разговорах слышал, что тѣх Преводников святыми почитают и приемлют. А хулы никакия не пишут и не говорят, избави Боже (л. 97 об.)... А Вуйкова Библия у меня была, и я в ней хулы на ХЛII Преводников никакія не видал... А писал ту Библию он, Вуйка, противу лютром, и калвином и цвинглианом, на их ереси, вскоре по смерти Мартына Лютра, а не нашу Церковь (л. 97 об.)... Церковь наша православная никогда не винить сихъ, иже книги латинския и полския прочитают, и еретическими книгами не нарицают (л. 100 об.) [цит. по Исаченко 2015: приложение 2].

Таким образом, архимандрит Гавриил в своем послании последовательно отстаивает киевскую позицию, тогда как позиция его оппонента Евфимия Чудовского может быть охарактеризована как двойственная: текст Якоба Вуйка фрагментарно используется в его собственной практике (становится частью критического аппарата перевода Нового Завета, используется в глоссах к этому переводу, а также задействуется в полемике против протестантских течений), однако публично этот источник осуждается. Таким двойственным отношением к католической Библии Вуйка, очевидно, объясняется и замалчивание факта использования данного источника в Предисловии к переводу НЗЕ, представленном в рукописи Унд. 1291.

Параллелью данной ситуации служит охранительная практика книжника Троице-Сергиевого монастыря Симона Азарьина, принадлежавшего, по выражению Т. А. Опариной, «к духовной элите московского общества первой половины XVII в.», который, имея в своей библиотеке польские книги и используя их в своей книжной деятельности, скреплял их записями, предостерегающими от распространения [Опарина 1998: 193—212]. Преемственность по отношению к этому охранительному течению в более позднее время характерна для Евфимия Чудовского и его ближайшего окружения.

Литература и источники

Автократова, Долгова 1985 — М. И. Автократова, С. Р. Долгова. К истории издания и распространения первой московской Библии (Острожская Библия ЦГАДА — наборный экземпляр для Библии 1663 г.) // Федоровские чтения 1985. М., 1985. С. 168—171.

⁶¹ Разбор этого документа см. в [Исаченко 2015: 59—71].

Алексеев 2013 — А. А. Алексеев. Священное Писание и становление национального литературного языка // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 49—55.

Горский, Невоструев 1857 — А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. Москва, 1857.

Дубровина, Гнатенко 2001 — Л. А. Дубровина, Л. А. Гнатенко. Археографічний та кодикологічний опис Пересопницького Євангелія // Пересопницьке Євангеліє 1556—1561. Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик / Видан. підгот. І. П. Чепіга за участ. Л. А. Гнатенко / Наук. ред. В. В. Німчук. Київ, 2001.

Дубровина, Чепіга 2001 — І. П. Чепіга, Л. А. Гнатенко, Л. А. Дубровина. Пересопницьке Євангеліє 1556—1561. Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик. Національна академія наук України; Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського; Інститут української мови; Український мовно-інформаційний фонд. Київ, 2001.

Евангелие от Матфея 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 2005.

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России в XVIII веке. М., 1996.

Золтан 2002 — А. Золтан. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. II. Книга 1. (Киевская и Московская Русь) / Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 766—804.

Исаченко 1987 — Т. А. Исаченко. Номоканон с толкованиями Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского (конец XVII в.). Особенности языка и перевода // Вопросы языкознания. № 3. 1987. С. 111—121.

Исаченко 1999 — Т. А. Исаченко. Перевод и толкование в «еллино-славянской» школе Чудова монастыря (вторая половина XVII века) // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo. A cura di Giovanna Brogi Bercoff, Maria Di Salvo, Luigi Marinelli. Redazione di Marcello Piacentini. Edizioni dell' Orso. 1999. P. 267—278.

Исаченко 2004 — Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.). Факсимиле. Подготовка текста Т. А. Исаченко / Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie III: Ostslavisches Bibel. Bd. 2. 2004. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 2004.

Исаченко 2009 — Т. А. Исаченко. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV—XVII вв. М., 2009.

Исаченко 2015 — Т. А. Исаченко. Вера и противление в ответах и обличениях 80—90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.

Климов 2003 — И. П. Климов. Московский оригинал церковнославянского текста в старобелорусском «Евангелии Тяпинского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003. М., 2003. С. 372—388.

Котова 2015 — Н. К. Котова. Церковнославянские элементы на фоне инославянской системы в Пересопницком Евангелии. Дипломная работа. На правах рукописи. МГУ, филологический факультет, кафедра русского языка, 2015.

Макарцев 2013 — М. М. Макарцев. Инновации в глагольной системе славянского говора Бобоштицы (обл. Корчи, Албания) // Славянское языкознание.

XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 512—534.

Мызина 2014 — М. Д. Мызина. Западнославянское влияние на перевод некоторых лексем в Новом Завете Епифания Славинецкого (на примере Посланий св. Апостолов). С. 79-80. <http://www.conference-spbu.ru/conference/20/section/110/>.

Николаева 2007 — Н. Г. Николаева. Грамматические и словообразовательные правки Евфимия Чудовского в переводе Ареопажитик как отражение основных тенденций развития церковнославянского языка XVII века // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. № 8 (86). 2007. С. 60—66.

Николенкова 2013 — Н. В. Николенкова. Архаизмы и гречизмы как признак научного стиля церковнославянского языка XVII века // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. № 4. 2013. С. 122—126.

Николенкова 2013а — Н. В. Николенкова. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Vlaeu) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590—609.

Никольский 1896 — К. Т. Никольский. Материалы для истории исправления богослужебных книг: Об исправлении устава церковного в 1682 году и месячных миней в 1689—1691 гг. / Памятники древней письменности. Т. 115. СПб., 1896.

Опарина 1998 — Т. А. Опарина. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

Пентковская 2009 — Т. В. Пентковская. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.

Пичхадзе 2009 — А. А. Пичхадзе. Библия. Переводы на церковнославянский язык // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2009. С. 139—147. (http://www.pravenc.ru/text/209473.html#part_16).

Ромодановская 2010 — В. А. Ромодановская. К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в.: развитие систем отсылок. Часть I // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 194—211.

Сапожникова 2010 — О. С. Сапожникова. Русский книжник 17 в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010.

Сиромаха 1979 — В. Г. Сиромаха. Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII в. и «Грамматика» М. Смотрицкого // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1979. № 1. С. 3—14.

Сиромаха 1981 — В. Г. Сиромаха. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале имен существительных): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

СлРЯз XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—30. М. 1975—2015—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—46. Л., 1965 — 2013 —.

Турилов 2010 — А. А. Турилов. Славянские переводы сочинений Иоанна Златоуста и их издания у южных славян и на Руси // Православная энциклопедия. Т. XXIV. М., 2010. С. 234—237.

Шевченко 1995 — И. И. Шевченко. У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений Мануила Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским // Славяноведение. № 5. 1995. С. 3—23.

Фасмер 1996 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—III. Издание 3-е. СПб., 1996.

Целунова 2006 — Е. А. Целунова. Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование. М., 2006.

Чепіга, Гнатенко 2001 — Пересопницьке Євангеліє 1556—1561. Дослідження. Транслітерований текст. Словопоказчик / Видан. підгот. І. П. Чепіга за участ. Л. А. Гнатенко / Наук. ред. В. В. Німчук. Київ, 2001.

Bieńkowska 1990 — D. Bieńkowska. Rola glos marginalnych w przekładzie Biblii J. J. Wujka // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica*. 23. 1990. S. 21—29.

Bieńkowska 1997 — D. Bieńkowska. Renesansowy charakter przekładów Biblii J. J. Wujka (na materiale Psalterza) // *O prekladoch Biblie do slovenčiny a do iných slovanských jazykov. Slavistický cabinet SAV*. Bratislava 1997. S. 107—116.

Bieńkowska 2010 — D. Bieńkowska. Książd Jakub Wujek jako tłumacz Pisma Świętego. Charakterystyka stylistycznojęzykowa przekładów // *Biblia Slavica. Serie II: Polnische Bibeln*. Bd. V.1,1. Die Bücher des Alten und des Neuen Testamentes... Durch D. Jakub Wujek aus Wągrowiec, Theolog. Societatis Jesu. In Krakau 1599. Kommentar. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010. S. 17—56.

Bobrik 2011 — M. Bobrik. Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. — 18. Jh. // *Ostkirchliche Studien*. Bd. 60. Heft 1. S. 48—68.

Duda 1998 — H. Duda. «...każdą razą Biblią odmieniać». Modernizacja języka przedruków Nowego Testamentu ks. Jakuba Wujka w XVII i XVIII wieku. Lublin, 1998.

Kossowska 1968—1969 — M. Kossowska. Biblia w języku polskim. T. I—II. Warszawa, 1968—1969.

Kwilecka, Rothe 2010 — *Biblia Slavica*. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. V.1,1. Die Bibel. Bücher des Alten und des Neuen Testamentes nach der alten lateinischen Übersetzung, die in der katholischen Kirche angenommen ist, aufs Neue mit Fleiß I die polnische Sprache übersetzt. Durch D. Jakub Wujek aus Wągrowiec, Theolog Societatis Jesu. In Krakau 1599. Herausgegeben von Irena Kwilecka und Hans Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010.

Martel 1938 — A. Martel. La langue Polonaise dans les pays Ruthènes. Ukraine et Russie Blanche 1569—1667/ *Travaux et mémoires de l'université de Lille*. Nouvelle Série: Droit et Lettres. № 20. Lille, 1938.

Olesch, Rothe 1988 — *Biblia Slavica*. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe unter Mitarbeit von Friedrich Scholz. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. 1. Leopolda. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1988.

Pietkiewicz 2002 — Ks. R. Pietkiewicz. Pismo Święte w języku polskim w latach 1518—1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego. Wrocław, 2002. <http://digital.fides.org.pl/Content/728/Pietkiewicz-Doktorat.pdf>.

Pietkiewicz 2013 — R. Pietkiewicz. Tradycja rękopiśmienna polskich przekładów biblijnych od XIII do XVI wieku // *Wrocławski Przegląd Teologiczny*. 21 (2013). Z. 2. S. 29—50.

Rothe, Scholz 2001 — *Biblia Slavica*. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. 2. Teil 2. Brester Bibel 1563. Księgi Nowego Testamentu. Kommentare. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2001.

Rothe, Scholz 2002 — *Biblia Slavica*. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie III: Ostslavische

Bibeln. Bd. 1. Skorina, Kommentare / Apostolos 1525. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Ferdinand Schöningh. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002.

Schweier 1987 — U. Schweier. Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580—1581 und der Moskauer Bibel von 1663 (= Specimina Philologiae Slavicae, Supplementband 22). München, 1987.

Sobczykowa 2010 — J. Sobczykowa. Komentarz biblijny ks. Jakuba Wujka. *Philologia ancilla Theologiae // Biblia Slavica. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. V.1,1. Die Bücher des Alten und des Neuen Testamentes...* Durch D. Jakub Wujek aus Wagrowiec, Theolog. Societatis Jesu. In Krakau 1599. Kommentar. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010. P. 57—78.

Strakhov 1998 — O. B. Strakhov. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620—1705) / Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reihe A: Slavische Forschungen. Neue Folge, Bd. 26. Köln; Weimar; Wien, 1998.

Thomson 1993 — Fr. J. Thomson. Slavonic translations available in Muscovy: The Cause of Old Russian's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // *California Slavic Studies. Vol. XVI. Christianity and the Eastern Slavs. Vol. I. Slavic Culture in the Middle Ages / Ed. By B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. Berkeley; Los Angeles; Oxford. 1993. P. 179—214.*

Wodecki 1998 — B. Wodecki. Polish Translation of the Bible // *Interpretation of the Bible. Slovenska akademija znanosti i umetnosti. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1201—1233.*

Ραλλη, Ποτλη 1852 — Γ. Ραλλη, Μ. Ποτλη. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἀγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων... Τ. 2. Αθηνῶν, 1852.

References

Alekseev 2013 — A. A. Alekseev. Svyashchennoe Pisanie i stanovlenie nacional'nogo literaturnogo yazyka // A. A. Alekseev. Ocherki i étyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii. St.-Peterburg, 2013. S. 49—55.

Avtokratova, Dolgova 1985 — M. I. Avtokratova, S. R. Dolgova. K istorii izdaniya i rasprostraneniya pervoy moskovskoy Biblii (Ostrozhskaya Bibliya CGADA — nabornyy ékzempliar dlya Biblii 1663 g.) // *Fedorovskie chteniya 1985. Moskva, 1985. S. 168—171.*

Bieńkowska 1990 — Bieńkowska D. Rola glos marginalnych w przekładzie Biblii J. J. Wujka // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica, 23. 1990. S. 21—29.*

Bieńkowska 1997 — D. Bieńkowska. Renesansowy charakter przekładów Biblii J. J. Wujka (na materiale Psalterza) // *O prekladoch Bible do slovenčiny a do iných slovanských jazykov. Slavistický cabinet SAV. Bratislava 1997. S. 107—116.*

Bieńkowska 2010 — D. Bieńkowska. Książd Jakub Wujek jako tłumacz Pisma Świętego. Charakterystyka stylistycznojęzykowa przekładów // *Biblia Slavica. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. V.1,1. Die Bücher des Alten und des Neuen Testamentes...* Durch D. Jakub Wujek aus Wagrowiec, Theolog. Societatis Jesu. In Krakau 1599. Kommentar. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 2010. S. 17—56.

Bobrik 2011 — M. Bobrik. Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. — 18. Jh. // *Ostkirchliche Studien. Bd. 60. Heft 1. S. 48—68.*

Chepiga, Gnatenko 2001 — Peresopnic'ke Evangelie 1556—1561. Doslidzhennya. Transliterovaniy tekst. Slovopokazhchik / Vidan. pidgot. I. P. Chepiga za uchast. L. A. Gnatenko / Nauk. red. V. V. Nimchuk. Kiïv, 2001.

Dubrovina, Gnatenko 2001 — L. A. Dubrovina, L. A. Gnatenko. Arkheografichniy ta kodikologichniy opis Peresopnic'kogo Evangeliya // Peresopnic'ke Evangelie 1556—1561. Doslidzhennya. Transliterovaniy tekst. Slovopokazhchik / Vidan. pidgot. I. P. Chepiga za uchast. L. A. Gnatenko / Nauk. red. V. V. Nimchuk. Kiïv, 2001.

Duda 1998 — H. Duda. «...każdą razą Biblią odmieniać». Modernizacja języka przedruków Nowego Testamentu ks. Jakuba Wujka w XVII i XVIII wieku, Lublin 1998.

Fasmer 1996 — M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I—III. Izdanie 3-e. St.-Peterburg, 1996.

Gorskiy, Nevostruev 1857 — A. V. Gorskiy, K. I. Nevostruev. Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodal'noy biblioteki. Otd. II: Pisaniya svyatykh otcov. Ch. 3: Raznye bogoslovskie sochineniya. Moskva, 1857.

Isachenko 1987 — T. A. Isachenko Nomokanon s tolkovaniyami Val'samona v perevode Evfimiya Chudovskogo (konec XVII v.). Osobennosti yazyka i perevoda // Voprosy yazykoznanija. 1987. № 3. S. 111—121.

Isachenko 1999 — T. A. Isachenko. Perevod i tolkovanie v «ellino-slavenskoy» shkole Chudova monastyrya (vtoraya polovina XVII veka) // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo. A cura di Giovanna Brogi Bercoff, Maria Di Salvo, Luigi Marinelli. Redazione di Marcello Piacentini. Edizioni dell' Orso. 1999. P. 267—278.

Isachenko 2004 — Novyy Zavet v perevode ieromonakha Chudova monastyrya Epifaniya Slavineckogo (posl. tret' XVII v.). Faksimile. Podgotovka teksta T. A. Isachenko / Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie III: Ostslavisches Bibeln. Bd. 2. 2004. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 2004.

Isachenko 2009 — T. A. Isachenko. Perevodnaya moskovskaya knizhnost'. Mitropolichiy i patriarshiy skriptoriy XV—XVII vv. Moskva, 2009.

Isachenko 2015 — T. A. Isachenko. Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniyakh 80—90-kh gg. XVII v. Novye bibleyskie perevody v filologicheskikh shkolakh XVII v. Moskva, 2015.

Klimov 2003 — I. P. Klimov. Moskovskiy original cerkovnoslavjanskogo teksta v starobeloruskom «Evangelii Tyapinskogo» // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka 2002-2003. Moskva, 2003. S. 372—388.

Kossowska 1968—1969 — M. Kossowska. Biblia w języku polskim. T. I—II. Warszawa, 1968—1969.

Kotova 2015 — N. K. Kotova. Tserkovnoslavjanskije èlementy na fone inoslavjanskoy sistemy v Peresopnickom Evangelii. Diplomnaya rabota. Na pravakh rukopisi. MGU, filologicheskii fakul'tet, kafedra russkogo yazyka, 2015.

Kwilecka, Rothe 2010 — Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. V.1.1. Die Bibel. Bücher des Alten und des Neuen Testaments nach der alten lateinischen Übersetzung, die in der katholischen Kirche angenommen ist, aufs Neue mit Fleiß I die polnische Sprache übersetzt. Durch D. Jakub Wujek aus Wągrowiec, Theolog Societatis Jesu. In Krakau 1599. Herausgegeben von Irena Kwilecka und Hans Rothe. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 2010.

Makarcev 2013 — M. M. Makarcev. Innovacii v glagol'noy sisteme slavjanskogo govora Boboshticy (obl. Korchi, Albaniya) // Slavjanskoe yazykoznanie. XV Mezhdud-

narodnyy s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 2013. S. 512—534.

Martel 1938 — A. Martel. La langue Polonaise dans les pays Ruthènes. Ukraine et Russie Blanche 1569-1667/ Travaux et mémoires de l'université de Lille. Nouvelle Série: Droit et Lettres. — № 20. Lille, 1938.

Martel 1938 — A. Martel. La langue Polonaise dans les pays Ruthènes. Ukraine et Russie Blanche 1569-1667/ Travaux et mémoires de l'université de Lille. Nouvelle Série: Droit et Lettres. — N 20. Lille, 1938.

Myzina 2014 — M. D. Myzina. Zapadnoslavyanskoe vliyanie na perevod nekotorykh leksem v Novom Zavete Epifaniya Slavineckogo (na primere Poslaniy sv. Apostolov). S. 79—80. <http://www.conference-spbu.ru/conference/20/section/110/>.

Nikol'skiy 1896 — K. T. Nikol'skiy. Materialy dlya istorii ispravleniya bogoslužebnykh knig: Ob ispravlenii ustava cerkovnogo v 1682 godu i mesyachnykh miney v 1689—1691 gg. / Pamyatniki drevney pis'mennosti. T. 115. St.-Peterburg, 1896.

Nikolaeva 2007 — N. G. Nikolaeva. Grammaticheskie i slovoobrazovatel'nye pravki Evfimiya Chudovskogo v perevode Areopagitik kak otrazhenie osnovnykh tendency razvitiya cerkovnoslavyanskogo yazyka XVII veka // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2007. № 8 (86). S. 60—66.

Nikolenkova 2013 — N. V. Nikolenkova. Arkhaizmy i grecizmy kak priznak nauchnogo stilya cerkovnoslavyanskogo yazyka XVII veka // Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta 2013. № 4. S. 122—126.

Nikolenkova 2013a — N. V. Nikolenkova. Strategii formirovaniya cerkovnoslavyanskogo yazyka kak yazyka nauki v XVII v. (na primere perevoda Atlasa Blaeu) // Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 2013. S. 590—609.

Olesch, Rothe 1988 — Biblia Slavica. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe unter Mitarbeit von Friedrich Scholz. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. 1. Leopolda. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 1988.

Oparina 1998 — T. A. Oparina. Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoy mitropolii. Novosibirsk, 1998.

Pentkovskaya 2009 — T. V. Pentkovskaya. K istorii ispravleniya bogoslužebnykh knig v Drevney Rusi v XIV veke: Chudovskaya redakciya Novogo Zaveta. Moskva, 2009.

Pichkhadze 2009 — A. A. Pichkhadze. Bibliya. Perevody na cerkovnoslavyanskiy yazyk // Pravoslavnaya enciklopediya. T. V. Moskva, 2009. S. 139—147 (http://www.pravenc.ru/text/209473.html#part_16).

Pietkiewicz 2002 — Ks. Rajmund Pietkiewicz. Pismo Święte w języku polskim w latach 1518—1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego. Wrocław, 2002 <http://digital.fides.org.pl/Content/728/Pietkiewicz-Doktorat.pdf>.

Pietkiewicz 2013 — R. Pietkiewicz. Tradycja rękopiśmienna polskich przekładów biblijnych od XIII do XVI wieku // Wrocławski Przegląd Teologiczny. 21 (2013). Z. 2. S. 29—50.

Ralle, Potle 1852 — Syntagma ton theion kai hieron kanonon ton te hagian kai paneufemon apostolon, edd. G. Ralle, M. Potles. Vol. 2. Athenesin 1852.

Romodanovskaya 2010 — V. A. Romodanovskaya K istorii Novogo Zaveta Gennadijskoy biblii i Evangelij XV v.: razvitie sistem otsylok. Chast' I // TODRL. T. 61. St.-Peterburg, 2010. S. 194—211.

Rothe, Scholz 2001 — Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie II: Polnische

Bibeln. Bd. 2. Teil 2. Brester Bibel 1563. Księgi Nowego Testamentu. Kommentare. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich, 2001.

Rothe, Scholz 2002 — Biblia Slavica. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. unter Mitarbeit von Christian Hannick und Ludger Udolph. Serie III: Ostslavische Bibeln. Bd. 1. Skorina, Kommentare / Apostolos 1525. Herausgegeben von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich.

Sapozhnikova 2010 — Sapozhnikova O. S. Russkiy knizhnik 17 v. Sergiy Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'. Moskva, St.-Peterburg, 2010.

Schweier 1987 — Schweier U. Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580—1581 und der Moskauer Bibel von 1663 (= Specimina Philologiae Slavicae, Supplementband 22). München, 1987.

Shevchenko 1995 — Shevchenko I. I. U istokov russkogo vizantinovedeniya: perevody stikhovoreniy Manuila Fila (XIV v.) Evfimiem Chudovskim // Slavyanovedenie. 1995. № 5. S. 3—23.

Siromakha 1979 — Siromakha V.G. Yazykovye predstavleniya knizhnikov Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XVII v. i «Grammatika» M. Smotrickogo // Vestnik MGU, seriya 9. Filologiya. 1979. № 1. S. 3—14.

Siromakha 1981 — Siromakha V.G. «Knizhnaya sprava» i voprosy normalizatsii knizhno-literaturnogo yazyka Moskovskoy Rusi vo vtoroy polovine XVII v. (na materiale imen sushchestvitel'nykh): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1981.

Sobczykowa 2010 — Sobczykowa J. Komentarz biblijny ks. Jakuba Wujka. Philologia ancilla Theologiae // Biblia Slavica. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. V.1,1. Die Bücher des Alten und des Neuen Testaments... Durch D. Jakub Wujek aus Wagrowiec, Theolog. Societatis Jesu. In Krakau 1599. Kommentar. 2010. Ferdinand Schöningh. Paderborn. München. Wien. Zürich. P. 57—78.

SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1 — 46 —. Leningrad, 1965 — 2013 —.

Strakhov 1998 — Olga B. Strakhov. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620—1705). Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reihe A: Slavische Forschungen. Neue Folge, Bd. 26. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien. 1998.

Thomson 1993 — Thomson Fr. J. Slavonic translations available in Muscovy: The Cause of Old Russian's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // California Slavic Studies. Vol. XVI. Christianity and the Eastern Slavs. Vol. I. Slavic Culture in the Middle Ages. Ed. By B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. University California Press. Berkeley; Los Angeles; Oxford. 1993. P. 179—214.

Turilov 2010 — Turilov A.A. Slavyanskije perevody sochineniy Ioanna Zlatousta i ikh izdaniya u yuzhnykh slavyan i na Rusi // Pravoslavnaya enciklopediya. T. XXIV. Moskva, 2010. S. 234—237.

Wodecki 1998 — Wodecki B. Polish Translation of the Bible // Interpretation of the Bible. Slovenska akademija znanosti i umetnosti. Ljubljana. Sheffield. 1998. P. 1201—1233.

Yevangeliye ot Matfeya 2005 — Yevangeliye ot Matfeya v slavyanskoy tradicii / Izd. podg. A. A. Alekseyev, A. A. Pichkhadze, M. B. Babickaya i dr. St.-Peterburg, 2005.

Zhivov 1996 — Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii v XVIII veke. Moskva, 1996.

Zoltan 2002 — Zoltan A. Puti pronikoveniya zapadnorusskoy leksiki v velikoruskiy delovoy yazyk v XV v. // *Iz istorii russkoy kul'tury*. Т. II. Книга 1. (Kievskaya i Moskovskaya Rus') / Sostaviteli A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moskva, 2002. S. 766—804.

Celunova 2006 — Celunova E. A. Psalmyr' 1683 g. v perevode Avramiya Firsova: Tekst, slovoukazatel', issledovanie. Moskva, 2006.

Резюме

Предлагаемая работа посвящена переводу Нового Завета, выполненному в конце XVII в. коллективом московских книжников — справщиков Московского Печатного двора под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого. В двух рукописях этого перевода Син. греч. 472 и 473, представляющих собой греческо-церковнославянскую диглотту, основной текст каждой главы сопровождается так называемыми аргументами (или суммами). Устанавливается, что оригиналом аргументов Апостола и Апокалипсиса послужило издание польского Нового Завета Якоба Вуйка 1593 г. Выявляется разница в источнике перевода и переводческом подходе между Апостолом и Апокалипсисом и Евангелием. Перевод аргументов в Евангелии, по всей вероятности, использует дополнительный источник (или источники), который еще предстоит установить.

Анализируется техника перевода аргументов в соотношении с переводом основного текста. В пределах одного иерархически устроенного текста реализуется практика перевода с двух языков, статус которых в московской книжной среде существенно различается, — греческого и польского. Принципы перевода с греческого как языка Священных текстов переносятся на перевод с польского. Выявляются случаи двойной мотивированности выбора конструкций (когда калька с греческого одновременно поддерживается польской конструкцией). Делается предположение о личности переводчика аргументов, которым с наибольшей степенью вероятности мог являться Евфимий Чудовский, возглавивший коллектив переводчиков после смерти Епифания Славинецкого. Выявленная разница между переводом аргументов Евангелия, с одной стороны, и Апостола и Апокалипсиса, с другой может являться свидетельством двух этапов работы над переводом (до 1675 г. и в 80—90-е гг. XVII в.).

Ключевые слова: перевод Нового Завета второй половины XVII в., польские издания Библии, переводческая техника, Библия Вуйка

Статья получена 26.08.2015

TATIANA V. PENTKOVSKAYA

THE NEW TESTAMENT IN THE TRANSLATION OF THE CIRCLE OF EPIPHANIUS SLAVINETSKY AND THE POLISH TRANSLATION TRADITION OF THE 16TH CENTURY: TRANSLATION OF SUMMAE IN THE APOSTOLOS

This study deals with the translation of the New Testament made by a group of translators of the Moscow Printing Court under the leadership of Epiphanius Slavivetsky and Euthymius Chudovsky in the second half of the 17th century.

It is shown that the original of the so-called arguments (summae) of the Acts, Epistles and Apocalypse was taken from the edition of the New Testament translated from

Latin Vulgata into Polish by the Jesuit Jakob Wujek, published in 1593. There is a difference between the arguments in *Apostolos* and *Apocalypse*, on the one hand, and the arguments in the Gospels, on the other hand. The Church Slavonic translation of the arguments in the Gospels had an additional source (or sources), which is yet to be established.

The translation technique of the arguments is analysed in comparison with the translation of the main text. It is found that the principles of the translation from Greek as the language of the sacred texts are transferred to the translation from Polish. Cases of double motivation of the choice of lexemes and constructions are established (when a calque from Greek is supported by an analogous Polish construction).

In all probability, the interpreter of arguments was monk Euthymius of Chudov monastery, who led the team of translators after the death of Epiphanius Slavinsky. The difference between the translation of the arguments of the Gospels, on the one hand, and those of *Apostolos* and *Apocalypse*, on the other hand, could be evidence that the translation occurred in two stages (before 1675 and in the 1680s and 1690s).

Keywords: translation of the New Testament in the second half of 17th century, Polish editions of the Bible, translation techniques, Wujek Bible

Received on 26.08.2015

С. М. КУСМАУЛЬ

**АНОНИМНАЯ ГРАММАТИКА XVII в.
И КНИЖНАЯ СПРАВА 1620-х гг.***

В 2010 г. в научный оборот была введена ранее неизвестная рукописная анонимная грамматика XVII в., хранящаяся в Государственном Историческом музее (Синодальное собрание, № 734, далее грамматика *Син734*) [Запольская 2010]. Эта грамматика, составленная на основе двух грамматик юго-западнорусских книжников Лаврентия Зизания¹ и Мелетия Смотрицкого² в конце 1620-х — начале 1630-х гг., является первым великорусским собственно грамматическим сочинением. До этого в Московской Руси бытовали различные орфографические руководства, регулировавшие употребление дублетных букв, постановку знаков ударения и препинания³. Первоначальное знакомство великорусских книжников с грамматикой Зизания в 1620-х гг. приводит к созданию редакций этой грамматики, которые полемизируют с Зизанием по вопросам снятия грамматической омонимии⁴. Однако в 1640-х гг. создаются уже копии грамматики Зизания без существенных переделок (подробнее об этом см. [Кузьминова 1996; 1999; 2012]). В грамматике *Син734* такой полемики с установками Лаврентия Зизания нет.

Следующим в ряду великорусских грамматик является московское переиздание грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г., выполненное Иваном Наседкой и Михаилом Роговым. Как анонимная грамматика *Син734*, так и издание грамматики 1648 г. представляют собой свободное переложение правил юго-западнорусских грамматик (особенно в орфографической части), в результате чего формируется новая орфографическая и морфологическая норма церковнославянского языка великорусского варианта.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-34-01256.

¹ Грамматика словеника Сзвершенна икздрѣта оемн члстїи словѣ, и ѣны нѣдлны 1596 г.

² Грамматикн Слвѣникна прѣвнлное Сѣнтгма 1619 г.

³ Многие трактаты XVI — начала XVII вв. опубликованы в [Ягич 1895].

⁴ Две из этих редакций содержатся в рукописном сборнике, датированном 1622 г. (РГБ НИОР, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 336). Опубликован в [Грамматический сборник 2002].

Рецепция нормы юго-западных русских грамматик в московской грамматике 1648 г. и в анонимной грамматике *Син734* получила должное освещение в научных работах [Запольская 2010; Кузьминова 2007; 2012]. Однако нормы этих грамматик не рассматривались применительно к богослужебным текстам, для исправления и редактирования которых они использовались.

На протяжении всего XVII в. имел место процесс книжной справки. Богослужебные книги подвергались редактированию, орфографические нормы пересматривались и исправлялись. Наиболее известен период так называемой никоновской справки (вторая половина XVII в.), существенно изменившей облик церковнославянских текстов (в лексике, морфологии и синтаксисе) и устав церковного богослужения, что повлекло за собой церковный раскол. Наименее изучен вопрос орфографических изменений в этот период.

Орфографическая нормализация начинается практически с момента начала книгопечатания и непосредственно связана с ним. За основу орфографической нормы берется московская рукописная традиция. Первоначально изданием книги полностью заведовали печатники, они занимались сверкой текста и его набором. У каждого печатника начала XVII в. (Андроник Тимофеев Невежа, Иван Андроников Невежин, Анисим Михайлов Радишевский, Никита Федоров Фофанов) присутствуют какие-то индивидуальные особенности орфографии, но постепенно в условиях централизованной работы Московского Печатного двора (с момента восстановления после смутного времени в 1614 г.) намечается унификация орфографии богослужебных изданий. Начальным периодом в этом отношении являются 1620-е гг., так как в это время на Московском Печатном дворе (далее МПД) вводится отдельная должность справщика [Покровский 1913: 23]. Работа справщиков заключалась в сверке различных списков и приведении их к единому образцу, а набором текста и его печатанием занимались мастера⁵ и их помощники. Самым известным справщиком 1620-х гг. был Арсений Глухой. С его появлением на МПД связаны некоторые орфографические изменения в печатных богослужебных текстах 1620-х гг. Сравнение орфографии богослужебных текстов этого времени и орфографических правил грамматики *Син734* позволяет по-новому взглянуть на проблему создания этой грамматики и выдвинуть предположение о ее авторе, тесно связанном с работой МПД.

Н. Н. Запольской было высказано предположение об авторе грамматики *Син734*: в акростихе стихотворного предисловия (версия А. А. Турилова) читается имя Антоний: «глобляном лнчоннї рдвоачннн прїно». Известно два

⁵ Мастер печатного дела — мастер-универсал, разрабатывавший шрифты, иногда строивший печатный стан, владевший всеми специальностями мастерского человека книгопечатного дела, руководившего в XVI — 1-й пол. XVII в. работой станов (как правило, двух) на Печатном дворе и мастеровых людей, их обслуживавших [Московские 2002: 323].

книжника начала XVII в. с именем Антоний — Антоний Крылов и Антоний Подольский. Н. Н. Запольская предположила, что автором грамматики *Син734* являлся Антоний Подольский [Запольская 2010: 269]. Аргументы Н. Н. Запольской приведем позднее, а сначала выскажем наше предположение по этому поводу. Анализ различных источников приводит нас к мысли о том, что автором грамматики был Антоний Крылов, справщик МПД 1620-х гг.

Укажем круг источников, которые позволили нам сделать соответствующий вывод, а затем подробно рассмотрим их:

- 1) сведения о справщиках 1620—1630-х гг.;
- 2) орфографические особенности богослужебных текстов 1620-х гг.;
- 3) сведения из приходно-расходных книг МПД;
- 4) орфография Канонников, написанных Арсением Глухим в 1616 г., и различные орфографические трактаты;
- 5) орфографические рекомендации анонимной грамматики *Син734*.

1. Справщики 1620—1630-х гг.

Арсений Глухой⁶ в 1615—1616 гг. под руководством Дионисия Зобниновского⁷ трудился в Троице-Сергиевом монастыре над исправлением богослужебных книг (Требника, Триоди Цветной, Октоиха, общей и месячных Миней, Псалтири и Канонника). Вместе с Арсением работали также Иван Наседка и Антоний Крылов. При справе Требника в чине освящения воды на Богоявление в молитве «освящается Духом Святым и огнем» ими были исключены слова «и огнем». Это исправление подверглось резкой критике со стороны московского митрополита Ионы и некоторых Троицких монахов. В 1618 г. Дионисия и его сотрудников подвергли церковному суду, на котором их обвинили в ереси⁸. Арсений Глухой вместе с Дионисием Зобниновским был заточен в тюрьму. За опальных справщиков вступился Иерусалимский патриарх Феофан IV, приехавший в то время в Москву, и в 1619 г. они были оправданы вернувшимся из польского плена патриархом Филаретом Романовым (годы правления 1619—1633 гг.) [Казанский 1848: 16; Пospelов 1865: 50]. Через некоторое время Арсений Глухой был приглашен справщиком на МПД.

Антонию Крылову и Ивану Наседке удалось избежать сурового наказания после церковного суда (Арсений Глухой в своем послании боярину

⁶ Подробнее о нем см. [Словарь 1992: 103—105; Скворцов 1890а; Филарет 1859].

⁷ О нем см. [Словарь 1992: 274—276; Скворцов 1890б; Пospelов 1865].

⁸ Об исправлении Требника при патриархе Филарете см. [Казанский 1848; Макарий 1882: 10—19; Филарет 1888: 113—116; Николаевский 1890; Опарина 1998: 37—44; Скворцов 1890а; Киселев 1960: 138—139]. О текстологии документов, связанных с исправлением Требника, см. [Чумичева 2004].

Б.М. Салтыкову⁹ дает негативную оценку «лукавой лисице» Ивану Наседке, избежавшему наказания). После оправдания Дионисия Зобниновского и Арсения Глухого Антония Крылова также пригласили на МПД в качестве справщика.

В исследовательской литературе сообщается год назначения Арсения Глухого в качестве главного справщика — (7)133 (т. е. конец 1624—1625 гг.) [Мансветов 1883: 24; Покровский 1913: 25; Скворцов 1890а: 8], а год окончания работы на МПД — 1632 [Покровский 1913: 25] или 1635 [Скворцов 1890а: 8], когда он и умер [Словарь 1992: 105]. Старец Антоний Крылов¹⁰, по мнению исследователей, начал работу на МПД в 1619 г. [Мансветов 1883: 24], был справщиком с февраля 1620 г. по сентябрь 1628 г., умер в декабре 1630 г. [Словарь 1992: 88].

Исследование приходно-расходных книг МПД позволяет уточнить даты работы Арсения Глухого и Антония Крылова. Среди прочих хозяйственных расходов имеются записи первого числа каждого месяца о выдаче жалования справщикам. Старец Антоний получает жалование с февраля (7)128 г. (1620 г.)¹¹. Старец Арсений начинает работать на МПД 18 октября (7)130 г. (1621 г.)¹². В (7)130 г. (1621—1622 гг.)¹³ как справщики работают старец Арсений, старец Антоний, вдовый поп Степан, Григорий Анисимов¹⁴. Вдовый поп Степан работает до декабря (7)131 г. (1622 г.), 24 декабря (7)131 г. вместо него начинает свою работу на МПД старец Феодосий.¹⁵ Старцы Арсений, Антоний и Феодосий совместно работают с января (7)131 г. (1623 г.) по конец (7)139 г. (август 1631 г.)¹⁶. Старец Антоний по-

⁹ Списки послания: БАН, собрание Архангельской семинарии, № 173; РГБ, НИОР, собрание МДА, № 177; РГБ, НИОР, собрание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, № 700; ГИМ, Синодальное собрание, № 416.

¹⁰ Подробнее о нем см. [Словарь 1992: 87—89].

¹¹ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 1, л. 154а.

¹² РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 3, л. 207а.

¹³ Записи о выдаче жалования на (7)130 г.: РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 3, лл. 207, 207а, 208а—209, 210—211, 211а—214а.

¹⁴ Григорий Анисимов работает на МПД сначала как справщик, с мая 1620 г. (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 1, л. 160а) по август 1623 г. С сентября 1623 г. (д. 4, л. 96) он уже получает жалование как писец.

¹⁵ Записи о выдаче жалования на (7)131 г.: РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 3, лл. 215—215а, 216—217, 217а—218, 218а—219, 219а, 220, 221—221а, 222а—225.

¹⁶ Записи о выдаче жалования по годам работы: (7)132 г. (сентябрь 1623 г. — август 1624 г.) — РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 4, л. 96—98, 99—99а, 100, 100а—102а; (7)133 г. (сентябрь 1624 г. — август 1625 г.) — д. 4, л. 199, 200а, 201, 201а, 202, 202а, 203а—205а; (7)134 г. (сентябрь 1625 г. — февраль 1626 г.) — д. 4, л. 337а—339; май (7)134 г. (1626 г.) — д. 5, л. 16а; (7)135 г. (сентябрь 1626 г. — декабрь 1626 г., февраль 1627 г. — июль 1627 г.) — д. 5, л. 85, 93а, 105а, 120, 133, 142а, 147, 151, 154; записи за (7)136 г. не сохранились; (7)137 г. (сентябрь 1628 г. — август 1629 г.) —

лучает жалование до (7)139 г. (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 11, л. 3), т. е. до августа 1631 г. Далее в приходно-расходных книгах МПД его имя не упоминается. В (7)140 г. (сентябрь 1631 г. — август 1632 г.) жалование получают старец Арсений, старец Феодосий и старец Сергей (д. 13, л. 3а, 4а), в (7)142 г. (сентябрь 1633 г. — август 1634 г.) — игумен кожеезерского монастыря Авраамий, старец Арсений и старец Сергей (д. 17, л. 3а, 4, 4а), в (7)143 г. и (7)144 г. (сентябрь 1634 г. — август 1636 г.) — только старец Арсений и старец Савватий (д. 21, л. 2а, 3; д. 25, л. 3, 3а). Далее имя Арсения Глухого в приходно-расходных книгах не упоминается. Таким образом, документировано устанавливается, что старец Арсений работал на МПД с октября 1621 г. по 1635—1636 гг., а старец Антоний — с февраля 1620 г. по 1631 г.

Иван Васильев Шевелев Наседка¹⁷ (в монашестве Иосиф), ключарь Успенского собора Московского Кремля, поступил на МПД в 1637 г. и работал там до 1651 г. Однако работа Ивана Наседки как справщика относится уже к следующему периоду книжной справки, к 40-м гг. XVII в., когда он трудился совместно с Михаилом Роговым¹⁸, старцем Савватием¹⁹ и Шестаком Мартемьяновым²⁰.

Итак, основными справщиками начала 1620-х гг. были Арсений Глухой, Антоний Крылов и старец Феодосий, именно их можно назвать главными проводниками орфографических нововведений 1620-х гг.

2. Орфографические особенности богослужебных текстов 1620-х гг.

В начале 1620-х гг. возникают некоторые орфографические изменения в принципах распределения букв *о* и *ω*, а также в употреблении пары *н/ї* для расподобления словоформы *иже* по числу. Остальные пары дублетных букв не были в зоне внимания справщиков в это время. Пары *о/ω*, *н/ї* — первые, с которых начинаются орфографические исправления.

д. 7, л. 3—4а; (7)138 г. (сентябрь 1629 г. — август 1630 г.) — д. 9, л. 3—4а; (7)139 г. (сентябрь 1630 г. — август 1631 г.) — д. 11, л. 2—4.

¹⁷ Подробнее о нем см. [Словарь 1993: 63—65; Опарина 1998].

¹⁸ Рогов (Рогоев, Рогуев) Михаил Стефанович (ум. после 1650 г.) — протопоп Московского собора черниговских чудотворцев, поэт и публицист, справщик МПД с 1640 г. по ноябрь 1649 г. Подробнее о нем см. [Словарь 1998: 309—312].

¹⁹ Поступил на МПД 04.09.(7)143 г. (1634 г.), служил там до первой половины (7)159 г. (1651 г.) [Поздеева, Пушков, Дадыкин 2001: 493]. Старец Савватий был поэтом и принадлежал к «приказной школе» поэтов, см. о нем подробнее [Словарь 1998: 324—327].

²⁰ Справщик с (7)148 г. (1640 г.) по первую половину (7)159 г. (1651 г.) [Поздеева, Пушков, Дадыкин 2001: 479] или по сентябрь 1652 г. (на его место был поставлен старец Чудова монастыря Евфимий) [Словарь 2004: 288—290].

Орфографические новшества впервые последовательно вводятся в Минею служебную на февраль месяц 1622 г. (далее *МслФ1622*). В предыдущем издании того же года, в январской Минее 1622 г., орфографические новшества появляются примерно в середине текста. Это связано с тем, что Арсений Глухой начал работать на МПД примерно в середине периода издания январской Минеи²¹.

В Минеи вводится принцип выделения pl. форм с помощью буквы **ѡ**, подобно указаниям трактата XVI в. «О множестве и о единстве»²²: «Множество ѡнѣ трѡерѡжноѣ, а единство крѡглоѣ» (цит. по [Ягич 1895: 719]). В изданиях Андроника Невежи, Ивана Андроника Невежина и МПД 1610-х гг. буква **ѡ** использовалась как маркер начала слова²³ (т. е. употреблялось в начале как sing., так и pl. форм). Использование **ѡ** в начале слова, конечно, не достигало 100%, в разных изданиях было различное соотношение букв **ѡ** и **Ѡ**, но процентное преимущество **ѡ** над **Ѡ** говорит о тенденции использовать букву **ѡ** как маркер начала слова. В середине слова **ѡ** почти не употреблялась. Встречались, конечно, иногда слова с **ѡ** в середине, но это единичные примеры. Исключение составляют иноязычные слова (типа *ѡнѣ*, *ѡнѣнѣ*), в которых употребление **ѡ** является следствием греческой орфографии; такие слова мы далее не учитываем. В целом, орфографические рекомендации трактата «О множестве и о единстве» в печатных изданиях конца XVI — начала XVII вв. не реализовывались.

Эволюцию принципов употребления буквы **ѡ** в изданиях второй половины XVI — первой половины XVII вв. мы подробно рассматривали в [Кусмауль 2015]. Здесь повторим кратко только те сведения, которые касаются начала 1620-х гг.

В декабрьской Минее 1620 г. по сравнению с предыдущими изданиями (например, с Триодью постной 1607 г., Минеей общей 1618 г., Псалтирю 1619 г.) наблюдается процесс постепенной замены в начале слова **ѡ** на **Ѡ**. В пределах нашей выборки листов²⁴ **ѡ** употребляется 38 раз (26%), а **Ѡ** — 107 раз (74%). Количество словоформ с начальной **ѡ** преобладает на первых десяти листах и заметно сокращается в середине издания. Одинаковые словоформы употребляются с **ѡ** в начале книги и с **Ѡ** в середине книги, например: *наѡдрѣ* 1а и *наѠдрѣ* 252а, *проѡбръмзѡ* 11а и *проѠбръмзѡ* 256 и др.,

²¹ Начало печатания Минеи датируется 8 февраля 1621 г., окончание печатания — 4 февраля 1622 г., а Арсений Глухой начал работать 18 октября 1621 г.

²² Опубликовано в [Ягич 1895: 719—724].

²³ Под *началом слова* подразумеваем не только позицию абсолютного начала слова, но также начало корней после префиксов и служебных частей речи. Предлоги *о*, *об*, печатавшиеся слитно до 1640-х гг., также рассматриваются как начало слова.

²⁴ Далее везде приводим количество примеров и их процентное соотношение в определенной выборке листов, не указывая отдельно на это. Номера исследованных листов указаны в конце статьи в списке источников.

что говорит о сознательном устранении ѡ в начале слова. В середине слова ѡ употребляется 4 раза в pl. формах и 7 раз в sing. формах, а также в корне *мног*-²⁵. При этом употребление ѡ в корне *мног*- колеблется: с ѡ 12 примеров (54,5%) и с о 10 примеров (45,5%).

В первой части январской Минеи 1622 г. начало слова оформляется с помощью буквы ѡ независимо от формы числа: в пределах нашей выборки листов из 145 sing форм встретилось только одно исключение, из 28 dual./pl. форм — только 6 словоформ с ѡ. Корень *мног*- употребляется с ѡ 4 раза и с о 8 раз. Во флексиях сущ. м. р. Д. п. мн. ч. ѡ употребляется 5 раз, а о — 8 раз. На листе 3 встретилось 4 pl. формы с ѡ: *гѡрѡмѡзъ*, *хѡлмѡвѡзъ*, *ѡкѡнцѡ*, *ѡтѡчѡники*. Выделение pl. форм в начале и в середине слова с помощью буквы ѡ начинается примерно с 165 листа. До листа 284а, конца первой части, это происходит непоследовательно. С 15 января начинается второй счет листов, что знаменует начало нового этапа работы. Во второй части книги выделение pl. форм проводится более последовательно, в чем уже заметна деятельность нового справщика, придерживающегося других орфографических принципов.

В следующем издании, в *МслФ1622*, появляется уже с самого начала последовательная дифференциация sing. и dual./pl. форм с помощью ѡ и ѡ как в начале, так и в середине слова.

Сохранилась корректурная (кавычная²⁶) рукопись Минеи на февраль, служившая оригиналом для печатного издания (далее *МслФРук1622*)²⁷. В этой кавычной рукописи наглядно видно введение новых орфографических принципов, когда одна буква зачеркивается или подскабливается, а сверху или поверх нее пишется другая буква.

В кавычной *МслФРук1622* в начале и в середине sing. форм употребляется о, в противоположность этому в dual./pl. формах (а также в корне

²⁵ В рукописях более раннего времени известен принцип, когда за определенным списком морфем закреплено определенное написание. Такое орфографически закрепленное написание характерно и для корня *мног*-. В печатных изданиях конца XVI — начала XVII вв. написание корня *мног*- колеблется: то с о, то с ѡ, но чаще с о. Спорадические написания *мнѡг*- не учитываем, так как это не является показательным по сравнению с преобладающими написаниями через ѡ в 1620—1630-х гг.

²⁶ Кавычный экземпляр — корректурный экземпляр книги с корректорской и редакторской правкой в виде «кавык» и вставок в текст [Московские 2002: 323]. Кавычные экземпляры в XVII в. могли быть как рукописными, так и печатными книгами.

²⁷ ГИМ, Синодальное собрание, № 184, по каталогу [Горский, Невоструев 1869] № 461. Рукопись в пол-листа бумаги, написана полууставом, переходящим в скоропись. Рукопись неполная: отсутствуют начальные листы, начинается текст с 2 февраля, с конца 1-й песни канона; отсутствует конец книги, последний лист рукописи соответствует приблизительно л. 259а печатной Минеи; отсутствуют Богородичны, воскресны, крестобогородичны на 8-м гласов (л. 260—270а печатного издания).

мног-, имеющем семантику множественности) преимущественно употребляется *ω*. Показательным в этом отношении является стих в 7-й песни канона разных служб: *да кáплѣтъ вѣдѣ ѡблацы, глѣце бо на ѡблцѣ лѣгцѣ поимѣ нарѣло ѣтъ* (29а, 33, 47, 59, 77а и др.), в котором в одном слове в *sing.* форме *ѡ* (на *ѡблцѣ*), а в *pl.* форме *ѡ* (*ѡблацы*).

В *МслФрук1622* *sing.* формы в основном пишутся с *ѡ* в начале. Например: *коорѣжнѣшиа* 36а, *орѣжѣ* 39 (5х²⁸), *ѡбразз* 82, *ѡгтавлѣнѣ* 62, *ѡзлрѣ* 77а, 100а и др. В *dual.* и *pl.* формах пишется как *ѡ* (44 примера, 73,3%), так и *ѡ* (16 примеров, 26,7%). Примеры употребления *ѡ*: *ѡчнма* 37а, *ѡбла* *полы* 47, 58а, *ѡтроцы* 69 (5х), *ѡнагз* 71а, 90. Буква *ѡ* в *pl.* формах исправляется на *ѡ*, что говорит о начале выделения *dual./pl.* форм с помощью *ѡ*, а также о том, что писец еще не приобрел навык новых написаний. Приведем примеры исправлений: *ѡблкн* — *ѡблкн* 78 (2х), *ѡтроцы* — *ѡтроцы* 39 (2х), *прѡбразнѣше* — *прѡбразнѣше* 82а, *ѡгтавнша* — *ѡгтавнша* 86, *ѡпллѣмн* — *ѡпллѣмн* 67а, *ѡдѣвѣлена* — *ѡдѣвѣлена* *словеса* 19а, *ѡнагз* — *ѡнагз* 51а и др. (всего 37 примеров, 62% от общего числа *pl.* форм с начальным *ѡ*).

В середине слова в *МслФрук1622* буква *ѡ* исправляется на *ω* в *dual./pl.* формах существительных, прилагательных, местоимений и глаголов во всех возможных случаях присутствия *ѡ* (в префиксе, корне, суффиксе и флексии). Примеров такого рода много (подробнее см. [Кусмауль 2015]), приведем только несколько на каждую часть речи и количество исправлений в пределах нашей выборки листов:

— флексия существительных м. р. мн. ч. Р. п. *-ѡвз*: *дурѡвз* — *дурѡвз* 259а, 283а; всего 5 примеров;

— флексия существительных м. р. мн. ч. Д. п. *-ѡмз*: *ѡзыкомз* — *ѡзыкомз* 6 (23х); всего 46 примеров;

— основа²⁹ существительных: *ѡдрѡтъз* — *ѡдрѡтъз* 15, 47а, *ѡноша* — *ѡноша* (И. мн.) 19 (3х); всего 65 примеров;

— основа прилагательных: *ѡплѡтнѣн* — *ѡплѡтнѣн* 3а (3х), *закѡнныхз* — *закѡнныхз* 31; всего 16 примеров;

— основа местоимений: *мѡтъз* *тѡнѡхз* — *тѡнѡхз* 49; всего 1 пример;

— основа глаголов: *ѡпѣмз* — *ѡпѣмз* 18а, *прѡвознѡмз* — *прѡвознѡмз* 20, 40а, 305а, *ѡжлѡшма* — *ѡжлѡшма* 89, 100а, 273а; всего 40 примеров;

— основа причастий: *ѡѡцнмз* — *ѡѡцнмз* 21, *прѡхлаждѣмн* — *прѡхлаждѣмн* 279а; всего 22 примера;

— флексия аориста 1 л. мн. ч. *-ѡмз*: *ѡбѡдѡпѡхѡма* — *ѡбѡдѡпѡхѡма* 61; всего 2 примера.

²⁸ Цифра в скобках со знаком *x* указывает количество таких же примеров на последующих страницах.

²⁹ Объединяем в одну группы все морфемы основы слова (префикс, корень, суффикс, соединительную гласную в сложных словах, тематический гласный в аористах), так как для справщиков было важно не выделение какой-либо морфемы, а только пометка *ѡ* в *pl.* форму на месте *ѡ*.

Как видно, наиболее последовательно правка осуществлялась во флексиях существительных Д. п. мн. ч., а также в основах существительных и глаголов.

В *МслФРук1622* присутствует стремление употреблять *ω* и в наречии *кѡвѣки*, заканчивающем песнопения, которое могло восприниматься как сущ. мн. ч. с предлогом *во*. Однако в случаях написания *кѡвѣки* буква *ω* исправляется затем редактором на *о*: *кѡвѣки* — *кѡвѣки* 3а, 15 (15х). В печатную *МслФ1622* словоформа *кѡвѣки* все-таки попадает, хотя и не последовательно. В других изданиях богослужбных книг *кѡвѣки* с *ω* почти не употребляется (возможны, конечно, и редкие исключения).

В *МслФРук1622* *sing.* и *pl.* формы противопоставляются не только с помощью *о* и *ω*, но также с помощью букв *ї* и *н* в местоимении/артикле³⁰ *иже*: как *sing.* форма употребляется *їже*, как *pl.* форма — *їже*. В кавычной рукописи наглядно видно, как устанавливается эта норма. Написание *їже* в *sing.* формах встретилось только 5 раз³¹, в большинстве случаев писец первоначально пишет *їже*, у которого затем в *ї* подсабливается первая палочка, в результате чего получается *їже* (всего 34 раза, т. е. 70,8% от общего числа *sing.* форм *иже*). В *pl.* формах в *МслФРук1622* пишется «правильное» *їже* 14 раз, 2 раза исправляется *їже* на *їже* (13а, 253). Таким образом, устанавливается расподобление *їже* и *їже* по числу.

Подобные написания (*ω* в *pl.* формах и *їже* в *sing.* формах, правда *їже* не всегда) вводятся в последующие издания МПД, но не сразу, а постепенно. Например, в Псалтири 1622 г., Апостоле 1623 г., Служебнике 1623 г. новые тенденции в употреблении *о* и *ω* еще не появляются. Но они появляются в изданиях того же года, в Требнике 1623 г., в Минее на ноябрь 1623 г. Далее новые принципы применяются в Минеех месячных (с Минее на март 1624 г. до Минее на август 1630 г.), в Псалтири 1624 г., в Минее общей 1625 г., в Служебнике 1627 г., в Триоди постной 1630 г. и Триоди цветной 1630 г., в Апостоле 1631 г. и далее до изданий 1642 г.

Следует заметить, что орфографические новации 1620-х гг. будут устраняться из текстов в последующий период книжной справки, в 1640-е гг.

Таким образом, яркой орфографической чертой печатных богослужбных текстов 1620—1630-х гг., отличающей их от текстов предшествующего и последующего периодов, является употребление *ω* в начале *pl.* форм (как на месте корневой *о*, так и на месте префикса/предлога *о*, *об*) и в середине *pl.* форм в любой морфеме, а также употребление *їже* как *sing.* формы.

³⁰ Обозначаем *иже* как местоимение или артикль, потому что оно по-разному интерпретировалось в грамматиках XVII в.: как местоимение в грамматике Смотрицкого 1619 г., как различие (т. е. артикль) в грамматике Зизания и в грамматике 1648 г., как «различественное вместоимение» в грамматике *Син734*.

³¹ Для количественного соотношения написаний *їже* и *їже* были исследованы лл. 6а—26а (службы 3 и 4 февраля) и 248—266а (службы 20 и 21 февраля), всего 39,5 листов.

3. Сведения из приходно-расходных книг МПД

Приходно-расходные книги МПД дают нам сведения о писце и справщике, которые работали над февральской Минеей.

После выхода книги из печати ее экземпляры подносили патриарху и царским особам, часто это делали наборщики³² издания, что также подробно указывалось в приходно-расходных книгах МПД. В приходно-расходных книгах также записывались все, кому выдавались книги после выхода издания.

После выхода январской Минеей 1622 г. получал книги «книжный справщик» «старец Арсений с товарищи» (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 3, л. 20), после выхода февральской Минеей книги выдавались также старцу Арсению (оп. 1, д. 3, л. 304а).

В приходно-расходных книгах МПД сообщается, что бумага для февральской Минеей выдавалась писцу Улану (оп. 1, д. 3, л. 208а): «Того ж дни [18 октября 1621 г.] Ондрюшке Никитину за полстопы бумаги книжные тринадцать алтын две деньги дано. Деньги взял Ондрюшка, а бумагу взял писец Улан — писать ему февраль месяц в тетради книжным справщиком» (цит. по [Поздеева, Пушков, Дадыкин 2001: 235]). Следовательно, можно предположить, что писец Улан и писал февральскую Минеею. Многие орфографические исправления в тексте дописывались другими чернилами поверх уже написанной буквы или букв, некоторые буквы подскабливались, что показывает нам процесс редакторской правки уже не писцом, а справщиком, Арсением Глухим.

Выдача последующих изданий книжным справщикам не производилась. Только в начале своей работы старец Арсений получил вознаграждение за работу в виде экземпляров изданий, над которыми он работал. Примечательно, что с январской Минеей изменяется и типографский формат месячных Миней. Если сентябрьскую (1619 г.), октябрьскую (1619 г.) и декабрьскую (1620 г.) Минеей печатали в четверть листа, то январскую Минеею и далее по порядку (кроме ноябрьской 1623 г.) печатают в пол-листа. На МПД изменяется концепция издания, что связано с работой над ним уже новых людей.

4. Орфография Канонников, написанных Арсением Глухим в 1616 г., и различные орфографические трактаты

В 1616 г. в Троице-Сергиевом монастыре во время работы над исправлением книг Арсений Глухой написал два Канонника, которые хранятся в РГБ, НИОР, ф. 304/1 (собрание Свято-Троицкой Сергиевой лавры), № 281 и № 283 (далее *Кан281* и *Кан283*).

---

³² Наборщик — работник типографии, набиравший текст из литер [Московские 2002: 323].

Арсений сверял Канонники по разным спискам, помогал ему в этом Антоний Крылов. Вот как об этом говорит сам Арсений в предисловии к *Кан281*: «Бѣ бо бѣлѣнцѣи обнѣтели сѣй ѿнокъ ѿмѣне^м антонѣи, праволюбенъ, бжѣтвеннаѣ писанѣа чты, ѿмысленѣ потѣса краздѣнѣиу ѿ. ѿпопремногѣ (тѣлѣтѣлѣ) кѣнхъ ѿсправленѣиу. ѿмѣже порѣченѣа ѿдѣба, многорѣжѣательнаѣ бжѣтвенныхъ кнѣгъ... кнѣгохранѣительница. ѿзъже грѣшнынъ кнѣмѣ прихѣждахъ чѣсто. ѿмолаѣ ѿгѣ, даподлетѣми рѣзныѣ списковъ напрепнѣанѣ... ѿвы оубо мнѣ кнѣги мнѣги бѣлѣю даѣ наѿсправленѣе. ѿвыже тѣмо мнѣги ѿлѣки ѿбрѣтохѣомъ, люботрѣднѣ кѣпно снѣмъ смѣотрѣхѣомъ, даѣбрѣцѣемъ правѣе ѿбѣгѣ оубѣдноѣ» (лл. 2—3).

Орфография этих двух Канонников подтверждает, что нововведения в февральской Минее 1622 г. и последующих богослужебных книгах принадлежат именно Арсению Глухому. Так, в двух Канонниках в начале sing. форм преимущественно употребляется буква ѣ: в *Кан281* с ѣ 116 примеров (90,6%) и с ѡ 12 примеров (9,4%); в *Кан283* с ѣ 23 примера (85%) и с ѡ 4 примера (15%). Употребление ѡ в начале pl. форм не столь последовательное, как употребление ѣ в начале sing. форм: в *Кан281* с ѡ 27 примеров (67,5%) и с ѣ 13 примеров (32,5%), в *Кан283* с ѡ 16 примеров (84%) и с ѣ 3 примера (16%). Написание pl. форм колеблется: одна и та же словоформа на одной или на разных страницах может писаться как с ѡ, так и с ѣ. Например: *Кан281* ѡблѣки и бѣлѣки 127, *Кан283* ѡгнѣнымъ 345а и ѣгнѣнымъ 343. Но, тем не менее, преобладает общая тенденция писать ѡ в начале pl. форм, что потом реализуется более последовательно в *МслФ1622*.

Употребление буквы ѡ в середине pl. форм для Канонников Арсения Глухого не характерно, встречаются только спорадические примеры. В *Кан281* с ѡ в середине слова встретилось 16 примеров (11,6%) из 138 pl. форм, в *Кан283* — 6 примеров (6,7%) из 84 pl. форм. Однако отсутствие ѡ в середине sing. форм говорит о том, что это не случайные употребления и не особенности индивидуальной манеры письма, а стремление выделить именно мн. число. Интересно также, что корень *мног-* и словоформа *кѣвѣкѣ* в Канонниках Арсения пишется через о. Не случайно написание *кѣвѣкѣ* в *МслФРук1622*, принадлежащее писцу, часто исправляется в казычной рукописи на *кѣвѣкѣ*.

Итак, Арсений Глухой использовал в своих Канонниках принцип выделения мн. ч. с помощью буквы ѡ еще до работы на МПД. Как уже было сказано, такой принцип был известен еще из трактата XVI в. «О множестве и о единстве» (см. п. 2). Однако это не единственное сочинение, в котором говорится об этом. Подобные рекомендации содержатся также в трактате «Сила существу книжного писма»³³ и текстуально совпадающем с ним сочинении «Алфавит, како которая речъ говорити, или писати»³⁴, автором которого, по мнению Д. Скворцова, является Арсений Глухой [Скворцов

³³ Опубликовано с вариантами по другим рукописям в [Ягич 1895: 707—719].

³⁴ Опубликовано в [Калайдович 1824: 198—207].

1890а: 8]³⁵. Несомненно, Арсений Глухой был знаком с трактатом «О множестве и о единстве» и использовал его рекомендации. Рассмотрим орфографические рассуждения о букве *ω* этих трех произведений.

В трактате «О множестве и о единстве» приводятся примеры на расподобление *sing.* и *dual./pl.* форм с помощью *о* и *ω* как в начале, так и в середине слова. Например, противопоставление *sing./pl.* передается с помощью формантов *омь/ωмз: ѡгломь* и *ѡгломз*, *омь/ωвз: ѡгловь* и *ѡгломвз*³⁶ [Ягич 1895: 720—721]; даются также такие примеры на *sing.* формы с *о*: *глюци ѡнз* и *ѡнз*, на *pl.* формы с *ω*: *ѡнн глюци* и *тврѡци* [там же: 723], на *dual.* формы с *ω*: *двѡнхз*, *двѡн ради* и *вннз* [там же: 720]. В рассуждениях трактата с буквой *ω* употребляются *dual./pl.* формы: *ѡчи*, *ѡбъѡблѣнїа*, *побѣѡдовахωмз*, корни *мног-* и *двой-*: *множественю рѣчь*, *ѡдвойственою* [там же]. В сочинениях «Сила существу книжнаго писма» и «Алфавит...» не дается примеров на *ω* в середине слова, только на расподобление в начале слова. Например: *sing.* формы *ѡцз* и *ѡтрѡкз*, *ѡтрѡч* и *pl.* формы *ѡцз* и *ѡтрѡкз* (цит. по [Ягич 1895: 715—716; Калайдович 1824: 203]).

Однако в Канонниках все же наблюдается тенденция к выделению *pl.* форм в середине слова. Возможно, Арсений пробовал выделять *pl.* формы в середине слова, но еще по какой-то причине не решался это воплотить полностью. Такое употребление наблюдается в январской Минее 1622 г., одной из первых его работ на МПД. В февральской Минее 1622 г. Арсений воплотил уже более последовательно этот принцип.

В *Кан281* присутствует также написание *ѡже* (*sing.*), характерное для *МслФ1622*, встретилось только одно исключение из 20 *sing.* форм *иже*. Можно предположить, что именно Арсений подкабливал палочки в кавычной февральской Минее, правда, у него это получилось не во всех *sing.* формах, так как в *МслФРук1622* написание *ѡже* остается 9 раз (18,75%) из 48 *sing.* форм.

В Каноннике из того же собрания Свято-Троицкой Сергиевой лавры, № 282 (большинство служб совпадает с *Кан281*³⁷), который написан уже не Арсением Глухим, такой особенности нет: как в *sing.*, так и в *pl.* формах всегда употребляется *ѡже*.

Итак, сравнение нововведений богослужебных текстов 1620-х гг. с орфографическими особенностями двух Канонников Арсения Глухого подтверждает то, что именно Арсений вводил изменения в тексты.

³⁵ Д. Скворцов делает такой вывод на основе текстологического сравнения грамматических рассуждений в конце «Алфавита...» и грамматических рассуждений Арсения Глухого в письме боярину Б. М. Салтыкову.

³⁶ В данном случае противопоставляются формы разных частей речи (*ѡгловь* — притяжательное прилагательное ед. ч., *ѡгломвз* — существительное Р. п. мн. ч.).

³⁷ Совпадают службы на лл. 1—138 в *Кан281* и на лл. 1—77а, 88а—94а, 137—195а, 205—250 в Каноннике № 282.

5. Орфографические рекомендации анонимной грамматики *Син734* и московских редакций грамматики Зизания

Анонимная грамматика *Син734* составлена на основе двух грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого примерно в 1628—1630-х гг. Немного раньше (в 1622 г.) написан сборник, в котором содержатся редакции грамматики Зизания (см. о них в начале статьи), полемизирующие с орфографическими установками Зизания. Это обстоятельство позволяет охватить в полном объеме грамматическую мысль 1620-х гг., а также сравнить орфографические правила, представленные в грамматиках, и орфографическую практику Московского Печатного двора.

Рекомендации грамматики *Син734* в отношении употребления *о/ѡ* и *н/ѣ*, в основном, совпадают с орфографической практикой богослужебных текстов 1620-х гг.

В грамматике *Син734* указывается, что *ѡ* должна употребляться «в нѣлѣ речѣнїа въсреднѣ въконцѣ. вначалѣ върѣлоуѣ тако ѡтѣбѣ ѡмнѣ. въредннѣ^к въконцѣ въпрїобценїи въдоиственѡмъ въмножетвенѡмъ числѣ а сїи, о. въединствено^н числѣ. тако бо́гомъ бо́гѡмъ. члѣкомъ члѣкома нпрѡта» (л. 17а). Текст этого канона совпадает (не полностью) с правилом грамматики Лаврентия Зизания (л. 86а). В правиле грамматики *Син734* примеры на *ѡ* в дв. и мн. ч. приводятся только на окончание сущ. м. р. мн. ч. Д. п., в парадигмах же склонения автор этой грамматики активно использует *ѡ* в dual. и pl. формах. Например, сущ. ж. р. мн. ч. И.-В.-Зв. п. нѡцїи, Р. п. нѡцїи, Д. п. нѡцїемъ, Т. п. нѡцїамн, Сказ. п. нѡцїѣ (л. 40); прил. мн. ч.: И. п. сѣѡвнѣа бѣѣта, Р. п. сѣѡвнѣ бѣѣтѣхъ, Д. п. сѣѡвнѣмъ бѣѣтѣмъ, В. п. сѣѡвнѣа бѣѣта, Зв. п. сѣѡвнѣа бѣѣта, Т. п. сѣѡвнѣмн бѣѣтѣмн, Сказ. п. ѡсѣѡвнѣхъ бѣѣтѣхъ (л. 37а); глаголы мн. ч.: гвнѣхъ 64, бѣѣхъ 67а. В разделе о синтаксисе в правиле о согласовании слов даются такие примеры: гѡры тако коикъ рѣтѣлаша ѡлца гдѣна 97, иїи тѣбѣ рѣкѡша ѡмнѣ 101, ѡвн бо хѡдѣтѣ 101а. В указаниях к парадигмам склонения и спряжения также присутствует употребление *ѡ* в pl. формах: прннѡмѣтѣ 39а, 44, ѡкѣлѣхъ 81а, чннѡмъ 90, мнѡгѣды 97, 97а, 100а, мнѡ^к числа 37, 37а, 38, 38а, 39, 39а и др. (но возможно написание также с *о* — множетвенно 36; множетвено 47а, 81а, 82).

А вот на начало слова в грамматике *Син734* распределение *ѡ* и *ѡ* в зависимости от числа не распространяется, оно связано с предлогом и началом корня, как и сказано в правиле. В предлоге, в основном, употребляется *ѡ*, например: ѡтѣвнїи, ѡвнѣ, ѡначертанїи, ѡзлосѣ 71, 59а, 60 и др., а в начале корней pl. и sing. форм используется *ѡ*, например в грамматических указаниях: ѡцѣго 45, 64, ѡбще 90а, ѡбыкоша 101, в парадигмах местоимений ѡнѣа, ѡнѣхъ, ѡнѣмъ, ѡнѣмн 49а, 50, ѡвѣмъ, ѡвѣ, ѡвѣа, ѡвѣ, ѡвоѣ, ѡво 53 и др., в примерах кообѣтѣнїе 99а, ѡрѣѣ 101. Для обозначения мн. ч. *ѡ* используется в середине слова при сохранении *ѡ* в начале, например в местоимениях мн. ч. м. р.: ѡвнѣмъ, ѡвнѣмн 53, ср. р.: ѡвнѣхъ, ѡвнѣмъ, ѡвнѣа, ѡвнѣмн 53а. В разделе о предлогах (л. 86а), правда, даются примеры на *ѡ* и

ѡкз: ѡмнѣ, ѡтомз, ѡвзхожѣ, ѡвзнѣ, в которых употребляется и ѡ. Таким образом, правило грамматики *Син734* в плане употребления ѡ в середине рл. форм отображает орфографическую практику 1620—1630-х гг., а в плане указания употреблять ѡ в предлогах *о, об*, следуя за грамматикой Зизания, предвосхищает изменения 1640-х гг.

В анонимных рукописных редакциях грамматики Зизания «Книга, глаголемая грамматика» и «Начало книзе, глаголемей грамматика» содержится протест против использования Лаврентием Зизанием буквы ѡ как показателя множественности в любой части слова. Возражение вызывает употребление показателей числа не в абсолютном конце слова: «і вѣ чо^н ѡнз чѣко^н погрѣшн^н; забы^н іако вѣакого імене і рѣчѣ падѣжа н іклоненіа... послѣдннѣ пнѣомѣз ѡвѣвѣлѣтѣа» [Грамматический сборник 2002: 51] (ср. также [там же: 22; 157]). Буква ѡ возможна только в конце слова: «чрнѣлѣчнѣ чрнѣлѣчнѣ чрнѣлѣчнѣ» [там же: 22]. Расподобление грамматических омонимов, сущ. Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч., предлагается осуществлять с помощью двообразных начертаний букв з (для ед. ч.) и ѡ (для мн. ч.)³⁸ вместо формантов *омз/ѡмз*, т. е. *когѡмѣ* (Д. мн.) и *когѡмз* (Т. ед.) [там же: 51; 157]. Как видно, принцип расподобления с помощью з и ѡ не реализовался в печатных богослужебных текстах, возобладала тенденция использовать ѡ как показатель множественности в любой части слова.

В сочинении «Начало книзе...» указывается также о правилах употребления двух *о* (*о* и *ѡ*) в начале слова («в предчинных»): «і разѣдѣніе^н полгѣчнѣ чѣа; інце, ѡ ѡградѣ, ѡ ѡдѣлннѣ. крѣгло еже прѣвѣрѣтѣз егда вѣторѣе пріѣмлетѣз ѡтрѣѡ і крѡчкѡ; в інцеѣѣ. ѡ ѡтрѡцѣ, ілн ѡ ѡгненѣ^н» [там же: 156], т. е. ѡ в начале слова используется как графическое средство для устранения повтора двух одинаковых букв. Далее содержится полемический выпад против использования буквы ѡ для выделения рл. форм в начале словоформы: «Нѣцын же трѡерѡгоѣ ѡ ѡвѣвѣлѣнѣ рѣднѣ мнѡжѣствѣнаго рѣзѣмѣ, полгѣчнѣ і в началѣ рѣчнѣ, іакоже іѣ, ѡ козѣхѣ, ѡ сыновѣѣ, ѡ ісѣтерѣѣ... і іѣ ѡннѣ чѣворѣ ѡ недовѣденіа рѣзѣмѣ ѡмѡчѣтѣнаго» [там же: 156—157]. Этот выпад направлен также против орфографической практики МПД, в которой с 1622 г. используется ѡ в начале рл. форм.

Таким образом, рассмотренные выше две великорусские редакции грамматики Зизания полемизируют с орфографическими установками и МПД, и Арсения Глухого.

В грамматике *Син734* также содержится рекомендация использовать оппозицию *н/ѣ* для различия грамматических омонимов: «і вначалѣ полгѣтѣа... разнѣчѣствѣнаго вѣмѣстоіменіа едннѣствѣнаго чнѣла іакѡ іѣе... н... івначалѣ разнѣчѣ мнѡжѣствѣнаго чнѣла іакѡ іѣе» (л. 17—17а). Текст этого правила следует за текстом правила грамматики Зизания (л. 85а—86) о бу-

³⁸ Помимо пары *з/ѡ* для различения *sing.* и *pl.* форм предлагается также использовать пары *л/а*, *ѣ/ѣ*, *н/н*, *і/і*, *ѡ/ѡ*, *ы/ы*, *ѣ/ѣ*, *ѣ/ѣ*, *ѣ/ѣ* [Грамматический сборник 2002: 24; 155]. Такие графические оппозиции никогда не использовались в печатных текстах.

квах *н/ї* (но не совпадает с ним полностью), такое употребление характерно и для *Кан281* Арсения Глухого. Возможно, Арсений был знаком с грамматикой Зизания в период исправления книг в Троице-Сергиевом монастыре и ориентировался на это правило.

Противопоставление *їжє/їжє* по числу не встречается ни в одной рукописной редакции грамматики Зизания, а также в других грамматических руководствах из грамматического сборника 1622 г., везде указывается только *їжє* как *sing.* и *pl.* форма (см. [Грамматический сборник 2002: 21, 128, 130, 133, 214]). Не рассматривается это противопоставление и в орфографических трактатах XVI в., опубликованных В. Ягичем.

Итак, если противопоставление *о/ω* по числу было в центре внимания всех орфографических трактатов XVI—XVII вв., то противопоставление *їжє/їжє* по числу известно только из грамматики Зизания, из грамматики *Син734*, наблюдается в Канонниках Арсения Глухого и *МслФ1622*. Использование *їжє/їжє* является свидетельством того, что автор анонимной грамматики *Син734* был тесно связан в своей орфографической практике с Арсением Глухим.

Вывод

Вернемся теперь к версии об авторе грамматики *Син734*. Как уже было сказано нами в начале, в статье «Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в.» [Запольская 2010] было высказано предположение, что автор анонимной грамматики — Антоний Подольский³⁹. Антоний Подольский служил подьячим денежного стола, с ним полемизировал Иван Наседка на церковном соборе 1618 г. об исключении прилога «и огнем» из службы на Богоявление. Об этой полемике известно из сочинения Ивана Наседки «О словеси Божии воплощемся к гордому Онтону Подольскому, нову ересь составляющу», направленном против сочинения Антония Подольского «О просветительном огне» (не сохранилось)⁴⁰.

Высказывая свое предположение об авторе грамматики *Син734*, Н. Н. Запольская основывалась на следующих фактах. Некоторые нормализаторские решения грамматики *Син734* противоречат нормам, предлагаемым московским переизданием грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г., которое было осуществлено Иваном Наседкой и Михаилом Роговым. Антоний Крылов был сторонником Ивана Наседки в деле исправления богослужебных книг, а Антоний Подольский — его противником, т. е. идейные противоречия отражаются в грамматических противоречиях. Однако орфографическая практика богослужебных текстов 1620—1630-х гг., во многом соответствующая правилам грамматики *Син734*, при этом не учитывалась.

³⁹ Подробнее о нем см. [Словарь 1992: 91—94].

⁴⁰ Подробнее об этой полемике см. [Опарина 1998: 42—44].

Антоний Подольский никогда не был правщиком МПД. Мог ли Антоний Подольский написать грамматику, в которой отражаются особенности орфографической практики богослужебных текстов 1620—1630-х гг., если учитывать то обстоятельство, что Арсений Глухой, ведущий справщик МПД 1620-х гг., также был идейным противником Антония Подольского? Представляется, что нет. А вот Антоний Крылов работал вместе с Арсением Глухим в Троице-Сергиевом монастыре и на МПД и мог быть автором грамматики, отражающей орфографическую практику. Интересной особенностью и грамматики *Син734*, и грамматики 1648 г. является фиксирование орфографической нормы уже постфактум, после ее введения в богослужебные тексты (об орфографической справе 1640-х гг. и последующей фиксации той орфографической нормы в грамматике 1648 г. см. [Кусмауль 2014]).

Следует заметить, что Иван Наседка становится справщиком МПД в 1637 г., а орфографическая практика снова изменяется примерно с 1642 г., что связано также и с деятельностью еще одного нового справщика — Михаила Рогова. Расхождение рекомендаций грамматики *Син734* и грамматики 1648 г. может быть связано не с идейными расхождениями их авторов, а с дальнейшим развитием грамматической мысли, со стремлением к однозначному распределению дублетных букв, а также с греческой ориентацией и юго-западнорусским влиянием, возникшими в 1640-х гг.

Орфографические рекомендации грамматики *Син734* совпадают с установками грамматического сочинения Арсения Глухого «Алфавит, како которая речь говорити, или писати», где говорится о необходимости разделения ед., дв. и мн. ч.: «...единственна рѣчи съ двойственною не смѣшай и множественную рѣчь отъ единственна и двойственна во всѣмъ отдѣляй» (цит. по [Калайдович 1824: 205]). Это еще раз подтверждает идею о близости грамматической мысли указанных двух сочинений и о тесном сотрудничестве их авторов.

В заключение еще раз выскажем мысль о тесной связи орфографических употреблений богослужебных текстов и правил анонимной грамматики, об Арсении Глухом как проводнике орфографических нововведений 1620-х гг. и об Антонии Крылове, его соратнике в деле исправления книг, как об авторе грамматики *Син734*. Так рассмотрение грамматик на фоне богослужебных текстов, для которых они предназначались, позволяет включить грамматики в более широкий исторический контекст.

Источники

1. Приходно-расходные книги Московского Печатного двора. РГАДА, ф. 1182 — Приказ книгопечатного дела (Московский Печатный двор), оп. 1.
  - д. 1 — Приходно-расходная книга за (7)128—(7)129 гг. (1619—1622 гг.).
  - д. 3 — Приходно-расходная книга за (7)130 г. (1622—1623 гг.).
  - д. 4 — Приходно-расходная книга за (7)132—(7)134 гг. (сентябрь 1623 г.—февраль 1626 г.).

- д. 5 — Приходно-расходная книга за (7)134—(7)136 гг. (сентябрь 1625 г.— август 1628 г.).
- д. 7 — Приходно-расходная книга за (7)137 г. (1628—1629 гг.).
- д. 9 — Приходно-расходная книга за (7)138 г. (1629—1630 гг.).
- д. 11 — Приходно-расходная книга за (7)139 г. (1630—1631 гг.).
- д. 13 — Приходно-расходная книга за (7)140 г. (1631—1632 гг.).
- д. 17 — Приходно-расходная книга за (7)142 г. (1633—1634 гг.).
- д. 21 — Приходно-расходная книга за (7)143 г. (1634—1635 гг.).
- д. 25 — Приходно-расходная книга за (7)144 г. (1635—1636 гг.).
2. Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска *Сзвершённа искъства оґлмн чартїй слоґа, њ њны нѣдны*, Вильно, типография братства Св. Духа, 12. II. 1596 г.
3. *Син734* — Анонимная грамматика, примерно конец 1620 — начало 1630-х гг. ГИМ, Син. № 734, 4°, лл. 1—102.
4. *МслФ1622* — Миняя служебная, февраль, Москва, Печатный двор, 1622. ГИМ, Син. печ. № 50, 2°.
5. *МслФрук1622* — Миняя служебная, февраль, рукописная, кавычная для печатного издания 1622 г. ГИМ, Син. № 184, 2°, 340 л. (исследованы лл. 1—101, 248—308, всего 161 лист).
6. *Кан281* — Канонник, переписанный Арсением Глухим, Троице-Сергиев монастырь, 1616 г. РГБ НИОР, ф. 304/1 (собрание Свято-Троицкой Сергиевой лавры), № 281, 4°, 200 л. (исследованы лл. 4—21а, 75а—87, 122—127а, всего 31 лист).
7. *Кан283* — Канонник, переписанный Арсением Глухим, Троице-Сергиев монастырь, 1616 г. РГБ НИОР, ф. 304/1 (собрание Свято-Троицкой Сергиевой лавры), № 283, 4°, 588 л. (исследованы лл. 334—349, всего 15,5 листов).
8. Канонник № 282 — Канонник, Троице-Сергиев монастырь, нач. XVII в. РГБ НИОР, ф. 304/1 (собрание Свято-Троицкой Сергиевой лавры), № 282, 4°, 265 л.
9. Миняя служебная, декабрь, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1620. РГБ НИОРК, 4°, 4-й экз., инв. № 2141 (исследованы лл. 1—13а, 251—257а, 277—284, II 164а—178а, всего 42 листа).
10. Миняя служебная, январь, Москва, Печатный двор, 1622. РГБ НИОРК, 2°, 8-й экз., инв. № 8777 (исследованы лл. 1—10а, 50—59а, всего 20 листов).
11. Триодь постная, Москва, Иван Андроников Невежин, 1607. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 2246 (исследованы лл. 4а—15, 233—243, 452а—462а, всего 32 листа).
12. Миняя общая, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1618. РГБ НИОРК, 4°, 3-й экз., инв. № 2861 (исследованы 1—14, 179—191а, 429а—442, всего 39,5 листов).
13. Псалтирь, Москва, Печатный двор (печ. софийский поп Никон), 1619. РГБ НИОРК, 4°, инв. № 2622 (исследованы лл. 52а—72а, всего 20,5 листов; нумерация листов отсутствует).

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
 НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
 НИОРК — Научно-исследовательский отдел редких книг РГБ (Музей книги)
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

Литература

Горский, Невоструев 1869 — [А. В. Горский, протоиерей, К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869.

Грамматический сборник 2002 — Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминовой. AION-SLAVISTICA. Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1, 2002.

Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. «Мерило праведное» XIV века как акцентологический источник. München, 1990. (Slavistische Beiträge. Band 266).

Запольская 2010 — Н. Н. Запольская. Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в. // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. С. 267—282.

Казанский 1848 — П. Казанский. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). М., 1848. № 8. I. Исследования. С. 1—26.

Калайдович 1824 — Алфавит, како которая речь говорити, или писати // Иоанн, екзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824. С. 198—207.

Киселев 1960 — Н. П. Киселев. О московском книгопечатании XVII века // Книга: исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 138—139.

Кузьминова 1996 — Е. А. Кузьминова. Грамматика Лаврентия Зизания в Московской Руси в первой половине XVII в. (типы адаптации). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Кузьминова 1999 — Е. А. Кузьминова. Адаптация авторитетной юго-западнорусской грамматики в Московской Руси XVII в. // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 59—80.

Кузьминова 2007 — Е. А. Кузьминова. Предисловие. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 3—5, 495—612.

Кузьминова 2012 — Е. А. Кузьминова. Развитие грамматической мысли России XVI—XVIII вв. М., 2012.

Кусмауль 2014 — С. М. Кусмауль. Книжная справа 1640-х гг. // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 3. № 1. М., 2014. С. 72—101.

Кусмауль 2015 — С. М. Кусмауль. Эволюция принципов употребления буквы *w* во 2-й половине XVI века — 1-й половине XVII века // *Fontes Slavica Orthodoxa II: Православная культура вчера и сегодня. Сборник научных статей* / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого. Olsztyn, 2015. С. 89—133.

Макарий 1882 — Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 11. СПб., 1882.

Мансветов 1883 — И. Д. Мансветов. Как у нас правилась церковные книги: Материал для истории книжной справа в XVII столетии. М., 1883.

Московские 2002 — Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626—1650 / Сост. Е. В. Лукьянова. М., 2002.

Николаевский 1890 — П. Ф. Николаевский, протоиерей. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. Ч. 1. 1890. № 1—2. С. 114—141; Ч. 2. 1890. № 9—10. С. 434—467.

Опарина 1998 — Т. А. Опарина. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. СПб., 1998.

Поздеева, Пушкин, Дадькин 2001 — И. В. Поздеева, В. П. Пушкин, А. В. Дадькин. Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001.

Покровский 1913 — А. А. Покровский. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913.

Поспелов 1865 — С. Поспелов. Преподобный Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения (ЧОЛДП). М., 1865. Кн. 2. С. 24—68.

Скворцов 1890а — Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой (Читано в заседании Тверской Ученой Архивной комиссии 5 мая 1890 года). Тверь, 1890. (Перепечатано из Тверских епархиальных ведомостей. 1890. № 2).

Скворцов 1890б — Д. Скворцов. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890. Тверские епархиальные ведомости. 1889. № 20—22. 1890. № 1—5.

Словарь 1992 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З. СПб., 1992.

Словарь 1993 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И—О. СПб., 1993.

Словарь 1998 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П—С. СПб., 1998.

Словарь 2004 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т—Я. Дополнения. СПб., 2004.

Филарет 1859 — Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы: 862—1720 гг. Харьков, 1859. Кн. 1. С. 308—309, № 198 (Арсений Глухой).

Филарет 1888 — Филарет (Гумилевский), митрополит. История Русской Церкви. 5-е изд. М., 1888. Ч. 4.

Чумичева 2004 — О. В. Чумичева. Споры вокруг исправления Требника в первой половине XVII в.: текстологические аспекты // ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004. С. 566—574.

Ягич 1895 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. (Исследования по русскому языку). СПб., 1885—1895. Т. 1, отд. вып.

References

Chumicheva 2004 — O. V. Chumicheva. Spory vokrug ispravleniya Trebnika v pervoy polovine XVII v.: tekstologicheskie aspekty // TODRL. T. 56. St.-Peterburg, 2004. S. 566—574.

Filaret 1859 — Filaret (Gumilevskiy). Obzor russkoy dukhovnoy literatury: 862—1720 gg. Khar'kov, 1859. Kn. 1. S. 308—309, № 198 (Arseniy Glukhoy).

Filaret 1888 — Filaret (Gumilevskiy), mitropolit. Istoriya Russkoy Tserkvi. 5-e izd. Moskva, 1888. Ch. 4.

Gorskiy, Nevostruev 1869 — [A. V. Gorskiy, protoierey, K. I. Nevostruev]. Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodal'noy biblioteki. Otdel tretiy: Knigi bogosluzhebnye. Ch. 1. Moskva, 1869.

Grammaticheskiy sbornik 2002 — Grammaticheskiy sbornik 1620-kh gg. / Izdanie i issledovanie E. A. Kuz'minovoy. AION-SLAVISTICA. Annali dell'Institutio Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002.

Kalaydovich 1824 — Alfavit, kako kotoraya rech' govorit, ili pisati // Ioann, ekzarkh Bolgarskiy: Issledovanie, ob'yasnyayushchee istoriyu slovenskogo yazyka i literatury IX i X stoletiy. Moskva, 1824. S. 198—207.

Kazanskiy 1848 — P. Kazanskiy. Ispravlenie cerkovno-bogoslužebnykh knig pri patriarkhe Filarete // Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete (ChOidr). Moskva, 1848. № 8. I. Issledovaniya. S. 1—26.

Kiselev 1960 — N. P. Kiselev. O moskovskom knigopechatanii XVII veka // Kniga: issledovaniya i materialy. Moskva, 1960. Sb. 2. S. 138—139.

Kusmaul' 2014 — S. M. Kusmaul'. Knizhnaya sprava 1640-kh gg. // Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 1. Moskva, 2014. S. 72—101.

Kusmaul' 2015 — S. M. Kusmaul'. Evolyuciya principov upotrebleniya bukvy ѡ vo 2-y polovine XVI veka — 1-y polovine XVII veka // Fontes Slavica Orthodoxa II: Pravoslavnyaya kul'tura vchera i segodnya. Sbornik nauchnykh statey / Pod red. E. A. Potekhinoy i A. G. Kraveckogo. Olsztyn, 2015. S. 89—133.

Kuz'minova 1996 — E. A. Kuz'minova. Grammatika Lavrentiya Zizaniya v Moskovskoy Rusi v pervoy polovine XVII v. (tipy adaptacii). Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1996.

Kuz'minova 1999 — E. A. Kuz'minova. Adaptaciya avtoritetnoy yugo-zapadnorusskoy grammatiki v Moskovskoy Rusi XVII v. // Evolyuciya grammaticheskoy mysli slavyan XIV—XVIII vv. Moskva, 1999. C. 59—80.

Kuz'minova 2007 — E. A. Kuz'minova. Predislovie. Nauchnyy kommentariy // Grammatika 1648 g. / Predisl., nauch. komment., podg. teksta i sost. ukazateley E. A. Kuz'minovoy. Moskva, 2007. S. 3—5, 495—612.

Kuz'minova 2012 — E. A. Kuz'minova. Razvitie grammaticheskoy mysli Rossii XVI—XVIII vv. Moskva, 2012.

Makariy 1882 — Makariy (Bulgakov), mitropolit. Istoriya Russkoy Cerkvi. T. 11. St.-Peterburg, 1882.

Mansvetov 1883 — I. D. Mansvetov. Kak u nas pravilis' cerkovnye knigi: Material dlya istorii knizhnoy spravy v XVII stoletii. Moskva, 1883.

Moskovskie 2002 — Moskovskie kirillovskie izdaniya v sobraniyakh RGADA. Katalog. Vyp. 2. 1626—1650 / Sost. E. V. Luk'yanova. Moskva, 2002.

Nikolaevskiy 1890 — P. F. Nikolaevskiy, protoierey. Moskovskiy Pечатnyy dvor pri patriarkhe Nikone // Khristianskoe chtenie. Ch. 1. 1890. № 1—2. S. 114—141; Ch. 2. 1890. № 9—10. S. 434—467.

Oparina 1998 — T. A. Oparina. Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoy mitropolii. St.-Peterburg, 1998.

Pokrovskiy 1913 — A. A. Pokrovskiy. Pечатnyy Moskovskiy dvor v pervoy polovine XVII v. Moskva, 1913.

Pospelov 1865 — S. Pospelov. Prepodobnyy Dionisiy, arhimandrit Troickogo Sergieva monastyrya // Chteniya v Moskovskom obshchestve lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya (ChOLDP). Moskva, 1865. Kn. 2. S. 24—68.

Pozdeeva, Pushkov, Dadykin 2001 — I. V. Pozdeeva, V. P. Pushkov, A. V. Dadykin. *Moskovskiy Pечатnyy dvor — fakt i faktor russkoy kul'tury. 1618—1652 gg.: Ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona: Issledovaniya i publikacii.* Moskva, 2001.

Skvorcov 1890a — D. Skvorcov. *Inok-spravshchik Arseniy Glukhoy (Chitano v zasedanii Tverskoy Uchenoy Arkhivnoy komissii 5 maya 1890 goda).* Tver', 1890. (Perepechatano iz Tverskikh eparkhial'nykh vedomostey. 1890. № 2).

Skvorcov 1890b — D. Skvorcov. *Dionisiy Zobninovskiy, arkhimandrit Troice-Sergieva monastyrya (nyne lavry).* Tver', 1890. *Tverskie eparkhial'nye vedomosti.* 1889. № 20—22, 1890. № 1—5.

Slovar' 1992 — Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 1. A—Z. St.-Peterburg, 1992.

Slovar' 1993 — Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 2. I—O. St.-Peterburg, 1993.

Slovar' 1998 — Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 3. P—S. St.-Peterburg, 1998.

Slovar' 2004 — Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 4. T—Ya. Dopolneniya. St.-Peterburg, 2004.

Yagich 1895 — I. V. Yagich. *Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o cerkovnoslavyanskom yazyke. (Issledovaniya po russkomu yazyku).* St.-Peterburg, 1885—1895. T. 1, otd. vyp.

Zaliznyak 1990 — A. A. Zaliznyak. «Merilo pravednoe» XIV veka kak akcentologicheskij istochnik. München, 1990. (Slavistische Beiträge. Band 266).

Zapol'skaya 2010 — N. N. Zapol'skaya. *Neizvestnaya grammatika cerkovnoslavyanskogo yazyka XVII v. // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij.* Napoli, 2010. S. 267—282.

Резюме

В статье рассматривается вопрос авторства анонимной грамматики 20-30-х гг. XVII в. (Государственный Исторический музей, Синодальное собрание № 734) в связи с книжной справой 1620-х гг. Орфографические нововведения 1620-х гг. в распределении букв *о* и *ѡ* относительно ед. — дв./мн. числа и букв *ї* / *н* в словоформах *їже* (ед.ч.) — *їже* (мн.ч.) принадлежат Арсению Глухому. Это подтверждает и орфография двух Канонников, написанных им в Троице-Сергиевом монастыре в 1616 г. Эти орфографические особенности соответствуют орфографическим рекомендациям анонимной грамматики. Поскольку в стихотворном предисловии к этой грамматике зашифровано имя Антоний, нами выдвигается предположение о том, что автором анонимной грамматики был Антоний Крылов. Этот справщик работал вместе с Арсением Глухим в Троице-Сергиевом монастыре, а также на Московском Печатном дворе. Таким образом, анонимная грамматика фиксирует орфографическую практику редактирования богослужебных текстов на Московском Печатном дворе.

Ключевые слова: история церковнославянской орфографии, книжная справка первой половины XVII в., рукописные грамматические сочинения XVII в., сочинения Арсения Глухого

Статья получена 06.10.2015

SVETLANA M. KUSMAUL

**AN ANONYMOUS GRAMMAR OF THE 17th CENTURY
AND THE CORRECTION OF RUSSIAN LITURGICAL BOOKS IN THE 1620s**

This article investigates the authorship of an anonymous grammar written in the 1620s-30s (The State Historical Museum, Synodal Collection, N 734) in connection with the correction of liturgical books in the 1620s. Spelling innovations of the 1620s in the distribution of the letters *o* and *ω* in the singular vs. dual/plural forms and of the letters *i/u* in the word forms *ѣжѣ* (sg.) / *ѣжѣ* (pl.) belong to Arseny Glukhoy. This is confirmed by the spelling in two Canons written by him in the Trinity-Sergius Monastery in 1616. These spelling features correspond to the spelling recommendations of the anonymous grammar. We put forward the hypothesis that the author of the anonymous grammar was Antony Krylov, on the grounds that the name Antony is encrypted in the poetic preface to the treatise. This corrector worked with Arseny Glukhoy in the Trinity-Sergius Monastery and in the Moscow Printing Court. Thus, the anonymous grammar fixes the spelling practice used by the editors of liturgical texts at the Moscow Printing Court.

Keywords: history of Church Slavonic spelling, correction of Russian liturgical books in the first half of the 17th century, handwritten grammatical writings of the 17th century, writings of Arseny Glukhoy

Received on 06.10.2015

И. И. МАКЕЕВА

АКЦЕНТУАЦИЯ КИЕВСКИХ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ «НИКОЛИНА ЖИТИЯ»¹

Второе киевское старопечатное издание «Николина жития» появилось в 1700 г., через двадцать лет после публикации первой книги. Если в основу издания 1680 г. было положено московское издание 1662 г., то киевская публикация 1700 г. основывалась на предшествующем киевском же издании².

В предисловии к неслужебной части под прежним названием **СКАЗАНИЕ В КРАТЦЕ W ЧУДЕСѢ**... и в маленьком послесловии сказано о необходимости новой публикации и об «обновлении», под которым следует понимать редактирование: ... Но понѣже прешѣдшѹ досѣлѣ толикоу времени Изда́нныа ѿ насѣ / въ похвалѣ чюдѣсѣ Сѣла́ Хѣа Никола́а Кни́жици оумали́шася: / Се́го ра́ди ре́вностію тѣхѹде чюдѣсѣ прославлѣніа, и желаніемъ / Благочестивы́х похвалы е́го рачителѣй возвѣжшеся, потща́хося / па́ки сіа Тѹпо́м ѡсновити: Житіеже Сѣла́ Никола́а в Кни́зѣ / новоизда́нныхъ Житіи Сѣты́хъ в Мѣсѣ́ Декѣмврїи 5 числа, / И Сказа́ніе ѿ Пренесѣніи чѣтны́хъ Мо́щей е́го в Мѣсѣ́ Маїи / положѣнное зде И́зъобра́зѣше, и ѡное ра́ди вра́зумителной ѿ / чюдѣсѣхъ е́го пресла́вны́х повѣсти

¹ Работа является продолжением статьи «Акцентуация московских и киевских старопечатных изданий «Николина жития», опубликованной в предыдущем номере журнала.

² Этот вывод верен, по крайней мере, для раздела «Чудес». Текст *Жития* св. Николая в изданиях 1680 г. и 1700 г. различается очень сильно, поэтому не исключено использование другой версии, а не просто редактирование. Однако в главе «Чудо о трех воеводах» текст 1700 г. постепенно становится близким к версии 1680 г. и даже частично совпадает с ней. По некоторым дополнениям главы «Сказания о трех мужех» видно, что при создании версии, находящейся в издании 1700 г., использовано (как дополнительный источник?) самостоятельное чудо св. Николая о трех воеводах, известное в русской письменности с XII в. Как дублирующее главу *Метафрастова жития* оно не входило в печатное «Николино житие». Кроме того, в книге 1700 г. нет *Похвалы* (Слова похвального), которая в первом киевском издании следует за *Житием*, а за ней находится *Сказание о перенесении мощей*. Во втором издании *Сказание о перенесении мощей*, также существенно отредактированное, помещено после *Жития*, а за ним следует выдержка из Пролога, которая в оглавлении именуется «Увещание правоверным о перенесении».

на части подобіємъ прѣжднего / *Изданіа* расположивше, *И* вса прѣчала *чѣдѣсъ* *ѣгѡ* *Сказаніа* / по радѣ присовокѣпѣше... (л. лѣ об.)³. О том же сказано в послесловии: ... *Въ* *блгодарное* *Стла* *Хртѡва* *Николаа* / *Мурли-*
кійскагѡ *Чѣдотвѡрца*, *премногѡ* / *Чѣдѣсъ* *Прославленіе*; *Въ* *оусѣрдное*,
Прѣбныѡ / *И* *Бгонѡсныхъ* *Вѣцъ* *нашихъ* *Антѡніа* / *И* *Теодѡсіа*, *и* *всѣхъ*
Стѡдникѡвѡ / *Печѣрскихъ* *Почитаніе*; *Сла* *Книжица* / *второе* *Тѣпомъ* *по-*
новіса... (л. р об.).

«Обновление», или редактирование коснулось состава неслужебной части, структуры текстов и языка.

Справщики сократили раздел «Чудес»: из него изъяты оба *чуда о царе Стефане*, входившие во все московские издания и в киевскую книгу 1680 г. Это было радикальное отступление от «канонического» состава сказаний о чудесах.

В книге 1700 г. изменились названия трех текстов, восходящих к московским изданиям:

— *Повѣсть ѡ чѣдѣсѡи стѣгѡ* / *Вѣца* *Николаа*, *ѡже* *ѡ* *Агрѡковѣ* / *Сынѣ* *Васіліи* 1680 г.; *Чѣдо стѣгѡ вѣца Николаа* / *ѡ* *Агрѡковѣ* *сынѣ* *Васіліи* 1700 г.;

— *Чѣдо ѡ христофорѣ попѣ*, / *какѡ* *Стѣгѡи* *Николае* *Избавилъ* *и* / *ѡ* *посѣченіа* *Меча* 1680 г.; *Чѣдо ѡ христофорѣ іерѣи*, / *какѡ* *Стѣгѡи* *Николае* *избавилъ* *ѣгѡ* / *ѡ* *посѣченіа* *меча* 1700 г.;

— *Чѣдо стѣгѡ Николаа*, *ѡ* *Юношѡи* / *Николае* *же* *именемъ* 1680 г.; *Чѣдо стѣгѡ Николаа*, *ѡ* *Юношѡи* / *именемъ* *Николаа* *нарицаемомъ* 1700 г.

В новом названии *чуда об Агрике* можно видеть влияние первого московского издания 1640 г. (*Чюдо стѣгѡ николаѡ о васіліи*, / *снѣ* *агрѡковѣ*; в остальных сохраняется *Повѣсть ѡ чѣдеси*...) или стандартизацию под остальные тексты. Название *чуда о попе Христофоре* изменено в соответствии с московскими изданиями: *Чюдо ѡ христофорѣ іерѣи*, *какѡ* / *стѣгѡи* *николаѡи* *избавилъ* *ѡ* *посѣченіа* *меча* 1679 г. В название *чуда о юноше Николе* внесено слово *нарицаемомъ*, сохраняющееся и впоследствии.

На уровне текста редакторы частично унифицировали структуру сказаний. Из некоторых исключены вступительные и заключительные части, а также редкие еще остававшиеся отступления (как в *чуде о половчине*), то есть устранено то, что не имело непосредственного отношения к сюжету и излагаемым событиям. При этом величина этих структурных единиц не имела значения. Исключенные из текстов вступления были большими, как в *чуде о ковре*, или состояли только из одной фразы, как в нескольких сказаниях: *Ино чѣдо хошѣ* *вамъ* *сказати* *ннѣ* *лю/бѡмаа* *брѣтѡи* *и* *ѡцы*, *стѣгѡи* *и* *велика* *Архѣрѣа* *Хѡа* *Николаа* (*чудо о злате*); *Послѡшайте* *чѣда* *моа*, *молю* *вы*, *да* *вы* / *повѣмъ*, *ѡкѡ* *бѣдетъ* *вамъ* *оутѣшеніе* / *вѣліе* (*чудо о Симеоне*); *Ино чѣдо повѣдати* *хошѣ* *вамъ* (*чудо о юноше Николе*). Вместо

³ В издании два листа с таким номером при отсутствии листа лѣ. Предисловие находится на первом листе лѣ.

прежнего большого предисловия в *чуде о муже* появилось новое короткое вступление всего из шести строк. После редактирования предисловия остались в трех сказаниях: новое в *чуде о муже*, старое, известное еще по рукописной традиции (хотя и в измененном виде) — в *чуде о Дмитрии*, а также в *чуде о детище*. Вступительная фраза сохранилась в *чуде о сарацине*.

Большие послесловия убраны справщиками из *чудес о злате* и *о половчине*. Из частично сохраненного послесловия *чуда о ковре* исключен большой фрагмент, начинающийся словами **тѣ сѣщихъ...**, в котором среди прочего говорилось о быстром отклике св. Николая на мольбы людей. Конец *чуда о юноше Николе*, изначально не имевшего послесловия, редакторы переделали, изъяв из него фрагмент.

В *чуде о трех иконах* появился важный в культурно-историческом отношении пропуск. Патриарх велел вынести вон написанную икону св. Николая, поскольку тот — «сын Феофанов, смердович», и его изображению не подобает находиться рядом с Христом и Богородицей. Эта фраза была в той версии сказания, которая известна в русских рукописных источниках; она сохранена в московских изданиях «Николина жития» и в киевском издании 1680 г.: **Видѣвъ же / Патріархъ ѿбразъ, ѿ великаго стѣла Николаа, / рече: сїю Иконѣ ктѣ написа Архієппа Мурска / Николаа. Сїи бо снѣ Феофановъ смердовичъ / бы, ѿ не подоваѣтъ ѿбразъ єгѡ здѣ съ стѣми / Иконами стоати. И повелѣ ѿбразъ стѣгѡ / Николаа вонъ ѿзнести. Аггєю же Иконописцѣ / рече: напиши Изѣграфѣ Иконы Мурскаго Єппа / Николаа симъ великимъ ѿбразомъ. Феофанъ / же зѣло ѡ вѣщи ѡскорбѣса, занѣже ѿбразъ / великаго стѣла Николаа повелѣ Патріархъ вонъ / ѿзнести.** В издании 1700 г. остались начало и конец фрагмента, а упоминание низкого происхождения святителя редактор исключил: **Видѣвъ же Патріархъ ѿбразъ, ѿ великаго стѣла / Николаа, не похвалѣ, ѿ повелѣ ѿбразъ стѣгѡ / Николаа вонъ ѿзнести. Феофанъ же зѣло ѡ вѣщѣ / той ѡскорбѣса, ѿкѡ ѿбразъ великаго стѣла / Николаа повелѣ Патріархъ вонъ ѿзнести.** То же самое сделано далее, когда св. Николай, отозвавшись на мольбу тонущего патриарха, говорит ему: **Или смѣдовича призываѣши, єгѡже нехотѣ ѿ ѿбразѣ видѣти** 1680 г.; **Или тогѡ призываѣши, єгѡже ѿ ѿбразѣ нехотѣ / єси видѣти** 1700 г.

В итоге изменений в составе текстов и в их структуре киевская старопечатная традиция сказаний о чудесах св. Николая стала сильно отличаться от московской. Существенный вклад в это различие внесен также лексико-грамматическим редактированием.

В целом правка на уровне языка, сделанная во втором киевском издании 1700 г., схожа с редактированием московского издания 1679 г. по отношению к предшествующей московской книге 1662 г.: она нацелена на упрощение текстов. Справщики стремились сделать их более понятными и соответствующими времени — рубежу XVII—XVIII вв. В этих целях они устранили (за некоторым исключением) формы двойственного числа, введенные в киевское издание 1680 г.; местоимение **наю** заменили притяжательным местоимением **нашъ**. Изменены формы разных частей речи, что

иногда влечет за собой смысловую корректировку: слыш^х — слышах^м, при мори — при мортѣ, нарицающе — нарицахѣ, живѣ — живѣше (чудо о сарацине), людѣмъ — людѣе, вшедѣ — вниде (чудо о муже), Прѣбхав — прѣбде (чудо о половчине) и др.⁴

По возможности убран оборот дательный самостоятельный, как, например, в чуде о Симеоне: стѣомѣ рѣшѣ — стѣый рѣкши; в чуде о юноше Николе: тѣакѣ / ѣмѣ ѿсцѣлѣвшѣ, ѿ стоѣщѣ прѣстѣ — тѣако ѿнѣ ѿсцѣлѣвы^и стоѣщи прѣсто; в чуде о злате: Сіе же ѣмѣ рѣкшѣ — Сіе ѿнѣ рѣши; прѣзѣникѣ твоѣмѣ прѣспѣ^вшѣ — Прѣзѣникѣ твоѣ прѣспѣ; ѿтрѣка же бѣ вины / мѣчилѣ, вѣрнѣ сѣщѣ тѣвѣ — ѿтрѣка же бѣзѣ вины мѣчиши, вѣрна сѣща тѣвѣ. Таким образом, вместо конструкций, сохранявшихся еще со времени появления сказаний, появились новые, в том числе придаточные предложения: Неслѣчнѣшѣ/жесѣ ѣмѣ кѣпѣти — ѣгдаже неслѣчнѣсѣ ѣмѣ кѣпѣти; ѣзавѣніе прѣиде положѣномѣ златѣ — ѣзавѣніе потѣомѣ прѣиде гдѣ положѣи златѣ (чудо о злате). При сохранении придаточного предложения возможна замена союза: занѣже — ѣакѣ (чудо о трех иконах), ѣже — ѣакѣ (чудо о детище). Разными способами заменяются конструкции с еже: чѣдѣ, ѣже члѣкомѣ оѣмѣ не вѣмѣстимѣе — чѣдо, члѣвѣскомѣ оѣмѣ не/вѣмѣстимѣе (чудо о сарацине), ѣже ти приннѣсти / ѣскѣпѣ — да ты приннѣсеши ѣскѣпѣ (чудо о половчине).

Редким видом правки является замена нечленных прилагательных на членные: ѣллинѣскѣ гдѣдѣ — ѣллинскѣй гдѣдѣ, срацинѣскѣ гдѣдѣ — срацинѣскомѣ гдѣдѣ при сохранении ѣзѣкѣ грѣчѣскѣ (чудо о сарацине), а также употребление прилагательного в значении существительного: кѣ Полѣтнѣкѣ — ко Полѣтнѣомѣ (чудо о детище).

Многочисленными оказываются лексические замены, иногда сопровождающиеся структурными изменениями предложения или правкой формы слова: про/стрѣтисѣ — прѣстѣртисѣ, на трѣртѣ — по землѣ, ни самѣ вѣдѣ ѣчѣмѣ прѣвѣйти — ни самѣ ѿмѣ чѣ прѣпитѣтисѣ, ѿ ѣгда — ѣгда же (чудо о юноше Николе), бѣри вѣтрѣнѣа — бѣри ѿ вѣтрѣ^в, здѣже — тѣамѣ, ѣчлѣвшисѣ — ѣчлѣвѣтисѣ (чудо о Симеоне), вѣклепѣвшѣмѣ [так!] же на оѣтрѣню — Прѣспѣвшѣже врѣмени оѣтрѣни, тѣ — тѣамѣ, по ѣ прѣтѣй оѣтрѣни — по ѣпрѣтѣой / оѣтрѣни (чудо о злате), нѣкакѣ ѿзвѣщѣніе — нѣкое ѿзвѣщѣніе (чудо о сарацине), прѣнѣ — всѣгда, тѣ — тѣамѣ, прѣхѣ — всѣсѣ (чудо о трех иконах), бѣстро — скѣрѣ, прѣнѣ — всѣгда, влѣговѣнѣнѣ — влѣговѣнѣнѣ, чѣдѣшасѣ — оѣдѣвшасѣ (чудо о детище)⁵, кѣкѣ винѣ ѣстѣ — кѣмѣ винѣ ѣстѣ (вѣвшѣмѣ) (чудо о муже), ѿмѣлѣ бѣлѣзнѣ — бѣлѣшисѣ, тѣже — тѣамѣ, дѣи на сѣвѣ ѣскѣпѣ — дѣи за сѣбѣ ѣскѣпѣ, ѣ ѿхѣвѣ / — ѣидѣ, ты забѣ рѣчѣнное ѣ менѣ — ты не вѣспѣминѣеши / рѣ-

⁴ В издании 1700 г. последовательно употребляются нестяженные формы прѣчѣннѣи (чудеса об Агрике, о Петре), прѣчѣннѣх (чудо о сарацине).

⁵ Варьирование пары чѣдѣитисѣ — (оѣ)дѣвшисѣ отмечается в разных текстах уже в древнерусский период.

чѣннагѡ ѿ менѣ, не коснѣ — не пождѣ ни малѡ, коѣю прѣтчею — коѣѡ / рѣди
внны (чудо о половчине), пре возлюблѣ к сѣмъ Црква^м — доврохѡтенъ к
сѣмъ Црква^м (чудо о монастыре) и др. Редкая и устаревшая лексика мо-
жет быть просто опущена: ѡколинымъ сосѣдѡмъ — сосѣде (им.; чудо о
муже), салъ въ чпѣгъ рѣзы своѣѡ сѣмъ Николѣе, взѣмъ златѡ — сѣмъ
Николѣе, взѣмъ златѡ (чудо о ковре).

Варируются также слова с разными приставками или суффиксами:
оубѣдѣвса — ѡбѣдѣвса, мечтѣтелство — мечтѣнѣ (чудо о сарацине),
темница мрачнаѡ — темностъ / мрачнаѡ (чудо о муже), да ѡкопѣютъ
Грѡбъ — да ѡкопѣютъ грѡбъ (чудо о монастыре).

В разных текстах (где имелась соответствующая смысловая возмож-
ность) заменены существительное и прилагательное срацины, срацинскѣй
на сарацины, сарацинскѣй, притяжательное местоимение свой на твой, а в
чуде о монастыре — своѡ на моѡ.

При правке устранены некоторые недочеты и ошибки. Например, в чуде
о златѣ появилась правильная глагольная форма: какѡ еси взѣмъ златѡ —
какѡ еси взѣлъ златѡ. В чуде о трех иконах замены улучшили чтение:
И се видѣѡ Патрѣархъ сѣгѡ... по морю градѣща к себѣ — И се видѣѡ /
Патрѣархъ сѣгѡ ... по морю градѣща к немѡ; вчасъ сѣмъ — в часъ сѣмъ;
и скорѡ идѣ къ / Иконописцѡ Аггѣю, и мѡѡ егѡ написѣти три / сѣмъ
Икѡны — идѣ скорѡ ко Иконописцѡ Аггѣю, / и моли егѡ написѣти три
сѣмъ Икѡны.

Одна ошибка, появившаяся в чуде о златѣ в издании 1680 г., в книге
1700 г. не только не была устранена, а, напротив, получила дальнейшее
развитие. Ложно обвиненный в краже золота отрок был заключен в оковы,
и это произошло, когда прѣзникѡ минѡвшѡ сѣгѡ николаѡ, на оубрѣе
хѡтѣше быти. В издании 1680 г. быти > бѣти: на оубрѣе хѡтѣше бѣти.
В издании 1700 г. справщики «для ясности» добавили слово: на оубрѣе
хѡтѣше бѣти ѡтрѡка. В этом же сказании осталась форма Ѣпифѣнѣи,
которую следует понимать как местный падеж, а не звательный, находив-
шийся в московских изданиях: чтѡ еси сотворѣлъ не прѣвдѡ на рабѣ
твоѣмъ Ѣпифѣнѣи 1680 г.; чтѡ еси сотворѣлѡ не прѣвдѡ на рабѣ твоѣмъ /
Ѣпифѣнѣи 1700 г.

В итоге лексико-грамматическая правка сказаний, сделанная во втором
киевском издании, оказалась значительной⁶.

Лишь чудо о трех купцах и четыре юго-западнорусских сказания — чу-
деса об иконе жидовина, о златѣ жидовина, о двух младенцах и о двух со-
судах — в киевском издании 1700 г. по сравнению с книгой 1680 г. отре-
дактированы в меньшей степени.

⁶ В связи с этим дополнительный материал по акцентологической правке Жи-
тия, крайне редко имеющий параллели в издании 1680 г., в данной статье приво-
дится в меньшем объеме и иногда иначе, чем в предыдущей. Кроме того, возникла
необходимость указывать главу произведения, например, гл. «О преставлении».

В «Николине житии» 1700 г. изменена также акцентуация и отчасти система надстрочных знаков. Однако эта правка не была такой глобальной, как в киевском издании 1680 г. по сравнению с положенной в его основу московской книгой 1662 г. Некоторые изменения в постановке знаков связаны со слитным / раздельным написанием слов и морфем (приставок).

В издании 1700 г. сохраняется постановка неиктусного *исо* над начальной гласной слова. Пожалуй, употребление этого надстрочного знака становится даже более последовательным: **Ѡгрѣкъ** — **Ѡгрѣкъ** (+1), **Ѡмиръ** — **Ѡмиръ**, **Ѡнаже** — **Ѡна же** (*чудо об Агрике*), **Ѡравитѣне** — **Ѡравитѣне**, **Ѡравитскихъ** — **Ѡравитскихъ**, **Ѡравитанинъ** — **Ѡравитанинъ**, **Ѡни же** — **Ѡниже** (*чудо о попе Христофоре*), **Ѡбители** — **Ѡбители** (*чудо о Петре*) и др. Постановка над начальной гласной словоформы иктусного и неиктусного *исо* по-прежнему затрудняет интерпретацию написаний типа **оузриши**, **овогда**, **ѡкрестъ**.

Встречается замена *исо* на спиритус и на оксию: **Ѡиде** — **Ѡиде** (*чудеса об Агрике, о Петре, о злате*), **Ѡиде** — **Ѡиде** (*чудо о Петре*), **Ѡхъ** — **Ѡхъ** (*чудо о попе Христофоре*), **Ѡзъ** — **Ѡзъ** (*чудо о Петре*); в **Ѡма** — **Ѡма** (*чудеса об Агрике, Дмитрии*) замена знака может быть обусловлена написанием слова со строчной буквы.

В целом сохраняется постановка *исо* над союзом *и*, если он передается заглавной буквой; над союзом, передаваемым строчной *и*, обычно употребляется спиритус: **И** — **и** (неоднократно в *чудесах об Агрике, о Петре, Дмитрии, о злате* и др.), хотя **И** — **И** (*чудо о попе Христофоре*).

Из издания 1700 г. исключена постановка сочетания спиритуса с вариет над конечной гласной *и*: **Васііи** — **Васііи**, **безбѡжній** — **безбѡжній**, **живѡщій** — **живѡщій** (*чудо об Агрике*), **Ѡвѣи** — **Ѡвѣи**, **Ѡнѣи** — **Ѡнѣи**, **Ѡзбавленій** — **Ѡзбавленій**, **въ покаініи** — **въ / покаініи**, **свои** — **свои** (*чудо о Петре*), **Димітрѣи** — **Димітрѣи**, **домашній** — **домашній** (*чудо о Дмитрии*) и др. Однако в *чуде о монастыре* в этой позиции поставлена неиктусная вариет, которая служит показателем формы мн. ч.: **Ѡтній** (1680 г. **Ѡтние**), **сѣи** (1680 г. **сѣи**), **Брѣи** (1680 г. **брѣи**). Такой же знак несколько раз встречается в *Житии*: **Ѡзбавленныйже** ... **трѣи мѡжіе** (гл. «Сказание о трех мужех»), **Преждепоманѡтый посланныи Воевѡды** (гл. «Чудо о трех воеводах»). Причина его постановки в этих словоформах при отсутствии в других подобных остается неясной. Можно предполагать эпизодическое вмешательство в работу другого справщика.

В книге 1680 г. над последней гласной словоформы перед следующей клитикой ставилась как оксия, так и вариет. В издании 1700 г. справщики попытались унифицировать постановку акцентного знака в этой позиции, используя оксию: **Ѡже во** — **Ѡже во**, **пси же** — **пси же**, **Ѡгда же** — **Ѡгдаже** (2 раза), **тыи** — **тыи** (*чудо об Агрике*), **Ѡгда же** — **Ѡгдаже**, **Петра же** — **Петраже** (*чудо о Петре*), **ты во** — **ты во**, **повелѣ же** — **повелѣ же** (*чудо о злате*), хотя **Ѡгдаже** — **Ѡгда же**, **вни же** в обоих изданиях (*чудо о Дмитрии*). Исключением оказывается позиция перед место-

имениями, когда ставится вария: **да выхъ тѧ** — **да вы тѧ**, **рцими** — **рци ми**, **восхитима** — **восхити ма** (чудо об Агрике), **свободи ма** — **свободи ма** (чудо о попе Христофоре), **принеси ми** — **принеси ми** (чудо о злате); сохранен прежний знак в **помози ми** (чудеса о попе Христофоре, о Дмитрии), **Благодарю ти** (чудо о злате).

Как тенденцию следует отметить отсутствие акцентного знака в одно-сложных словоформах в издании 1700 г.: **высть** — **высть** (+1), **Кназь** — **Кназь**, **тѧ** — **тѧ**, **чтò** — **чтѡ**, **сѣ** — **сѣ** (+2), **мои** — **мои**, **но** — **но**, **здѣ** — **здѣ**, **сѣм** — **сѣм**, **ѡнѣм** — **ѡнѣм** (чудо об Агрике), **выст** — **высть**, **высть** — **высть**, **свои** — **свои**, **мечъ** — **мечъ** (+4), **шедъ** — **шедъ**, **вѣмъ** — **вѣмъ**, **той** — **той** (+1), **сѣ** — **сѣ**, **всѧ** — **всѧ**, **чтò** — **чтѡ**, **рѣк** — **рѣкъ**, хотя **три** — **три** (чудо о попе Христофоре), **то** — **то** (в сост. союза, +1), **чтò** — **чтѡ**, **той** — **той**, **всѧ** — **всѧ**, **пѣтъ** — **пѣтъ** (чудо о Петре) и др.⁷ В многосложных словах, напротив, акцентный знак проставлен, хотя его не было в первом издании: **ѡцѣ** — **ѡцѣ**, **ѡнаю** — **ѡнаю**, **идѣ** — **идѣ**, **глющи** — **глющи** и др. (чудо об Агрике), **ѣмѣ** — **ѣмѣ** (чудеса о попе Христофоре, о злате) и под.

В основном в «Николине житии» 1700 г. ударение остается таким же, каким было в первом издании, то есть сохраняется акцентная микросистема западного типа. Тем не менее, акцентологическая правка затронула слова разных частей речи. Поскольку она была небольшой, то может быть приведена полностью⁸.

Чудо об Агрике: **послѣшаеши** — **послѣшаеши** (хотя **послѣшай** в обеих книгах), **слышавше** — **слышавше**, **помолѣвѣсѧ** — **помолѣмѣсѧ**, **сотворше** — **сотвориша**, **в годъ вечери** — **въ время вечери**, **видѣша** — **видѣша**, **видѣ** — **видѣ**, **видѣхъ** — **видѣхъ**, **сею** — **сею**.

Чудо о попе Христофоре: **тридесѧтъ** — **тридесѧтъ**, **мечникъ** — **мечникъ** (+3), **мечникъ** — **мечникъ** /, **главѣ** — **главѣ** (хотя далее **главѣ** в обеих

⁷ В написанных под титлом словах акцентный знак может не ставиться: **гѧ** — **гѧ** (чудеса о попе Христофоре, о Петре), в том же чуде о попе Христофоре одинаково в обоих изданиях **гѧ**. В целом в «Николине житии» 1700 г. написания с выносной буквой используются реже, а в словоформах с выносными и написанных под титлом акцентный знак ставится чаще, чем в первом издании: **блгомѣ** — **блгомѣ** (чудо о Петре), **бжтвѣныхъ** — **бжтвѣнныхъ**, **не медленѣма** — **не ме/дленными** (чудо о Петре).

⁸ Иногда в примеры акцентологической правки включаются разные формы слова и даже разные лексемы. Это сделано в тех случаях, когда аналогичное изменение есть в других текстах в одинаковых формах и оно оказывается показательным для акцентной микросистемы в целом. Целесообразно также привести формы без акцентного знака в одном из изданий, что может быть связано с колебанием ударения, точнее, с его правкой в одной-двух словоформах при сохранении в остальных. Из-за отсутствия в книге 1700 г. двух чудес о царе Стефане, сокращения текстов, другой версии *Жития*, лексических и грамматических изменений сокращается объем анализируемых словоформ.

книгах), разгнѣ/вѣвжесѧ — Разгнѣвѣвжесѧ, таковаѧ — таковаѧ (вин. ср. р.), таковаѧѡ — тако/ваѧѡ, сотворѧи — твориши, никоегѡже — никоегоже, истѡргѣ — истѡрже, вопреки — вопреки, три мѡжи — три мѡжи (вин.).

Чудо о Петре: плѡтстѣи — плѡтстѣи (дат.), старѣишина — старѣишина, оуцѣломѡдрисѧ — оуцѣломѡдрисѧ, мѡтвами — мѡтвами, мѡтвахѣ — мѡтвахѣ, сотворихѣ — исполнихѣ, поствѣ — на поствѣ, плачѧсѧ — плачѧсѧ, да помѡитсѧ — да помѡитсѧ, видѣ — видѣ, вѣ рѡцѣ — вѣ рѡцѣ, никоеже — никоеже, изыити — изыити, послѡшѧи — послѡшѧи, вѣ... бѣды — вѣ... бѣды, не видѧма — невидѧма (дв. ч.), не видѧмъ — невидѧмъ, достиже — достиже, да сотвориши — да сотвориши, вѣкѡвъ — вѣкѡвъ.

Чудо о Дмитрии: вѣ Корѡбли — вѣ Корѡблѣ, вѣтрило — вѣтрило, корѡблю — корѡблю, мыслившѣ — мыслѡше, помѡщни — помѡщникѣ, прилѡчѡшѧсѧ — прилѡчѡшѧсѧ, мѡра — мѡкра (род.-вин.), бѣды — бѣды (вин.).

Чудо о злате: искони — искони (далее в обоих изданиях *искони*), главо — главо (зв.), положиѣ бѣ — положено, златѡ / положѧное — златѡ положѧное, ѡчѡлѡшимсѧ — ѡчѡлѡшимсѧ, никомѡже — никомѡже, таковаѧ — таковаѧ (хотя таковаѧѡ — таковаѧѡ)⁹.

Чудо о юноше Николе: свѣщѣ — свѣщѣ (ниже свѣщѣ), ползѧ (кустода), ползѧ — ползѧ, ползѡуцы — ползѡуци (*так!*), поствѣ — по стѣ /, на стѣ — на стѣ (*так!*; в других случаях сохраняется стѣ), идѡши — идѡши, на ѡдиномѣ — на ѡдиномѣ.

Чудо о Симеоне: прославѡтисѧ — прославѡтисѧ (хотя далее прославѡсѧ — прославѡжесѧ), веслѡмъ — веслѡмъ, влаѡшесѧ — влаѡшесѧ, возниче — возниче, видѣ — видѣ, поствѣхѣ — по стѣхѣ, весѣдѡуца — весѣдѡуца, Востани — Востани.

Чудо о ковче: сѧ — сѧ, немѡгѡи — не могѡи, сотвориѧ (дв. ч.) — сотвориѧ, невидѧмъ — невидѧмъ, наполеномѣ — наполенномѣ, да ѡствѡпиши — да ѡствѡпиши, оуправленѣ — оуправленѣ, Просфѡры ѡ свѣщи — просфѡры ѡ свѣщи, весѣдѡуца — весѣдѡуца.

Чудо о сарацине: По дрѡгѡю странѣ (*так!*) — По дрѡгѡю странѣ, вѣ малѡ — вѣ малѡ, ѡсѡждѡницы — ѡсѡждѡницы, постыже — постыже, такѡвы — такѡвымъ, невидѧмъ — невидѧмъ (*так!*), пренесѡнѣ — пренесѡнѣ, порѡдѣ — порѡдѣ, развѣ — развѣ, творѡи — творѡитѣ, такѡвое — такѡвое, постиже — постиже, помѡрю — по мѡрю, постѡтисѧ — постѡтисѧ, вѣ вѣки вѣкѡмъ — вѣ вѣки вѣкѡвъ.

Чудо о трех иконах: Видѣвъ — Видѣвъ, видѣвшѣ — видѣвшѣ, вездѣ — вездѣ, мнѡгѡчѡдѡсѣ / — мнѡгѡчѡдѡсѡнѣ, на^д Главѡю — на^д главою, стражѡше — стражѡше, плакашесѧ — плакашесѧ, славаще — славаще.

⁹ Без акцентного знака в издании 1700 г. сѣло, на мѡ, прѣчѡтнѡмъ при сѣло, на мѡ, прѣчѡтнѡмъ в книге 1680 г. С большей или меньшей вероятностью изменение ударения можно предполагать в прилагательном.

Чудо о детище: ѿспѡни — ѿспѡни, свѣщѹ — свѣщѹ, вѣрѣкѹ — вѣрѣкѹ, Всечѣстномѹ — Всечѣстномѹ, кончины — кончины (род.), на ма — на ма, на ма — на ма, бѣшесѧ — бѣшесѧ, заключѣны — за/ключѣнны, морѡ — морѡ, Мѹро/политѣ — Митрополи^т (хотя Мѹрополитѹ — Митрополитѹ).

Чудо о муже: нѣкѡторый — нѣкѡторый, вѣтрила — вѣтрила, вѣтрыла — вѣтрила (вин.), вѣтрилвѣ — вѣтрилвѣ, вѣпчинѣ — вѣпчинѣ, свѣщи — свѣщи, ѹжасом — ѹжасомъ, ѿмѣнен — ѿмѣненъ, Ароматѣ — Ароматѣ (род.), повѣдано — повѣданѡ, повѣдашѹ — повѣдавшѹ, коимѣ (нравомѣ) — коимѣ, таковѡе — таковѡе, ни коѡеже — никѡеже.

Чудо о половчине: цѣло/мѹдренѣ — цѣло/мѹдренѣ, смыслен — смысленъ, хощѹ (так!) — хощѹ¹⁰ плѣнника — плѣнника, мыслѧ/ше — мыслѧше, порѹченное — порѹченѡе, не замедленный — не замедленнѡй, Кнѧзем — Кнѧземѣ (дат.), главою — главою, междѹ — междѹ, по радѹ, порадѹ (2 раза) — по радѹ (3 раза), слышѧще — слышѧша, на ма — на ма; без эквивалента в издании 1680 г. такѡвѣ, свѡбоднѣ, славѧщи.

Чудо о монастыре: млѣтнѡю — млѣтнѡю, ѡубѣен — ѡубѣенъ, ѡубѣенъ — ѡубѣенъ, невѣдѡ — невѣдѡмъ — невѣдѡмъ.

Основная цель акцентологической правки в киевском издании 1700 г. — устранить имевшиеся в предыдущей публикации отступления от акцентной микросистемы западного типа в целом и отступления и колебания в акцентуации отдельных слов.

Таким образом, ударение исправлено в словоформах *вечѣри* (*чудо об Агрике*), *мѣчникѣ* (*чудо о попе Христофоре*), *помѡщникѣ* (*чудо о Дмитрии*), *на ѣдѡномѣ* (*чудо о юноше Николе*), *вѣ Кораблѣ*, *кораблѡ* (*чудо о Дмитрии*), *вѣсѣдѡющѧ* (*чудеса о Симеоне, о ковре*). Такая же правка имеется в *Житии*: *вѣсѣдѣ* — *вѣсѣдѣ* (род.) (*Житие*), *вѣсѣдѡющимѣ* — *вѣсѣдѡюще* (гл. «Чудо о трех воеводах»), *повѣсѣдовѧше* — *повѣсѣдова* (гл. «Как о избавил корабль от потопа»), *словѡю* (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), *словѹ* (2 раза), *словѧ* (гл. «Чудо о трех воеводах»), *словѹ* (гл. «Как о избавил корабль от потопа»). В *чуде о Петре* ударение в *млѣтвами*, *млѣтвахѣ*, *помлѣтсѧ* стало таким же, как в остальных формах этих слов.

Благодаря правке *ѡзыѡти* — *ѡзыѡти* (*чудо о Петре*) устранено отступление в акцентовке приставочных инфинитивов, которая во всех случаях стала конечной; см. *внѡитѡ* в *Житии* гл. «Чудо о трех воеводах».

Ударение исправлено в большинстве форм местоимения *такѡвый* в сказаниях (см. *чудеса о попе Христофоре, о злате, о сарацине, о муже*) и в *Житии*: *такѡвагѡ* — *такѡвагѡ* (*Житие*), *такѡвал* — *такѡвал* (3 раза; гл. «Чудо о трех воеводах»), *такѡвыми* — *такѡвыми*, *такѡвѡе* — *такѡвѡе* (там же), *такѡвал* — *такѡвал* (гл. «О преставлении»). Прежнее ударение *такѡвал* осталось в *чудесах о Дмитрии* и *о сарацине*. О том, что для издания 1700 г. характерна акцентовка *такѡвый*, свидетельствует употребление

¹⁰ В *чуде о Петре* осталось *хощѹ*.

в *Сказании о перенесении мощей* (далее *ПМ*) и в *Житии* именно таких форм (без эквивалента в книге 1680 г.): **такѡвыхъ** (*Житие*), **такѡваа**, **такѡвагъ**, **такѡвѣю**, **такѡвый** (гл. «Сказание о трех девицах»), **такѡвый**, **такѡвое** (гл. «О поставлении в епископство»), **такѡвагъ** (гл. «Сказание о трех мужех»), **такѡвыми**, **ѡ такѡвой** (гл. «Чудо о трех воеводах»). Отступления представлены в **такѡвѣжде** (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), **такѡвѡмъ** (гл. «О гладе в Ликий»), хотя далее **такѡваго**. Аналогично изменено ударение в **такѡва** — **такѡва** (им. ж. р. ед. ч. и ср. р. мн. ч.; гл. «Чудо о трех воеводах»)¹¹.

С конечного на предконечное исправлено ударение в **самѡго** (*чудо о Петре*), **самѡмъ** (*чудо о половчине*). Так же слово акцентуировано в других текстах: **по самѡго** *ПМ*, **самѡмъ** (*Житие*), **ѡ тогѡ самѡгъ** (гл. «Сказание о трех девицах»), **самѡгъ видѣ**, **дверн... самн ѡверзѡшася** (гл. «О шествии в Палестину»), **ѡ самѡгъ корене** (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), **на самѣхъ** (= 1680 г., гл. «Чудо о трех воеводах»).

В правке прослеживается тенденция к флексийному ударению существительных **кончинѡ** и **пѣчинѡ**: **ѡ пѣчинѣ** (*чудо о муже*), при изменении формы **ѡ пѣчинѣ** (*чудо о трех иконах*), предположительно **въ пѣчинѣ** (*чудо о Дмитрии*)¹²; **кѡчиннѣ** (*чудо о детище*), сохраняется **по кончинѣ** (*чудо о муже*). Такое же ударение в этих существительных отмечается в *Житии*: **пѣчинѣ** (2 раза, гл. «О преставлении»; в книге 1680 г. один раз **пѣчинѣ**, у второй словоформы эквивалент отсутствует), **до... кончиннѣ**, **ѡ пѣчинѣ**, **въ пѣчинѣ**. Колебание в словоформе **ѡ пѣчинѣ** (гл. «О шествии в Палестину»), далее **въ пѣчинѣ**. Акцентовка **пѣчинѣ** осталась в *чуде о муже* и в *Житии* (гл. «Чудо о трех воеводах»).

Отчасти упорядочено ударение существительного **мѡжъ**, в основном встречающегося в *Житии*: **трѣ мѡжи** (вин.), без знака **трѣ... мѡжи** (им.), **мѡжѣй** (= 1680 г.), **ѡ трѣхъ мѡжѣхъ** (гл. «Сказание о трех мужех»), **на мѡжи** (1680 г. **на мѡжѣ**), **трѣ / мѡжи** (вин.; 1680 г. **трѣ мѡжѣ**), **мѡжи** (вин., = 1680 г.), **мѡжѣй** (2 раза, = 1680 г.), **трѣмъ мѡжемъ** (1680 г. ... **мѡжѣмъ**), **ѡ мѡжѣхъ** (1680 г. **ѡмѡжѣхъ**) (гл. «Чудо о трех воеводах») при нескольких заменах **мѡжи** на **воеводы** в этой главе в издании 1700 г.; **мѡжѣе**, **мѡжѣй** (1680 г. **мѡжѣй**), **кѡ мѡжѣмъ** (гл. «О преставлении»), **мѡжѣмъ** (гл. «О поставлении в епископство»), **трѣ мѡжи** — **трѣ мѡжи** (вин., *чудо о попе Христофоре*), **мѡжи** (вин.; 1680 г. **мѡжѣ** *ПМ*), **мѡжѣй** (*ПМ*). В общую картину вписывается правка **Кнѡзѣмъ** — **Кнѡзѣмъ** (дат.) в *чуде о половчине*.

Предпочтительным в «Николине житии» 1700 г. является ударение **невидѣмъ** (*чудеса о Петре, о юноше Николе, о ковче*), хотя осталось **невидѣмъ** в *чуде о злате*, **невидѣмъ** при **невидѣмаа**, **невидѣмо** в *чуде о половчине*.

¹¹ В *Житии* встретилось (без эквивалента в книге 1680 г.) **ѡкакѡваа** (гл. «Сказание о трех девицах»).

¹² В издании 1680 г. **ѡ пѣчинѣ**, а в книге 1700 г. без акцентного знака **въ пѣчинѣ**, при этом **ѣ** не имеет мачты: такой вариант буквы обычно используется при постановке над ней вариации.

Единым оказывается ударение в приставочных производных существительных мужского и женского рода и образованных от них прилагательных: **к̑́ н̑́рѡдѸ** (2 раза) (*Житие*), **н̑́рѡда**, **Н̑́рѡнѡе** (гл. «О поставлении в епископство»), **ѣ́ Н̑́рѡднѡй пѡдвигѣ** (гл. «О шествии в Палестину»), **н̑́рѡдѣ** (= 1680 г.; гл. «О разорении храма Артемиды»), **вс̑́ен̑́рѡднѡмѸ** (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), **н̑́рѡдѡвѣ**, **ѣ́ н̑́рѡднѡй**, **вс̑́ен̑́рѡднѡе** (*ПМ*), **на вѡздѡхѣ** (*Житие* гл. «О разорении храма Артемиды»), **вѡздѡхѣ** (гл. «О преставлении»), **н̑́н̑́в̑́н̑́стна слѡва** (гл. «О шествии в Палестину»), **з̑́ав̑́истнѡе** (гл. «Како темницу прият»), сохранено **з̑́ав̑́истнѡя** (гл. «Чудо о трех воеводах») ¹³, **ѡ́н̑́п̑́асти** — **ѡ́... н̑́а/п̑́асти**, **ѡ́... н̑́ап̑́асти** (1680 г. **нап̑́а^{ст}**) при одинаковом **ѡ́ н̑́ап̑́асти** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **ѡ́ з̑́аповѣдей** (гл. «Како избавил корабль от потопа»); **ѣ́ з̑́ако́нѡм̑́** (*Житие*), **з̑́ако́ннѡмѣ** **бра́комѣ**, **по з̑́ако́нѸ**, **з̑́ако́нѡмѣ** (тв.; гл. «Сказание о трех девицах»), сохранено **з̑́ако́нѣ** (гл. «Чудо о трех воеводах»); **ѡ́ грѣх̑́а безз̑́ако́ннагѡ** (гл. «Сказание о трех девицах»), **безз̑́ако́ннѡя** // (гл. «Чудо о трех воеводах»).

Уже в первом киевском издании «Николина жития» изменено на суффиксальное ударение глаголов на *-ство-* и глаголов с суффиксом *-ова-*. Во втором издании справщики соблюдают такую же акцентовку, что хорошо видно по *Житию* и *ПМ*, где появляются новые словоформы: **дѣ́йствѡв̑́ати**, **совѣ́тов̑́а**, **прѡ́рч̑́ествов̑́а**, **тре̑́б̑́в̑́ющѡмѣ** (*Житие*), **бл̑́годѣ́т̑́ествов̑́а** **в̑́аше**, **бл̑́годѣ́т̑́ествов̑́ющею** (гл. «Сказание о трех девицах»), **ползѡв̑́ах̑́сѧ** (гл. «О шествии в Палестину»), **м̑́р̑́ств̑́ющеи**, **тре̑́б̑́етѣ** (гл. «О поставлении в епископство»), **м̑́р̑́дов̑́авѣ** (гл. «О гладе в Ликии»), **И̑́н̑́ч̑́еств̑́ющеи** (гл. «О преставлении»), **жит̑́ел̑́ств̑́ющеи**, **содѣ́лов̑́ах̑́сѧ** (*ПМ*) при **пом̑́аз̑́ющеѧ** (гл. «О преставлении»); осталось **сѣ́тов̑́аннѡмѣ** (тв.), **дар̑́ѡ**, **по дар̑́ов̑́ан̑́ѣи** (1680 г. **по дар̑́ов̑́ан̑́ѣи**; гл. «Чудо о трех воеводах»). В *чуде о ковре* появилось существительное **без̑́ пр̑́аз̑́нов̑́ан̑́ѧ**; **п̑́раз̑́нов̑́ан̑́ѧ** имеется в *ПМ*.

Изменено на конечное ударение в аористе **воз̑́нич̑́е**, **дост̑́иж̑́е**, **пост̑́ыж̑́е** и **пост̑́иж̑́е**, хотя появилось при замене формы **ист̑́ор̑́ж̑́е**. Конечное ударение в этой форме отмечается в разных главах *Жития*: **вер̑́ж̑́е**, **вѣ́вер̑́ж̑́е**, **ѡ́вер̑́ѣт̑́е**, **вѡ́д̑́виж̑́е**, **дост̑́иж̑́е**, **о́ц̑́стр̑́ѣт̑́е**.

В «Николине житии» 1680 г. у *-ен-*причастий глаголов а. п. *a* и *b* ударение менялось на суффиксальное. Та же тенденция представлена во втором издании: **о́ц̑́п̑́рав̑́лен̑́** — **о́ц̑́п̑́ра/в̑́лен̑́ѣ** (*чудо о ковре*), **не зам̑́ед̑́лен̑́й** — **не зам̑́ед̑́лен̑́н̑́й** (*чудо о половчине*) ¹⁴, **о́ц̑́в̑́ѣен̑́** — **о́ц̑́в̑́ѣен̑́ѣ**, **о́ц̑́в̑́ѣен̑́ѣ** — **о́ц̑́в̑́ѣен̑́ѣ** (*чудо о монастыре*), без эквивалента **ис̑́п̑́ровер̑́ж̑́ен̑́ бѣ** (*чудо о трех иконах*), **смысл̑́ен̑́ѣ** (*чудо о половчине*), **ис̑́з̑́ав̑́лен̑́н̑́йже** (мн. ч.; *Житие* гл. «Сказание о трех мужех»), **о́ц̑́мол̑́ен̑́ѣ** (гл. «О поставлении в епископство»), **о́ц̑́к̑́раш̑́ен̑́н̑́ю** (там же), **о́ц̑́к̑́раш̑́ен̑́на** (им. ж. р.; гл. «О разорении храма Ар-

¹³ В *Житии* (без эквивалента в книге 1680 г.) **ѡ́ з̑́ав̑́ист̑́а́йв̑́ыхѣ** (гл. «Сказание о трех мужех»).

¹⁴ В *Житии* (гл. «Чудо о трех воеводах») **не ме́дл̑́ѧ**. В *чуде о половчине* осталось **ме́дл̑́иши**, в *чуде о Петре ме́дл̑́итѣ.*

темиды»), **оудобрѣнѣ** (= 1680 г.) (гл. «Како темницу прият»), **ѡсѡждѣннѣхъ** (гл. «Сказание о трех мужех»), **смѣшѣнѣ** (гл. «О преставлении»), **ѡ... намѣрѣннѣхъ** (гл. «Сказание о трех девицах»), **въ намѣрѣннѣю... странѣ** (гл. «О шестви в Палестину»), **намѣрѣннагѡ** (гл. «О преставлении») ¹⁵, хотя **оувѣрѣнѣное** (вин., «вверенное») **стадо** (гл. «О поставлении в епископство»).

В *-ен*-причастиях от глаголов а. п. с отмечается правка как на суффиксальное ударение, так и на накоренное. В итоге в одних и тех же причастиях акцентовка может различаться: **растворѣннѡ** (сказуемое; *Житие* гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), **затѡврѣннѣное** (гл. «О шестви в Палестину»; в *чуде о злате* осталось **затѡврѣнѣ**); **порѡчѣннѣное** — **порѡчѣннѣное** (*чудо о половчине*), **порѡчѣннаѡ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»); **пренесѣнѣ** — **пренесѣнѣ** (*чудо о сарацине*), **донесѣна** — **донесѣннаѡ** (*Житие* гл. «Како темницу прият»), **принесѣннѣмѣ** (дат.), **принесѣнѣ** (1680 г. **принесѣнѣ**), **пренесѣннаѡ** (им. ж. р.; *ПМ*), без эквивалента **изнесѣннѣный** (*чудо о трех иконах*), **положилѣ бѣ** — **положено**, **златѡ** / **положеннѣное** — **златѡ положеннѣное** (*чудо о злате*), осталось ударение **ѡбложѣнѣ** в *чуде о Петре*, **положена сѣтъ** в *чуде о детице*; **цѣло/мѡдрѣнѣ** (*чудо о половчине*) при **зломѡдрѣнаго** (*Житие* гл. «О пришествии на I Вселенский собор»); **имѣненѣ** — **измѣненѣ** (*чудо о муже*); **дѣри... заключѣннаѡ** (*Житие* гл. «О шестви в Палестину»), **всаженѣ** — **всаженѣ** (гл. «Како темницу прият»).

В *-н*-причастиях разных глаголов следует отметить правку **свѡзѡаны** — **свѡзѡаны** (вин., *Житие* гл. «Сказание о трех мужех»), когда происходит возвращение к акцентовке московского издания, а также словоформы **вѣнчѡнѣ** (гл. «О шестви в Палестину»), **вѡпаннѣное** (гл. «О шестви в Палестину»), без эквивалента **собрѡннѣ** (дат., *чудо о муже*).

В других причастиях встретилась замена **немѡгѣи** — **не могѣи** (*чудо о ковре*), **избѡвивѣый** — **избѡвѣый** при одинаковом **избѡвѣый** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»), **вѣдѡщи^м** — **невѣ/дѡще** (гл. «Чудо о трех воеводах») при обычном ударении **вѣдѡще** (гл. «О шестви в Палестину»), **свѣдѡщи^с** (гл. «О поставлении в епископство»), **вѣдѡще** (1680 г. **свѣдѡще**; гл. «Чудо о трех воеводах»), **вѣдѡщи^н** (там же), **не вѣдѡще** (гл. «О преставлении») ¹⁶.

В *чуде об Агрике* сохраняется отмечаемое в западной зоне ударение **красѣнѣ**; дополнительные примеры появились в *Житии*: **красна в ѣности старѡсть** (*Житие*), **три дѡщѣри лицѣмѣ сѣло красны** (гл. «Сказание о трех девицах»).

Благодаря правке **надолзѣ** — **на долзѣ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах») одинаковой стала акцентовка наречия, которое в *чуде о ковре* в изданиях 1680 г. и 1700 г. осталось с таким же ударением, как и в московской книге 1662 г.: **на долзѣ**.

¹⁵ Глагол с тематизацией ударения; ср. ударение существительного **намѣрѣнѣ** (*Житие* гл. «Сказание о трех девицах»).

¹⁶ Другие формы: **вѣдѡ^т ли**, **вѣдѡше** (*Житие* гл. «Сказание о трех мужех»).

При правке **развѣ** — **рѣзвѣ** (*чудо о сарацине*) и **нѣкотѣрый** — **нѣкото-рый** (*чудо о муже*) отклонение, встречающееся также в памятниках восточной зоны, заменено на обычное ударение слова; см. [Зализняк 2014: 590, 417].

Изменение **вєслѣмъ** — **вѣсламъ** (*чудо о Симеоне*) вернуло в киевское издание 1700 г. такое же ударение словоформы, какое было в московской книге 1662 г.

У ряда слов правка отражает их иное ударение в книге 1700 г., в том числе из-за принадлежности к другой а. п.: **вѣтрѣлѣ** (*чудо о Дмитрии*), **вѣтрѣла** (вин.), **вѣтрѣлѣвѣ** (*чудо о муже*), хотя в *Житии* есть **вѣтрѣла** (вин.; гл. «О шестви в Палестину») при **вѣтрѣлѣмъ** (дат.; гл. «Чудо о трех воеводах»); **пѣститисѣ** (*чудо о сарацине*; в *Житии* **пѣстити** без эквивалента в книге 1680 г.); **прѣсфоры** (*чудо о ковре*); **порѣдѣ** (*чудо о сарацине*), **по рѣдѣ** (3 раза в *чуде о половчине*; *Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»), **старѣйшинѣ** (*чудо о Петре*, *Житие* гл. «Како темницу прият»), **на... старѣйшинѣ** (*Житие* гл. «Сказание о трех мужех»)¹⁷.

Ударение местоимения **сицевѣи** соответствует а. п. *с* (как в московском издании 1662 г.): **Ѣицевѣа** — **сицевѣа**, **сицевѣа** — **Ѣицевѣа** (вин.) (*Житие* гл. «Сказание о трех мужех» и «Чудо о трех воеводах»).

Можно предполагать принадлежность к а. п. *с* двух глаголов: **-стѣпити**, у которого в книге 1700 г. ударение исправлено на **да ѡстѣпѣиши** (*чудо о ковре*), и **оѣцѣломѣдритисѣ** с изменением ударения на **оѣцѣломѣритсѣ** (*чудо о Петре*). С акцентуацией соответственно по а. п. *b* и *с* связана правка **поклонѣтсѣ** — **поклѣнитсѣ** (*Житие*), **ѡпѣстиши** — **ѡпѣстиши** (гл. «Чудо о трех воеводах»)¹⁸.

Глагол **тѣворити**, у которого в книге 1680 г. представлено колебание ударения, в издании 1700 г. акцентуирован по а. п. *b*: ударение изменено на накоренное в **тѣвориши** (*чудо о попе Христофоре*), **сотѣвориши** (*чудо о Петре*), **сотѣвори** (*чудо о ковре*), **тѣвритѣ** (*чудеса о сарацине, о половчине*); в *Житии* **да сотѣвритѣ** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **сотѣвритѣ** — **сотѣвритѣ** (гл. «Како избавил корабль от потопа»), **тѣвритѣ** (гл. «Сказание о трех девицах»). Однако в *чуде о Петре* осталось (как пропущенное?) **сотѣвориши**.

При правке **прѣзри** — **призри** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах») акцентовка по новой а. п. *a* с неподвижным ударением на приставке заменена на ударение по а. п. *с*.

¹⁷ В первом издании во втором *чуде о царе Стефане* ударение изменено в слове **вѣрѣда**. Во втором издании встретилось **вѣрѣдѣ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»).

В этом же произведении встретилось: **вѣзчислѣнное** (гл. «О преставлении») **ѣ кѣпелѣ**, **сѣсца** (род.), **сѣсецѣ** (род.), **ѡ пелѣнѣ**, **кѣнцѣмъ**; в *ПМ* **вѣ ѡаллѣхъ**, **Лицѣ** (вин.), **нарочѣтые**, **Цѣркѣиже** (вин.), **множествѣ** (им.), **на мѣстѣ пѣстомъ**, **скѣрѣе**, **ѣ Четвертѣкѣ**, **Вѣ вѣторѣкѣ**, **хромѣи**, **слѣпѣи**, **глѣсѣи** (им).

¹⁸ Из *Жития* и *ПМ* можно привести выборочно еще несколько слов: **погѣби**, **воспѣтити**, **оѣстрой** (гл. «О преставлении»), **да прѣсѣвѣтитсѣ** (гл. «О поставлении в епископство»), **былѣ бы** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **прѣсѣвѣтитсѣ**; **иѣзриши**, **вѣзѣмѣтѣ**, **не былѣи**, **непрѣ/стаѣхѣ** (*ПМ*).

Ударение членного прилагательного **злѣтѣоу**, **злѣтѣю** (при нечленном **злѣто** и отсутствии эквивалента второй словоформы в книге 1680 г. в *Житии* в гл. «Чудо о трех воеводах») соответствует а. п. а. Однако здесь нельзя исключить книжной акцентовки слова.

Новое ударение фиксируется в **ползѣа** (*чудо о юноше Николе*), **женѣами** — **женѣами** (*Житие*; возможно, сюда же **женѣны** (им.) в *ПМ*), **ѣдинакѣ** — **ѣдинакѣ** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **къ немѣ прилѣжитѣ** (1680 г. **прилѣжѣ**; гл. «Чудо о трех воеводах»), **состарѣвшѣа** (им. мн. ч.) (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»).

Ударение на суффиксе и (преимущественно) на корне отмечается у глагола **гнѣватѣа**: правка сделана в **разгнѣвавѣжѣа** (*чудо о попе Христофоре*), а в *чуде о детице* и в *Житии* в гл. «Чудо о трех воеводах» осталось соответственно **не прогнѣвайѣа**, **негнѣвайѣа**, в гл. «О преставлении» при отсутствии эквивалента в книге 1680 г. **гнѣваа**, в *ПМ* **прогнѣваемѣ**.

Изменена акцентовка заимствования **Ѡромѣтъ** — **Ѡромѣтъ** (род.; *чудо о муже*). Новый вариант соответствует ударению формы родительного падежа в языке-источнике (греч. ἄρωμα, ἄρωματος)¹⁹.

В издании 1700 г. в сказаниях устранены редкие еще остававшиеся случаи оттяжки ударения на предлог у существительных а. п. с: **по сѣхѣ** (*чудо о Симеоне*), **по мѣрю** (*чудо о сарацине*), однако в *Житии* появился новый пример такого рода: **вержѣ на землю** (1680 г. **вержѣ на землю**; гл. «Сказание о трех воеводах»). При этом во всех киевских публикациях, включая книгу 1738 г., остается **наполю** (*чудо о Симеоне*)²⁰.

В том же *Житии*, где ориентация на предшествующее издание из-за несходства текста была минимальной и справщики чувствовали себя свободнее, появилось конечное ударение в презенсе глагола **Кѣамѣ градѣтѣ** (гл. «О преставлении»).

Едва ли есть изменение ударения в союзе **или**: **Ѡли** — **Ѡли** (*чудо о половчине*), **Ѡли** — **Ѡли**, **Ѡли** — **Ѡли** (2 раза; *чудо о ковре*), ср. в *чуде о Петре* **Ѡли** — **Ѡли**, в *чуде о детице* **Ѡли** — **Ѡли**. Поскольку в книге 1700 г. оксия в исю выступает как акцентный и как неиктусный знак, на фоне исконного **Ѡли** написание **Ѡли** может не передавать новое ударение **Ѡли**.

В публикации 1700 г. чаще отмечается дефинализация ударения. Ее можно предполагать в словоформах **Ѡ ... Ѡѣды** (*чудо о Петре*), **Ѡѣды** (вин.; *чудо о Дмитрие*), **сѠѣщи** (вин.; *чудеса о ковре, о муже*), **сѠѣщѣ** (*чудеса о юноше Николе, о детице*), **Ѡскѣни** (*чудо о злате*), **къ немѣ** — **къ немѣ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»); возможно, сюда же **хѣщѣ** (*чудо о половчине*), **мѣждѣ** (*чудо о половчине*), **вѣздѣ** (*чудо о трех иконах*; в *чуде о детице* осталось **вездѣ**), **клевѣты** (вин.) при **клевѣтѣ**, **клевѣтѣ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»; в книге 1680 г. **клевѣты** при отсутст-

¹⁹ В *Житие* (гл. «Сказание о трех мужех») добавлено заимствование **спекѣлѣтора** (греч. σπεκουλάτωρ «тюремщик, тюремный сторож»).

²⁰ Такое же ударение в московском издании 1725 г.

вии эквивалента для двух других словоформ), **никѡгѡже** (*чудо о Петре*), **никѡмѡже** (*чудо о злате*), **никѡмѡже** (*Житие*, гл. «Сказание о трех девицах»), **ни кѡмѡже** (гл. «О шествии в Палестину»), **мѡлѡбѡми** — **мѡлѡбѡми** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **мѡлѡбы** (вин.; гл. «О шествии в Палестину»), (**вѡлѡвѡзнемѡ...**) **цѡлѡбы ѡщѡще** (гл. «О преставлении»), **цѡлѡбы** (вин.; *ПМ*).

В целом в «Николине житии» 1700 г. сохраняется ударение **пѡти** (*чудеса о юноше Николе, о монастыре, Житие* гл. «О преставлении»). При этом имеется несколько словоформ без акцентного знака и отмечается отсутствие дефинализации в примере **по пѡти** / (*чудо о юноше Николе*), а также в словосочетании **пѡти... ѡтсѡ** (*Житие* гл. «О шествии в Палестину»), **пѡти ѡтсѡ** (1680 г. **пѡти ѡтсѡ**; гл. «Сказание о трех мужех»), **пѡти ѡшасѡ** (= 1680 г.; гл. «Чудо о трех воеводах»).

Во втором издании оказались словоформы без дефинализации ударения, которая была у них в книге 1680 г.: **вопрѡки** — **вопрѡки** (*чудо о попе Христофоре*), **ѡ рѡцѡѡ** — **ѡ рѡцѡѡ** (*чудо о Петре*).

В книге 1700 г. поставлено ударение в формах нечленного прилагательного **мѡкра** (род.—вин.; *чудо о Дмитрии*), **мѡкрѡ** (вин.; *чудо о детуше*). По двум словоформам трудно установить, имеется ли здесь дефинализация или принадлежность к другой а. п.²¹

Изменено ударение **главѡ** (*чудо о попе Христофоре*; ниже осталось **главѡ**), **главо** (*чудо о злате*), **над главою** (*чудо о трех иконах*) при **главою** без акцентного знака (*чудо о половчине*) и **главы** (род.) в *Житии*. Причиной правки могла быть как дефинализация (и колонное ударение), так и книжная акцентовка славянизма.

Хотя в целом изменение ударений в «Николине житии» 1700 г. было направлено на устранение отклонений и колебаний, в том числе обусловленных параллельной акцентуацией слова по разным а. п. и сохранением акцентного варианта восточной зоны наряду с употреблением западного, в книге осталось и появилось некоторое количество «неупорядоченных» слов и форм.

В *Житии* встретилось **ѡ Дѡмѡ** при обычном в чудесах и далее в том же *Житии* **въ домѡ**. Обе акцентовки встречаются в западной зоне [Зализняк 1985: 369].

Правка в местоимении **(ни)кой** не устранила акцентуации по а. п. *a* и *b* (см.: [Зализняк 2014: 366]): **кѡимѡ** — **кѡимѡ**, **ни кѡѡже** — **никѡѡже** (*чудо о муже*), с дефинализацией **никѡѡѡже** — **никѡѡѡже** (*чудо о попе Христофоре*), **кѡѡѡ** (*чудо о половчине*); без акцентного знака **никѡѡѡже** (*чудо о Петре*); осталось **ни на кѡѡѡже** в *чуде о ковре*.

Изменение ударения **въ малѡѡ** — **ѡ малѡѡ** (*чудо о сарацине*) является еще одним редким примером, когда акцентный вариант западной зоны правится на восточный. В *чуде о половчине* осталось **Малѡимѡ** (дат.), в *чуде*

²¹ Полные формы прилагательного относятся к а. п. *a*, краткие — к а. п. *b* [Зализняк 2014: 417].

о монастыре — *мáлое* (вин.); в *Житии* встретилось *ѣ́ малой клѣтѣ* (гл. «О шестви в Палестину»), *мáлѣмъ днѣмъ* (гл. «О поставлении в епископство»); возможно, было *ѣ́ малой ладїи* (гл. «О преставлении»): на месте потенциальной оксии едва видно что-то похожее на след от знака.

Во втором издании «Николина жития» в именительном и винительном падежах мн. ч. существительного *дѣло* отмечается флексийное и наосновное ударение: *дѣла́* (*чудо о злате, Житие* гл. «Чудо о трех воеводах» и «Како избавил корабль от потопа»), *дѣла* (*чудо о муже, Житие* гл. «О поставлении в епископство»), без акцентного знака *дѣла* в *чуде о муже*. В книге представлена компромиссная акцентовка форм, отмечаемая в западной зоне [Зализняк 1985: 254, 256]. В местном падеже имеется наосновное ударение, также характерное для западной зоны: *ѣ́... дѣла́ѣ* (*Житие* гл. «О поставлении в епископство»).

Встретившиеся формы существительного *свобода* акцентуированы по а. п. с: *свобода́, на свѣбодѣ́* (*Житие* гл. «Како темницу прият»), прилагательное (и наречие) — по а. п. а: *свободнымъ* — *свѣбоднымъ* (тв.), *свѣбодно* (1680 г. *свѣбодно*; гл. «Сказание о трех воеводах»), *свѣбоднѣ́* (*чудо о половчине*), в *чуде о Петре* осталось *на... свѣбодный*. Одинаковое ударение в глаголе *свободї* (гл. «Чудо о трех воеводах»).

В «Николине житии» 1700 г. редактирование акцентуации коснулось глаголов с тематизацией ударения. Однако правка была эпизодической, остались как формы с тематизацией, так и без нее. Об их равноправном употреблении свидетельствуют примеры из *Жития*, в котором акцентовка не поддерживалась предшествующим изданием из-за разных версий текстов.

В сказаниях тематизация устранена в *послѣшаеши, послѣшай* (*чудо о Петре*; в *чуде о злате* сохранилось *ѡслѣшаешсѧ*). В *Житии* чаще используются формы этого глагола с тематизацией ударения: *неѡслѣша́/стасѧ* (*Житие*), *послѣшавше, слѣшамъ, ѣ́ прислѣшающи́, послѣша́мъ* (гл. «О поставлении в епископство»), *неѡслѣшасѧ* (гл. «О гладе в Ликии»), *послѣшаша* (гл. «О преставлении»). Прежнее ударение осталось в *непослѣшаеши* (гл. «Чудо о трех воеводах»). Колебание ударения в *послѣша́етъ* (*ПМ*).

Аналогичная правка сделана в *слѣшавше* (*чудо об Агрике*). В *Житии* имеется *оуслѣшѧ, слѣша́ѣ* (гл. «О шестви в Палестину»), *слѣшавъ, оуслѣшѧ* (гл. «О поставлении в епископство»), *слѣшастѣ* (гл. «О гладе в Ликии»), *слѣшаша* (гл. «Како избавил корабль от потопа»); одинаковое ударение *слѣшаны* (гл. «Чудо о трех воеводах»).

В причастиях *славѧ* и частотном *славѧще* остается прежнее суффиксальное ударение, которое появилось также при правке на *славѧще* в *чуде о трех иконах*. В остальных формах глагола — *славити(сѧ)* ударение накоренное (см. *чудеса о трех иконах, о половчине, о злате, о Симеоне*); соответствующая правка сделана в *прославитисѧ* (*чудо о Симеоне*), хотя далее осталось *прославѧжесѧ*.

В формах глагола *видѣти* ударение изменено, с одной стороны, на *видѣша, видѣ́, видѣхъ* (*чудо об Агрике*), *видѣ́* (*чудеса о юноше Николе, о*

Симеоне), **вѣдѣщи** (чудо о юноше Николе), с другой стороны — на **вѣдѣвъѣ**, **вѣдѣвшѣ** (чудо о трех иконах; без правки в этом тексте **вѣдѣ** (2 раза) и **вѣдѣти**). Формы с накоренным ударением остались во многих сказаниях: **вѣдѣ**, **вѣдѣте**, **вѣдѣлъ** (чудо о монастыре), **вѣдѣша**, **вѣдѣ** (чудо о Дмитрии), **вѣдѣвшѣ** (чудеса о юноше Николе, о сарацине), **вѣдѣша** (чудо о муже), **вѣдѣвъѣ** (чудо о злате), **вѣдѣти** (2 раза), **вѣдѣвши** (при изменении формы; чудо о половчине). В чуде о злате в обоих изданиях **вѣдѣхѣ**. В чуде о детище одна и та же форма имеет разное ударение: **вѣдѣста** и **вѣдѣста**. Варьирование ударения представлено в *Житии*: **вѣдѣ**, **вѣдѣвъѣ**, **вѣдѣти**, **вѣдѣ** (неоднократно), **вѣдѣвый**, да **вѣдѣтъ**, **вѣдѣ**, **вѣдѣша** (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), **вѣдѣ** — **вѣдѣ** (гл. «Сказание о трех мужех»), **вѣдѣша** (гл. «Како избавил корабль от попопа»); одинаковое ударение в двух книгах **вѣдѣ**, **вѣдѣвъѣ**, **вѣдѣша**, **все-вѣдѣще** (там же). В целом в аористе чаще встречается ударение **вѣдѣ**. В правке **позавѣдѣ** — **позавѣдѣ** (гл. «Чудо о трех воеводах») вероятно смысловое влияние акцентовки существительного **завѣсть**.

Глагол **плакати** благодаря правке **плѣчаса** (чудо о Петре), **плѣкашеса** (чудо о трех иконах) в издании 1700 г. уже не относится к глаголам с тематизацией ударения. Накоренное ударение также в **плѣкавъѣ**, **плѣкахѣ** в *Житии* (гл. «Чудо о трех воеводах»).

В книге 1680 г. у глагола **-полнити-** форм с тематизацией ударения было большинство. Во втором киевском издании такие же формы появились в сказаниях в результате правки: **наполнѣнномѣ** (чудо о ковре), **исполнѣ** (чудо о детище). В обоих изданиях в чуде о половчине в форме I л. ед. ч. ударение **исполнѣ**. Подобные формы употребляются в других текстах: **наполнѣвшѣ** (ПМ), **исполнѣвса** (Житие), **исполнѣв/шеса** (гл. «О поставлении в епископство»), **наполнѣвшѣ** (гл. «О гладе в Ликий»), **исполнѣвъѣ** (гл. «Сказание о трех мужех»), **исполнѣти** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **исполнѣнѣ** (1680 г. **исполнѣ**; гл. «О преставлении»), **исполнѣ** (гл. «О преставлении»); одинаковое ударение в двух книгах **наполнѣвшѣ** (там же). Исключением является **исполнѣтъ**, оставшееся в *чудесах о Петре, о ковре*.

С тематизацией ударения связана правка **влѣшеса** — **влѣшеса** (чудо о Симеоне), **вѣчѣвшимса** — **вѣчѣвшимса** (чудо о злате).

В других глаголах с тематизацией ударения в сказаниях о чудесах изменений не встретилось²².

Колебание ударения, выраженное постановкой в одной словоформе двух акцентных знаков, в «Николине житии» 1700 г. встречается

²² Из *Жития* можно привести еще **оумножити** (Житие гл. «Сказание о трех девицах»), хотя **оумножиласа** (чудо о злате), **возвѣлѣ** (гл. «О преставлении»), хотя **возвѣлѣвшѣ** (чудо о муже), **помазѣ** (гл. «О поставлении в епископство»), **сподобѣтса** (Житие), **сподобѣшаса** (гл. «Сказание о трех мужех»), **сподобѣны выша** (гл. «Чудо о трех воеводах»), **содѣлѣ**, **надѣлѣшеса** (гл. «О шествии на I Вселенский собор»), а также существительное **дѣлѣтель** (гл. «О пришествии на I Вселенский собор»), хотя в *чуде о ковре* осталось **дѣлѣти**.

редко²³. В **ѣ рѣкѣ** (*чудо о детище*) фиксируется старое и новое ударение (ср. **и́з рѣкѣ**, **по рѣцѣ**). В **вѣкѣвъ** (*чудеса о Петре, о сарацине*), возможно, отражается старая а. п. *d, ср. изменение ударения **по рѣдѣ**, см. [Зализняк 2014: 493, 465].

В **ска́/зѣ́юще** (*Житие* гл. «Сказание о трех мужех») первый знак соответствует обычному ударению глагола в книге: **пока́зовашесѧ** (2 раза), **ска́зѣтсѧ** (*Житие*), **ска́зѣющѣи**, **пока́зоваше** (гл. «О шествии в Палестину»), **пока́зовашесѧ** (гл. «Какое темницу прият»). Второй знак передает ударение, которое было в первом и втором киевском изданиях у глаголов с суффиксом *-ова*²⁴.

При правке **плѣтстѣи** — **плѣтстѣи** (дат.; *чудо о Петре*) в книге 1700 г. повторяется колебание ударения, которое было в московском издании 1662 г.: **плѣтьстѣи**. В *Житии* (гл. «О шествии в Палестину») осталось ударение, которое было в издании 1680 г.: **плѣтскѣи** (в московской книге 1662 г. **плѣтскѣи**).

Два акцентных знака в **прилѣчѣи/шаааа** (*чудо о Дмитрии*) могут отражать ударение по а. п. *c* и новой *b* [Зализняк 2014: 319]; ср. **слѣчитсѧ** (*ПМ*). Акцентовка по новой а. п. *b* представлена в глаголе **разлѣчимсѧ** (*Житие* гл. «Чудо о трех воеводах») в обоих киевских изданиях.

В причастии **оуѣщѣнѣ** (*Житие* гл. «О поставлении в епископство») второй акцентный знак передает обычное ударение глагола **вѣщѣти** (а. п. *a*), а первый знак — новое ударение [Зализняк 2014: 284]. Ср. **оуѣщѣнѣ** (гл. «О шествии в Палестину»).

В заключение анализа правки в «Николине житии» 1700 г. следует сказать об особенностях постановки акцентного знака в связи с написанием некоторых слов. В книге 1680 г. формы аориста и презенса глаголов с приставкой *при-* и начальной гласной корня *-и-* пишутся без акцентного знака, с буквами *-йй-*. В издании 1700 г. при замене буквы *й* > *і* на приставке поставлен акцентный знак: **прійде** — **прійде** (*чудеса о половчине, о монастыре, о ковре, Житие* гл. «Чудо о трех воеводах»), **прійдетъ** — **прійдетъ** (*чудо о половчине*), **пріймемъ** — **пріймемъ**, **пріймешѣи** — **пріймешѣи** (*чудо о ковре*), **пріймемъ** — **пріймемъ** (*чудо о половчине*) и др.

При подготовке третьего киевского издания 1738 г. в распоряжении составителей находились две киевских книги и несколько московских, которыми они и воспользовались.

«Николино житие» 1738 г. базируется на киевской публикации 1700 г., дополненной текстами из московского издания 1725 г. (едва ли более раннего — 1694 г. или 1699 г.). Предисловия «Сказание вкратце о чудесех» в публикации 1738 г. нет. Неслужебная часть начинается *Метафрастовым*

²³ В словоформе **рѣкѣи** (*ПМ*) первый знак может быть ошибкой. В книге 1680 г. в этом месте **рѣкѣи**.

²⁴ В памятниках у глагола встречаются оба ударения: *-казовѣти* [Зализняк 2014: 258].

житием св. Николая, первая часть которого (включая главу «Сказание о трех мужех») взята из московского издания 1725 г.²⁵. Начиная с главы «Чудо о трех воеводах» текст соответствует *Житию* из киевского издания 1700 г., также с редкими текстологическими изменениями²⁶. За *Житием* помещена *Похвала* (нач. **Ктѡ тѡ вѡмѡжетъ...**), извлеченная из московского издания²⁷. Завершает эту часть книги 1738 г. «Сказание о пренесении честных мощей» из киевской публикации 1700 г. (нач. **Въ лѣтѡ бл҃говѣрнаго цр҃ѡ...**)²⁸.

Следующий раздел «Чудес» неслужебной части «Николина жития» по составу стал соответствовать киевской книге 1680 г. и московским изданиям: в нем вновь появились два *чуда о царе Стефане*. Их источником стала московская публикация, видимо, 1725 г. Об этом косвенно свидетельствуют колонтитулы, которые во всех других сказаниях в книге 1738 г. называют раздел, как принято в киевских изданиях (**Чудеса // с. Николѡа**), а в обоих *чудесах о царе Стефане* указывают на текст, как обычно в московских изданиях. В пользу московского источника говорят также названия обоих сказаний и сами тексты²⁹. В первом чуде по сравнению с московским изданием есть небольшая правка, во втором сказании изменений больше³⁰. Иногда меняются знаки препинания и место их постановки.

В книге 1738 г. частично изменены названия двух сказаний. В *чуде о попе Христофоре* появился аорист **избави** вместо прежнего перфекта без связки **избавилъ**. В *чуде о юноше Николе* исключено слово **именемъ** и из-

²⁵ Тексты идентичны; встретился пропуск **же, во**, замена падежа (**стрыю** — **стрыѡ**). При этом сохранены знаки препинания как по виду, так и по месту постановки.

²⁶ В публикации 1738 г. его последняя глава «Сказание о преставлении и о чудеси...», в которой осталась история с сосудом, соответствует двум главам московского издания: «О преставлении» и «О погребении и о чудеси...».

²⁷ На этом же месте текст находится в первом киевском издании 1680 г.

²⁸ В московском издании 1725 г. и киевском издании 1680 г. этому произведению соответствует «Сказание повести еже о пренесении честных мощей» (нач. **Присно оубв ѡ памѡти имѣти...**).

²⁹ 1738 г.: **Чѡдо новѣйшее ст҃ѡгѡ николаѡ ѡ цр҃ѣ стѣфанѣ сербскомѣ, какѡ емѡ ст҃ый николай / по ѡслѣплѣнїи ѡчи на длѡни показѡ. спї/санѡ григорїемѣ монахомѣ и пресвѣтеромѣ, / игѡменомѣ бывшимѣ толѡже ѡвїтели; Ино чѡдо ст҃ѡгѡ николаѡ, ѡ томѡже / цр҃ѣ стѣфанѣ; 1725 г.: **Чѡдо новѣйшее ст҃ѡгѡ николаѡ ѡ цр҃ѣ стѣфанѣ сербскоѣ, какѡ емѡ / ст҃ый николай по ѡслѣплѣнїи ѡчи на длѡни показѡ. Спїсано григорїемѣ / монахомѣ и пресвѣтеромѣ, игѡменомѣ бывшимѣ толѡже ѡвїтели; Ино чѡдо ст҃ѡгѡ николаѡ, ѡ томѡже цр҃ѣ стѣфанѣ. То же в московских изданиях 1679 г., 1694 г., 1699 г., Ср. названия сказаний в первом киевском издании 1680 г.: **Чѡдо ѡ стѣфанѣ царѣ / Сербскомѣ, какѡ емѡ ст҃ый Николае / по ѡслѣплѣнїи ѡчи на длѡни показѡ; Чѡдо ѡ стѣфанѣ царѣ / Сербскоѣ, какѡ ст҃ый Николае Первыи / свѣтъ емѡ даровѡ.******

³⁰ Например, **исполнѡшеса** 1725 г. — **исполннвса** 1738 г., **красѡшеса** — **оукра/шѡсѡса**, (**животѡ лишїсѡ**) / **оумилѣннѡ** — ... **вѣднѡ** и др.

менен падеж имени собственного, что поменяло смысл: **ЧУДО СТГО НИКОЛАА, Ѡ ЮНОШ^н** / **именемъ Николаа нарицаемомъ** 1700 г.; **ЧУДО СТГАГѠ НИКОЛАА, Ѡ ЮНОШИ НИКОЛАЙ** / **нарицаемомъ** 1738 г. В названии юго-западнорусского чуда *о двух младенцах* существительное **младенець** заменено на **юноша**, видимо, в связи с уточнением семантики слова. В этом же названии, а также в наименовании последнего чуда *о двух сосудах* скорректирована форма числительного: **двоухъ** > **двою** и **двоухъ** > **двѣ** соответственно: **ЧУДО СТГО НИКОЛАА Ѡ ДВОУХЪ** / **Млнцахъ идѣщихъ до Ѡниинъ** 1700 г.; **ЧУДО СТГАГѠ НИКОЛАА Ѡ двѣю юношѣ идѣщею** / **до Ѡниинъ** 1738 г.

Редактирование текстов в киевском издании 1738 г. по сравнению с правкой в книге 1700 г. было минимальным. В разных произведениях общими, хотя и непоследовательно проведенными изменениями стали: устранение в глаголах препозиции частицы *ся* и ее дистантного положения: **недоумѣвахъбосѧ** — **недоумѣвахъсѧ бо, сѧ ѡвѣаетъ** — **ѡвѣаетсѧ** (*чудо об Агрике*); употребление стяженных форм прилагательного **прочїи** вместо нестяженных (как в книге 1680 г.); замена флексии **-ѣте** на **-ите** в форме повелительного склонения 2 л. мн. ч. (как в московских изданиях): **идѣте** — **идите**. В разных текстах, где речь идет о сарацинах, существительное **сараціны** заменено на **сраціны**, соответственно прилагательное **сарацінскїи** > **срацінскїи**. Наречие **внезапѣ** заменено на **внезапѣ**. Вместо появившегося в книге 1700 г. прилагательного **Мурейскїи** возвращено употреблявшееся во всех остальных изданиях **мурскїи**³¹. Как общую языковую правку в книге 1738 г. следует отметить устранение фонетических украинизмов, например, **доіха** — **доѣха**. Встречаются замены отдельных форм, редко — лексем и флексий, изменение порядка слов: **Слышахъ** — **слышавше**, **сотвориша** — **сотворише**, **взѧ** — **взѣмъ**, **прѣстоѡщѣ** — **прѣстоѡща**, **се** — **сегѡ** (**не вѣмъ**), **ѡтреню всю** — **ѡтрени всеѧ**, **Бжѣтвеннѡ** / **Лѣтѣрнѡ** — **бжѣтвенна лѣтѣрнѡ**, **Ѡ всѧкихъ** — **Ѡвсѣхъ**, **же** — **во**, (**въ**) **сткланици** — **сткланицѣ**, **Ѡче вѣмъ сегѡ** — **сегѡ вѣмъ ѡче**, (**приведѣ**) **матери сегѡ** — **егѡ матери** (*чудо об Агрике*).

Иногда в книге 1738 г. отмечается возврат к чтениям первого киевского издания 1680 г. и имеются совпадения с московскими изданиями: **нагло** — **напрасно** (= 1662 г., 1679 г., 1725 г., 1680 г.); **ї сѣ внезапѣ въ время ѡтреннагѡ пѣнїа**, **прїидѡша сараціны** — **Бысть же во время ѡтреннагѡ / пѣнїа**, **ї сѣ внезапѣ прїидѡша сраціни** (*чудо об Агрике*; ср. 1725 г. **Бысть же егда во время ѡтреннагѡ пѣнїа** **ї сѣ внезапѣ / прїидѡша сраціни**; то же в книге 1680 г.)³².

³¹ Хотя в *Житии* в гл. «Чудо о трех воеводах» осталось **мурействѣи / цркви**.

³² С московскими изданиями «Николина жития» киевскую книгу 1738 г. объединяет также постановка **ъ**, а не паерка в конце слова, меньшее количество слов с выносной буквой и титлованных, написание не с заглавной, а со строчной буквы многих существительных и редких прилагательных (**пѧмать**, **праздникѣ**, **црковь**, **корѧбль**, **бжѣтвенный**, **црѣвь**, **хрѣтїанскїи** и др.).

Особенно в «Николине житии» 1738 г. интересны новые чтения, совпадающие только с московскими изданиями. В *чуде об Агрике*, например, их четыре: **Блгоговѣненъ** — **блгоговѣннъ**³³, **прочїи** (**лѣты**) — **прешѣдшими**, **Нынѣ** **ненадѣемагъ** **та** **видѣти** / **въ рѣкѣ** **моєю** **держати** — ... **въ рѣкѣ** **моєю** **держѣ** (в книге 1680 г. ... **въ рѣкѣ** **моєю** **держѣ** **ми**), **толико сіа** — **Такваа** **оубв**; в *чуде о Симеоне колѣбленіемъ* (= 1680 г.) — **колѣбаніемъ** (1725 г. **колебаніемъ**). В *чуде о злате* заменена неверная форма местного падежа имени **Ѣпифанїи** на правильный звательный падеж **Ѣпифанїе**, а также появилось существительное **во ѡбиталницѣ** (1725 г. **во ѡбиталницѣ**), как и в московских книгах 1694 г. и 1699 г.) при неправильном **въ ѡбиталницѣ**, **въ ѡбиталницѣ** в киевских публикациях 1680 г. и 1700 г. Подобная правка свидетельствует, что создатели книги 1738 г. не только взяли из московских изданий отдельные произведения, но и обращались к этим публикациям при работе с унаследованными из предшествующего киевского издания текстами. При этом различий осталось намного больше, чем появившихся совпадений³⁴.

При небольшой лексико-грамматической правке кардинально изменена акцентуация сказаний о чудесах. Там не осталось особенностей, характерных для западной зоны. Акцентная микросистема книги стала такой же, какой была в московских изданиях. Отступления объясняются редакторским недосмотром. Одной (если не основной) из причин правки ударений была необходимость сделать акцентуацию единой во всех частях книги: в тех, которые взяты из московских книг, и в тех, которые остались от второго киевского издания.

Упорядочена и стала соответствовать московским изданиям система надстрочных знаков. В итоге *исо*, являясь только иктусным знаком, устранено из других позиций (**Ѧмирѣ** — **Ѧмирѣ** и др.); перед всеми клитиками, включая односложные формы личных местоимений, проставлена оксия (**мечѣ же** — **мечѣ же**, **рци ми** — **рци ми**); ударение ставится и в односложных словах.

Расширена сфера употребления сочетания спиритуса с *варией*. Теперь этот знак ставится не только над местоимениями **Ѧ**, **Ѧ**, но и над начальной гласной в неоднобуквенных местоимениях **Ѧже**, **Ѧмъ**, **Ѧхъ**, как и в московских изданиях. Над последней формой такой знак поставлен в том случае, если она является дополнением (вин. пад.); видимо, в функции определения (род. пад.) форма имеет *исо* (**Ѧхъ**), хотя встречаются отступления.

³³ Аналогичная замена сделана не только в этом сказании, но также в *чудесах о Дмитрии, о сарацине, о трех иконах, о детице*. В московском издании 1725 г. во всех перечисленных текстах используется прилагательное **блгоговѣннъ**.

³⁴ См., например, в том же *чуде об Агрике* только на уровне лексики: 1725 г. **киплѣ** — 1738 г. **Ѧзобилѣа**, **чрево наше** — **оубрѣва наша**, **на разрѣшенїе печѣли** — **на оубрѣненїе печѣли**, **ѣлей** — **масло**, **са кажетъ** — **Ѧвлетса**, **сладкое мое чѣдо** — **любимое...**, **Ѣгда же высть** / **в годъ вечерї** — **Ѧ сѣ во врема вечерї** и др.

В книге 1738 г. появился еще один акцентный знак — камора, которая употреблялась в московских изданиях³⁵: **сѣмъ** — **сѣмъ**, **свѣщѣи** — **свѣщѣи**, **блѣжнѣа** — **блѣжнѣа**, **сѣа** — **сѣа**, **всѣа** — **всѣа**, **оумѣнаа** — **оумѣнаа**, **печѣа** — **печѣа**, **блѣгаа** — **блѣгаа**, **Тѣже** — **Тѣ же** (*чудо об Агрике*), **та** — **та** (*чудо о юноше Николе*), **рѣзы** — **рѣзы** (*чудо о ковре*) и др. Камора выполняет форморазличительную функцию: она передает ударение в формах мн. числа: **вѣрнымъ** (дат.; *чудо о трех иконах*), **вѣлѣкимъ**, **сѣтѣимъ** (дат.), **пѣтѣицы** (им.), **сѣа** (вин.; *чудо о детище*) и др.

Употребление каморы в киевском «Николине житии» 1738 г. несомненно связано с обращением его создателей к московскому изданию 1725 г.

Хотя принцип постановки знака одинаков — маркирование омонимичной формы мн. ч. — круг конкретных позиций в киевской книге оказывается более широким. Это хорошо демонстрируют тексты московского происхождения: два *чуда о царе Стефане* и *Похвала*.

В первом *чуде о царе Стефане* в обоих изданиях камора поставлена только в двух словоформах: **ѣзѣкъ**, **вѣси всѣа**. В остальных случаях камора киевского издания соответствует оксия московской книги. Дважды показателем мн. ч. в московской публикации является **ѡ**, поэтому камора становится лишней: **такѡвѣа**... **вѣщѣа** — **та/ковѣа**...; **Не оумѣнаа же такѡвѣа** — ... **такѡвѣа**. Три раза на мн. ч. указывает узкий или широкий контекст, что также позволяет употребить оксию: **вѣлѣжа^м и пѣрвымъ града** — ... **пѣрвымъ града**; **сло/славноа ѡставѣати** — **сло/славноа ѡставѣати**; **дѣрѣши православноа** — ... **православноа**. Один раз соотношение оказывается обратным, то есть каморе московского издания соответствует оксия киевского: **вѣлки дѣшетѣвноа** — **вѣлки дѣшетѣвноа**. Видимо, в этом случае на контекст ориентировались создатели книги 1738 г.³⁶ Неясна форма **сѣмъ** — **сѣмъ**.

Во втором *чуде о царе Стефане* совпадений и расхождений в употреблении каморы больше. В обоих изданиях знак поставлен в **ѣзѣкъ**; **ѣстѣзѣнѣа хотѣтъ быти** (то же в книге 1694 г.); **колѣна преклѣнь**; **лѣчшаа хотѣа блѣговѣстити**; **сѣдѣмъ лѣтъ** (то же в книге 1694 г.); **пре/мѣрнаа лѣтъаа достѣже** — **премѣрнаа**...; **нѣкаа** (вин.). Камора в киевском издании и оксия или вариация в московском издании употреблена в **тѡвои зѣнѣицы** — **тѡвои зѣнѣицы**; **сѣа црѣа во оумѣвлѣнѣе вложѣша** — **сѣа**...; **сѣа слышавъ** — **сѣа**...; **сѣа оумѣдѣвъ** — **сѣа**...; **ѣлика мнѣ слѣчишасѣа** — **ѣлика**...; **а не дрѣгаа желѣи** — **а не / дрѣгаа**...; **слѣишыа слѣги** — ... **слѣги**; **и тѣмъ мѣръ ѡставѣа** — **и тѣмъ**...; **тѣмъ ... подѣвѣса** — **тѣмъ**...; **повѣдѣтелнаа написѡвѣше** — **повѣдѣтелнаа написѡвѣше**; **ѣлика / самодержецъ повѣлѣа вѣше** — **ѣлика**...; **пѣдаютъ трѣпѣа** — ... **трѣпѣа**; **колѣка трѣпѣа** — **колѣка**

³⁵ Эволюция постановки каморы должна быть темой отдельного исследования; в этой статье приведены лишь отдельные наблюдения.

³⁶ В московском издании 1694 г. камора поставлена в словоформах **ѣзѣкъ**, **дѣшетѣвноа**, **православноа**.

трѣпѣа. Неясна форма в случае величіа вѣіа пропо/вѣдаше — величіа ... . Нередко, когда в киевском издании могла бы быть поставлена камора, употребляется оксия или вария, как и в московской публикации: Сїа ѿнѣ слышавъ; сїа оуѣдѣ; ѿ котораа сїа; вѣра, надежда, любѣвь (ѿ котѣраа... 1725 г.). Постановка каморы в московском издании при оксии в киевском встретила в крѣла нѣкаа — крѣла нѣкаа (вин.).

Такое же соотношение употребления каморы и двух других акцентных знаков представлено в *Похвале*. Камора в обеих книгах поставлена в хрѣтовѣхъ оуѣченѣхъ; тѣнства; сѣымъ... радѣваніе; бѣгопрѣдѣтнѣмъ бѣгови бѣгѣти. Расхождение в выборе акцентного знака имеется в ѿна мнѣга звѣніа — ... звѣніа; жѣртвы — жѣртвы; крѣтокъ / оуѣвѣ бѣгѣмъ — ... бѣгѣмъ; мѣжъ тѣхъ — мѣжъ ...; трѣбница бо ѿдѣлскаа — трѣбница бо ѿдѣлскаа; всѣмъ сопрѣтѣвнѣмъ — ... сопрѣтѣвнѣмъ; всѣмъ ѿспо/вѣдалѣ еси — всѣмъ ...; вѣрнѣмъ всѣмъ... ѿбѣдѣмъ — вѣрнѣмъ всѣмъ... ѿбѣдѣмъ. Камора в московском издании при оксии в киевском встретила в лѣди вѣрнѣа — ... вѣрнѣа; прѣзри на / лѣди вѣрнѣа — ... вѣрнѣа.

Собственно акцентная правка в «Николине житии» 1738 г. сделана в тех текстах, которые восходят к изданию 1700 г. Она затронула все части речи, внутри них — разные группы слов, как в свое время при подготовке первого киевского издания 1680 г. Для демонстрации сделанных в книге 1738 г. изменений далее приведена правка ударения в одном сказании — *чуде об Агрике* (полностью, в порядке следования словоформ в тексте и с совпадениями нового ударения с публикацией 1680 г.): *Агриковѣ* — *агриковѣ*, *ниже* — *ниже*, *Агрикъ* — *агрикъ*, (вѣ)... *странѣ* — ... *странѣ*, *ѿзовѣла* — *ѿзовѣла*, *торжѣственнѣ* — *торжѣственнѣ*, *дѣвѣ* / *трапѣзѣ* — *дѣвѣ* *трапѣзѣ*, *дрѣгѣю* — *дрѣгѣю*, *дрѣгѣмъ* — *дрѣгѣмъ* (1680 г. *дрѣгѣмъ*), *создана* — *создана* (ж. р.), *людѣмъ* — *людѣмъ*, *своѣгѣ* — *своѣгѣ*, *сѣ ѿтрѣки* — *сѣ ѿтрѣки*, *лѣтѣргѣю* — *лѣтѣргѣю*, *оустроѣма* — *оустроѣма* (дв. ч.), *Сїа* — *Сїа*, *своѣгѣ* — *своѣгѣ*, *народы* — *народы*, *Агрикова* — *агрикова*, *сѣло красѣнѣ* — *сѣло красѣнѣ*, *дрѣгѣа* — *дрѣгѣа* (вин.), *сїа* — *сїа*, *постыжѣ* — *постыжѣ*, *глаголахѣ* — *глаголахѣ*, *на ѿдрѣ* — *на ѿдрѣ*, *ѣ болѣзни* — *ѣ болѣзни*, *прѣдали* — *прѣдали*, *глаголющѣмъ* — *глаголющѣмъ*, *глаголахѣ* — *глаголахѣ*, *глаголахѣ* — *глаголахѣ*, *сїа* — *сїа* (вин.), *агрикъ* — *агрикъ*, *идѣ* — *идѣ*, *послѣшай* — *послѣшай*, *прѣимѣмъ* — *прѣимѣмъ*, *прѣимѣ* — *прѣимѣмъ*, *Сїа же* — *Сїа же*, *празднѣющѣхъ* — *празднѣющѣхъ*, *на вечерѣ* — *на вечерѣ*, *трапѣзѣ* — *трапѣзѣ*, *славѣще* — *славѣще*, *вечѣри* — *вечѣри*, *Агрикъ* — *агрикъ*, *ѿтрѣкѣмъ* — *ѿтрѣкѣмъ* (дат.), *ѿтрѣци* — *ѿтрѣци*, *Агрикъ* — *агрикъ*, *видѣша* — *видѣша* (1680 г. *видѣша*), *посредѣ* — *посредѣ*, *Агрикъ* — *агрикъ*, *видѣ* — *видѣ* (1680 г. *видѣ*), *ѿтрѣка* — *ѿтрѣка*, *стклѣницѣ* — *стклѣницѣ*, *проглагола* — *проглагола*, *вѣ оужасѣ* — *во оужасѣ*, *ѿтрѣкѣ же* — *ѿтрѣкѣ же*, *Агрикъ* — *агрикъ*, *ѿли* — *ѿли*, *твоѣмѣ* — *твоѣмѣ*, *ѿтрѣкѣ* — *ѿтрѣкѣ*, *своѣмѣ* — *своѣмѣ*, *на вечерѣ* — *на вечерѣ*, (вѣ) *стклѣницѣ* — *стклѣницѣ*, *восхѣти ма* — *восхѣти ма*, *стклѣницею сѣю* — *стклѣницею сѣю*, *видѣхѣ* — *видѣхѣ* (1680 г. *видѣхѣ*), *сїа* — *сїа* (вин.),

Ѡгрѣкъ — Ѡгрѣкъ, напо^Ѡнѣса — напо^Ѡнѣвса, сво^Ѡегѡ — сво^Ѡегѡ, г^Ѡлѣощи — г^Ѡлѣощи, въ рѣкѣ — въ рѣкѣ (дв. ч. местн.), г^Ѡлѣше — глаго^Ѡлѣше, не^Ѡизглаго^Ѡланнѡ — не^Ѡизглаго^Ѡланнѡ, сла^Ѡвѣще — сла^Ѡвѣще.

По акцентологической правке в одном сказании видно, что в издании 1738 г. имеет место возвращение к акцентуации московских изданий, изложенной при сопоставлении московской книги 1662 г. и киевской публикации 1680 г. Поэтому следует лишь в целом охарактеризовать сделанные изменения. Итак, в киевском издании 1738 г.:

— отсутствует дефинализация ударения, в связи с чем конечным, как в московских изданиях, становится ударение целого ряда слов и форм: с^Ѡлѡ, въ тѡтѣѣ, посре^Ѡдѣѣ, часѡ, на пѣтѣ, на рѣкѣ (дв. ч.), горѣ «вверх», двѣмѡ, негѡ, ниже и др.;

— у существительных ж. р. страна, хвала, похвала отмечается флексивное ударение;

— на флексивное заменено ударение в косвенных падежах существительных а. п. б трѣдѣ, сѣдѣ (сѣдѡмѣ, трѣдѡ, трѣдѡмѣ);

— с предконечного на конечное изменено ударение в род., род.-вин. и дат. падежах ед. ч. притяжательных местоимений мой, твой, свой (сво^Ѡегѡ, сво^Ѡемѣ), в формах ср. р. мн. ч. вин. падежа и ж. р. ед. ч. им., род., вин. падежей указательного местоимения сѣи;

— возвращена отмечаемая в восточной зоне акцентовка приставочных производных существительных нарѡдѣ, напѣсть, Ѡтрокѣ — Ѡтрока и под.;

— в прилагательных а. п. с фиксируется флексивное ударение: морскѣи, болнѣи, честнѣи, градскѣи. В словоформе к плѡтѣстѣи такая акцентовка появилась уже в книге 1700 г. и осталась в издании 1738 г.: плѡтѣстѣи;

— в прилагательных (и наречиях от них), производных от существительных с суффиксом -ство, ударение стало накоренным: торжѣственно, божѣственный, чѣдѡдѣйственнѣи;

— в глаголах с суффиксом -ова- и в глаголах на -ствовать и в их частях ударение изменено на накоренное: военачѡлствѡвѡ, трѣбѣетѣ, извѣствовѡвашѣ, прѡзднѣющѣхъ, житѣлствѡвашѣ, сѣтовѡннѣмѣ и др.³⁷

Особо следует отметить глагол бесѣдовѡти, у которого в предыдущих киевских изданиях акцентуация разная, а в книге 1738 г. она подчинена общему принципу³⁸: бесѣдѡющѡ — бесѣдѡющѡ — бесѣдѡющѡ (= 1725 г.)

³⁷ Такова общая картина. Ср. при лексической правке *Ѡнчествѣющѣи* — *мо^Ѡнѣшествѣющѣи* (*Житие* гл. «О преставлении»). У части глаголов ударение в разных изданиях остается на суффиксе: *сѡдѣловѡхѣса* (*ПМ*), *ликовствѣющѣе* (*чудо о трех иконах*) и др., существительное *ликовствѡвѡнѣа* (*чудо об Агрике*). В *чудесах о царе Стефане* московского происхождения *показѡвѡ* при *показѡвашѣ*, *дѡрѣетѣ* при *новѡдарѡвѡннѣхъ*; в *Житии* гл. «Чудо о трех воеводах» в книге 1738 г. осталась *по дарѡвѡннѣи*.

³⁸ Здесь и далее в примерах три приведенные словоформы соответствуют изданиям 1680 г., 1700 г. и 1738 г., а две — изданиям 1700 г. и 1738 г. Иногда как сравнительный материал приводятся формы из московских изданий (1694 г., 1725 г.)

(чудо о Симеоне), **вѣсѣдѣюща** — **вѣсѣдѣюща** — **вѣсѣдѣюща** (чудо о ковре). У глагола **ѣзобиловати** при обычном суффиксальном ударении (**ѣзѣбѣлѣса** в чуде о трех иконах) фиксируется новое ударение **ѣзѣбѣлѣ** в чуде об Агрике;

— в -н-причастиях от глаголов а. п. с вновь появилась восточная модель акцентовки **созданѣ**, **данѣ**, **прѣданѣ**;

— в -л-причастиях ударение изменено на отмечаемое в восточной зоне **прѣдали**, **было**³⁹;

— в связи с отсутствием тематизации ударения в разных формах целого ряда глаголов ударение оказывается на корне (**слѣшати**, **слышати**, **вѣдати** и др.). Отступление есть в акцентуации причастия от глагола **наполнити**: в чуде о злате встретилось **наполнѣса** при правке глагольной формы **наполнѣса** 1700 г. — **наполнѣса** 1738 г.; ср. в московском издании 1694 г. **наполнѣса**;

— накоренным стало ударение в причастиях от глаголов а. п. а (**слѣва**, **слѣваще**, **хвалѣще**), хотя в чуде о половчине появилось **славѣщи**, не имевшее параллели во втором издании.

Таким же, как в московских изданиях, стало ударение в словах **глаголати**, **глаголь** — **глаголы**, **красѣнъ**, **второй**, **дрѣгій**, **трапѣза**, **волѣзнь**, **недѣль**, **вѣчера** (вѣчера), **злѣба**, **стклѣница**, **хлѣвина** (хотя в чуде о Дмитрии осталась форма род. пад. **хлѣвинны**), **кончина**, **пчѣина**, **храмина**, **старѣйшина**, **работѣ** (хотя в чуде о злате осталось **ѿ работы**), **корабленикъ**, **вѣтрило**, **аравитѣнинъ**, **просфоры**, **ѣноша**, **творѣць**, **златникъ**, **оужасъ**, **житѣ**, **питѣ**, **лѣтѣрѣя**, **ѣзѣвитель**, **оутѣшитель**, **христѣнинъ**, **ладѣи** (хотя один раз в чуде о сарацѣне осталось **въ ладѣю**), **видимый**, **таковый** (при неоднократных отступлениях **Такѣвыми**, **такѣва**, **такѣвы**, **такѣва скорѣв**), **плѣванѣ**, **восхѣтити**, **восхѣщенъ** (хотя в чуде о половчине осталось **ѿ землѣ восхѣщенъ**), **николѣже**, **припадѣти**, **(по)двѣгнѣти**, **мѣщей** — **мощей** и аналогично в других формах слова (хотя осталось **мощамъ**), в глаголах с корнем -вол- **оудѣлити**, **ѣзѣлити**. Ударение изменено в редких словах: **ѣсѣждѣницы** — **ѣсѣждѣницы**, **клеветѣницы** — **клеветѣницы**, **нарѣчѣты** — **нарѣчѣты** (им. мн.), **ходѣтайствѣ** — **ходѣтайствѣ**, **Исмаилѣтѣвѣ** — **исмаилѣтѣвѣ**, **намѣренѣ** — **намѣренѣ**, **прѣвѣрѣтенѣ** — **прѣвѣрѣтенѣ**, **торѣгати** — **торѣгати**, **свѣбоднѣ** — **свѣбоднѣ**, **ѿпѣстиши** — **ѿпѣстиши**, **трѣе** — **трѣе**, **(насъ) трѣехъ** — **трѣехъ**, **дѣшеполѣзными**, **послѣшавѣи**, **бѣговоѣзничѣи**, **добрѣтами**, **щѣдрѣты**, **лѣпотами**, **ѣдинакѣ** — **ѣдинакѣ**. Правка сделана также в формах **скорѣвѣи** — **скорѣвѣи**, **стражѣи** — **стражѣи**, **дарѣвѣ** — **дарѣвѣ**, **градѣвѣ** — **градѣвѣ**, **в...** **Градѣхъ** — **въ...** **градѣхъ**, **мѣжемъ** — **мѣжемъ** (при сохранении **мѣжѣи**, **ѿ мѣжѣхъ**), **пѣчѣстѣми** — **по-**

или указывается такая акцентуация (через знак =). Названия текстов даются только при отдельных интересных случаях акцентуации и при редких словах.

³⁹ В ЛМ осталось **не былѣи**, **небылѣи**. В Похвале московского происхождения одинаковое ударение в обеих книгах **пѣжилѣ**, **прѣдалѣ**.

честми, власы — власы (вин.), Ыма — йма (вин.), Лица — лица (вин.), по радѣ — по радѣ, лѣна полна — лѣна полна, Малы́мъ — Мала́ымъ, мо́кра (род.-вин.) и мо́крѣ (вин.), хро́мин — хро́мин (далее осталось слѣ́пин); в аористах ѡбрѣ́теса, пости́же, ѡсто́рже, возве́рже; в причастиях вѣ́щій, положѣно, положѣнное, низве́рженъ, испровѣ́рженъ, порѣ́ченное, вѣ́дый, ѡзба́вивый, пренесѣны (мн. ч.) и др.; в презенсе востаѣ́тъ — востаѣ́тъ, ѡверзе́тса — ѡверзе́тса, оу́цѣломѣ́дритса — оу́цѣломѣ́дритса и др. Ударение глагола творити в книге 1738 г. соответствует а. п. с.

Последовательно в форме аориста и презенса 3 л. ед. ч. глагола прѣ́ити ударение изменено с префиксального на корневое: прѣ́иде — прѣ́иде, прѣ́идетъ — прѣ́идетъ. В тех же формах глагола ити ударение стало основой вместо флексийного: ѡде́ — ѡде́, ѡде́тъ — ѡде́тъ. В инфинитивах сделана правка ѡзы́ити — ѡзы́ити, вѣ́ити — вѣ́ити. Поправлено также ударение в императиве ѡзы́иди — ѡзы́иди.

Поскольку создатели киевского «Николина жития» 1738 г. пользовались московскими изданиями, из которых взяты некоторые чтения, возникает вопрос: была ли правка акцентуации осуществлена независимо от этих книг или с опорой на них.

Напрямую в издание 1738 г. из московских книг заимствовано ударение в редких топонимах: в чуде о Петре въ самарѣ́й, въ... самарѣ́й 1680 г. — въ самарѣ́й, въ... самарѣ́й 1700 г. — въ самарѣ́й, во... самарѣ́й 1738 г. — въ самарѣ́й, во... самарѣ́й 1725 г. при одинаковом во всех изданиях въ гра́дъ самарѣ́йскій; в чуде о сарацине сполѣ́тисъ 1680 г. — сполѣ́тисъ 1700 г. — сполѣ́тисъ 1738 г. — сполѣ́тисъ 1725 г.

Сопоставление сказаний в ближайших по времени изданиях 1725 г. (первый пример) и 1738 г. показывает, что в чуде об Агрике расхождение ударений имеется в четырех случаях: оу́крашенъ — оу́крашенъ, сѣ́тованіе — сѣ́тованіе, смерте́й — смерте́й, ѡныа́ — ѡныа́. В других сказаниях имеется от одного до трех расхождений: в чуде о попе Христофоре во своа́ мѣста́ — во своа́ мѣста́; в чуде о Петре к плѣ́тстѣ́й — к плѣ́тстѣ́й, тебѣ́ самаго́ — тебѣ́ самаго́, никое́же (па́кости) — никое́ же⁴⁰; в чуде о де́тище востаѣ́тъ — востаѣ́тъ, (двѣри...) за́ключены́ — за́ключены́; в чуде о муже а́роматъ — а́роматъ; в чуде о половчине ѡкованъ — ѡкованъ, не само́мъ (вѣ́д) — не само́мъ, коеа́ — коеа́; в чуде о Дмитрии на пѣ́ти — на пѣ́ти; в чуде о злате показана́гъ — показана́гъ; в чуде о Симеоне порѣ́ченное — порѣ́ченное; в чуде о юноше Николе при разных формах Ползѣ́щъ — Ползѣ́щъ, далее полза́ющій — ползѣ́щи; в чуде о ковре самаго́ — самаго́, ѡдавна́ — ѡзъ да́вна, да ѡстѣ́пиши — да ѡстѣ́пиши; в чуде о монастыре цр́квѣ́мъ — цр́квѣ́мъ. В первом чуде о царе Стефане, которое взято из московского издания, также есть расхождения: мѣ́тинею — мѣ́тинею, на дѣ́снѣ́й — на дѣ́снѣ́й, призвана́ творитъ — призвана́

⁴⁰ В чуде о юноше Николе и в чуде о муже в московском и киевском изданиях одинаковое ударение никое́же — ни кое́же, ко́нимъ, никѣ́же.

творитѣ. Во втором чуде о царе Стефане различий больше: **множайши^x** — **множайшихъ**, **написоваше** — **написоваше**, **ѿнощей** — **ѿнощей**, **оуготовиса** — **оуготовиса**, (**крыаше**) **смѣа** — ... **смѣа**, **множайши^x** — **множайши^x**, **вождемъ** — **вождемъ** (тв.)⁴¹. Расхождение имеется в первом слове *Жития*: **Мѣдра** — **Мѣдра** (им. ж. р.) при одинаковом **хитра** далее и в приведенном выше появившемся при правке **пѣна** — **полна** в гл. «О преставлении». В *Похвале* московского происхождения разное ударение в глаголе **ѿшаа^xтиса** — **ѿшаа^xтиса**. Характер акцентных расхождений неодинаков. Те, которые имеются в московских по происхождению текстах, сделаны намеренно. Остальные могут быть пропусками, допущенными при правке (как **на пѣти**), или отражением акцентных особенностей (как **востаётъ** при **востаётъ** и **никоѣа же** при форме без акцентного знака в книге 1700 г., **плѣстѣй** — **плѣстѣй**, **смертѣй** — **смертѣй**, **мѣста** — **мѣста**). Часть расхождений может быть отнесена к одной и к другой группе, поскольку ударение **заключѣны**, **сѣтованіе**, **ѿроматъ**, **ѿкованъ**, **самѣмъ**, **самѣго**, **показаннаго**, **порѣченноѣ**, **изъ давна**, **ѿстѣпиши** имеется в книге 1700 г.

Из этого следует, что справщики, готовя издание 1738 г., сверяли акцентуацию с московскими публикациями, но в целом правила ударение самостоятельно, лишь в отдельных случаях перенося акцентовку книги 1725 г.

Отдельно следует рассмотреть акцентологическую правку в четырех юго-западнорусских сказаниях о чудесах и в *чуде о трех купцах*, которое было известно в русской письменности как *чудо о трех друзьях*, но в московские старопечатные издания не входило. Целесообразно обратиться сразу к изданию 1680 г. и к изменениям (а в отдельных случаях — к сохранению ударения) в изданиях 1700 г. и 1738 г., не включая в число разночтений формы глагола **глаголати**, местоимений **мой**, **твой**, **свой**, **сей/сий**, **дрѣгій**, существительного **христїанинъ**, прилагательного **морскій** и наречие **сѣло**, акцентуация которых в юго-западнорусских чудесах в издании 1738 г. менялась так же, как в других текстах.

Чудо об иконе жидовина: **ѿ житїи** — **ѿ житїи** — **ѿ житїи**, **ѣ пѣти** — **ѣ пѣти** (*так!*) — **съ пѣти**, **ѣ пѣти** — **ѣ пѣти** — **съ пѣти**, **идѣ** — **идѣ** — **идѣ**, **прїидѣ** — **прїидѣ** — **прїидѣ**, **ѿ татѣй** — **ѿ татїи** — **ѿ татѣй**, **за татїи** — **за татѣй**, **Николаю** — **Николаю** — **ніколаѣ** (зв.), **біющи** — **біющи** — **біющи**, **Видѣ же** — **Видѣ же** — **Видѣ же**.

Одинаковое ударение в трех изданиях: **ѿще... не сотворитѣ**, **ѿнесетѣ**, **впадетѣ** — **впадетѣ** — **впадетѣ**, **сотворѣнные** — **сотворѣннаа** — **сотворѣннаа**.

⁴¹ В предыдущих московских изданиях 1694 г. и 1699 г. ударение в этих словоформах такое же, как в книге 1725 г., за исключением **оуготовиса**. В связи с разным ударением в слове **множайши** следует привести правку **с множайшими** — **со множайшими** в *Житии* в гл. «Чудо о трех воеводах».

Во втором *чуде о царе Стефане* сохранена отяжка ударения на предлог в наречии **наскорѣ**.

Чудо о злате жидовина: прїде — прїйде — прїйде, прїйде — прїйде — прїйде, їде — їде — їде, твóрит — твóритъ — тво/ритъ, къ сѣдїа^м (*так!*) — къ сѣдїамъ — къ сѣдїамъ, сѣдїи — сѣдїи — сѣдїи, сѣдїи же — сѣдїи же — сѣдїи же, могѣтъ — могѣтъ — могѣтъ, оуслыша — оуслыша — оуслыша, сѣдїи (*так!*) — сѣдїи — сѣдїи, такóвыа — такóвыа — такóвыа (род.), наполнѣнный — наполнѣнный — наполен/ный, ѿ сѣдїи — ѿ сѣдїи — ѿ сѣдїи, пѣти — пѣти — пѣти (род.), на земаю — на земаю — на земаю, разсыпа — разсыпа — разсыпа, оуслыша — оуслыша — оуслыша, исполнѣнь — исполнѣнь — исполнѣнь, мѣвами — мѣвами — мѣва/ми, хвалѣ — хвалѣ — хвалѣ.

Одинаковое ударение: такóвыа (им. мн.) — такóвыа — такóвыа.

Чудо о двух младенцах (юношах): Началствѣющій — Началствѣющій — Началствѣющій, їскони — їскони (*так!*) — їскони, їде — їде — їде, коѣа — коѣа — коѣа, какóвѣ ти зловѣ содѣлаша — какóвѣ ти зловѣ содѣлаша — какóвѣ ти зловѣ содѣлаша, правѣше — правѣше — правѣше, ѿтрóк^м — ѿтрóк^м — ѿтрóк^м, мѣтвѣнномъ — мѣтвѣнномъ — мѣтвѣнномъ, мѣтвѣми — мѣтвѣми — мѣтвѣми, мѣтвѣми — мѣтвѣми, такóвѣю — такóвѣю — такóвѣю, прїйде — прїйде — прїйде.

Одинаковое ударение: їзобилѣющій — їзобилѣющій — їзобилѣюща, ѿ содѣланномъ (*так!*) — ѿ содѣланномъ — ѿ содѣланномъ.

Чудо о трех купцах: до... Ѣзантина — до... Ѣзантина — до... оузантїна, Ѣзантинскїй (*так!*) — Ѣзантинскїй — оузантїнскїй, їнѣхъ — їнѣхъ — їнѣхъ, вѣщей — вѣщей — вѣщей, єдинодѣшно — єдинодѣшно — єдинодѣшно, ѣ пѣчинѣ — въ пѣчинѣ — въ пѣчинѣ, ѿ... пѣчины — ѿ... пѣчины — ѿ... пѣчины, плачѣмъ — плачѣмъ — плачѣмъ (тв.), плакахѣ//са плачѣмъ — плакахѣса плачѣмъ (*так!*) — плака/хѣса плачѣмъ, съ плачѣмъ — съ плачѣмъ — съ плачѣмъ, мѣтвѣми — мѣтвѣми — мѣтвѣми, нанегó же — на негó же — на негó же (2 раза), їзнегò — їз негò — їз негò, ѿнегò / — ѿ негò — ѿ негò, донегó же — до негò же — до негò же, хвалѣ — хвалѣ — хвалѣ (3 раза), повѣже — повѣже — повѣже, їспѣщеннаа — їспѣщеннаа — їспѣщен/наа, главѣ — главѣ — главѣ, на главы — на главы / — на главы, ѿверзїй — ѿверзїй — ѿверзе, мѣшець — мѣшець — мѣшець, мѣшець — мѣшець — мѣшець (2 раза), дрѣговъ — дрѣговъ — дрѣговъ, дѣла — дѣла — дѣла, видѣвше — видѣвше — видѣвше, видѣсте — видѣсте — видѣсте, видѣхъ — видѣхъ — видѣхъ (далее в трех книгах видѣте), видѣша — видѣша — видѣша, оувидѣ — оувидѣ — оувидѣ, повѣда — повѣда — повѣда, прїйде — прїйде — прїйде, раверзе — раверзе — раверзе, восхитївшї — восхитївшї — восхитївшї, домóвъ — домóвъ — домóвъ, їма — їма — їма, порадѣ — порадѣ — порадѣ, на трапезѣ — на трапезѣ — на трапезѣ, на трапезѣ — на трапезѣ — на трапезѣ, на земаю — на земаю — на земаю, пїтїа — пїтїа — пїтїа (род.), пїтїе — пїтїе — пїтїе, содѣла — содѣла — содѣла, содѣласте — содѣласте, болѣзнь — болѣзнь — болѣзнь, славїмаго — сла-

вѣмагѡ — славимагѡ, вѣ вѣки вѣкѡвѣ — вѣ вѣки вѣкѡвѣ — во вѣки вѣкѡвѣ.

Одинаковое ударение: до... Ѡзѡнтина — до... Ѡзѡнтина — до... оѡзѡнтина, дѣла (им.).

Чудо о двух сосудах: непрезѣ (так!) — непреѣ — непрезѣ, Млѣтвами — млѣтвами — млѣтвами, злато/кѡзницѡ — златокѡзницѡ — златокѡзницѡ, приготоваѣти — приготоваѣти — оѡготоваѣти, оѡготованаѣмъ — оѡготованаѣмъ — оѡготованаѣмъ, оѡготованаѣннѡй — оѡготованаѣннѡй — оѡготованаѣннѡй (2 раза), вѣра — вѣра — вѣра, почѣрпѣти — почѣрпѣти — почѣрпѣти, ѣ пѣчинѣ — ѣ пѣчинѣ — вѣ пѣчинѣ, пѣти — пѣти — пѣти (дат.), исполнѣти — исполнѣти — исполнѣти, невидѣмою — невидѣмою — невидѣмою, вержѣса — вержѣса — вержѣса, вержѣ — вержѣнѣ / — вержѣнѣ, посреѣѣ — посреѣѣ — посреѣѣ, повѣда — повѣда — повѣда, [без эквивалента] — ѡтрѡкѡ — ѡтрѡкѡ, ѡтрѡкѡ — ѡтрѡкѡ — ѡтрѡкѡ, ѡтрѡкѡ — ѡтрѡкѡ.

Одинаковое ударение: подаѣлѣ, далѣчаѣ.

В целом правка акцентуации в юго-западнорусских сказаниях о чудесах во втором и третьем изданиях киевского «Николина жития» была такой же, как в остальных сказаниях: в книге 1700 г. становится больше особенностей, отмечаемых в западной зоне, (в том числе дефинализация *нѣго*), а в издании 1738 г. акцентуация соответствует восточной зоне. Совпадения ударений в трех книгах единичны. Среди них в первую очередь следует указать конечное ударение *-етѣ* в презенсе глаголов а. п. с *Ѡнесетѣ, впадетѣ*.

В издании 1680 г. имеется один пример, а в издании 1700 г. — два примера оттяжки ударения на предлог у существительного а. п. с *на землю* (*чудеса о злате жидовина, о трех купцах*).

Другие особенности акцентуации юго-западнорусских сказаний касаются отдельных слов. У существительного *пѣчина* ударение в книге 1700 г. оказывается суффиксальным и флексийным, что подтверждает его колебание и неслучайность акцентировки *пѣчина* в основном корпусе сказаний.

Несколько слов акцентуированы по разным а. п. Существительное *плачь* в издании 1680 г. акцентуировано по а. п. *a*, в издании 1738 г. — по а. п. *b*; в книге 1700 г. представлено колебание между этими а. п. В основном корпусе сказаний слово относится к а. п. *a* во всех трех книгах: *съ плачѣмѣ* (*чудо о сарацине*), *плача* (*чудо о монастыре*). Ударение существительного *сѡдѣ* (такова форма им. падежа в трех публикациях) в издании 1700 г. соответствует а. п. *a*, а в книге 1738 г. — а. п. *b*. В первом киевском издании не все формы акцентуированы. У существительного *тѣть* в издании 1738 г. во встретившихся формах ударение флексийное (а. п. *c*), а в книгах 1680 г. и 1700 г. — наосновное (книжное или а. п. *a* ?). Акцентировка существительного *мѣшецѣ* в книге 1738 г. соответствует а. п. *b* (*мѣшецѣ*), в издании 1700 г. — а. п. *a* (*мѣшецѣ*); в первом киевском издании представлено колебание *мѣшецѣ* — *мѣшецѣ*.

Интересный сравнительный материал дает акцентуированный список пяти сказаний с киевского издания 1680 г. в сборнике конца XVII — начала XVIII века Q.I.79 из собрания РНБ. О сказаниях говорится, что это «чтения, которые не обретаются в московской печати» (л. 1об.). В этой рукописи акцентная микросистема текстов восточного типа, то есть копируя их, писец менял ударения⁴². По сравнению с книгой 1738 г. (пример приведен первым) другие ударения в рукописи встретились в словоформах: **мѣждѣ** — **междѣ**, **не сотворитѣ** — **не сотворитѣ**, **ѡнесетѣ** — **ѡнесетѣ** (*чудо об иконе жидовина*)⁴³; **на зѣмлю** — **на зѣмлю**, **такѡвыѧ** — **такѡвыѧ** (*чудо о злате жидовина*)⁴⁴; **мѣждѣ** — **ме/ждѣ** (2 раза; *чудо о трех купцах*)⁴⁵; **ѡ содѣланномъ** — **ѡ содѣланномъ** (*чудо о двух младенцах*)⁴⁶; **подаль** — **пѡдаль**, **златокѡзнецѣ** — **златокѡзнецѣ** (= 1680 г.), **оустройти** — **оустройти**, **почерпсти** — **почерпсти** (1680 г. **почѣрпати**), **послѣжде** — **пѡслѣжде** (*чудо о двух сосудах*).

Таким образом, три киевских издания «Николина жития», публиковавшиеся в течение почти шестидесяти лет (1680 г., 1700 г., 1738 г.), подверглись сильной редактуре с точки зрения состава и структуры произведений, языка в целом и акцентуации в частности. Первое издание, основанное на московской книге 1662 г., при небольшой лексико-грамматической правке имело серьезное редактирование акцентуации: его акцентная микросистема стала микросистемой западного типа. Во втором издании изменен состав и структура текстов, проведена весьма существенная лексико-грамматическая правка. Изменение акцентуации в сказаниях о чудесах в целом было незначительным, в основном появились варианты, отмечаемые в западной зоне. Однако некоторые примеры лексико-грамматической и акцентологической правки отсылают к московским изданиям. В третьем ки-

⁴² Заменен также предлог **презъ** на **черезъ** (дважды) в *чуде о трех купцах* (то же сделано в книге 1738 г.) и предлог **до храмѣ... даде** — **къ храмѣ... даде** в *чуде о двух сосудах*.

⁴³ С источником, то есть с изданием 1680 г. следует сравнить ударение имени **Николѧй**: **Николѧю** — **николаю** (зв.; 1738 г. **нѣколаѣ**), **Николѧѣ** — **николаѣ** (им. 2 раза; 1738 г. **нѣколѧй**). Видимо, писец частично переосмыслил формы слова **сѣдѧ**, которые в книге 1680 г. не всегда акцентуированы: **къ сѣдѧмъ** — **къ сѣдѧмъ**, **сѣдѧ** — **сѣдѧ**, **сѣдѧ же** — **сѣдѧ же**, **сѣдѧ** — **сѣдѧ** (род.), **ѡ сѣдѧ** — **ѡ сѣдѧ**. В рукописи осталось местоимение **ѧковѣ**, но ударение его по сравнению с оригиналом изменено: **ѧковѣ** (**рѧны**) — **ѧковѣ**.

⁴⁴ Из-за редактирования в книге 1738 г. нет некоторых словоформ, которые по сравнению с изданием 1680 г. в рукописи также имеют другое ударение: **съ ѧзволѧ же** — **сѡнзволѧ же**, **ѡдасѧ** — **ѡдасѧ**, **разсыпѧ** — **расыпѧ**.

⁴⁵ В рукописи в одном случае осталось ударение оригинала **оустройти**; во втором знака нет: **оустройти**. У прилагательного **ѡзантѧнскѧй** ударение как в книге 1738 г.

⁴⁶ Одинаковое ударение при измененной форме **ѧзволѧющѧ** — **ѧзволѧющѧ**.

евском издании «Николина жития» 1738 г. связь с московскими изданиями оказалась наиболее существенной: неслужебная часть книги содержит тексты, взятые из московского издания 1725 г. В них акцентуация осталась без изменений, то есть их акцентная микросистема относилась к восточному типу. Соответствующим образом, чтобы не было расхождения, отредактирована акцентуация текстов, восходящих ко второму киевскому изданию 1700 г., в первую очередь сказаний о чудесах. Готовя третье издание, справщики заимствовали из московской книги 1725 г. отдельные чтения и включали их в чудеса. Работая над акцентуацией сказаний, справщики правили ударение самостоятельно, сверяясь с московскими изданиями.

Л и т е р а т у р а

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.

R e f e r e n c e s

Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoy. Moskva, 1985.

Zaliznyak 2014 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'. Moskva, 2014.

Резюме

Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем номере журнала, и посвящена редактированию акцентуации в старопечатных киевских изданиях «Николина жития» 1700 г. и 1738 г. Во втором издании изменен состав сказаний о чудесах и структура текстов, проведена очень значительная лексико-грамматическая правка. Изменение акцентуации в целом было незначительным. В основном появились варианты, отмечаемые в западной зоне. В третье издание 1738 г. вошли тексты из киевской книги 1700 г. и из московского «Николина жития» 1725 г. Иногда справщики заимствовали из московской книги 1725 г. отдельные чтения. Чтобы не было расхождения, отредактирована акцентуация текстов из издания 1700 г. Их акцентная микросистема стала относиться к восточному типу. Справщики правили ударение самостоятельно, лишь сверяясь с московскими изданиями.

Ключевые слова: история русского языка, акцентуация, источниковедение, текстология, старопечатные издания

Статья получена 12.03.15

IRINA I. MAKEEVA

**ACCENTUATION IN THE OLD-PRINT EDITIONS
OF THE “LIFE OF ST. NICHOLAS”**

This article, continuing a study published in the previous issue of this journal, investigates the emendation of accentuation in the old-print Kiev editions of 1700 and 1738 of the Life of St. Nicholas of Myra. In the second edition the set of Miracles and the structure of texts was changed, and lexis and grammar underwent serious emendation. Changes in accentuation in general were insignificant. New variants are for the most part specific to the western zone. The third edition of 1738 includes texts from the Kiev book of 1700 and from the Moscow Life of St. Nicholas of Myra published in 1725. The editors borrowed occasional readings from the Moscow edition of 1725. Accentuation of texts from the edition of 1700 was edited in order to avoid divergence. As a result, their accent microsystem became one of the eastern type. Editors emended accentuation independently, only occasionally checking it in the Moscow editions.

Keywords: history of the Russian language, accentuation, source study, textual criticism, old-print edition

Received on 12.03.15

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Пятая Международная научная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии (к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе)»

С 30 октября по 1 ноября 2015 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова состоялась очередная V Международная научная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», посвященная 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Конференция была организована сотрудниками отдела диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН и осуществлена при финансовой поддержке ФАНО России.

В ходе конференции прозвучало более 70 докладов ученых России, Польши, Финляндии, Норвегии, Эстонии, Латвии, Казахстана. Тезисы докладов опубликованы отдельным сборником.¹ Видеотрансляция пленарных заседаний в режиме онлайн позволила докладчикам, не приехавшим на конференцию, заочно участвовать в дискуссиях.

На конференции работало пять секций, на которых обсуждались актуальные вопросы диалектной фонетики, грамматики, словообразования, лексикологии, лингвогеографии, лингвокультурологии, а также проблемы языковых контактов и этнолингвистики.

---

¹ Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 01 ноября 2015 г. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. — 232 с.

Первое пленарное заседание открыл Л. Л. Касаткин (Москва) докладом о сохранении в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох. Он указал, что в литургическом пении старообрядцев различаются *e* и *ѣ*, а также произносятся редуцированные *ѣ* и *ь*. Кроме того, были перечислены фонетические и грамматические особенности говоров старообрядцев Молдавии, Украины, Болгарии, Румынии, штата Орегон (США). Докладчик отметил в говорах староверов, происходящих из юго-западной диалектной зоны, такие черты, как употребление частицы *-ся/-сь* при неопределенных местоимениях и наречиях в соответствии с литературной частицей *-то* (*хто-сь, кому-сь, какой-ся, каким-си*), неразличение свистящих и шипящих согласных, свистящий звук на месте фонем /ц/ и /ч/, распространение принципа диссимилятивного аканья на все безударные слоги, а не только на первый предупредительный.

Т. П. Лёнгрен (Норвегия, Тромсё) рассказала о вкладе норвежского профессора Олафа Брока в подготовку «Программы для собирания особенностей русских народных говоров» 1896 г. Изучив фонд А. А. Шахматова, хранящийся в филиале архива РАН в Петербурге, и архив О. Брока в Норвежской Национальной библиотеке (Осло), она представила результаты сопоставления текстов Программы 1895 и 1896 гг. На основании неопубликованных писем Брока удалось установить, какие имен-

но дополнения и уточнения он предложил внести в Программу. Всего Шахматов получил от разных ученых 190 предложений по улучшению первоначального текста, из которых принял только 41. Примечательно, что 16 из них принадлежали 29-летнему норвежскому слависту О. Броку.

На конференции широко обсуждалась актуальная тема диалектных корпусов. В докладе *О. Ю. Крючковой* и *В. Е. Гольдина* (Саратов) рассказывалось о принципах расшифровки и формах представления текстов в электронном диалектном корпусе. Оптимальной формой корпусного представления текстов признана вспомогательная транскрипция (полуорфографическая запись), отражающая только фонологические различия, и соотнесенная с ней аудио- или видеозапись диалектной речи. Совместный доклад *В. Д. Соловьева* (Казань) и *И. И. Исаева* (Москва) был посвящен созданию картографической базы данных русских говоров на материале Диалектологического атласа русского языка. Речь идет о переводе информации с бумажных карт Диалектологического атласа в электронный формат базы данных. С помощью цифровых карт можно будет получить описание говора искомого населенного пункта в виде перечня диалектных черт, уточнить границы диалектных массивов путем послойного наложения карт, выбрать населенный пункт для экспедиционного (пере-) обследования.

На первом пленарном заседании обсуждались также вопросы и проблемы, связанные с созданием диалектных словарей. В последние годы создаются принципиально новые словари, а также переосмысливается опыт, накопленный в процессе работы над диалектными лексикографическими сводами традиционного типа. *И. П. Кюльмоя* и *О. Н. Паликова* (Эстония, Тарту) рассказали о работе над трехтомным «Лексиконом

народной культуры старообрядцев Эстонии», в котором будут представлены факты и явления этой уходящей культуры. Издание предполагает совмещение научного и популярного знания, толкования и комментарии будут даваться на двух языках — русском и эстонском — и снабжаться рисунками и схемами или фотографиями. Принцип подачи материала в «Лексиконе» — тематический, внутри разделов — алфавитный. В докладе были показаны и предложены для обсуждения словарные статьи «Печка», «Стану́ха» и «Па́столь». *С. А. Мызников* (Санкт-Петербург) говорил о проблемах, которые возникают при создании сводных диалектных словарей на материале разных источников — региональных словарей, записей диалектной речи, статей и монографий, фольклорных записей. Лексикографирование материалов общерегиональных словарей не предполагает близкого знакомства толкователя с местными реалиями, так что значение приходится выводить из контекста, и это часто является причиной неточностей и ошибок. Встречаются также неверные интерпретации заголовочного слова. Докладчик привел примеры некорректного использования номинаций общего типа при толковании семантических диалектизмов (например, *борони́ка* толкуется как 'ягода'). Неточности имеющихся толкований и интерпретаций были проиллюстрированы на примере лексем: *уска́йка*, *ро́йки*, *ка́гачи*, *крещи́ца*, *игли́ца*, *кянь*, *рису́й* и др.

Традиционно большое количество докладов было посвящено вопросам изучения говоров на территории Архангельской области, большая часть которой не вошла в сетку ДАРЯ. Вопрос о том, существуют ли архангельские говоры как самостоятельная группа, где проходят ее границы и как они соотносятся с современным административным делением, до сих пор остается от-

крытым. Доклад *Е. А. Нефедовой* (Москва) был посвящен лингвистическому ландшафту современной архангельской территории, в котором выделяются юго-западный и юго-восточный, северо-восточный (бассейны рек Мезени и Пинеги) и юго-восточный ареалы (верхнее течение Северной Двины, бассейн реки Вычегды), двинской ареал (изоглоссы, клином идущие с юга на север), в зону которого входит важный ареал (бассейн реки Ваги).

С. К. Пожарицкая (Москва) затронула в своем выступлении вопросы, связанные со спецификой диалектного глагола: речь шла об эволюции формы, исторически восходящей к древнерусскому плюсквамперфекту (*были ушли* и *было ушли*), об употреблении и семантике итеративных глаголов (*бирал, хаживал*) и о способах выражения сказуемого с помощью нефинитных глагольных форм. Говоря о семантике плюсквамперфекта в современных архангельских говорах, докладчица привела целый ряд контекстов, в которых утрачивается таксисное значение плюсквамперфекта и формируется новое модальное значение: форма, восходящая к плюсквамперфекту, маркирует главное, наиболее значимое действие в полипредикативном высказывании. У итеративных глаголов в неопределенных контекстах существенно значение прерванной хабитуальности.

Задача системного многоуровневого описания отдельных говоров не теряет своего значения и в настоящее время. Результат такого описания современного южнорусского говора — в синхронном, историческом и ареальном аспекте — был представлен в докладе *А. В. Тер-Аванесовой* (Москва). Для системного описания говора с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области подготовлено три корпуса материалов, два из которых ориентированы на описание фонетики. На основе

третьего корпуса, который представляет собой расшифровку аудиозаписей, построена база данных в формате STARLING. В докладе шла речь о результатах изучения вокализма говора, в частности об оппозиции /o/ и /ô/. Многие фонетические, грамматические и лексические черты говора Роговатого связаны, с одной стороны, с обширным ареалом говоров окско-деснинского междуречья, с другой стороны, — с более восточными говорами бассейна Верхнего Дона и рязанско-коломенского Поочья.

Изучение южнорусских систем с семифонемным вокализмом помогает решить вопрос практической реализации противопоставлений фонем верхне-среднего подъема на различных этапах исторического развития. Об этом шла речь в докладе *Д. М. Савинова* (Москва). Фонетическая структура дифтонов на месте /ω/ и /Ъ/ в современных говорах свидетельствует о дифтонгической природе /Ъ/ в древнерусском языке, а также о том, что фонема /ω/ появилась в древнерусской фонологической системе как задний коррелят фонемы /Ъ/. Конститутивный признак фонем /ω/ и /Ъ/ в большинстве архаических южнорусских говоров — скольжение тембра от верхнего к среднему подъемам (с постепенным нарастанием интенсивности).

Проблемы диалектной фонетики, а именно наличие в русских говорах смычных апиальных и альвеолярных согласных особого рода, так называемых «тэпов» и «флэпов», освещались в докладе *Р. Ф. Касаткиной* (Москва). Она привела примеры необычного варьирования в русских говорах [д'] — [р'] и [д] — [р], а также случаи появления «эровой» реализации фонем /л/ и /л'/, произношения [р] на месте /д/, /т/, [р'] на месте /д'/. Все эти реализации дискурсивны, они единичны, невоспроизводимы повторно и, как правило, не замечаются носителями диалекта. Ука-

занные фонетические диалектизмы не являются специфически русскими и должны рассматриваться в общefonетическом контексте.

Об итогах и перспективах преподавания диалектологии и смежных дисциплин в вузе говорилось в докладе *Е. Н. Ильиной* (Вологда). Она сообщила, что с 2009 г. в программу обучения магистрантов Вологодского государственного университета включен курс «Лингвогеография и лингвистическое краеведение», рассказала о результатах обучения и той помощи, которую оказывает развитию этого направления Вологодское отделение русского географического общества.

Не остался без внимания и вопрос о региональном членении русского языка, который приобретает все большую значимость в последние годы. Региолекты в настоящее время рассматриваются как очередной этап эволюции территориальных разновидностей языка. В докладе *Е. А. Оглезневой* (Томск, Благовещенск) шла речь о дальневосточном региолекте, в частности, были перечислены его специфические языковые черты на уровне фонетики, грамматики и особенно лексики. Докладчица подняла вопрос о необходимости проведения масштабного исследования речи на разных дальневосточных территориях, которое позволит определить зону распространения дальневосточного региолекта и его границы.

На заседании секции «Фонетика» прозвучали две серии докладов на материале диалектных корпусов — северного (бассейна реки Устья) и южного (с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области). Доклад *И. И. Исаева* (Москва) был посвящен особенностям реализации контраста «твердых» и «мягких», а также вокализованных (звонких) и невокализованных переднеязычных смычных согласных в южнорусском говоре с. Рогова-

тое. В архаическом пласте говора твердый смычный согласный представлен зубными переднеязычными ламинальными [т] — [д], основным представителем мягкого согласного следует считать апикальный альвеолярный [t] — [d], в качестве реализации мягкого согласного выступают также [т'] — [д'], [t^h] — [d^h]. При этом колебание [т'] / [t], [д'] / [d] возможно в рамках одной словоформы, что говорит об отсутствии сегментной обусловленности вариативных согласных. Вокализованные согласные в говоре имеют меньшую энергию консонантного шума и меньшую длительность в сравнении с невокализованными. *С. В. Дьяченко* (Москва) говорила о влиянии фразовой позиции на длительность ударных гласных в говоре с. Роговатое. Было проанализировано около 2000 словоформ, относительно каждой словоформы было инструментально установлено, находится ли она в позиции фразового акцента. Полученные результаты показали, что словоформы под любым фразовым акцентом имеют в целом более долгий ударный гласный, при этом существенное удлинение ударных гласных вызывают акценты 4, 5 и в особенности 6 (по системе *Е. А. Брызгуновой*). Кроме того, было установлено, что длительности ударных гласных [а] и [и] различаются во всех фразовых позициях, однако в позиции вне фразового акцента эта разница имеет меньший контраст.

В. Жигульская, И. Левин, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина (Москва), *Р. фон Вальденфельс* (США, Беркли) в совместном докладе представили Корпус говора бассейна реки Устья (<http://www.parasolcorpus.org/Pushkino>), созданный на основе экспедиционных записей в деревне Михалевская Устьянского района Архангельской области и близлежащих деревнях. Основной особенностью корпуса является транс-

крипция в стандартной орфографии, которая служит для доступа к аудиофайлам. Корпус содержит около 500 тысяч токенов и предоставляет пользователю возможность выбора вида поиска: простой, усовершенствованный или сложный поиск на основе языка CQP. Одно из исследований, проведенных на базе этого корпуса, посвящено формам неличных местоимений третьего лица, а именно — наличию начального согласного [н] в основах местоимений в сочетании с предлогами. *Д. И. Игнатенко* (Москва) на основе Корпуса исследовала вариативность реализации звука на месте /ш/: [шч], [шш], [ш':] и выявила три основных системы распределения вариантов произношения в зависимости от социальных характеристик говорящего. С помощью статистических методов была показана динамика утраты диалектного варианта у представителей младшего поколения. *А. И. Виняр* и *Е. А. Герасименко* (Москва) описали дистрибуцию вариантов постпозитивной частицы *-то* в устьянском говоре (/ту/, /та/, /от/, /те/, /то/, /ть/). Было установлено, что вариант /те/ является редким и даже в архаической разновидности говора сохраняется только как фрагмент старой системы, не доступной сейчас для наблюдения; для вариантов /ту/, /та/, /от/ удалось сформулировать правила их употребления; во всех случаях, не описанных правилами, у шести старейших информантов представлены немаркированные варианты /то/ и /ть/. Анализ данных 26 информантов более молодого возраста показал, что динамика и характер утраты /от/ и /ту/ значительно различаются у разных информантов.

Т. Н. Коробейникова (Москва) изучила нейтрализацию фонем /а/ и /е/ в звуке [е] между мягкими согласными под ударением в кайском говоре Верхнекамского района Кировской области. Она исследовала характерную почти

для всех современных северных говоров ситуацию, когда варианты одного и того же слова с ударным [а] и [е] в позиции C'VC' сосуществуют в одном идиолекте. Эта вариативность отражает разрушение старой модели чередования и переход от модели *t'at* — *t'et*' к *t'at* — *t'at*'. На основе анализа речи 10 информантов разного возраста было выделено три типа идиосистем, отражающих разные стадии перехода от одной модели к другой. Как правило, выявленные идиосистемы коррелируют с возрастом информантов, но возможны также исключения.

Б. Вардэй и *М. Пост* (Норвегия) представили результаты акустического анализа речи пермских старшеклассников. Цель исследования состояла в том, чтобы проверить, реализуется ли в их речи оканье, и установить соотношение между особенностями речи каждого школьника и его метаязыковыми представлениями. В первую очередь была изучена формантная структура гласных фонем /а/ и /о/ в безударной позиции после твердых согласных. В поле исследования были включены как информанты, которые, по их собственному мнению, говорят как пермяки и «окают», так и такие, которые утверждают, что они сами не «окают» и что пермская речь не имеет никаких особенностей.

Н. Кирсанов (Финляндия, Кантеле) привел ряд примеров из топонимии современной Ингерманландии, которые подтверждают гипотезу о наличии промежуточной стадии, *i*-дифтонга, между лабиализованным предшественником современного русского [ы] и современным нелабиализованным [ы]. Следы этого дифтонга могли сохраниться в контактировавших со славянскими диалектами прибалтийско-финских идиомах. Была предложена также этимология для литературного русского *шип* и диалектного *хип* 'возвышенное место грядой' (ср. финское-суоми *huipuri* 'вершина').

Е. В. Колосько (Санкт-Петербург) рассказала о лексикализованных вариантах слов в словаре русских народных говоров, образованных в результате незакономерных фонетических изменений. Докладчица проанализировала слова с начальным [ф] на месте других фонем: *флинтус, фулюган, фатать, фастать, фатера, фартал*. Этот материал позволил выявить наиболее частотные фонетические изменения, приводящие к лексикализации: отпадение начальных гласных, мена согласных *в, к, п, х* на *ф*, замена сочетаний *кв, хв* на *ф*.

В докладе *А. А. Соколянского* (Магадан) с позиции теории нейтрализации рассматривалась эволюция ударного вокализма в русских говорах. Он отметил, что теория силлабического устройства фонетического слова до падения редуцированных гласных находит подтверждение в современном диссимилятивном устройстве вокализма, при котором существует зависимость предупредительного гласного от ударного.

Н. В. Удалов (Набережные Челны) на материале севернорусских говоров позднего формирования исследовал ритмическую организацию диалектной речи.

На заседании секции «*Грамматика и словообразование*» прозвучало 7 докладов из 11, заявленных в программе, и вне программы *И. В. Бегуны* (Москва) прочитала еще один доклад в продолжение темы, поднятой *С. К. Пожарицкой* на пленарном заседании — об итеративных глаголах в севернорусских говорах. Докладчица привела обширный материал архангельских говоров и выдвинула тезис о том, что основное значение итеративов — общефактическое. Если употребляется данная форма, это означает, что действие имело место, при этом формы итератива типа *хаживал* не имеют временной локализованности (*хаживал* когда-то в прошлом, неважно когда, вообще), противопоставляясь в этом отношении формам

типа *ходил* (*ходил* в определенный момент времени в прошлом).

Во втором своем докладе *И. В. Бегуны* на материале говора д. Тавреньга Коношского р-на Архангельской области рассмотрела вопрос о взаимовлиянии различных типов склонения в одной грамматической позиции, а именно Р. п. ед. ч. ж. р. прилагательных и неличных местоимений. Она выделила три варианта флексий в этой позиции и показала, что в говорах перегруппировка типов склонений согласуемых слов могла иметь другое направление, чем в литературном языке.

Н. В. Маркова (Петрозаводск) описала безличные предикативные конструкции разной структуры в частной диалектной системе д. Кузаранда Медвежьегорского района Республики Карелия — как общерусские, так и собственно диалектные, и проанализировала частотность их употребления в говоре. Доклад вызвал оживленную дискуссию о природе и механизмах субстратного прибалтийско-финского влияния в области грамматики.

В выступлении *В. А. Закревской* (Тюмень) рассматривался вопрос о синкретическом употреблении в говорах глаголов совершенного вида. Эта проблема очень актуальна, в частности, для составителей диалектных словарей. Докладчица привела примеры употребления в архангельских говорах глагола совершенного вида в ситуации неопределенного и длительного действия и отметила, что в таких случаях сама ситуация воспринимается одновременно и как длительная, и как кратная. Такие случаи предложено рассматривать как проявление видового синкретизма.

А. В. Мальшева (Москва) изучила особенности управления глаголов речи в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Было показано, в частности, что валентность адресата при глаголе *говорить* может

выражаться формами ДП и *на + ВП*, при этом форма ДП (*говорить кому*) выбирается в том случае, если глагол имеет значение чистого сообщения, а форма *на + ВП* (*говорить на кого*) употребляется при глаголе в значении 'высказывать кому-н. что-н. эмоционально, сердито, упрекать'.

Г. Д. Неганова (Кострома) рассмотрела семантику компонента *пол-/полу-* в составе сложных слов в современных говорах и ее эволюцию на протяжении истории языка. Речь шла о названиях элементов ландшафта — природного, включенного в хозяйственно-экономическую деятельность местного населения или возникшего в результате хозяйственной деятельности (*полуполе, полустанок, полузапрудка, полусело, полгора, полгорка, полдуши, полукосье* и др.).

Проблемы диалектного словообразования освещались в докладах С. А. Ганичевой и М. В. Флягиной. С. А. Ганичева (Вологда) представила аффиксальные парадигмы глаголов, которые обозначают звуки, издаваемые животными и птицами, например: *кукарекать, мяукать, мычать* и др. На материале 13 карт «Лексического атласа русских народных говоров» она выделила 10 морфемных моделей, функционирующих в русских говорах. Большинство из них встречается как в диалектном, так и в литературном языке, некоторые — только в диалектах (модели *R-(ч)-и-ть, R-оч-и-ть R-анд-а-ть, R-анд-и-ть, R-айд-а-ть*). Выявлены также наиболее часто встречающиеся морфемные модели для синонимических рядов глаголов, обозначающих вокализации грача, журавля, синицы, петьуха, кукушки, сороки, гуся, курицы, собаки и др. М. В. Флягина (Ростов-на-Дону) в своем выступлении, посвященном диалектным отглагольным существительным в сборнике «Донские дела» XVII в., подняла вопрос о критериях и принципах выделения диалектизм на

определенном этапе исторического развития. Она описала особенности семантики и словообразования существительных, мотивированных глаголами, таких как *задор, вычет, выбылье, пересед, теснота, наряд, поноровка, помешка* и др., отметив особую продуктивность нулевой аффиксации и суффикса *-к-* в исследуемый период.

В секции «Лексикология» состоялось 13 докладов. В нескольких выступлениях рассматривались проблемы лексической номинации на материале архангельских говоров. И. Б. Качинская (Москва) исследовала вопросы номинации терминов свойства: *муж дочери, зять*. В исследовании отмечается многочисленность лексем данной подгруппы, в которую входят не только дериваты с корнем *зять*, обладающие нейтральным значением, но и коннотативно окрашенные варианты, обозначающие мужа дочери, перешедшего жить в дом жены. Автор отмечает двойственное отношение к зятю со стороны родственников жены. Доклад Ж. А. Паниной (Москва) был посвящен анализу разнообразных названий молодежных гуляний с работой в архангельских говорах. Разномотивированные названия вечерних будничных собраний молодежи образуют междиалектный синонимический ряд: *вечёрка* (и другие образования с корнем *вечер-*), *сутемёнки, поседка, посиденок, беседа, сижонка, супрядка*. Были проанализированы способы номинации данной группы лексики, особенности аффиксальных различий, а также представлены ареалы распространения указанных наименований.

В целом ряде докладов на материале разных говоров были представлены исследования различных тематических групп лексики. Работа И. Н. Ефимовой (Нижевартовск) посвящена изучению диалектной лексики говора с. Самарова на материале этнографического описания Х. М. Лопарева «Самарово — село

Тобольской губернии и округа». В докладе была освещена лексика птичьего промысла. *О. Н. Крылова* (Санкт-Петербург) подробно проанализировала наименования женской одежды, бытующие в говорах Низовой Печоры: деталей женской рубахи, различных видов сарафанов, головных уборов и др. *Е. Н. Осипова* (Рязань) в своем докладе затронула проблему бытования архаической лексики в рязанских говорах. С точки зрения докладчика, стабильность лексической системы традиционного говора обнаруживается в функционировании архаических названий домашней утвари и посуды, связанной с традиционным укладом крестьянской жизни. Данный тезис был проиллюстрирован на примере развития семантики двух архаичных лексем: *корец* и *молостов*. *Н. С. Ганцовская* (Кострома) на примере лексики текстов хрестоматии «Меткое костромское слово» предприняла попытку описать тематическое богатство словаря говоров Костромской области в пределах всех 24 ее районов, а также дать ареальную характеристику лексики ее западной и восточной частей в свете диалектной классификации МДК 1915 года и позднейших диалектных членений.

Н. В. Комлева (Вологда) продемонстрировала описание лексики войны как фрагмента материальной и духовной культуры народа. Автор выделила ключевые понятия в данной группе по степени частотности их употреблений: *последствия войны — сиротство — одиночество — бедствия — голод*. Некоторые группы контекстов позволяют рассмотреть данную лексику в аспекте наблюдения над речевой рефлексией носителей говора.

Н. А. Красовская (Тула) обратилась к проблеме функционирования антропоцентрических глаголов, бытующих в тульских говорах. Лексико-семантическое поле указанных глаголов центри-

руется единицами деструктивной семантики. В ядерной зоне и зоне ближней периферии преобладают глаголы, обозначающие нанесение удара, разрезание, царапание, расчленение. В зоне дальней периферии указанная семантика ослабевает.

Т. Н. Бунчук (Сыктывкар) затронула проблему понимания логики мировосприятия в процессе номинации на примере общеславянской лексемы *наопако*. В докладе отмечается, что этимологическая семантика, а также семантический объем корневой группы отражает древнейшее представление об «ином / потустороннем» в мифологической модели мира диалектоносителей.

Л. Ю. Астахина (Москва) в своем докладе «О словах, которых нет в русском языке» обратилась к проблеме появления в лексикографических источниках так называемых «псевдогапсов», то есть слов, которые на самом деле являются всего лишь фантомом, лексикографической фикцией. Ученый убедительно доказывает, что появление этих слов обусловлено так называемым субъективным фактором — отношением к рукописному тексту человека, который с ним работает, а также недостаточно внимательной корректурой.

В докладе *Е. В. Цветковой* (Кострома) были проанализированы микропотопонимы, образованные на основе слов *осырок*, *печище*, *творило*, зоной бытования которых являются в основном говоры восточной части Костромской области. Тесно связанные с аппелятивами и отражающие их особенности, они представляют глубокую древность и характеризуют говоры, в которых распространены, как говоры Русского Севера.

М. М. Кондратенко (Ярославль) обратилась к проблеме диалектной полисемии как источнику семантической типологии. Докладчик на примере лексических единиц, представляющих рефлексии праславянского **zajęсь*, пока-

зал, в какой степени в структуру объективного языкового значения входят смысловые компоненты, выявляющиеся при анализе обрядового или иного контекста.

В докладе «К этимологии др.-рус. *одерети, одьру, судеревь и судеревью*» М. В. Турилова (Калуга) показала, как словообразовательный анализ слова и сопоставление его результатов с другими данными позволяют реконструировать лакуны в словообразовательных источниках.

На секции «*Лингвогеография и языковые контакты*» было представлено 9 докладов, большая часть которых была посвящена ареальным исследованиям говоров вторичного заселения. В докладе Т. Ю. Игнатович (Чита) обозначена основа для дифференциации русских говоров в Забайкалье, а также определены обуславливающие экстралингвистические и лингвистические факторы. Применение специального метода лингвистического картографирования позволило установить территориальное распределение ряда диалектных различий на основе разной степени их сохранения / нивелирования. Е. В. Колесникова (Москва) рассказала о создании «Диалектологического атласа Архангельской области». Она изложила историю исследования архангельского языкового ландшафта с точки зрения лингвистической географии, а также продемонстрировала уже составленные отдельные карты по фонетике, морфологии и лексике. Создание Архангельского атласа позволит показать, насколько глубоко на север продвинуты ареалы языковых явлений, уже отмеченных на карте ДАРЯ, уточнить уже имеющиеся представления о лингвистическом ландшафте Архангельской области. М. К. Пак (Казахстан, Караганда) показала некоторые результаты исследования семантики наречия *poráto* в лингвогеографическом аспекте. Анализ семантической

картины слова проводился на материале картотеки «Архангельского областного словаря», а также его отдельных выпусков. Е. А. Жданова (Ижевск) продемонстрировала возможности лингвогеографической информационной системы (ЛГИС) «Диалект», прикладной целью которой было автоматизированное картографирование лексических и словообразовательных особенностей русских говоров Удмуртии. Для этой цели в базу данных ЛГИС был внесен материал, собранный по программам ЛАРНГ, ДАРЯ, а также включены рукописные, аудио- и видеозаписи диалектной речи. Особенности лингвистического ландшафта Самарского края на карте МДК и в интерпретации современных атласов обсуждалось в докладе Т. Е. Баженовой (Самара). Исследователь подробно представила основные вехи в истории изучения самарских говоров в лингвогеографическом аспекте, особенно отметив приоритетную роль основоположника самарской школы диалектологов В. А. Малаховского.

В. В. Шаповал (Москва) в своем докладе поднял проблему унификации номенклатуры лингвистической географии, ссылаясь на обнаруженные противоречия в подаче ряда географических помет в словарных статьях диалектного словаря. По мнению исследователя, при создании баз данных необходимо использовать почтовый индекс как готовый инструмент формализации.

На секции обсуждались также вопросы языковых контактов. В докладе А. Д. Черенковой (Воронеж) был произведен хронотопный анализ русской речи одного жителя украинского по происхождению села Красного Новохоперского района Воронежской области. В результате анализа речи В. А. Глабина (1939 г. р., 8 классов образования) были выявлены и проанализированы фонетические и морфологические черты, относящиеся к разным временным срезам и

разным языкам: русскому и украинскому. *О. Г. Ровнова* (Москва) в своем исследовании показала особенности междиалектного варьирования старообрядческих общин «синьзянцев» и «харбинцев» в Южной Америке. В докладе была представлена лингвогеографическая характеристика отличительных явлений обоих говоров на разных языковых уровнях, а также продемонстрированы примеры освоения харбинской лексики и фразеологии, отраженные в книге «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева», написанной старообрядцем-синьзянцем. *Л. С. Москаленко* (Москва) предприняла попытку проанализировать некоторые пути возникновения лексико-семантических регионализмов в русском литературном языке Крыма. Докладчиком учитывались факторы, оказывающие влияние на повседневную русскую речь Крыма: иноязычное окружение, языковая интерференция и контактирование языков.

В секции «*Лингвокультурология*» было заслушано 10 докладов. Работу секции открыл доклад *И. А. Букринской*, *О. Е. Кармаковой* (Москва) «Рассказ-пластинка в современном социуме», посвященный исследованию одного из жанров диалектного нарратива. В зависимости от содержания и коммуникативной установки исследователи установили типологию рассказов-пластинок: комедии положений, апологии, апокрифы и таинственные рассказы, а также метатекстовые нарративы. Все тексты, относящиеся к данному жанру, обладают общими свойствами: установка на достоверность и мифологичность. В докладе отмечена сфера бытования рассказа — малые социальные группы, а также установка на юмор и языковую игру.

Г. М. Курбангалиева (Уфа) предприняла попытку очертить проблемы и перспективы изучения русских говоров Башкирии. Это, в первую очередь, зада-

ча системного описания словарного состава названной территории, изучение говоров, создание «Лексического атласа русских говоров Башкирии», описание результатов языковых контактов русского языка и русских диалектов с другими сопредельными языками и диалектами, а также описание полидиалектной и полилингвальной языковой личности.

В рамках реализации вологодского научного проекта «*Режа и режаки: этнолингвистическое описание одного севернорусского идиома*» прозвучали доклады *Л. Ю. Зориной* и *Е. П. Андреевой*. *Л. Ю. Зорина* (Вологда) осветила вопросы топонимической, антропологической и лексико-фразеологической систем в диалекте Режского поселения Сямженского района Вологодской области. Этот говор исследовался диалектологами с 80-х годов XX века, в частности записывались беседы со старшим поколением жителей местности, что позволило зафиксировать традиционный строй народной речи в узколокальном социуме. Анализ материала показал сохранение в говоре глубоко архаических черт. В докладе *Е. П. Андреевой* (Вологда) была рассмотрена фразеология, функционирующая на микротерритории — в рамках одного поселения. Предметом для анализа послужили фразеологизмы, значение которых относится, с одной стороны, с предметной областью культуры, с другой стороны, отражает духовный мир северного крестьянина. Описываемый материал позволил выявить как специфические черты региональной фразеологии, так и общность ассоциативно-образной основы общерусских и диалектных фразеологических единиц.

Е. Н. Иванова (Вологда) в докладе «Отражение народной культуры в словах с корнем *-пек-/-печ-* в вологодских говорах» показала культурологические факторы, которые определили специ-

фику семантической структуры диалектных словообразовательных гнезд с вершинами *печь* (сущ.) и *печь* (глагол.). Исследование позволяет сделать вывод о значимости слов с указанным корнем в диалектной картине мира.

Н. Н. Карачева (Вологда) в своем исследовании продемонстрировала опыт анализа диалектной языковой личности на примере изучения диалектных записей речи Шиловской Нины Дмитриевны, 1938 г. р. (Никольск Вологодской области). Диалектная языковая личность рассматривалась на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом.

Е. Е. Королева (Латвия, Даугавпилс) затронула проблему функционирования инвектив, служащих для выражения «сильных эмоций сильными средствами», на примере диалектного материала, извлеченного из одной диалектной системы. По мнению ученого, разнообразие и многочисленность инвектив в говорах русских староверов, проживающих на территории Латгалии (юго-восточная часть Латвии), объясняется архаичностью, консервативностью и длительной закрытостью данной языковой системы.

М. Г. Соломатина (Москва) обратилась к вопросу контаминации языческого и христианского религиозного сознания на примере функционирования в живой диалектной речи некоторых лексем. Была проанализирована лексема *Бог* и ее основные значения в архангельских говорах, а также дериваты данной лексической единицы.

Л. П. Батырева (Шуя) продемонстрировала письма 1939—1944 года жителей города Шуи Ивановской области в качестве источника изучения говоров Владимирско-Поволжской группы в диакроническом аспекте.

Л. И. Климкова (Арзамас) в своем докладе «Диалектные черты в ретроспекции и проспекции» показала дина-

мику развития традиционных диалектных микросистем, их трансформацию в современных социальных условиях и необходимость их изучения в сопоставительном аспекте. Сопоставительный подход был продемонстрирован докладчиком на материале фольклорных записей разных лет, сделанных в южных районах Нижегородской области.

Заключительное пленарное заседание открыл доклад *И. А. Букринской* и *О. Е. Кармаковой* (Москва), посвященный ареальному исследованию диалектной лексики. Лексические карты ДАРЯ учитывают не только семантические и этнографические различия, но и мотивационные и словообразовательные особенности. На основании анализа лексических карт докладчики выявили территории, противопоставленные по преобладанию того или иного типа словообразовательной мотивации, а также продемонстрировали возможность реконструкции старого диалектного членения по пучкам изоглосс, манифестирующих архаическую лексику.

Л. Л. Касаткин (Москва) поднял вопрос о существовании еще одного диалектного различия, помимо уже отмеченных и широко известных. Он обратил внимание на то, что соотношение пола домашнего животного и рода и значения соответственного существительного различно в разных русских говорах: в одних диалектах признак пола маркирован у существительных мужского рода и не маркирован у слов женского рода, и тогда слова женского рода служат родовым названием животного (*кошка, овца, коза*), а в других говорах, наоборот, в общеродовом значении употребляются слова мужского рода (*кот, козёл, баран*).

Е. А. Брызгунова (Москва) рассмотрела основные черты языковой ситуации в современной России в связи с состоянием русских диалектов и возможностями преобразования их в само-

стоятельные языки. Характеризуя языковое состояние современных говоров, она отметила, во-первых, достаточную устойчивость в них архаического слоя, и, во-вторых, активное развитие внутри говоров так называемого наддиалекта, сочетающего диалектные формы и устно-разговорные формы литературного языка.

М. Янковяк (Польша, Варшава) дал оценку современного состояния говоров Себежского и Невельского районов Псковской области. В начале прошлого века данную территорию ученые считали «белорусской по языку» (Е. Ф. Карский, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков и др.). Анализ диалектных особенностей на всех языковых уровнях показал, что на сегодняшний день в говорах преобладают черты, свойственные русскому языку, вариативность наблюдается также и на уровне идиолекта. Были перечислены белорусские языковые черты, сохранившиеся в речи местного населения.

В докладе *Л. А. Инютиной* (Новосибирск) на материале 70 словоупотреблений было показано постепенное из-

менение семантики и функционирования слова *заимка* на протяжении XVII—XX вв.: развитие новых значений на основе метонимического переноса, утрата многозначности, использование в качестве топонима. Докладчица отметила, что эти изменения семантики отражают основные этапы хозяйственного освоения сибирских земель.

О. А. Глуценко (Петропавловск-Камчатский) затронула проблему языковой концептуализации представлений о пространственной смежности объектов. Анализ был построен на материале топонимов Камчатки, в семантике которых обнаруживается такой параметр, как сорасположение в пространстве двух объектов (горы и реки, реки и озера и т. п.). В докладе демонстрировалась множественность применяемых стратегий именовании, что отражает, по мнению ученого, контаминированное восприятие действительности в наивной картине мира камчадалов.

А. В. Малышева, Е. В. Колесникова

Материал поступил 16.01.2016

Received 16.01.2016

**Пятая конференция Комиссии по аспектологии
Международного комитета славистов
«Аспектуальная семантическая зона:
типология систем и сценарии диахронического развития»**

13—15 ноября 2015 года в Киото (Япония), в Университете Киото Сангё, прошла V Международная конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. На конференции было представлено 46 докладов исследователей из разных стран мира (Азербайджана, Германии, Италии, Македонии, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Сербии, Словении, США, Украины, Швеции, Финляндии, Франции, Японии). Некоторые доклад-

чики принимали участие в конференции по скайпу. Приглашенные докладчики — Е. В. Падучева и В. С. Храковский.

По материалам конференции издан сборник статей «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития», Киото, 2015. Сборник доступен по ссылке: https://ksurep.kyoto-su.ac.jp/dspace/bitstream/10965/1292/4/TASZ_TOSASODP.pdf.

В докладе *Е. В. Падучевой* (ВИНИТИ РАН, Москва) «О биаспектуальности

русского глагола *БЫТЬ*» дано подробное аспектуальное описание глагола *быть* в переместительном значении (*Сегодня отец уже был на море* ≈ ‘уже ходил’). Приведены системные аргументы, доказывающие, что глагол *быть* в данном значении в определенных контекстах выступает как глагол НСВ (ср. пример выше), а в других контекстах функционирует как глагол СВ (ср. *Врач будет ровно в шесть* ≈ ‘прибудет’). Тем самым показано, что глагол *быть* в переместительном значении является двувидовым. Кроме того, продемонстрировано, что этот глагол и в некоторых других значениях ведет себя как глагол СВ.

В докладе *В. С. Храковского* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Категория вида в русском языке: болевые точки» предлагается считать вид словоклассифицирующей категорией. Основные аргументы таковы. (1) Один и тот же бесприставочный имперфектив (ср. *писать*) может присоединять к себе достаточно большое количество приставок (ср. *написать, записать, дописать, переписать, вписать, надписать* и т. п.), причем в общем случае невозможно предсказать, какой из производных перфективов окажется видовой парой к исходному бесприставочному имперфективу. Подобный механизм естественно считать словообразовательным, а не словоизменительным. (2) Видовой коррелят имеется не у глагола как такового, а у глагола, взятого в его конкретном значении, т. е. у глагольной лексемы. При этом принцип мотивации запрета на существование видового коррелята у той или иной лексемы неизвестен и, по-видимому, не существует. (3) Если придерживаться словоизменительной трактовки вида, то из этого следует, что у глагола нужно различать два типа грамматических категорий. К первому типу относится ка-

тегория вида, а ко второму — все остальные категории. При этом у форм категории вида есть своя парадигма остальных грамматических категорий, причем парадигмы этих категорий у членов видовой пары могут не совпадать по составу или по способу образования формы. Другие словоизменительные категории не имеют такого сложного устройства.

Дискуссия о статусе категории вида в системе языка продолжается в целом ряде докладов. В докладе *Е. В. Горбовой* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид “видом славянского типа”?» аргументируется, что в русском языке существует два механизма образования видового коррелята глагола. Первый механизм — это префиксальная перфективация (ср. *писать* — *написать*); механизм использует не менее 20 префиксов и является словообразовательным. Тем самым в соответствующей видовой паре вид является словоклассифицирующей категорией. Второй механизм — суффиксальная имперфективация; этот механизм использует единственный продуктивный показатель — суффикс *-(ы/и)ва* и стандартно воздействует на семантику глагольной основы. Данный механизм относится к словоизменению, и в соответствующей видовой паре вид является словоизменительной категорией. В докладе *Д. В. Герасимова* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Есть ли в русском языке категория вида?» предложена весьма радикальная точка зрения на русский глагольный вид: приводятся доводы против выделения в системе русского глагола категории вида как таковой. Основные аргументы: (1) большое количество частных аспектуальных значений при отсутствии (во многих случаях) четких семантических оппозиций, противопоставляющих глагол СВ

глаголу НСВ; (2) беспрецедентно широкий и разнородный инвентарь показателей вида; (3) возможность сочетания в рамках одной основы показателей как СВ, так и НСВ, ср. *мазать* (НСВ) — *с-мазать* (СВ) — *с-маз-ыва-ть* (НСВ) — *по-с-маз-ыва-ть* (НСВ), что вступает в противоречие с требованием взаимоисключительности граммем одной категории. По мнению автора, русский вид — это не единая категория, а в большинстве случаев — совокупность квазиграммем. Проблеме сосуществования в одной основе маркеров СВ (перфективных приставок) и маркера НСВ (имперфективного суффикса) посвящен доклад *К. Л. Киселевой* (ИРЯ РАН, Москва) и *С. Г. Татевосова* (МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, Москва) «Множественная префиксация и деривация видового значения». Используется известное деление префиксов на внутренние и внешние (последние присоединяются слева к внутреннему префиксу). Внешние префиксы предлагается делить на два класса: позиционно-ограниченные (присоединяются до имперфективации) и селективно-ограниченные (присоединяются лишь к формально имперфективной основе). К позиционно-ограниченным относится, например, аттенуативный префикс *при-*, ср. *приоткрыть / приоткрывать*. К селективно-ограниченным относится, например, кумулятивный префикс *на-*, ср. *наоткрывать / *наоткрыть детские сады*. Предлагается структурное объяснение приемлемости / неприемлемости русских глаголов с более чем одной приставкой.

Проблеме типологии глагольного вида посвящен доклад *Т. В. Миллиареси* (Государственный университет Лилль III) «Внешняя и внутренняя структуры действия и типологические особенности русского вида». Автор предлагает теоретическую интерпретацию наблюда-

емых сходств и различий между славянской видовременной системой, с одной стороны, и соответствующими романской и германской системами, с другой. В основу описания положены два фундаментальных семантических понятия: внешняя и внутренняя структуры действия. Внутренняя структура действия на понятийном уровне потенциально состоит из следующих фаз: (а) процесс, (б) достижение естественного предела, т. е. кульминация развития, и (в) наступление нового качества, т. е. состояния. При этом действия могут концептуализироваться в языке по-разному — в зависимости от набора фаз, выбираемых для формирования значения глагола. В славянских, романских и германских языках в значение глагола обычно включается указание на одну или на две смежные фазы: 1) процесс (непредельные глаголы, ср. *работать*); 2) процесс + кульминация (предельные глаголы, ср. *читать/прочитать*, *read a book*); 3) кульминация (моментальные глаголы, ср. *заметить*); 4) кульминация + состояние (инг्रेसивные глаголы типа *влюбиться*); 5) состояние (ср. *знать*). При этом одно и то же действие может концептуализироваться в языках разным набором фаз. Внешняя структура действия на понятийном уровне выражает ограничение действия во времени. В романских и германских языках временные формы глагола выражают ограничение действия во времени (делимитативные времена, ср. *past simple* в английском, *passé simple*, *passé composé* во французском) либо отсутствие такого ограничения (неделимитативные времена, ср. *past progressive* в английском, *imparfait* во французском). Примеры внешних структур действия: 1) начало + процесс + конец (ср. *поговорить*, а также временные делимитативные формы германского и романского глагола: *He has worked in London / Il a travaillé à Lon-*

dres); 2) начало + процесс (ср. *zanemь*, а также германские и романские делимитативные формы глагола в инхоативном контексте: *Suddenly he spoke / Tout à coup, il parla* 'Он вдруг заговорил'). Внутренняя структура действия непосредственно связана с видовой семантикой. Внешняя структура действия связана с семантикой таксиса. Романские и германские языки выражают видовые отношения (например, результативность) с помощью контекста и делимитативных глагольных форм. Славянские языки, напротив, выражают таксисные отношения с помощью контекста и видовых форм глагола. Дается анализ французских, а также английских текстов и их русских переводов, подтверждающий предлагаемую концепцию.

Семантическая структура глагола и типология перфектива обсуждаются еще в ряде докладов. В докладе *С. Г. Татевосова* (МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, Москва) «Вид и типология акциональной композиции» тоже сделана попытка интерпретировать различия между русским и английским перфективом, но в рамках формальной семантики. Автор показывает, что семантика русского перфектива включает два компонента: 1) семантическое отношение между временным интервалом, который занимает в актуальном мире описываемая ситуация, и фокусным интервалом: фокусный интервал полностью включает в себя время ситуации (со ссылкой на книгу *W. Klein 2004*); 2) требование, чтобы описываемая ситуация имела максимально возможную реализацию в актуальном мире. Последнее требование, очевидно, относится к лексическому значению глагола; ему удовлетворяют лишь предельные предикаты. Наличие этого требования отличает русский перфектив от английского. Семантической структуре русских предельных глаголов посвящен также доклад *Е. В. Урысон* (ИРЯ РАН,

Москва) «Критерий Маслова и семантическая теория». Автор исходит из того, что указание на результирующее событие является компонентом лексического значения парного глагола НСВ — именно благодаря этому компоненту глагол НСВ в определенных контекстах (например, в настоящем историческом) может обозначать событие. Обсуждается статус данного компонента в лексическом значении глагола. Теоретической интерпретации перфективности и, в связи с этим, семантике моментальных глаголов посвящен доклад *Н. Г. Самедовой* (Азербайджанский университет языков, Баку) «Перфективность и сема 'процесс': о когнитивном аспекте взаимодействия». Понятие перфективности рассматривается в рамках оригинальной аспектологической концепции *Г. С. Самедова*. С точки зрения этой концепции моментальные глаголы, в отличие от немоментальных, содержат сему 'процесс малой протяженности', в то время как немоментальные глаголы содержат сему 'процесс стандартной протяженности'. Кроме того, моментальные глаголы содержат сему 'точечный предел', которая всегда находится в фокусе внимания и затемняет процессную сему, почему данные действия и воспринимаются как не имеющие срединной стадии. В рамках принятой концепции сделана попытка дать семантическое объяснение различной частотности конструкций *начать* + ИНФ и *стать* + ИНФ.

Объектом исследования ряда докладов являются способы действия. В докладе *В. Д. Климонова* (Университет им. Гумбольдта, Берлин) «Квантитативные параметры лексической аспектуальности в русском языке» рассматриваются русские непарные глаголы — способы действия, которые образованы от других глаголов с помощью морфологического маркера (префикса, суффикса или постфикса), модифицирующего лекси-

ческое значение исходного глагола; ср. *заговорить, проработать, набегаться*. Предложена классификация этих глаголов, базирующаяся на следующих признаках: (а) наличие / отсутствие фокуса на конечной или начальной стадии действия; (б) наличие / отсутствие указания на кратность действия; (в) высокая / низкая степень интенсивности действия. Охарактеризованы соответствующие классы глаголов. В докладе *Х. Томмолы* (Тамперский университет) «Делимитативы — непределные глаголы совершенного вида» рассматривается статус и особенности ограничительного способа действия, а именно глаголы НСВ с приставкой *по-* типа *поговорить, посидеть* в делимитативном значении. Данные глаголы содержат указание на ограниченность ситуации временными рамками, причем они отличаются от производящих бесприставочных (ср. *говорить, сидеть*) лишь данным указанием. Рассматриваемые глаголы образованы с помощью регулярного продуктивного словообразовательного средства. По этим причинам такой делимитатив удобно считать видовой формой соответствующего глагола НСВ. Само понятие «способ действия» и его объем анализируется в докладе *А. А. Горбова* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «О понятии “способ действия” и его аспектуальном содержании». С одной стороны, способом действия называют некоторые особенности лексического значения, присущие группе глаголов; а с другой стороны, так называют группу приставочных глаголов с общим для них конкретным значением приставки. Обсуждаются различные глагольные группы способов действия.

Дискурсивной функции вида посвящен доклад *Х. Р. Мелига* (Университет им. Христиана Альбрехта, Киль) «Дискурсивная функция глагольного вида при отрицании в русском языке». Внутри общефактического значения НСВ

независимо от семантики глагола различаются обобщенно-фактическая интерпретация НСВ (отсылка к типу обозначаемой ситуации) и единично-фактическая интерпретация (отсылка к индивидуализированной и идентифицируемой ситуации). Различие между этими интерпретациями релевантно для описания отрицательных ответов на общие и частные вопросы. Описаны семантические и референционные эффекты в отрицательном высказывании с глаголом НСВ в общефактическом значении в зависимости от той или иной интерпретации данного значения. Взаимодействию итеративного значения НСВ и семантики дискурса посвящен доклад *М. Л. Федотова* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Iterativity, narrative, and aspect». Автор рассматривает последовательности итеративов в повествовании (narrative iteratives), ср. *Каждый день он вставал затемно, вытывал чашку кофе, ехал в офис, сидел над бумагами, ...*. В таком повествовании речь идет о повторении всей последовательности действий, причем это значение выражается не видовым значением НСВ как таковым, а контекстом.

В ряде докладов рассматриваются семантика и формальные особенности конкретных конструкций или глаголов. Доклад *М. Кумадзэ* (Университет Киото Сангё) «Степень сочетаемости словосочетания глагола с инфинитивом и вид инфинитива» посвящен русским составным глагольным сказуемым, состоящим из личного глагола и субъектного инфинитива (ср. *хотеть сказать*). Личные глаголы, формирующие такое сказуемое, разбиты на семь семантических классов. Выявлено, что принадлежность глагола к тому или иному классу влияет на синтаксические свойства сказуемого, а именно (а) на степень свободы вставки между личным глаголом и инфинитивом какого-либо слова (ср. *хотел еще сказать*); (б) на

степень свободы сочетаемости глагола с инфинитивом того или иного вида в утвердительном / отрицательном предложении. Исследование выполнено на материале всех произведений А. П. Чехова. В докладе *Н. В. Гавриловой* (ВИНИТИ РАН, Москва) «Два морфологических способа оформления в русском языке сказуемых пациентивных конструкций» сделана попытка выявить смысловые различия между конструкциями типа *Дом построился* и *Дом был построен*. Продемонстрировано, что русские глаголы, допускающие такое употребление, распадаются на три класса: а) глаголы типа *построить*; б) глаголы типа *разрушить*; в) глаголы типа *проветрить*. Описаны онтологические различия между ситуациями данных классов. На основе этого описания показано, почему возвратные глаголы типа *разрушиться* и *проветриться* могут иметь декаузативную интерпретацию, а глаголы типа *построить* никогда ее не имеют. В докладе *Ю. П. Князева* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «От обозначения результата предшествующего действия к прогрессиву» подробно описана конструкция *быть занятым чем-л. / углубленным во что-л. / погруженным во что-л.* (ср. *Гости были заняты разговором*) и соответствующие ей конструкции в английском, а также в нидерландском. Показано, что данная конструкция не выражает ни результативного, ни стативного значения, а соответствует прогрессиву (в чем и состоит ее специфика, в отличие от известного случая *Когда мы пришли, дверь была заперта, но никто не знал, кем она заперта*). Предикаты *быть занятым чем-л., быть погруженным / углубленным во что-л.* семантически соотносятся с рефлексивными глаголами *заниматься (чтением), погружаться / углубиться (в чтение)*. В докладе *А. Израэли* (Американский университет, Вашингтон) «Особенности вида глаголов со значением 'начала' и

'конца'» рассматриваются глаголы *начать(ся)* и *кончать(ся)*. Сделана попытка найти у этих глаголов дополнительные контекстные значения; так, сочетание *начинать учиться* может обозначать ситуацию, имевшую место очень давно и не имеющую прямого отношения к моменту речи (ср. *Когда я начинал учиться, в школу ходили в форме*). В докладе *И. Б. Шатуновского* (Международный университет природы общества и человека «Дубна», Дубна) «Глаголы попытки и вид в русском языке» предложено описание семантических сходств и различий между глаголами *(по)пытаться, (по)стараться* и *(по)пробовать*. В основу описания положены, в частности, следующие семантические признаки: а) характер процесса приложения усилий; б) указание на условия, не зависящие от субъекта, но определяющие возможность / невозможность достижения результата; в) указание на случай (удачу), благодаря которому результат может быть достигнут. Обсуждается семантика НСВ и СВ этих глаголов в сочетании с различными знаменательными глаголами в конструкции «глагол попытки + ИНФ». В докладе *Е. В. Рахилиной* (НИУ ВШЭ, Москва) «К аспектуальным свойствам русского УЖЕ» рассматриваются сочетания частицы *уже* с императивом, ср. *Спи уже*. По мнению автора, частица *уже* вносит в эти сочетания значение имediatности. Приводятся типологические данные о сочетаемости частицы *уже* с императивом в разных языках.

Некоторые доклады посвящены конкретным морфологическим механизмам перфективации или конкретным глагольным формам. В докладе *В. А. Плунгяна* (ИРЯ РАН, Москва) «Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика» описан редкий в русском языке случай, когда при образовании глагола СВ перфективирующая приставка присоединяется не к

основе НСВ, а к некоторой ее модификации, причем модифицированная основа в современном языке употребляется только в связанном виде; ср. *стрелять* (*настрелять, расстрелять, перестрелять*) vs. *застрелить, пристрелить*. Предлагается семантическая диахроническая интерпретация описанного факта. В докладе *С. В. Соколовой* (Арктический университет Норвегии, Тромсё) «“Rabotnul na slavu — gul’ni smelo!”: -NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian» подробно описана экспансия суффикса *-ну-* в сферу образования коррелятов СВ от глаголов НСВ (ср. *корректировать — корректировать, считать — считать*). Исследование проведено на материале языка блогов. Доклад *Н. В. Зорихиной-Нильссон* (Стокгольмский университет) «Таксисные конструкции с действительными причастиями совершенного вида в современном русском языке» посвящен употреблению в текстах Интернета действительных причастий будущего времени (которые оцениваются грамматиками как ненормативные); ср. *актер, сыгравший эту роль*. Показано, что употребительность этих форм постоянно растет, причем такие причастия преимущественно имеют абсолютное значение будущего времени, выражая следование или предшествование ситуации, обозначенной финитным глаголом.

Рефлексам видовой семантики в значении отглагольного существительного посвящен доклад *Е. Э. Пчелинцевой* (Черкасский государственный технологический университет; ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Семантика предела глагольного действия и отглагольное имя в русском, украинском и польском языках». Исследуется связь между семантическим классом перфективного глагола по *М. А. Шелякину* (результативный глагол [ср. *перейти*] vs. однократный глагол [ср. *вздрыгнуть*] vs. количественно-временной глагол [ср. *по-*

сидеть, закричать]) и возможностью образования отглагольного имени действия. Во всех выбранных языках имя действия образуется от глаголов первых двух классов, но не образуется от глаголов третьего класса (такие существительные иногда фиксируются в словарях, но не встречаются в узусе). Отглагольному существительному посвящен также доклад *В. М. Труба* (Институт украинского языка НАН Украины, Киев) «К проблеме интерпретации видовой соотношенности отглагольных существительных». Показано, что хотя большинство русских имен действия не охарактеризовано по виду в словаре, конкретный контекст с таким отглагольным существительным соотносится с той или иной видовой семантикой.

Традиционно на нескольких секциях обсуждались особенности развития категории вида в разных славянских языках. Доклад *Р. Беннакьо* (Падуанский университет) «Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация» посвящен исследованию морфологических средств выражения глагольного вида в резьянском диалекте — словенском говоре, бытующем на периферии славянской языковой системы (в северо-восточной Италии, на границе со Словенией). Автор показывает, что исконно славянская лексика, в отличие от заимствованных глаголов, демонстрирует типично славянскую модель глагольной деривации. Это может свидетельствовать о том, что «ядро» видовой системы в этом диалекте сложилось достаточно рано, уже ко времени переселения славянского населения в резьянскую долину (примерно в VII веке). В докладе *С. Б. Славковой* (Болонский университет) «Общефактическое значение НСВ в частном вопросе в болгарском языке» формулируются семантические, синтаксические и прагматические условия и ограничения, влияющие в болгарском языке на выбор

наиболее предпочтительной видо-временной формы (аорист / имперфект, СВ / НСВ) с общефактическим значением в ситуации частного вопроса. К факторам, определяющим выбор, относятся, в частности, предельность / неопределенность глагола, контролируемость / неконтролируемость действия, определенность / неопределенность объекта, положительная / отрицательная оценка ситуации. Объектом доклада *К. Митани* (Токійский университет) «*Uz-prefixation and the second future in Croatian*» является презентная форма с префиксом *uz-* (*uspiše*), которая употребляется в современном хорватском языке в качестве периферийного функционального эквивалента формы будущего второго (*budem pisao/pisala*) в придаточных предложениях. Прослеживается диахроническое развитие *uz-*формы для обозначения будущего в придаточных предложениях, связанное в хорватском языке с развитием функций формы будущего второго и перфективного презенса. Обсуждаются причины и обстоятельства, способствующие появлению такого значения у данной формы, анализируется её аспектуальное значение (по мнению автора, есть основания считать формы с префиксом *uz-* формами НСВ). В докладе *Л. А. Ласковой* (Болонский университет) «*Point of view, reference interval and future tense in Bulgarian*» на основе анализа функционирования видо-временных форм в болгарском языке делается вывод о недостаточной определенности Рейхенбаховского понятия *point of reference* (точка отсчёта). Предлагается использовать два других связанных понятия: *point of view* и *reference interval*.

Два доклада посвящены изучению аспектуальных особенностей отдельных глаголов движения. В докладе *А. А. Дергану* (Люблинский университет) «*Глагол детерминированного движения *iti* в словенском языке*» на основе анализа

словообразовательно-видовых характеристик глагола *iti* продемонстрировано, что в словенском языке, где не развилась полная парадигма видовой пары *iti — poiti* (как, например, в русском), глагол *iti* выступает как биаспектив. Этот вывод подтверждает гипотезу *С. Дики* о том, что в западных языках активизация префикса *no-* (сыгравшая большую роль в развитии видовой системы восточного типа) не имела места, хотя этот процесс и начинался в словенском языке в XVI веке. В докладе *К. Окано* (Новисадский университет) «*От лексики к аспектуальности: некоторые особенности сербских глаголов движения *кренути — кретати*» описаны механизмы семантического сдвига, благодаря которым данный глагол движения в контексте частицы *да* (точнее, *ДА*-конструкции, относительно недавно появившейся в языке) употребляется как фазисный глагол, обозначающий начало действия или процесса. Выявлены факторы, создающие условия для фазисного употребления глагола *кренути* в данной конструкции: это определенные семантические типы главных глаголов, вид глагола (НСВ/СВ), типы выражаемых ситуаций, типы субъектов. Сформулирован запрет на сочетание данного глагола как фазисного с глаголами состояния.*

В двух докладах рассматриваются вопросы диахронического развития славянской категории вида. В докладе *Е. А. Мишиной* (ИРЯ РАН, Москва) «*Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой)*» анализируется функционирование нестандартных периферийных видо-временных форм — перфективного имперфекта и имперфективного аориста — в древнерусских и старославянских памятниках. Показано, что употребление этих редких форм не случайно: с одной стороны, оно мо-

тивировано внутренними семантическими факторами (особенностями видовой, временной и лексической семантики), а с другой — обусловлено контекстными факторами (сочетаемостью, особенностями жанра, типом нарратива и др.). Выявленные закономерности доказывают, что ни в древнерусском, ни в старославянском языках оппозиция аорист vs. имперфект не может быть сведена к аспектуальной оппозиции. В докладе *Р. Рёнка* (Тамперский университет) «Данные истории языка в становлении функциональной модели имперфективации» предпринята попытка интерпретировать соотношение суффиксальной и бессуффиксной имперфективации (ср. *написати* — *написывати*, *писати*) в истории языка. По мнению автора, с утратой суффиксального имперфектива (ср. *написывати*) полноправным видовым коррелятом к приставочному глаголу СВ (ср. *написати*) становится бессуффиксный имперфектив (ср. *писати*).

В ряде докладов представлены результаты сопоставительного исследования функционирования категории вида в славянских языках. В докладе *Е. В. Петрухиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках» сопоставлены системные языковые тенденции в употреблении видов в русском и чешском языках. Выявлены и объяснены стратегии употребления видов, различающиеся в русском и чешском. Показано, что эти языки отличаются друг от друга правилами взаимодействия вида и времени, вида и залога, правилами построения глагольных цепочек в нарративе и др. При этом в русском языке употребление видовых форм более нормировано, в то время как в чешском языке, напротив, во многих контекстах наблюдается большая свобода при выборе вида, что, по мне-

нию автора, позволяет говорить об ослаблении маркированности СВ в чешском языке. Доклад *М. Лазиньски* (Варшавский университет) «Verbal aspect and legal interpretation: the use of verbal aspect in Slavic penal codices» посвящен анализу функционирования видовременных форм в польских юридических текстах в сопоставлении с другими славянскими языками. В польских юридических кодексах (а также в пословицах), как правило, употребляются личные кратно-парные конструкции с местоимением *кто* в придаточном и презентными формами НСВ в итеративном значении. Однако в большинстве славянских языков как восточной (например, русском), так и западной зоны (например, чешском) в юридических кодексах и пословицах преобладают формы СВ. В докладе предложены возможные объяснения языковой стратегии польского языка: в частности, стремление к максимально обобщенному восприятию правил и законов в польских кодексах способствует употреблению НСВ, в то время как формы СВ встречаются при описании особых случаев (компенсаций/смягчающих обстоятельств и т. п.).

В нескольких докладах, посвященных сопоставительному анализу вида в славянских языках, исследуется употребление вида в отдельных временных формах. В докладе *А. Барентсена* (Амстердамский университет) «Вид и плюсквамперфект в славянских языках» проанализирована семантика плюсквамперфекта в славянских языках и показано, что в зависимости от вида глагола форма плюсквамперфекта в разных синтаксических конструкциях может иметь то или иное таксисное значение. Сделаны предположения о том, как развитие категорий вида и времени повлияло на функционирование плюсквамперфекта в современных славянских языках; ср. высокую употребительность

плюсquamперфекта в болгарском и верхнелужицком и его фактическое исчезновение в русском языке. В докладе *Д. П. Войводича* (Новисадский университет) «Эффективный презенс или эффективный футурум? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида)» дан детальный сопоставительный анализ перформативного употребления форм перфективного презенса в северославянских языках и форм перфективного футурума в южнославянских. Представлены новые наблюдения над особенностями функционирования перформативов в разных славянских языках. В частности, выявлено, что в этом отношении словенский язык совпадает не с сербохорватским и другими южнославянскими языками, а с русским и другими северославянскими языками. Эти факты показывают, что типологические границы между славянскими языками нуждаются в более системном и детальном изучении. Употребление северославянского перфективного презенса в перформативном значении объясняется его футуральной функцией, причем его эквивалентом в южнославянских языках является футурум; поэтому автор считает термин «перформативный футурум» или «эффективный футурум» более адекватным и терминологически точным, чем термин «эффективный презенс». В докладе *Л. В. Поповича* (Белградский университет) «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в таксисных конструкциях сербского языка» показано, каким образом в таксисных конструкциях сербского языка выбор вида глагола в значении настоящего исторического зависит от типа временных отношений между описываемыми ситуациями. Так, глагол СВ в зависимой части нельзя заменить глаголом НСВ в таксисных конструкциях предшествования и неполной одновременности; при выражении сле-

дования формы настоящего времени возможны только в главной части; в конструкциях неполной одновременности при указании на точечное событие возможно употребление глаголов НСВ только определенных семантических типов. В докладе *С. С. Алвстад* (Университет г. Осло) «Aspect use in the Slavic infinitive (and subjunctive)» поставлены вопросы, касающиеся сравнительного исследования функционирования категории вида в формах инфинитива в разных славянских языках.

Предметом ряда докладов является типологическое сопоставление аспектуальных значений в славянских и неславянских языках, а также выражение аспектуальной семантики в языках, не располагающих грамматической категорией вида. В докладе *Ю. Конума* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Взаимодействие результатива и акционально-актантной структуры глаголов: результативные конструкции в японском языке и их русские соответствия» предложена наиболее полная по сравнению с предлагавшимися ранее классификация японских результативных конструкций. Классификация основана на учете акционального типа глагола, актантной структуры глагола и функциональных характеристик показателя результатива. Показано, что для японского результатива релевантен семантический компонент 'контролируемость'. Обсуждается понятие контролируемости и его связь с понятием агентивности. Описано употребление вида глагола в русских высказываниях, соответствующих японским результативным конструкциям. Доклад *Э. Сакураи* (Токийский университет иностранных языков) «Aspect and past habitual tense in Lithuanian: based on the contrastive analysis with Russian» посвящен исследованию семантики и функционированию формы прошедшего хабитуального времени с суффиксом

-dav- в литовском языке в сопоставлении с русским. Для описания аспектуального значения данных словоформ вводятся понятия макроситуации и микроситуации (входящей в макроситуацию). Прошедшее хабикулярное на уровне макроситуации выражает хабикулярность и, следовательно, НСВ, в то время как на уровне микроситуации та же словоформа может выражать семантику как НСВ, так и СВ в зависимости от предельности/непредельности глагола. Доклад *Л. Спасова* и *В. Кадриу* (Университет св. Кирилла и Мефодия, Скопье) «Expressing verbal aspectual configurations: Macedonian vs. Albanian languages» посвящен типологическому сопоставлению семантических и структурных особенностей категории вида в македонском и албанском языках, генетически разных, но типологически принадлежащих к единому «Балканскому языковому континууму». Предпринята попытка рассмотреть СВ и НСВ как сложные комбинации более простых составляющих (моментальность, длительность); на основе проведенного анализа делается вывод о несовпадении оппозиций СВ vs. НСВ и аорист vs. имперфект в македонском, а также об определенной близости македонского к албанскому с точки зрения категории вида. В докладе *Р. М. Генуса* (Амстердамский университет) «“Empty prefixes” in Slavic and Gothic: aspect and terminativity» предпринята попытка сравнить функции «пустых» приставок в готском и славянском языках. По мнению автора, в готской паре симплекс — приставочный глагол выражена оппозиция «неограниченность во времени vs. ограниченность во времени», которая может быть признана грамматической. Сходная оппозиция представлена и в славянских языках, где она является словообразовательной (в славянской видовой паре выражается противополо-

поставление «предельность vs. непредельность»).

Доклад *Б. Т. Сигэмори* и *Х. В. Пожгай* (Люблянский университет) «Aspect contrasted: Croatian, Slovene and Japanese — teaching and learning Japanese as L2» посвящен сопоставлению аспектуальных значений в японском и славянских языках (хорватским и словенским). Описание ориентировано на решение проблем, возникающих при изучении японского языка студентами — носителями хорватского и словенского языков. В докладе *Е. М. Чекалиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Перифрастические глагольные конструкции с акциональной семантикой (на материале шведского языка)» обсуждается семантика шведских глагольных цепочек, состоящих из предельного глагола *få* ‘получить’ или *komma* ‘прийти’ и следующего за ним инфинитива предельного или непредельного глагола. Такая глагольная последовательность выражает результативное или ингрессивное значение, осложненное модальными компонентами. Подробно описана модальная семантика конструкции. В докладе *Ли Чжу Хонг* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Вопросы сопоставительной аспектологии русского и корейского языков: употребление глагольных форм при выражении будущих действий» сопоставляются русские и корейские высказывания, в которых речь идет о ситуациях в будущем. Специфика корейского (по сравнению с русским) состоит в том, что его категория времени состоит из двух граммем: прошедшего времени и непрошедшего времени; будущее время выражается с помощью контекста, в частности — с помощью факультативных глагольных аффиксов, выражающих значение намерения, уверенности и т. п. Кроме того, в корейском нет категории вида. В работе сделана

попытка выявить корреляцию между модальной семантикой, выражаемой корейским глагольным аффиксом, и аспектуальной семантикой русской глагольной словоформы. Показано, что русскому СВ (будущему простому) со-

ответствует модальность уверенности в корейской глагольной словоформе.

Е. А. Мишина, Е. В. Урысон

Материал поступил 18.02.2016

Received 18.02.2016

XLVII Виноградовские чтения в МГУ им. М. В. Ломоносова

19 января 2016 года на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись XLVII Виноградовские чтения, которые были посвящены русской грамматике в синхронном и диахронном аспектах. В 2015 г. научная общественность отметила 120-летие со дня рождения акад. В. В. Виноградова, в 2016 г. мы будем отмечать 100-летие со дня рождения акад. Н. Ю. Шведовой. С именами этих выдающихся лингвистов связано создание академических грамматик русского языка в XX в. На современном этапе развития грамматической мысли перед научным сообществом вновь стоит задача написания полной академической грамматики русского языка. В связи с этим и была сформирована программа Виноградовских чтений, целью которых было в свете виноградовской грамматической традиции представить наиболее перспективные идеи и проекты, осуществляемые в современной русистике.

Программа чтений включала 10 докладов, в которых обсуждались как общетеоретические проблемы русской грамматики, так и конкретные исследовательские проекты.

Программу чтений открыл доклад *В. А. Плунгяна* (ИРЯ РАН) «От грамматики корпусной — к грамматике академической». В докладе был дан обзор результатов, полученных в рамках работы над проектом полного описания современного русского языка на основе Национального корпуса русского языка (в 2016 г. должны появиться первые

публикации по этому проекту). Проект осуществляется группой исследователей из ИРЯ РАН, ИЛИ РАН и других научных центров. Планируемое описание мыслится как корпусная, типологически ориентированная, дескриптивная и справочная грамматика современного русского языка XIX—XXI вв. Значительный по объему материал, включающий тексты с конца XVIII в. до начала XXI в., позволяет учесть и общие диахронические тенденции. В перспективе такое описание должно стать основой для новой академической грамматики, отвечающей современному уровню лингвистической науки.

М. Ю. Сидорова (МГУ) в докладе «Что добавить в синтаксис? (“A Look Around at What Lies Ahead”)» обсуждала принципы выбора научной концепции для описания синтаксической системы русского языка. Основываясь на разграничении внешней (письменной и устной) и внутренней речи, предложенном *Л. С. Выготским*, *М. Ю. Сидорова* обосновывала принципиальную двусоставность модели предложения, которая по-разному реализуется в разных формах речи. Основное внимание было уделено описанию структуры простого предложения и факторам, влияющим на определение статуса именной группы как подлежащего. Была предложена система из 8 факторов, которая была применена для интерпретации предложений с локативным субъектом.

Е. В. Петрухина (МГУ) выступила с докладом «Специфика русского гла-

гольного вида: провидение В. В. Виноградова», в котором показала актуальность виноградовской теории русского вида, важность идеи предела для интерпретации русского совершенного вида и всей категории вида в целом. Е. В. Петрухина доказывала необходимость различать лексический и грамматический пределы действия. В первом случае речь идет о внутреннем пределе, который может быть выражен в лексическом значении глаголов как СВ, так и НСВ (*упасть / падасть*). Для лексической предельности предлагается использовать понятие «терминативность». Грамматическая предельность (связанная, в формулировке В. В. Виноградова, с «сосредоточением внимания на одном из моментов процесса как его пределе») выражается лишь в глаголах СВ. Сравнивая глагольный материал русского и других славянских языков, Е. В. Петрухина показала, что для глагольного вида и всей аспектуальной системы в русском языке более значима идея предела как временной границы действия. В чешском же языке (а также в словацком и словенском) важнее представление о целостности действия. Это существенное различие аспектуальных систем славянских языков проявляется, в частности, в том, что в русском языке выражение начальной и конечной границ действия является более частотным и значимым, чем в западнославянских и некоторых южнославянских языках.

М. И. Чернышева (ИРЯ РАН) в докладе «Типы грамматического комментария в историческом словаре русского языка» представила направления дальнейшего совершенствования новой концепции «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (СлРЯ XI—XVII вв.), прошедшего путь от научно-популярного лексикона к подлинно академическому словарю современного типа. Речь шла о разных параметрах лексикографического описания, в том числе о рас-

ширении объема словарного материала и глубине его проработки. В последних выпусках СлРЯ XI—XVII вв. (и особенно в последнем, 30-м — 2015 г.) появились (в форме грамматического комментария, который дается в квадратных скобках) многочисленные интерпретации неясных и ошибочных форм в цитатном материале, а также реконструкции испорченного текста. Как объем представленной информации, так и сам факт появления грамматического комментария («грамматического вмешательства в цитатный материал») позволяют говорить о наступлении новой фазы развития Словаря. В докладе были продемонстрированы конкретные словарные статьи из 30-го выпуска СлРЯ XI—XVII вв.

Доклад Г. И. Кустовой (ИРЯ РАН) «Процессы грамматикализации в современном русском языке (свободные релятивы)» был посвящен конструкциям *что хочешь, что надо, кому следует*, которые в языковой системе находятся между относительными придаточными (*Купи то, что хочешь; Возьми то, что тебе надо; Скажи тому, кому следует сказать*) и новообразованными неопределенными местоимениями типа *что угодно*. Особое внимание было уделено местоименным конструкциям с модальными лексемами. Были показаны этапы потери их лексической и синтаксической самостоятельности и их превращения в свободные релятивы, для которых важнейшей характеристикой становится не столько семантика, сколько прагматика.

И. Б. Шатуновский (МУПОЧ «Дубна») представил доклад на тему «Грамматика мысли в русском языке». Язык мысли, как показано в докладе, имеет свои формальные и семантические особенности, которые могут и должны быть предметом изучения. С помощью определенного диагностического контекста были выделены типы синтаксиче-

ских конструкций, которые докладчик отнес к сфере «грамматики мысли». В докладе были представлены основные виды предложений, выражающих мысли: (1) «дескриптивные (описывающие действительность) произведения» мысли, которые, в свою очередь, делятся на мысли-предположения (также разных видов) и «утвердительные», непредположительные мысли; (2) предложения мысли-оценки, общей и частной, рациональной, утилитарной, *de dicto* и *de re*, этической и технической, и т. д.; (3) вопросы мысли, среди которых выделяются проблемные вопросы, вопросы-предположения, вторичные проблемные вопросы-предположения, вопросы сомнения; (4) различные типы мысли-решения. Выявлены и описаны те виды оценки, которые могут составлять содержание предложений мысли, показаны отличия решений, вводимых глаголом *думать* — *подумать* и специализированным глаголом решения *решить*.

В докладе В. С. Савельева (МГУ) «Функции глагольных форм в речи персонажей “Повести временных лет”» были проанализированы случаи употребления форм настоящего времени. Было отмечено, что оно напрямую связано с описываемыми в тексте условиями коммуникации и существенно отличается от использования аналогичных форм в нарративе. Зачастую настоящее время оформляет высказывание в качестве косвенного речевого акта; особенно часто это происходит с вопросительными высказываниями, в которых название при помощи форм настоящего времени очевидных, не требующих уточнения сведений служит непрямым коммуникативным целям — выражению одобрения, осуждения, призыва к действию, угрозы. В невопросительных высказываниях, особенно реактивных, использование форм настоящего времени позволяет говорящему сделать свое вы-

сказывание иллокутивно полифункциональным: используя одно высказывание, он достигает одновременно нескольких коммуникативных целей. Докладчик пришел к выводу, что при анализе письменного текста, в котором воспроизводится или имитируется устная речь, обнаруживаются признаки, свойственные реальной устной коммуникации, а значит, исследование древнерусской устной речи по письменным источникам оказывается вполне возможным.

В. З. Санников (ИППИ РАН) в докладе «Об оценочных сложноподчиненных предложениях в русском языке» предложил вывести оценочные сложноподчиненные предложения (СПП) за пределы класса СПП с придаточными изъяснительными. Было показано, что различий между оценочными СПП и СПП с придаточными изъяснительными больше, чем сходств. Основная особенность оценочных СПП — отсутствие описания двух ситуаций: одна из частей (главное предложение) ограничивается исключительно оценкой описываемой ситуации и включает оценочные слова типа: *хорошо, жаль, верно (Хорошо, что пошел дождь)*. Была намечена грамматическая и семантическая классификация предикатов в составе главной части оценочных СПП: 1) слова, выражающие общую оценку (*хорошо, плохо, замечательно*); 2) слова круга долженствования (*правильно, допустимо, не дело, справедливо*); 3) слова, указывающие на вероятность, степень достоверности (*возможно, сомнительно, вздор, чушь*). Субъектом оценки всегда является говорящий. Эта оценка может резко отличаться от общепринятой (*Заболело — не беда (...отдохну на больничном; ... статью допишу* и т. д.). Даже в предложениях типа *Для Пети хорошо, что сменили учителя* оценка события (положительная) принадлежит всё-таки говорящему («я так считаю»: *хорошо, что сменили учителя,*

хотя Петю это огорчило). Кроме того, оценочные СПП функционируют в определенных текстовых условиях: они нередко требуют обоснования.

М. Н. Шевелева (МГУ) в докладе «Как и когда формы типа *хаживал* стали обозначать давнопрошедшее время» рассмотрела историю семантического развития глаголов указанной морфологической модели. В русской грамматической традиции формы типа *хаживал* трактуются как давнопрошедшее время, а сами такие глаголы — как многократные. Эти бесприставочные образования фиксируются с конца XIV в. Специфика их состоит в производности с помощью суффиксов имперфективации от простых бесприставочных основ НСВ (*ходить* → *хаживать*, *бить* → *бивать* и т. д.), утративших к этому времени свойственную им в древнерусскую эпоху видовую неохарактеризованность, — значение НСВ тем самым оказывается дублированным. По данным памятников XV—XVII вв., главное в их семантике — невозможность выступать в актуально-длительном контексте, т. е. неспособность к процессуализации. Самый частотный тип употребления в не книжных текстах — общефактическое значение в разных разновидностях; признак повторяемости действия нейтрализован, причем некоторые контексты даже не допускают итеративного прочтения (*где купливали?* 'покупали'), а при наличии в контексте показателей кратности эта семантика актуализируется (*бивали челом неодинова*). Специфику семантики глаголов данного типа можно трактовать как некоторую разновидность итеративности: как дискретность действия, членимость на кванты, потенциальную способность неоднократно переставать и начинать иметь место, — что не тождественно обязательной повторяемости ситуации в реальности. В силу маркированности этих глаголов по семантике дискретно-

сти общефактическое значение становится для них основным и, возможно, эмфатически подчеркивается. Значение «давнопрошедшего» изначально контекстуально обусловлено: общефактическое значение хорошо сочетается с идеей противопоставления данной ситуации последующему положению дел и, если контекст задает такое противопоставление (*преже того* и под.), возникает значение прекращенной привычности, важным семантическим компонентом которого является также длительность занимаемого данной ситуацией периода в прошлом. Нередки в таких контекстах показатели повторяемости — «связанность» значений повторяемости и дистанцированного прошедшего устойчива и типологически закономерна. В нарративных текстах XV—XVI вв. это значение уже преобладает, но еще не становится единственно возможным. Сужение сферы употребления форм типа *хаживал* до значения так называемого «давнопрошедшего» относится к новому времени: в конце XVIII — XIX вв. оно так интерпретируется уже без дополнительных контекстных указаний, но связано это только с диалектной системой говоров Центра, отразившейся в литературном языке, — в севернорусских говорах архаичная общефактическая семантика сохраняется до сих пор.

Завершил программу чтений научноведческий доклад С. А. Крылова (ИВ РАН) «Современные теоретические грамматики русского языка: общее и различное». Докладчик проследил пути развития теоретической мысли в русской грамматике с конца XIX в. до наших дней и выделил на начальном этапе 7 научных школ (две из которых имеют «ответвления»): в первой трети XX в. — Московская (с делением на ортодоксов и реформаторов), Петербургская, Казанская, Женевская; начиная с 30-х гг. — Пражская и Французская,

которые докладчик объединил в одно направление, Харьковская; свою собственную школу начинает создавать В. В. Виноградов. Эти школы продолжают развиваться в 1950-х гг. Во второй половине XX в. русистика испытывает влияние со стороны структурализма (начиная с 1960-х гг.) и функционализма (начиная с 1970-х гг.). С середины 1960-х приобретают размах и начинают мощно влиять на теоретическую русскую грамматику одноязычно- и ономазиологически-ориентированное описание языка («активный», «трансформационный», «семантический», «логикосемантический», «функциональный», «интегральный», «идеографический» подход в сходном значении всех этих терминов), контрастивно-ориентированные и типологически-ориентированные грамматики. Новыми направлениями, влияющими в последние двадцать

лет на грамматическую теорию, докладчик считает онтологический и дистрибутивно-статистический подходы.

XLVII Виноградовские чтения в МГУ подтвердили значимость виноградовской традиции для решения современных проблем русской грамматической науки. В докладах были представлены важнейшие направления современной русской лингвистики. Русская грамматика была представлена в ее разных аспектах: синхронном и диахронном, теоретическом и педагогическом; обсуждались единицы разных уровней — морфологии и синтаксиса. Виноградовские чтения 2016 г. еще раз показали значимость грамматической теории для развития лингвистики в целом.

Н. К. Ониненко

Материал поступил 25.01.2016

Received 25.01.2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

В. В. Баранова / Vlada V. Baranova
Высшая школа экономики; Институт лингвистических исследований РАН / Higher School of Economics; Institute for Linguistic Studies, RAS

О. Ю. Инькова / Olga Yu. Inkova
Женевский университет; Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН / Geneva University; Institute of Informatics Problems, FRC CSC RAS, Moscow

Е. В. Колесникова / Elena V. Kolesnikova
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

С. М. Кусмауль / Svetlana M. Kusmaul
Российский Государственный Гуманитарный Университет / Russian State Humanitarian University

И. А. Мельчук / Igor Mel'čuk
Университет в Монреале / Université de Montréal

И. И. Макеева / Irina I. Makeeva
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

А. В. Малышева / Anna V. Malysheva
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

Е. А. Мишина / Ekaterina A. Mishina
Институт русского языка им. В. В. Виногра-

дова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

Н. К. Онипенко / Nadezhda K. Onipenko
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

К. В. Осипова / Kseniya V. Osipova
Уральский федеральный университет / Ural Federal University

Т. В. Пентковская / Tatiana V. Pentkovskaya
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Р. В. Ронько / Roman V. Ronko
Институт современных лингвистических исследований Московского государственного педагогического университета / Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State Pedagogical University

О. Д. Сурикова / Olesya D. Surikova
Уральский федеральный университет / Ural Federal University

Е. В. Урысон / Elena V. Uryson
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

М. Н. Шевелева / Maria N. Sheveleva
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Адреса университетов и институтов Addresses of universities and institutes

Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН
119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2
Institute of Informatics Problems, FRC CSC RAS
44/2 Vavilova str., Moscow 119333, Russia

-
- Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН*
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia
- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russian Federation
- Российский государственный гуманитарный университет*
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
- Russian State Humanitarian University*
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia
- Университет в Монреале*
2900 бульв. Эдуард-Монпети, Монреаль, QC H3T 1J4, Канада
Université de Montréal
2900 Boulevard Edouard-Montpetit, Montréal, QC H3T 1J4, Canada
- Уральский федеральный университет*
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51
Ural Federal University
51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовки статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 31 (1). 2016

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *А. К. Петрова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать **08.02.2016**. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. . Заказ №